

БИБЛІОТЕКА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ

ЗАПАДНЫХЪ

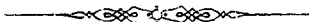
издаваемая при Кіевской Духовной Академіи.

КНИГА 6.

Творенія блаженнаго Іеронима

Стридонскаго.

ЧАСТЬ 4.

К І Е В Ъ.

Типографія архид. Е. Т. Кереръ, Вольшая Владимірская улица, домъ № 22.

1880.

ТВОРЕНІЯ
БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА

Стридонскаго.

ЧАСТЬ 4.

К І Е В Ъ.

Типографія аренд. М. Т. Керерь, Вольшая Владимірская улица, домъ № 22.

1880.

Изъ журнала «Труды Кіевской духовной Академіи»
за 1870, 1871 гг.

ВЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА.

Жизнь Павла пустытника.

Для многихъ часто оставался нерѣшеннымъ вопросъ, кто изъ монаховъ первоначально сталъ пустынножительствовать. Нѣкоторые, обращая взоры къ древности, полагали начало пустынножителей въ блаженномъ Иліи и Іоаннѣ. Но, мнѣ кажется, Илія былъ болѣе пророкъ, чѣмъ монахъ, а Іоаннъ началъ пророчествовать еще до рожденія. Другіе (съ чѣмъ согласно большинство) признають Антонія главою пустынножительства; это отчасти справедливо. Но Антоній былъ не столько первымъ пустынножителемъ, сколько человекомъ возбуждившимъ общее стремленіе къ этому образу жизни. Сами ученики Антонія, Амава и Магарій, изъ которыхъ первый похоронилъ тѣло учителя, свидѣтельствовали, что нѣкто Павелъ Фивейскій положилъ начало пустынному житію, хотя и не далъ ему имени; съ этимъ мнѣніемъ согласны и мы. А нѣкоторые болтають такъ и иначе, какъ вздумается: говорятъ, что (первый пустынножитель) былъ человекъ, покрытый до пятъ волосами, жившій въ подземной пещерѣ, и выдумываютъ разныя невѣроятныя вещи, слѣдить за которыми было бы утомительно; безстыдная ложь этихъ рассказовъ кажется не стоитъ опроверженія. Такъ какъ объ Антоніѣ было тщательно писано и греческимъ и римскимъ стилемъ, то я рѣшился написать немного о началѣ и концѣ жизни Павла болѣе потому, что объ этомъ еще не было писано, чѣмъ по надеждѣ на свой умъ. А какъ

онъ жилъ средину своей жизни, какія перенесъ искушенія отъ сатаны, объ этомъ не знаетъ ни одинъ человѣкъ.

При гонителяхъ Декіѣ и Валеріанѣ, когда Корнелій въ Римѣ и Кипріанъ въ Карфагенѣ были осуждены на блаженную кровавую смерть, жестокая буря опустошила многія церкви въ Египтѣ и Фивайдѣ. Долгъ христіанина требовалъ тогда пострадать отъ меча за имя Христово. Но хитрый врагъ, придумывая медленныя убійственныя казни, хотѣлъ губить души, а не тѣла; и, какъ самъ (пострадавшій отъ него) Кипріанъ говоритъ, желающихъ умереть не допускалъ до смерти. Чтобы показать жестокость врага, я приведу два примѣра для памяти. Нѣкоего мученика, твердаго въ вѣрѣ и оставшагося побѣдителемъ среди орудій пытки—деревянныхъ лошадей и досокъ желѣзныхъ, мучитель приказалъ связать и, скрутивши ему руки за спиною, бросить подъ палящимъ солнцемъ, чтобы былъ побѣжденъ мушинными жа-лами тотъ, кого не могли побѣдить желѣзныя сковороды. Другаго исповѣдника Христова, цвѣтущаго юностію, мучитель приказалъ отвести въ прекрасный садъ и тамъ при сладостномъ журчаніи ручья и тихомъ шумѣ древесныхъ листьевъ, сотрясаемыхъ вѣтромъ,—положить на пуховое ложе, и связать мягкими шелковыми узами, чтобы юноша не могъ высвободиться. Когда все удалось, пришла красивая блудница, начала обнимать шею юноши, и даже, о чемъ и говорить преступно, касаться руками мужескихъ членовъ, чтобы, возбудивъ въ тѣлѣ похоть, лечь на него безстыдною побѣдительницею. Воинъ Христовъ не зналъ, что дѣлать и куда обратиться: похоть побѣждала того, кого не могли побѣдить муки. Наконецъ, вдохновенный свыше, онъ, откусивши себѣ языкъ, плюнулъ имъ въ лице лобзающей блудницы, и такимъ образомъ чрезмѣрная сила боли подавила чувство похоти. Въ то время, когда такія дѣла совершались въ нижней Фивайдѣ, Павелъ по выдачѣ за мужъ сестры и

по смерти обоихъ родителей остался единственнымъ наслѣдникомъ, — имѣя около 15 лѣтъ возраста, получившій первоначальное образованіе въ греческомъ и египетскомъ языкѣ, кроткій духомъ, весьма любящій Бога: когда загремѣла буря преслѣдованія, Павелъ ушелъ въ отдаленную и сокровенную деревню. Но чего не дѣлаетъ надъ смертными проклятая жажда золота ¹⁾? Мужъ сестры Павловой задумалъ выдать того, кого долженъ бы скрывать. Ни слезы супруги, ни родство, ни видящій все съ высоты Богъ не удержали его отъ преступленія. Зѣстокость, принимавшая видъ благочестія, была неумолима. Узнавши объ этомъ, благоразумнѣйшій юноша убѣжалъ въ горныя пустыни; и хотя ожидался конецъ гоненія, но Павелъ, превративъ дѣло необходимости въ дѣло охоты, то мало по малу шелъ далѣе, то останавливался, и послѣ нѣсколькихъ перерывовъ нашелъ наконецъ скалистую гору, при подошвѣ которой была огромная пещера, заваленная камнемъ; отваливъ камень, и по общему человѣческому стремленію знать сокровенное, тщательно осматривая внутренность пещеры, Павелъ нашелъ большое помѣщеніе, которое, при открытомъ сверху небѣ, прикрывалось широкими вѣтвями старой пальмы и изъ котораго видѣлся самый чистый ключъ воды, потокъ отъ котораго, только что прорвавшись наружу, тотчасъ же снова скрывался въ небольшую скважину породившей его земли. Кромѣ того въ горныхъ углубленіяхъ было не мало опустѣлыхъ жилищъ, въ которыхъ встрѣчались ржавые уже наковальни и молотки, которыми чеканилась монета. Здѣсь, по сказанію египетскихъ книгъ, была мастерская фальшивой монеты въ то время, когда Антоній былъ въ связяхъ съ Клеопатрою. Полюбивши это мѣсто, какъ бы нарочно приготовленное для

¹⁾ *Quid non mortalia pectora cogit auri sacra fames?* Стихъ изъ Энеиды В. Марона

него Богомъ, Павелъ провелъ тамъ всю жизнь въ молитвахъ и уединеніи: пищу и одежду доставляла ему пальма. Чтобы это не показалось кому-нибудь невозможнымъ, свидѣтельствуюсь Иисусомъ и Его святыми ангелами, что въ той части пустыни, которая возлѣ Сиріи примыкаетъ къ Сарацинамъ, видѣлъ я монаховъ, изъ которыхъ одинъ въ теченіе 30 лѣтъ, пребывая безъисходно въ пустынѣ, поддерживалъ свое существованіе ячменнымъ хлѣбомъ и грязною водою; другой, заключившись въ старомъ водоемѣ, (какой Сирійцы на своемъ народномъ языкѣ называютъ *кубба*) питался ежедневно пятью стеблями тростника. Это покажется невѣроятнымъ для тѣхъ, которые не вѣруютъ, что все возможно вѣрующимъ. Но возвращусь къ тому, о чемъ я началъ говорить; когда блаженный Павелъ уже 113 лѣтъ проводилъ на землѣ небесную жизнь, а въ другой пустынѣ подвизался 90-лѣтній Антоній, пришла сему послѣднему, по его собственному сознанию, въ голову мысль, что нѣтъ въ пустынѣ монаха, который былъ бы совершеннѣе его. Но во время ночнаго отдохновенія было открыто Антонію, что есть другой монахъ, гораздо лучше его, и что онъ долженъ отправиться въ путь, чтобы видѣть этого подвижника. И вотъ, при первыхъ лучахъ свѣта, почтенный старецъ, поддерживая носохомъ нетвердые члены, отправился въ путь, самъ не зная куда. Уже наступилъ полдень, и, не смотря на сильный солнечный зной, старецъ продолжалъ идти, говоря: «вѣрую Богу моему, что Онъ покажетъ мнѣ раба своего, обѣщаннаго мнѣ». Не бѣльшее этого чудо: Антоній видитъ странное существо, частію человѣка, частію коня, которое на языкѣ поэтовъ зовется иппокентавромъ ¹⁾: увидавши его, Антоній осѣнилъ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ кодексахъ читается: *онокентавръ*, въ иныхъ *кентавръ*. Плиній свидѣтельствуетъ, что иппокентавры неоднократно были привозимы въ Римъ и служили предметомъ зрѣлища.

чело изображеніемъ спасительнаго знаменія. «Эй ты», сказалъ онъ, «въ какой части пустыни обитаетъ рабъ Божій»? Иппокентаврѣ, бормоча что то варварское, и скорѣе коверкая, чѣмъ произнося слова, при ужасѣ старца, старался ласково говорить съ нимъ; протянувши правую руку, онъ указалъ ему желанный путь, и, бросившись въ бѣгъ по широкимъ полямъ съ быстротою птицы, скрылся изъ глазъ удивленнаго старца. Мы не знаемъ, представилъ ли діаволъ призрачное существо для устрашенія старца, или въ самомъ дѣлѣ въ пустынѣ, обильной чудовищными животными, рождаются и такіе звѣри. Антоній, недоумѣвая и разсуждая съ собою о томъ, что видѣлъ, идетъ далѣе. Не много спустя, въ каменистой долинѣ Антоній увидалъ небольшого человѣчка съ загнутымъ носомъ и съ рогами на лбу, а нижняя часть его тѣла оканчивалась козлиными ногами. Пораженный и этимъ зрѣлищемъ, Антоній, какъ добрый воинъ, воспріялъ щитъ вѣры и броню надежды. Упомянутое животное принесло ему для дорожнаго продовольствія пальмовые плоды какъ бы въ залогъ мира. Увидавъ это, Антоній остановился и, спросивъ у невѣдомаго существа, «кто ты»? получилъ такой отвѣтъ: «я смертный, одинъ изъ обитателей пустыни, которыхъ прельщенное всякими заблужденіями язычество чтитъ подъ именемъ фавновъ, сатировъ и кошмаровъ, давнишнихъ во время сна. Я посланъ къ тебѣ отъ своихъ собратьевъ. Просишь тебя, помолись за насъ общему Господу, Который, какъ мы слышали, пришелъ нѣкогда для спасенія міра и во всю землю прошло вѣщаніе Его. — Слыша такія слова, престарѣлый путникъ орошалъ лице обильными слезами, изливавшимися отъ избытка сердечной радости. Онъ радовался о славѣ Христа и о погибелѣ сатаны, и удивляясь, что можетъ понимать рѣчь обитателя пустыни, ударяя жезломъ въ землю, говорилъ: «Горе тебѣ, Александрія, вмѣсто «Бога чтущая разныя диковины! Горе тебѣ, градъ блудницы,

«куда стекались злые духи (daemonia) всего мира. Что ты «скажешь теперь? Звѣри призываютъ имя Христова, а ты «чтишь разныя диковины!» Не успѣлъ старецъ договорить этихъ словъ, какъ рогатое животное удалилось какъ бы летучимъ бѣгомъ. Чтобы этотъ рассказъ не показался кому нибудь недостовернымъ, мы припомнимъ событіе, засвидѣтельствовавшее всеѣмъ міромъ при царѣ Констанціи. Въ Александрію былъ приведенъ живой человѣкъ такого рода и представлялъ собою для народа не маловажное зрѣлище; а потомъ бездушный трупъ этого человѣка въ предохраненіе отъ разложенія въ слѣдствіе солнечнаго жара былъ набитъ солью и принесенъ въ Антиохію на показъ императору. Между тѣмъ (продолжаю прерванный рассказъ) Антоній все шелъ, да шелъ, видя только слѣды звѣрей, да обширное пространство пустыни; онъ не зналъ, что дѣлать, куда направить стопы свои.

Истекалъ уже другой день. Оставалась только одна надежда для старца,—что Христосъ не можетъ его оставить. Всю ночь, вторично застигнувъ его въ дорогѣ, онъ провелъ въ молитвѣ, и при слабомъ разсвѣтѣ увидалъ вдали волчицу, которая, тяжело дыша отъ жажды, прибѣжала къ подношью горы; провожая ее глазами, старецъ, когда волчица скрылась, увидалъ входъ въ пещеру и сталъ засматривать во скученъ съ тщетнымъ любопытствомъ, потому что мракъ мѣшалъ видѣть. Но, какъ говоритъ Писаніе, совершенная любовь вонъ изгоняетъ страхъ (1 Иоан. 4, 18); тихимъ шагомъ и сдерживая дыханіе, осторожный наблюдатель вошелъ во внутрь пещеры, и, мало по малу подвигаясь впередъ и часто останавливаясь, началъ слышать звуки. Наконецъ, сквозь мракъ ночи онъ видитъ вдали свѣтъ, и быстро спѣша къ нему, споткнувшись на камень, производитъ шумъ. Услышавъ этотъ шумъ, блаженный Павелъ затворилъ и замкнулъ открытую прежде дверь въ свою пещеру. Тогда Антоній,

стучась у входа даже до шестаго часа и долѣе, просилъ позволенія войти, говоря: «ты знаешь, кто я, откуда и зачѣмъ пришелъ; знаю, что я недостойнъ твоего лицезрѣнїя, но если я не увижу тебя, то не уйду прочь. Принимающій звѣрей, зачѣмъ ты отгоняешь человѣка? Я искалъ и нашелъ. Я толкаю, чтобы мнѣ было отворено; если мои просьбы будутъ тщетны, я умру здѣсь при входѣ въ твою пещеру; по крайней мѣрѣ ты похоронишь трупъ мой».....
 Антоній

„Наставлялъ такъ, убѣждая, и былъ не преклоненъ.

Кратко ему отвѣчая, вотъ что сказалъ нашъ герой:

(Вирг. Эп. кн. II и IV).

«Никто не проситъ съ угрозами; никто не злословитъ со слезами: удивишься ли, что я не приму тебя, когда ты пришелъ съ тѣмъ, чтобы умереть»? Такъ усмѣхаясь, Павелъ открылъ входъ; и тогда оба старца бросились другъ другу въ объятїя, привѣтствовали другъ друга по именамъ и вмѣстѣ возблагодарили Господа. Послѣ святаго лобзанія, Павелъ, сѣвши съ Антоніемъ, началъ говорить такъ: «Вотъ тотъ, кого ты искалъ съ такимъ трудомъ: члены его, полустлѣвшіе отъ старости, покрываетъ некрасивая сѣдина. Вотъ ты видишь предъ собою человѣка, который скоро будетъ прахомъ. Но такъ какъ любовь все терпитъ, то скажи мнѣ, пожалуйста, какъ живетъ теперь родъ человѣческій: возвышаются ли въ старыхъ городахъ новыя крыши, какою властію управляется міръ и остался ли кто-нибудь увлеченный прелестію демоновъ?» Во время этихъ рѣчей, воронъ сѣлъ на суку дерева, и, тихо слетѣвши оттуда, положилъ цѣлый хлѣбъ предъ очами дивящихся старцевъ. Когда онъ улетѣлъ, Павелъ сказалъ: «вотъ Господь поистинѣ благій, поистинѣ милосердый, послать намъ обѣдъ. Вотъ уже 60 лѣтъ какъ я ежедневно получаю укрупъ въ полхлѣба; но теперь, для твоего прихода, Христосъ удвоилъ порцію вои-

«намъ своимъ». И такъ, воздавши благодареніе Господу, оба старца сѣли на берегу прозрачнаго ручья. Но здѣсь начался споръ, кому первому преломить хлѣбъ, и продолжался до вечера. Павелъ ссылался на обычаи гостепріимства, Антоній—на право старшинства. Наконецъ было рѣшено взять хлѣбъ обоимъ вмѣстѣ и тянуть каждому къ себѣ, такъ чтобы у каждаго осталась въ рукахъ своя часть. Потомъ, припавши устами къ источнику, они испили немного воды, и, принесши Богу жертву хвалы, всю ночь провели въ бодрствованіи. И когда день снова возвратился на землю, блаженный Павелъ сказалъ Антонію слѣдующее: «Давно, братъ, «я зналъ, что ты обитаешь въ здѣшнихъ краяхъ, давно Го- «сподь обѣщаль послать ко мнѣ моего сослужителя. Но по- «елику время успенія моего настало и (согласно съ моимъ «всегдашнимъ желаніемъ разрѣшиться и быть со Христомъ) «по скончаніи теченія соблюдается мнѣ вѣнецъ правды; то «ты посланъ отъ Господа погребсти мое тѣло и предать «землѣ землю». Услышавъ это, Антоній, плача и рыдая, сталъ молить Павла не оставлять его на землѣ, но взять съ собою въ загробный путь. Но Павелъ отвѣчалъ: «не ищи «*яже своихъ си, но яже ближняго*. Для тебя лучше, сбросивши тѣлесное бремя, послѣдовать за Агнцемъ; но для «братіи полезно назидаться еще твоимъ примѣромъ. Поэтому «продолжай подвигъ, хотя бы онъ былъ и тягостенъ, и «принеси для прикрытія тѣла моего мантию, которую далъ «тебѣ епископъ Аванасій». Блаженный Павелъ просилъ объ этомъ не потому, чтобы слишкомъ заботился, покрытый или обнаженный будетъ истлѣвать трупъ его, тогда какъ столько времени одѣвался только сплетеніемъ пальмовыхъ листьевъ; но потому что хотѣлъ, удаливъ отъ себя Антонія, облегчить этимъ печаль его о своей смерти. Антоній, взумленный упоминаніемъ Павла объ Аванасіи и его мантии, какъ бы видя въ Павлѣ Христа и почитая въ душѣ его присутствіе Бо-

жіе, не осмѣлился возражать болѣе, но, съ безмолвнымъ плачемъ облобызавъ его очи и руки, пошелъ назадъ въ монастырь, который впоследствии занялъ былъ Сарацинами. Хотя его шаги не соответствовали быстротѣ его духа, хотя тѣло его было измождено постами и ослаблено годами, но силою духа онъ побѣдилъ немощь плоти. Наконецъ, утомленный и едва дышашій отъ усталости, онъ достигъ, преодолевъ путь, до своего обиталища. Когда на встрѣчу ему вышли два ученика, уже издавна привыкшіе служить ему, говоря: «гдѣ ты такъ долго промедлилъ, отче»? Антоній отвѣчалъ: «горе мнѣ грѣшнику, ложно носящему имя монаха. Я видѣлъ Ілію, «я видѣлъ Іоанна въ пустынѣ, и поистинѣ я видѣлъ Павла «въ раю». Затѣмъ, сомгнувши уста, и ударяя рукою въ грудь, онъ вынесъ изъ келліи мантию. Когда ученики просили, чтобы онъ подробнѣе рассказалъ въ чемъ дѣло, Антоній отвѣчалъ: «время говорить и время молчать». Потомъ, вышедши вонъ изъ монастыря, и не взявши съ собою даже малаго количества пищи, Антоній снова отправился въ путь по тойже дорогѣ, по которой пришелъ, жаждая Павла, желая его видѣть, созерцая его умомъ и очами, боясь только того, чтобы Павелъ, въ его отсутствіе, не предалъ духъ Христу, что и случилось дѣйствительно. Уже возсіялъ другой день и Антоній отошелъ на три часа пути, какъ онъ увидалъ между ликами ангеловъ, между сонмами пророковъ и апостоловъ Павла, сіяющаго снѣжною бѣлизною и восходящаго на высоту. Тотчасъ павши на лице свое, Антоній посыпалъ пескомъ голову, и плача и рыдая говорилъ: зачѣмъ, Павелъ, ты оставляешь меня? зачѣмъ удаляешься безъ моего привѣтствія? зачѣмъ, поздно узнанный, ты такъ скоро отходишь? Рассказывалъ впоследствии блаженный Антоній, что остальное пространство пути онъ пробѣжалъ какъ птица; да и было зачѣмъ. Вошедши въ пещеру, онъ увидалъ бездушное тѣло, съ преклоненными колѣнами, съ протянутой

шесѣй, съ воздѣтыми къ верху руками; и сначала думая, что Павелъ живъ, обратился къ нему съ прежними просьбами, но потомъ, не слыша обычныхъ вздоховъ молящагося и воздавши ему плачевное цѣлованіе, понялъ, что и трупъ святаго въ благоговѣйномъ положеніи молился Богу, которому всѣ живы. Обернувши и вынесши тѣло вонъ изъ пещеры, и воспѣвая гимны и псалмы по христіанскому преданію, Антоній сталъ печалиться, что у него нѣтъ заступа для ископанія земли. Раздумывая такъ и иначе и разсуждая много самъ съ собою, Антоній говорилъ: «если возвращусь «въ монастырь, то пройдетъ три дня въ путешествіи; если «останусь здѣсь, то ничего не сдѣлаю. Умру же, какъ и «подобаетъ, возлѣ твоего воина, Христе, и упавъ здѣсь, «предамъ послѣднее дыханіе». Во время такихъ размышленій старца, вотъ два льва съ распущенными гривами быстро неслись изъ внутренней части пустыни. Увидавъ ихъ, Антоній сначала испугался, но, снова вознесшись мыслию къ Богу, онъ сталъ смотрѣть на львовъ какъ бы на голубей и пребылъ безтрепетенъ. Львы между тѣмъ прибѣжали прямо къ трупу блаженнаго старца, ласково махая хвостами, припали къ ногамъ его и зарычали съ сильнымъ стономъ, ясно давая понимать, что они плачутъ по своему. Потомъ не вдалекѣ львы начали рыть землю ногами, и быстро выгребая песокъ, скоро выкопали мѣсто, удобное для помѣщенія одного человѣка, и тотчасъ, какъ бы прося награды за трудъ, опустивши шею и шевеля ушами, подбѣжали къ Антонію и стали лизать у него руки и ноги. Антоній понялъ, что львы просятъ у него благословенія. И немедленно, прославивши Христа за то, что и безсловныя животныя чувствуютъ, что есть Богъ, старецъ сказалъ: «Ты, Господи, безъ маповенія «котораго не отрывается листъ отъ дерева и не падаетъ «воробей на землю, даждь имъ, якоже вѣсп». И движеніемъ руки повелѣлъ имъ удалиться. Когда львы удалились, Ап-

тоній согнулъ старческія плечи подъ бременемъ святаго тѣла, сложилъ оное въ могилу и, насыпавши сверху землю, устроилъ по обычаю холмъ. Наступилъ другой день, и благочестивый наслѣдникъ, чтобы не оставить чего либо изъ имущества послѣ умершаго безъ завѣщанія старца, взялъ себѣ его тунику, сплетенную имъ самимъ изъ пальмовыхъ листьевъ на подобіе корзины. Возвратившись въ монастырь, Антоній разскалъ ученикамъ все по порядку; и въ торжественные дни Пасхи и Пятдесятницы всегда надѣвалъ тунику Павла.

Въ заключеніе этого небольшого сочиненія, мнѣ хочется спросить тѣхъ, которые не знаютъ счета своимъ доходамъ, которые одѣваютъ мраморомъ свои дома, которые на одну нитку нанизываютъ имущества цѣлыхъ городов¹⁾:—чего когда-нибудь недоставало этому обнаженному старцу? Вы пьете изъ драгоценныхъ сосудовъ: онъ удовлетворялъ требованію природы изъ пригоршней; вы имѣете златотканныя туники: у него не было самой дешевой одежды вашего раба. Но зато ему, бѣдному, отверсть рай, а васъ, златоносцевъ, ожидаетъ геенна. Онъ, хотя и обнаженный, сохранилъ одежду Христову; а вы, облеченные въ шелкъ, потеряли Христово одѣяніе. Павелъ лежитъ покрытый ничтожнымъ прахомъ, чтобы воскреснуть во славу: а васъ, которые вмѣстѣ съ вашими богатствами сдѣлаетесь добычею огня, давятъ ваши великолѣпныя каменные гробницы. Прошу васъ, пощадите себя, пощадите по крайней мѣрѣ богатства, которыя вы такъ любите. Зачѣмъ даже мертвецовъ своихъ вы обвиваете золотыми одеждами? Зачѣмъ ваше честолюбіе не унимается даже во время сѣтованія и слезъ? Неужели трупы богачей умѣютъ гнить только въ шелковыхъ одеждахъ?... Заглинаю тебя, кто бы ты ни былъ, читатель, вспомни грѣшнаго Іеро-

¹⁾ Разумѣются дорогія ожерелья, стоимость которыхъ равнялась стоимости цѣлыхъ городовъ.

нима, который, если бы Господь предложилъ ему на выборъ, избралъ бы скорѣе тунику Павла съ его наградами, чѣмъ порфиры царей съ ихъ наказаніями.

Жизнь св. Иларіона.

Приступая къ описанію жизни блаженнаго Иларіона, молю обитавшаго въ немъ Духа Святаго, да одарившій его добродѣтелями, дастъ Онъ и мнѣ слово для повѣствованія о нихъ, чтобы рѣчь была достойна описываемыхъ подвиговъ. Ибо доблести дѣятелей, какъ говоритъ Криспъ, являются великими настолько, насколько могли выставить ихъ въ своихъ разсказахъ знаменитые писатели ¹⁾. Великій Александръ Македонскій, котораго Даніиль называетъ то овномъ, то барсомъ, то козломъ косматымъ, подошедши къ гробу Ахилла, сказалъ: счастливъ ты, юноша, что имѣлъ великаго провозвѣстника своихъ заслугъ,—намекая на Гомера. А мнѣ предстоитъ говорить о подвигахъ и жизни такого мужа, что самъ Гомеръ, еслибъ былъ живъ, или позавидовалъ бы предмету, или оказался бы несостоятельнымъ. Хотя святой Епифаній, епископъ Кипрскаго города Саламины, очень долго жившій съ Иларіономъ, и написалъ похвалу ему въ общеизвѣстномъ письмѣ; но иное дѣло хвалить умершаго общими мѣстами, иное повѣствовать о добродѣтеляхъ, бывшихъ отличительнымъ свойствомъ умершаго. Почему, относясь скорѣе съ благосклонностію, чѣмъ съ упрекомъ къ начатому имъ дѣлу, мы приступимъ къ продолженію его, презирая возгласы злорѣчивыхъ. Поносявшіе когда-то Павла моего, быть можетъ, поносятъ теперь и Иларіона. На того клеве-

¹⁾ Саллюстій о Катиллѣ гл. 8.

тали за уединеніе, а этому ставятъ въ упрекъ жизнь въ обществѣ; такъ что всегда скрывавшагося считаютъ не существовавшимъ, а жившаго на виду у людей—незаслуживающимъ вниманія. Такъ поступали иѣногда и предки ихъ фарисеи, которымъ одинаково не нравились ни пустыня и постъ Іоанна, ни обращеніе въ многочисленствѣ, пища и питіе Спасителя. Но я начну задуманное произведеніе, и пройду мимо собакъ Сциллы, заткнувъ уши.

Иларіонъ родился въ деревнѣ Таваоа, лежащей въ пяти почти миляхъ къ югу отъ Газы, города палестинскаго. Такъ какъ онъ имѣлъ родителей идолопоклонниковъ, то, какъ говорится, разцвѣлъ будто роза между шипами. Посланный ими въ Александрію, онъ былъ отданъ грамматіку. Тамъ, насколько позволялъ его возрастъ, онъ далъ сильныя доказательства своего ума и прекраснаго характера, въ короткое время пріобрѣвъ общее расположеніе и сдѣлавшись извѣстнымъ по краснорѣчію. И что всего важнѣе, увѣровавъ въ Господа Іисуса, онъ не находилъ удовольствія ни въ неистовствахъ цирка, ни въ врови арены, ни въ распущенности театра; но высшимъ наслажденіемъ для него было собраніе церковное.

Услышавъ же знаменитое тогда имя Антонія, бывшее на языкѣ у всѣхъ египетскихъ народовъ, и воспламенившись желаніемъ видѣть его, онъ пошелъ въ пустыню. А когда увидѣлъ его, тотчасъ перемѣнилъ прежнюю одежду, и жилъ подлѣ него почти два мѣсяца, наблюдая порядокъ его жизни и строгость нрава, именно: какъ часто молился онъ, съ какимъ смиреніемъ принималъ братій, какъ строгъ былъ въ обличеніи, ревностенъ въ увѣщаніи, и какъ никогда и никакая слабость тѣлесная не уменьшала его воздержанія и суровости его пищи. Но онъ не могъ долѣе выносить частыхъ посѣщеній лицъ, пріобрѣтавшихъ къ Антонію по поводу разныхъ скорбей и демонскихъ навѣтовъ; нахо-

диль неумѣстнымъ терпѣть въ пустынѣ населеніе городовъ; считаль для себя приличнымъ пачать такъ, какъ началъ Антоній; въ послѣднемъ видѣль храбраго воина, получившаго награды за побѣду, а себя еще не начавшимъ сражаться. Посему съ нѣкоторыми монахами онъ возвратился въ отечество. Такъ какъ родители его уже умерли, то часть имущества онъ отдалъ братьямъ, часть бѣднымъ; себѣ же не оставилъ рѣшительно ничего, опасаясь извѣстнаго изъ Дѣяній апостольскихъ примѣра или казни Ананіи и Сапфиры, и особенно помня Господа, говорящаго: *уже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти мой ученикъ* (Лук. 14, 33). Въ это время ему было пятнадцать лѣтъ. Итакъ нагимъ, но облекшимся, какъ въ оружіе, во Христа, онъ вступилъ въ пустыню, которая лежитъ на седьмой миліи влѣво по береговому пути въ Египетъ изъ Маюмы, рынка Газы. Хотя мѣста эти были страшны разбоями, и люди близкіе ему и друзья предупреждали его о грозящей опасности, — онъ презрѣлъ смерть, чтобы избѣжать смерти.

Удивлялись все его мужеству; удивлялись возрасту. Но въ груди его горѣло нѣкое пламя; въ очахъ свѣтилась искра вѣры. Лице его было дѣтское, тѣло нѣжное и худощавое, неспособное переносить незгоды всякаго рода: легкой холодъ или зной могли изнурить его. Итакъ, прикрывъ члены вретичемъ и имѣя верхнюю кожаную одежду, которую далъ ему на дорогу блаженный Антоній, и девевенскій плащъ, онъ проводилъ время между моремъ и болотомъ въ обширной и страшной пустынѣ, съѣдая по пятнадцати только фингъ но заходѣ солнца. Поелику же страна была обезславлена разбоями, онъ никогда не живаль въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Что же станеть дѣлать діаволь? За что примется? Онъ, который хвалился прежде, говоря: *ни небо възду, вышє звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, и буду подобенъ Вышнему* (Исаи 14, 13. 14), увидѣль себя побѣж-

деннымъ со стороны отрока, и поцраннымъ еще прежде, чѣмъ тотъ достигъ возраста способнаго ко грѣху.

Итакъ онъ сталъ щекотать его чувства, и, по той мѣрѣ какъ мужало его тѣло, раздувалъ обычное пламя похотей. Маленькій подвижникъ Христовъ принужденъ былъ размышлять о томъ, чего не зпалъ, и взвѣшивать въ умѣ сладость предмета, котораго не извѣдалъ по опыту. Разгнѣвавшись наконецъ на себя самого, и ударяя кулаками въ грудь (какъ будто ударами руки онъ могъ разогнать мысли!), онъ сказалъ: «сдѣлаю же я съ тобою, осель, такъ, что не будешь лягаться: стану кормить тебя не ячменемъ, а мякиною. Умору тебя голодомъ и жаждою; взвалю на тебя тяжелую ношу; погоню и въ зной и въ стужу, чтобы ты болѣе думалъ о пищѣ, чѣмъ о нѣгѣ». Почему, онъ поддерживалъ ослабѣвшую жизнь чрезъ три и четыре дня сокомъ травъ и небольшимъ количествомъ фигъ; часто молился и пѣлъ псалмы, и рылъ заступомъ землю, чтобы трудомъ работы удвоить трудъ поста. вмѣстѣ съ этимъ, занимаясь плетеніемъ корзины изъ камыша, онъ слѣдовалъ уставу египетскихъ монаховъ и изреченію апостола, который говоритъ: *аще кто не хочетъ дѣлать, ниже да яствъ* (2 Сол. 3, 10). Онъ такъ исхудалъ и такъ истощилъ свое тѣло, что едва остались однѣ кости.

Въ одну ночь слышался дѣтскій плачь, блезніе стада, мычаніе быковъ, похожіе на женскіе стоны, рыканье львовъ, шумъ войска, и различные голоса вовсе чудовищнаго свойства, такъ что звуки поразили его ужасомъ прежде, чѣмъ самое видѣніе. Онъ понялъ насмѣшки демоновъ; припавъ на колѣна, знаменалъ чело крестомъ Христовымъ, и вооружася имъ, распростертый, сражался мужественнѣе. Онъ желалъ однакоже какъ нибудь увидѣть тѣхъ, кого страшился слышать, и безпокойными глазами озирался во всѣ стороны. Между тѣмъ неожиданно блеснула луна. Онъ увидѣлъ до-

рожную повозку, несомую на него бѣшенными конями. Но когда онъ воззвалъ къ Іисусу, мгновенно предъ глазами его разверзлась земля и поглотила весь поѣздъ. Тогда онъ сказалъ: *коня и всадника вверже въ море* (Исх. 15; 1); и— *сѣи на колесницахъ, и сѣи на коняхъ: мы же во имя Господа нашего прославимся* (Пс. 19, 8).

Многочисленны были искушенія его, и различны дневные и ночные навѣты демоновъ. Если бы я захотѣлъ рассказывать ихъ всѣ, на это недостало бы книги. Сколько разъ являлись ему нагія женщины во то время, когда онъ лежалъ, и роскошные столы, когда голодалъ! По временамъ, когда онъ молился, чрезъ него перепрыгивалъ волкъ съ во-емъ и лисица съ визгомъ; а когда пѣлъ псалмы, представлялся бой гладиаторовъ, и одинъ изъ нихъ, будто убитый, упавъ у ногъ его, просилъ о погребеніи.

Однажды молился онъ, приклонивъ голову къ землѣ, и какъ бываетъ это естественно людямъ, отвлекшись отъ молитвы умомъ, задумался о чемъ-то другомъ. Испускатель вспрыгнулъ ему на спину, билъ его по бокамъ пятками и бичемъ по шеѣ и говорилъ: ну, чего дремлешь? И затѣмъ, громко смѣясь, спрашивалъ, не хочешь ли съѣсть ячменю, если ослабѣлъ.

Съ шестнадцатаго года своего возраста до двадцатаго онъ укрывался отъ зноя и дождей въ маленькомъ шалашикѣ, который сплелъ изъ камыша и осоки. Потомъ онъ построилъ себѣ маленькую келейку, которая цѣла и до сихъ поръ. Въ высоту она была пяти футовъ, т. е. ниже его роста; въ длину же нѣсколько болѣе, соразмѣрно впрочемъ невысокому его росту; такъ что она скорѣе напоминала гробъ, чѣмъ домъ.

Разъ въ году, въ день Пасхи, онъ стригъ волосы; а спалъ до самой смерти на голой землѣ и тростниковой подстилкѣ. Вретище, которое разъ надѣлъ, онъ никогда не мылъ: излишне, говорилъ онъ, искать чистоты во власяницѣ. Не

перемѣнялъ одежды на новую, пока старая не разрывалась совершенно. Зная святаго Писанія наизусть, онъ послѣ молитвъ пѣлъ и псалмы, какъ бы въ присутствіи Божиѣмъ. Но такъ какъ было бы растянута разсказывать въ разное время урывками его восхожденіе (отъ силы въ силу): то я представляю это восхожденіе глазамъ читателя въ краткомъ очеркѣ жизни его; а затѣмъ возвращусь къ повѣствованію.

Съ двадцать перваго года до двадцать седьмаго, въ продолженіи трехъ лѣтъ онъ употреблялъ въ пищу половинну секстарія чечевицы, смоченной холодною водою, а въ остальные три года сухой хлѣбъ съ солью и водою. Затѣмъ съ двадцать седьмаго до тридцатаго онъ поддерживалъ свою жизнь полевою травою и сырыми корнями нѣкоторыхъ кустарниковъ. Съ тридцать же перваго до тридцать пятаго онъ употреблялъ въ пищу шесть унцій ячменнаго хлѣба и слегка сваренныя овощи безъ масла. Почувствовавъ же ослабленіе зрѣнія и увидѣвъ все тѣло покрытымъ чесоткою и шолудьями, онъ прибавилъ къ означенной пищѣ масло; и даже до шестидесять третьяго года своей жизни сохранялъ эту степень воздержанія, не добавляя къ пищѣ ни плодовъ древесныхъ, ни мучныхъ и ничего другаго. Послѣ этого увидѣвъ себя изнуреннымъ тѣлесно и считая смерть свою близкою, онъ отъ шестидесять четвертаго до восьмидесятаго года воздерживался отъ хлѣба съ невѣроятнымъ увлеченіемъ, такъ что казался новичкомъ въ служеніи Господу въ то время, когда другіе обыкновенно дозволяли себѣ послабленіе въ образѣ жизни. У него бывала похлебка изъ муки и уменьшеннаго количества масла, при чемъ пища и питіе вѣсили пять унцій; и видя такой образъ жизни, онъ никогда, ни въ дни праздничныя, ни во время болѣзни не разрѣшалъ поста до захода солнечнаго. Но время уже намъ возвратиться къ разсказу.

Когда жилъ онъ еще въ шалашѣ, будучи восемнадцати лѣтъ отъ роду, пришли къ нему ночью разбойники, или потому, что рассчитывали найти, что унести, или потому, что считали унижительнымъ для себя, если одинокій отрокъ не страшился нападенія ихъ. Но бродя съ вечера до восхода солнечнаго между моремъ и болотомъ, они никакъ не могли найти мѣста, гдѣ онъ лежалъ. Когда же разсвѣло, увидѣвши отрока, они сказали ему будто въ шутку: что сталъ бы ты дѣлать, если бы пришли къ тебѣ разбойники? — Нагой не боится разбойниковъ, отвѣчалъ онъ имъ. — Но ты можешь быть убитъ, говорятъ ему. — Могу, говоритъ онъ, могу; но потому и не боюсь разбойниковъ, что приготовилъ себя къ смерти. Тогда, удивившись его твердости и вѣрѣ, они признались въ своемъ ночномъ блужданіи и слѣпотѣ глазъ, и обѣщали съ этихъ поръ исправить свою жизнь.

Онъ прожилъ уже двадцать два года въ пустынѣ; сталъ извѣстенъ всѣмъ только по молвѣ, и едва заговорили о немъ по всѣмъ городамъ Палестины, когда одна женщина изъ Елевѳерополя, увидѣвъ себя въ презрѣннѣи у мужа за безплодіе (потому что въ продолженіе пятнадцати уже лѣтъ не принесла никакого супружескаго плода), первая отважилась нарушить уединеніе блаженнаго Иларіона. Ничего подобнаго не подозрѣвалъ онъ, когда неожиданно припавъ къ колѣнамъ его, она сказала: прости моей смѣлости, прости моей крайней нуждѣ. Зачѣмъ отварачиваешь глаза? зачѣмъ убѣгаешь отъ умоляющей тебя? Смотри на меня не какъ на женщину, а какъ на несчастную. Этотъ полъ родилъ Спасителя. *Не требуютъ здравіи врача, но болящии* (Лук. 5, 31). Наконецъ онъ обратился къ ней, и, увидѣвъ чрезъ такой долгій промежутокъ времени женщину, спросилъ о причинѣ ея прихода и плача. Когда же узналъ эту причину, возведши глаза къ небу, велѣлъ ей имѣть вѣру; и проводивъ ее со слезами, по истеченіи года увидѣлъ съ сыномъ.

Это было начало его чудесъ; другое чудо болѣе прославило его. Аристенета, жена Елпидія, бывшаго послѣ преторіанскимъ префектомъ, весьма извѣстная въ своемъ кругу и еще болѣе извѣстная въ средѣ христіанъ, возвращаясь съ мужемъ и тремя дѣтьми отъ блаженнаго Антонія, по причинѣ болѣзни ихъ остановилась въ Газѣ. Отъ испорченности ли воздуха, или ради славы раба Божія Иларіона (какъ это объяснилось послѣ), они заболѣли одновременно лихорадкою (hemitritæo) и были всѣ объявлены медиками въ безнадежномъ состояніи. Мать была въ страшномъ горѣ, и бѣгая будто между тремя трупами сыновей, не знала, кого оплакивать прежде. Узнавъ же, что въ сосѣдней пустынѣ есть какой-то монахъ, она, забывъ о обычной благороднымъ женщинамъ пышности (помня себя только матерью), отправилась къ нему въ сопровожденіи служанокъ и евнуховъ; мужъ едва убѣдилъ ее ѣхать верхомъ на ослѣ. Пришедши къ нему, она говорила: умоляю тебя всемилостивѣйшимъ Іисусомъ Богомъ нашимъ, заклинаю Его крестомъ и кровію—возврати мнѣ трехъ сыновей; пусть прославится въ языческомъ городѣ имя Господа Спасителя, и пусть войдетъ рабъ его въ Газу и сокрушитъ идола Марну ¹⁾. Когда онъ отказывался и говорилъ, что не имѣетъ обыкновенія ходить не только въ городъ, но и въ какую либо деревеньку, она поверглась на землю, взывая непрестанно: Иларіонъ, рабъ Христовъ, отдай мнѣ сыновей моихъ. Антоній сохранилъ ихъ въ Египтѣ, ты спаси въ Сиріи. Присутствующіе всѣ плакали; плакалъ и онъ отказываясь. Словомъ, женщина не отступила до тѣхъ поръ, пока онъ далъ обѣщаніе войти въ Газу по заходѣ солнечномъ. Пришедши туда, онъ воззвалъ къ Іисусу, знаменая постельки и пылающіе члены каждаго. И, о чудная сила! потъ выступилъ одновременно будто изъ трехъ источниковъ:

¹⁾ Идолъ, боготворимый въ то время жителями Газы.

въ продолженіе того же часа они приняли пищу, стали узнавать плачущую мать, и, благословляя Бога, цѣловали святыя руки. Когда объ этомъ узнали и слухъ распространился далеко во всѣ стороны, къ нему ревностно сходились изъ Сиріи и Египта, такъ что многіе увѣровали во Христа и приняли обѣтъ монашества. Ибо тогда еще не было монастырей въ Палестинѣ, и до святаго Иларіона неизвѣстно было въ Сиріи никакого монаха. Онъ былъ основателемъ этого образа жизни и подвиговъ въ означенной области. Господь Іисусъ въ Египтѣ воздвигъ старца Антонія, въ Палестинѣ воздвигъ юношу Иларіона.

Фадичіею называется предмѣстье Ринокоруры, города египетскаго. Изъ этого предмѣстья была приведена къ блаженному Иларіону женщина, ослѣпшая десять лѣтъ назадъ. Представленная ему братіями, (потому что съ нимъ въ то время жило уже много монаховъ), она сказала, что все имущество свое издержала на врачей. Онъ отвѣчалъ ей: если бы то, что потеряла на врачей, ты отдала бѣднымъ, истинный врачъ Іисусъ исцѣлилъ бы тебя. Когда же она продолжала взывать и умолять о милосердіи, онъ плюнулъ ей на глаза, и тотчасъ за примѣромъ Спасителя послѣдовала таже чудодѣйственная сила.

Равнымъ образомъ газскій возница, пораженный демономъ на колесницѣ, весь окованъ былъ такъ, что не могъ ни дѣйствовать руками, ни согнуть шею. Принесенный на постель и будучи въ состояніи только ворочать языкомъ для просьбъ, онъ услышалъ, что не прежде можетъ выздороветь, какъ увѣруетъ въ Іисуса и дастъ обѣтъ отказаться отъ прежняго ремесла. Тотъ увѣровалъ, далъ обѣтъ, выздоровѣлъ, и возрадовался болѣе спасенію души своей, чѣмъ выздоровленію тѣлесному.

Кромѣ того, одинъ весьма крѣпкій тѣлосложеніемъ юноша по имени Марситъ, изъ области іерусалимской, такъ

хвалился своими силами, что долго и далеко нашивалъ по пятнадцати модіусовъ ¹⁾ хлѣба, и въ томъ видѣлъ торжество для себя, что превосходилъ силою ословъ. Пораженный злѣйшимъ демономъ, этотъ юноша не оставлялъ цѣлыми ни цѣпей, ни желѣзныхъ путь, ни запоровъ дверныхъ: отгрызалъ многимъ уши и носы; тѣмъ ломалъ ноги, другимъ голени. Онъ такой навелъ на всѣхъ ужасъ, что его притащили въ монастырь, какъ самаго свирѣпаго быка, обремененнаго цѣпями и держамаго съ разныхъ сторонъ на веревкахъ. Когда увидѣли его братія, то извѣстили объ этомъ отца съ ужасомъ (потому что онъ былъ удивительной величины). Иларіонъ какъ сидѣлъ, такъ и велѣлъ притащить его къ себѣ, и оставить свободнымъ. Когда развязали, онъ сказалъ: наклони голову и подойди. Тотъ задрожалъ, склонилъ шею и, не смѣя смотрѣть ему въ глаза и оставивъ всякое звѣрство, сталъ лизать ноги у сидящаго. Послѣ этого демонъ, заклятый и пораженный, вышелъ изъ него въ седьмой день.

Но не могу пройти молчаніемъ и того, какъ приведенъ былъ къ нему Оріонъ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ мужей города Айлы, лежащей вблизи Краснаго моря,—которымъ овладѣлъ легионъ демоновъ. Его руки, шея, грудь, ноги были обременены желѣзомъ, а страшные глаза грозили бѣшеною яростію. Когда святой прохаживался съ братіями и о чемъ то разсуждалъ изъ Писаній, тотъ вырвался изъ рукъ державшихъ, и, схвативъ его сзади, высоко поднималъ. Всѣ вскрикнули, боясь, чтобы онъ не раздавилъ членовъ, истощенныхъ постомъ. Святой сказалъ съ улыбкою: молчите, и предоставьте мнѣ моего борца. Затѣмъ, положивъ руку на плечо, онъ дотронулся до головы его, и, взявъ за волосы, пригнулъ къ ногамъ. Тотъ сложивъ на груди руки, топтался по травѣ ногами, повторяя вмѣстѣ съ

¹⁾ Modius,—самая большая у римлянъ мѣра сыпучихъ тѣлъ.

тѣмъ: мучится толпа демоновъ, мучится. Когда онъ выль, и, согнувъ шею, коснулся макушкою земли, святой сказалъ: Господи Иисусе, освободи несчастнаго, свободи плѣннаго. Тебѣ принадлежитъ побѣда какъ надъ однимъ, такъ и надъ многими. Скажу вещь неслыханную: изъ однихъ человѣческихъ устъ слышались различные голоса и будто смѣшанный шумъ толпы. Итакъ, исцѣленный и этотъ, спустя немного времени пришелъ въ монастырь съ женою и дѣтьми, и принесъ, какъ бы въ благодарность, весьма много даровъ. Святой сказалъ ему: развѣ не читалъ ты, какъ пострадалъ Гезій (4 Цар. 5), какъ Симонъ (Дѣян. 8), изъ которыхъ одинъ взялъ плату, другой принесъ,—тотъ продавалъ благодать Святаго Духа, а этотъ покупалъ? А когда Оріонъ говорилъ со слезами: возьми и дай бѣднымъ; онъ отвѣчалъ: ты лучше можешь раздать свое, потому что ходишь по городамъ и знаешь бѣдныхъ. Я же, который оставилъ свое, зачѣмъ бы пожелалъ чужаго? Для многихъ имя бѣдныхъ служить предлогомъ жадности; но милосердіе не требуетъ искусства. Никто не раздаетъ лучше того, который себѣ не оставляетъ ничего. Когда же этотъ, опечаленный, лежалъ простершись на землѣ, онъ сказалъ: не сокрушайся, сынъ мой, что дѣлаю я для себя, дѣлаю и для тебя. Если бы я взялъ это, и самъ оскорбилъ бы Бога, и къ тебѣ возвратился бы легіонъ.

Кто могъ бы умолчать и о томъ, какъ Газанъ Майомитъ, во время рубки камней для построекъ на берегу моря, не вдалекѣ отъ его монастыря, пораженный весь параличемъ и работавшими съ нимъ принесенный къ святому, тотчасъ возвратился на работу здоровымъ? Ибо берегъ, который тянется около Палестины и Египта, по природѣ мягкій, твердѣетъ отъ обращенія песковъ въ камень; и понемногу соединяясь съ хрящемъ, измѣняется на осязаніе, хотя не измѣняется на видъ.

Италикъ, гражданинъ того же города, бывшій христіаниномъ, приготовлялъ коней для состязанія въ циркъ съ газскимъ дуумвиромъ, поклонникомъ идола Марны. Въ римскихъ городахъ соблюдался со времени Ромула обычай, по которому въ честь Конса, какъ Бога совѣтовъ, въ память счастливаго похищенія сабинянокъ, пробѣгали по семи разъ вокругъ на колесницахъ, и считалось побѣдою оставить позади коней противника. Итакъ онъ, имѣя соперникомъ своимъ чародѣя, который извѣстными демоническими заклинаніями препятствовалъ конямъ одного, и возбуждалъ къ бѣгу коней другаго, пришелъ къ блаженному Иларіону и просилъ его не столько повредить врагу, сколько запретить его самого. Почтенному старцу показалось неумѣстнымъ тратить молитву по пустякамъ такого рода. Когда онъ засмѣялся и сказалъ: «Зачѣмъ ты не отдашь лучше цѣну коней твоихъ бѣднымъ»? Тотъ отвѣчалъ, что это—общественная обязанность, и что онъ дѣлаетъ это не столько по желанію, сколько по принужденію; что онъ не можетъ, какъ христіанинъ, употребить волшебство, но просить прежде всего помощи отъ раба Христова, особенно—противъ газскихъ враговъ Божіихъ, которые и ругаются не столько надъ нимъ, сколько надъ церковію Христовою. Тогда, упрощенный братіями, которые присутствовали при этомъ, онъ велѣлъ наполнить водою глиняную чашку, изъ которой обыкновенно пилъ, и отдать ему. Взявъ ее, Италикъ окропилъ и стойло, и лошадей, и возницъ своихъ, колесницу и заборы карцеровъ ¹⁾. Ожиданіе народа было удивительное: потому что соперникъ, смѣясь надъ этимъ самымъ, безчестилъ Италика, а доброжелатели Италика торжествовали, обѣщая вѣрную побѣду себѣ. Вотъ, когда былъ данъ знакъ, эти летятъ, тѣ встрѣчаютъ помѣхи;

¹⁾ Карцерами назывались загороженные мѣста въ циркъ, откуда выѣзжали по сигналу приготовившіеся къ бѣгу.

подъ колесницею этихъ горять колеса; тѣ едва видятъ спины пролетавшихъ мимо. Крикъ народа былъ чрезвычайный; такъ что сами язычники гремѣли, что Христось побѣдилъ Марну. Послѣ этого, взбѣшенные противники требовали на казнь Иларіона, какъ зловреднаго христіанина. Но побѣда, несомнѣнная какъ для нихъ, такъ и для многихъ, возвращавшихся съ торжественныхъ игръ, была поводомъ къ обращенію въ христіанство очень многихъ.

Въ томъ же торговомъ городѣ Газѣ, въ дѣву Божію былъ страстно влюбленъ сосѣдній юноша. Когда онъ не успѣлъ достигнуть ничего частыми затрогиваньями, шутками, подмигиваніями, и другими такого рода средствами, обыкновенно употребляющимися для умерщвленія дѣвства: то отправился въ Мемфисъ, чтобы, признавшись въ своей любви, вернуться къ дѣвѣ вооруженнымъ волшебнымъ искусствомъ; наученный прорицателями Эскулана, которые не цѣлили души, а губили, онъ возвратился черезъ годъ, съ восторгомъ мечтая въ душѣ о блудѣ; и зарылъ подъ порогомъ дома отроковицы нѣкоторыя волшебныя вещицы съ словами и волшебныя изображенія, вырѣзанныя на листѣ изъ кипрской мѣди. Дѣвица тотчасъ обезумѣла, и, сбросивъ покрывало съ головы, распустила волосы, скрежетала зубами, звала юношу по имени. Сила любви ея перешла въ неистовство. Приведенная поэтому въ монастырь родителями, она отдана была старцу. Тотчасъ демонъ завылъ и заговорилъ открыто: я потерпѣлъ насиліе, приведенъ противъ моей воли: какъ удачно обманывалъ я снами людей въ Мемфисѣ! Что за муки, что за пытки, которыя я терплю! Ты принуждаешь меня выйти, а я держусь связанный подъ порогомъ. Не выду, если не отпустить меня юноша, который держитъ. Тогда старецъ сказалъ: велика же твоя сила, если тебя держитъ связаннымъ нитка и листокъ. Скажи, зачѣмъ ты осмѣлился войти въ отроковицу Божію?—Чтобы сохра-

нить ее дѣвою, отвѣчалъ онъ. — Ты сохранишь, предатель дѣвства? Отчего не вошелъ ты скорѣе въ того, который послалъ тебя?—Какъ бы я вошелъ въ того, который имѣлъ моего товарища, демона любви?—отвѣчалъ онъ. Но пока не очистилъ дѣвы, святой не хотѣлъ приказывать входить въ разслѣдованіе ни о юношѣ, ни о волшебныхъ знакахъ, дабы не показалось, что демонъ удалился вслѣдствіе уничтоженія чаръ, или что онъ самъ повѣрилъ его словамъ. Онъ увѣрялъ, что демоны лукавы и искусны въ обманѣ; и возвративъ дѣвицѣ здоровье, выговаривалъ ей, зачѣмъ она дѣлала такое, изъ-за чего демонъ могъ войти въ нее.

Слава объ немъ разнеслась не только въ Палестинѣ и въ смежныхъ городахъ Египта или Сиріи, но и въ отдаленныхъ областяхъ. Такъ кандадаты ¹⁾ императора Констанція, изъ области, на которую указывалъ золотистый цвѣтъ волосъ его и бѣлизна тѣла (народъ ея между саксонцами и аллеманами отличается не столько многочисленностію, сколько крѣпостію; у историковъ она называется Германіею, а теперь—Франціею), издавна, т. е. съ дѣтства подпавшій подъ власть демона, который принуждалъ его по ночамъ вить, стонать, стучать зубами, тайнымъ образомъ испросилъ у императора евекию ²⁾, откровенно объяснивъ ему причину. Запасшись также письмами къ правителю Палестины, онъ былъ доставленъ въ Газу съ великимъ почетомъ и свитою. Когда онъ спросилъ у тамошнихъ декуріоновъ, гдѣ живетъ монахъ Иларіонъ, газцы сильно перепугались, и, считая его посланнымъ отъ императора, проводили въ монастырь, какъ для того, чтобы почтить его надлежащею честію, такъ и съ цѣлію заградить теперешнею службою какія либо прежде

¹⁾ Извѣстный военный чиновникъ.

²⁾ Евекиею называлась императорская грамота, позволявшая пользоваться государственною почтою.

сдѣланныя Иларіону оскорбленія. Старець въ то время прохаживался по сыпучему песку и что-то бормоталъ тихонько изъ псалмовъ; увидѣвъ же такую подходящую толпу, остановился. Когда всѣ привѣтствовали другъ друга и онъ благословилъ ихъ рукою, то черезъ нѣсколько времени онъ велѣлъ прочимъ отойти, а ему съ слугами и свитою остаться; потому что узналъ, зачѣмъ онъ пришелъ, по его глазамъ и лицу. Но поставленный тотчасъ же въ затрудненіе вопросомъ раба Божія, человѣкъ этотъ сталъ едва касаться ногами земли, и, покрасивъвъ чрезвычайно, отвѣчалъ на сирскомъ языкѣ, на которомъ былъ спрошенъ. Изъ устъ варвара, знавшаго только языкъ франкскій и латинскій слышались слова чисто сирскія; такъ что ни въ выговорѣ, ни въ придыханіяхъ и ни въ какой другой особенности палестинскаго нарѣчія не замѣчалось недостатка. Итакъ онъ ¹⁾ сознался, какимъ образомъ вошелъ въ него. А чтобы поняли переводчики его, которые знали только языкъ греческій и латинскій, его спросили и по гречески. Когда онъ и по гречески отвѣчалъ тоже и тѣми же словами, и распространился о разныхъ случаяхъ волшебства и принадлежностяхъ волшебнаго искусства, святой сказалъ: не забочусь я о томъ, какъ ты вошелъ; но повелѣваю тебѣ выйти именемъ Господа нашего Іисуса Христа. Когда онъ былъ исцѣленъ, то по деревенскому простодушію поднесъ было въ даръ десять фунтовъ золота; но получилъ отъ него (Иларіона) ячменный хлѣбъ, съ словами, что тѣ, которые питаются подобнымъ хлѣбомъ, считаютъ золото грязью.

Мало сказать о людяхъ: къ нему приводили ежедневно и бѣшеныхъ несмысленныхъ животныхъ. Между прочимъ, человѣкъ тридцать, или болѣе, привели съ кривомъ на крѣпчайшихъ канатахъ бактрійскаго верблюда, величины чрезвы-

¹⁾ Т е демонъ.

чайной, который потопталъ уже многихъ. Глаза его были налиты кровью, изо рта текла пѣна, быстро ворочавшійся языкъ вспухъ, и къ довершенію ужаса онъ издавалъ страшный ревъ. Старецъ приказалъ его отпустить. И приведшіе, бывшіе съ старцемъ все до одного разбѣжались тотчасъ же. Затѣмъ старецъ пошелъ одинъ къ нему на встрѣчу, и сказалъ по сирски: не испугаешь меня, діаволь, такимъ громаднымъ тѣломъ: и въ лисичкѣ, и въ верблюдѣ ты одинъ и тотъ же. А между тѣмъ сталъ, простерши руку. Когда звѣрь, бѣшенный и будто готовый пожрать его, подбѣжалъ къ нему, то упалъ тотчасъ же и пригнулъ къ землѣ покорную голову. Все присутствовавшіе были удивлены такою неожиданною кротостію вслѣдъ за такимъ бѣшенствомъ. Но старецъ началъ учить, что діаволь ради людей овладѣваетъ даже рабочимъ скотомъ; и такою пылаетъ ненавистью къ нимъ, что желаетъ погибели не только имъ самимъ, но и всему, что принадлежитъ имъ. И привелъ въ примѣръ, что прежде дозволенія искушать блаженнаго Іова, онъ истребилъ все его имущество. И никто не долженъ возмущаться тѣмъ, что по повелѣнію Господа демоны умертвили двѣ тысячи свиней (Мат. 8, и Марк. 5); потому что иначе нельзя было убѣдить видѣвшихъ въ томъ, что изъ человѣка вышло такое множество демоновъ, какъ когда великое количество свиней, будто многими гонимое, обрушилось (въ воду) разомъ.

У меня не достало бы времени, еслибы я захотѣлъ говорить о всѣхъ чудесахъ, которыя совершилъ онъ. Ибо Господь до такой степени прославилъ его, что и блаженный Антоній, услышавъ о подвигахъ его, писалъ ему и съ удовольствіемъ получалъ письма отъ него. А когда приходили къ Антонію больные изъ областей сирійскихъ, онъ говорилъ имъ: зачѣмъ вы ѣхали такъ далеко, когда имѣете у себя сына моего Иларіона? Поэтому, по примѣру его стали устраиваться безчисленные монастыри по всей Палестинѣ, и все

монахи наперерывъ бѣжали къ нему. Онъ, видя это, прославлялъ благодать Господню и увѣщавалъ каждаго изъ нихъ къ духовному совершенству, говоря: переходитъ образъ міра сего, и жизнь истинная та, которая покупается несчастьями жизни настоящей.

Желая однакоже показать имъ примѣръ какъ смиренія, такъ и общительности, онъ въ опредѣленные дни передъ временемъ собранія винограда обходилъ келліи монаховъ. Когда братія узнали это, они все стали собираться къ нему и въ сопровожденіи такого вождя обходили монастыри, имѣя съ собою собственные дорожные запасы: потому что ихъ сходились иногда до двухъ тысячъ человѣкъ. Впрочемъ, когда наступало это время, то всякая деревня съ радостію доставляла сосѣднимъ монахамъ пищу для принятія святыхъ. Усердіе его было такъ велико, что онъ не проходилъ мимо самаго простаго, самаго бѣднаго брата; чему доказательствомъ служить и то, что на пути въ пустыню Кадесъ, онъ съ несчетнымъ количествомъ монаховъ достигъ Елузы, и случайно, въ тотъ самый день, когда все населеніе города собиралось на годовой праздникъ въ храмъ Венеры. Они поклонялись ей ради Люцифера, котораго боготворилъ народъ сарацинскій. Впрочемъ и самый городъ, по мѣстному своему положенію, большинство населенія имѣлъ полуварварское. Итакъ, услышавши, что проходитъ святой Иларіонъ (онъ часто исцѣлялъ многихъ сарацинъ, одержимыхъ демономъ), жители вышли къ нему навстрѣчу толпами съ женами и дѣтьми, склоняя предъ нимъ головы и восклицая по сирски *baresh*, т. е. *благослови*. Ласково и кротко принявъ ихъ, онъ умолялъ ихъ почитать болѣе Бога, чѣмъ камни; при этомъ онъ горько плакалъ, взирая на небо и обѣщая часто приходитъ къ нимъ, если они увѣруютъ во Христа. Удивительна благодать Господня: она дозволила ему уйти не прежде, какъ онъ положилъ основаніе будущей

церкви; и жрецъ ихъ, носившій прежде корону, запечаталъ себя знаменіемъ Христовымъ.

Въ другомъ году, когда онъ собирался посѣщать монастыри и записывалъ на листкѣ бумаги, у кого слѣдуетъ остановиться, кого посѣтить мимоходомъ, монахи, зная большую скупость одного изъ братьевъ и желая вмѣстѣ съ тѣмъ излечить его отъ порока, просили, чтобы онъ остановился у него. Онъ сказалъ имъ: зачѣмъ вы и сами называетесь на оскорбленіе, и брату хотите сдѣлать огорченіе? Когда потомъ услышалъ объ этомъ скупой братъ, ему сдѣлалось стыдно; и онъ едва, при содѣйствіи всѣхъ, упрямилъ коекакъ, чтобы старецъ помѣстилъ и его монастырь въ списокъ своихъ остановокъ. Когда же черезъ десять дней они пришли къ нему, въ виноградникъ, въ который они вошли, уже были разставлены сторожа, которые, расхаживая, стращали камнями, бросаньемъ глыбъ и помахиваньемъ пращами. Всѣ ушли рано, не съѣвъ и ягоды виноградной. Старецъ улыбался и подавалъ видъ, будто не знаетъ, что случилось.

Затѣмъ они были приняты другимъ монахомъ, по имени Саввою (имя скупца мы должны промолчать, но щедрого—назвать). Такъ какъ былъ день воскресный, онъ пригласилъ всѣхъ въ виноградникъ, чтобы до обѣденнаго часа они подкрѣпили себя виноградомъ послѣ труднаго пути. Святой сказалъ: проклять тотъ, кто ищетъ возстановленія силъ тѣлесныхъ прежде, чѣмъ душевныхъ. Помолимся, пропоемъ псаломъ, воздадимъ должное Господу, и потомъ отправимся въ виноградникъ. Итакъ, по окончаніи службы, онъ, ставъ на возвышенномъ мѣстѣ, благословилъ виноградникъ, и отпустилъ своихъ овецъ на пастбище. Кормившихся же было не менѣе трехъ тысячъ. А между тѣмъ виноградникъ, съ котораго, пока онъ былъ не тронутъ, рассчитывали получить сто кувшиновъ (вина), черезъ двадцать дней послѣ

далъ триста. Тотъ же, скупой, братъ былъ въ крайней скорби: потому что не только собралъ гораздо менѣе обыкновеннаго, но и то, что имѣлъ, обратилось въ уксусъ. Старецъ предсказывалъ это многимъ братьямъ еще прежде, чѣмъ случилось. Онъ имѣлъ отвращеніе особенно къ монахамъ, которые съ нѣкоторою измѣною своимъ обѣтамъ берегутъ свою собственность на будущее, и соблюдаютъ бережливость или въ издержкахъ, или въ одеждѣ, или въ чемъ либо другомъ, что переходитъ съ вѣкомъ.

Наконецъ, онъ прогналъ съ глазъ своихъ одного брата, жившаго отъ него почти въ пяти миляхъ; потому что узналъ, что тотъ чрезвычайно осторожно и трусливо бережетъ свой виноградникъ, и имѣетъ немного денегъ. Тотъ, желая помнитися съ старцемъ, прихаживалъ часто къ братіямъ, а особенно—къ Исихію, котораго старецъ весьма любилъ. И вотъ въ одинъ день онъ принесъ вязанку зеленого гороху, съ бѣлками, какъ росъ. Когда же Исихій положилъ его вечеромъ на столѣ, старецъ закричалъ, что не можетъ переносить его дурнаго запаха, и вмѣстѣ спросилъ, откуда этотъ горохъ. Исихій отвѣчалъ, что одинъ братъ принесъ братіямъ начатки отъ своей маленькой пашни. Тогда онъ сказалъ: неужели ты не слышишь отвратительнаго запаха, и не чувствуешь, какъ отъ гороха смердитъ скупостію? Отошли воламъ, отошли скотамъ несмышленнымъ, и посмотри, будутъ ли они ѣсть. Когда тотъ, слѣдуя приказанію, положилъ горохъ въ ясли, волы, испуганные и мыча болѣе обыкновеннаго, оборвали привязи и разбѣжались въ разныя стороны. Старецъ имѣлъ благодатный даръ по запаху тѣла и одеждъ, и всего, чего кто касался, узнавать того демона, или тотъ порокъ, которому былъ переданъ кто.

Итакъ, видя на шестьдесятъ третьемъ году своей жизни огромный монастырь и множество живущихъ съ нимъ братій, равно и толпы людей, приводившихъ къ нему раз-

личныхъ больныхъ и одержимыхъ нечистыми духами, такъ что пустыня со всеѣхъ сторонъ была наполнена людьми, всякаго рода,—видя все это, старецъ плакалъ ежедневно и съ невѣроятною любовію воспоминалъ свой прежній образъ жизни. Когда братія спросили, что такое сокрушаетъ его, онъ сказалъ: снова я возвратился въ міръ и получилъ свою награду во время своей жизни. Вотъ жители Палестины и сосѣднія области считаютъ меня чѣмъ-то важнымъ; а я, подъ предлогомъ братской экономіи въ монастырѣ, имѣю кой какую домашнюю рухлять. Но братія, особенно Исихій, который съ удивительною любовію чтить старца, стерегли его. Когда онъ прожилъ такъ въ слезахъ два года, извѣстная Аристенета, о которой мы упоминали прежде, бывшая тогда уже женою префекта, но не имѣвшая ничего изъ обыкновенной префектамъ обстановки, пришла къ нему, съ намѣреніемъ идти отъ него и къ Антонію. Хотѣлъ бы и я самъ идти, сказалъ онъ ей со слезами, еслибы не держали меня запертымъ въ тюрьмѣ этого монастыря, и если бы была какая-нибудь польза отъ путешествія. Сегодня уже два дня, какъ весь міръ лишился этого отца. Она повѣрила ему и не продолжала пути. А чрезъ нѣсколько дней прибылъ вѣстникъ, и она услышала о смерти Антонія.

Другіе удивляются чудесамъ совершеннымъ имъ,—удивляются его невѣроятному воздержанію, знанію, смиренію. А я ничему такъ не изумляюсь, какъ тому, до какой степени онъ могъ пренебрегать славою и почетомъ. Сходились къ нему епископы, пресвитеры, цѣлыя толпы клириковъ, монаховъ и благородныхъ христіанскихъ женщинъ (великое испытаніе!), и не только отовсюду изъ городовъ и деревень простой народъ, но и люди сильные, и судьи, чтобы получить отъ него благословенный хлѣбъ или елей. А онъ не думалъ ни о чомъ, кромѣ пустыни, такъ что назначилъ извѣстный день для отъѣзда. Приведенъ былъ и осель (по-

тому что, истощенный чрезмѣрнымъ постомъ, онъ едва могъ ходить); онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы вырваться въ путь. Когда разнеслась молва объ этомъ, казалось, будто Палестинѣ назначены выселеніе и вакаціи: болѣе десяти тысячъ человѣкъ разнаго возраста и пола собралось, чтобы не пустить его. Онъ оставался непреклоннымъ на просьбы, и, разбивая песокъ посохомъ, говорилъ: не едѣлаю Господа моего живымъ; не могу я видѣть церкви низпровергнутыми, алтари Христовы поцранными, кровь дѣтей моихъ пролитою. Всѣ присутствующіе поняли при этомъ, что ему открыто нѣчто таинственное, чего онъ не хотѣлъ сказать; но тѣмъ не менѣе стерегли, чтобы онъ не уѣхалъ. Тогда онъ рѣшился, объявивъ объ этомъ во всеуслышаніе, не принимать ни нищи, ни питья, пока его не отпустятъ. Спустя послѣ этого семь дней, изнуренный постомъ и простившись съ очень многими, онъ отправился наконецъ въ Бетилій, сопровождаемый безчисленнымъ множествомъ людей; тамъ убѣдивъ толпы возвратиться, онъ выбралъ сорокъ монаховъ, которые имѣли дорожные припасы и могли выступить въ путь, соблюдая постъ, т. е. по захожденіи солнца. Посѣтивъ потомъ братьевъ, жившихъ въ сосѣдней пустынѣ, и остановившись нѣсколько времени на мѣстѣ, называемомъ Лихносъ, онъ черезъ три дня достигъ крѣпости Теубатской, чтобы увидѣть епископа и исповѣдника Драконція, который былъ сосланъ туда въ ссылку. Тотъ былъ неимоვნю утѣшенъ прибытіемъ такого мужа; а черезъ три дня потомъ онъ со многими трудомъ дошелъ до Вавилона, чтобы посѣтить епископа и тоже исповѣдника—Филона. Потому что императоръ Констанцій, покровительствуя ереси аріанской, сослалъ обоихъ въ тѣ мѣста. Отправившись оттуда, онъ черезъ три дня пришелъ въ городъ Афродитонъ. Тамъ, условившись съ діакономъ Байзаномъ, который, по причинѣ недостатка воды въ пустынѣ, перевозилъ путешественниковъ

къ Антонію наемными другоробыми верблюдами), онъ объявилъ братіямъ, что наступаетъ день успенія Антонія, и что онъ долженъ провести ночь въ бдѣніи на самомъ мѣстѣ погребенія его. Итакъ, они достигли наконецъ чрезъ три дня по обширной и страшной пустынѣ до весьма высокой горы, гдѣ нашли двухъ монаховъ, Исаака и Пелузіана, изъ коихъ Исаакъ былъ переводчикомъ у Антонія.

Такъ какъ представился случай, и притомъ—кстати, то мы считаемъ приличнымъ описать коротко жилище такого мужа. Каменная и высокая гора, около тысячи шаговъ въ окружности, выдавливаетъ у подошвы своей воду, часть которой поглощается песками, а другая, проникая далѣе, образуетъ потокъ, надъ которымъ растуція по обоимъ берегамъ безчисленныя пальмы, придаютъ мѣсту много прелести и удобства. Ты увидалъ бы старца, расхаживающаго туда и сюда съ учениками блаженнаго Антонія. Здѣсь, говорятъ они, онъ обыкновенно пѣлъ псалмы, здѣсь молился, здѣсь работалъ, здѣсь отдыхалъ. Эти виноградныя лозы, эти деревца онъ самъ насадилъ: эту грядочку онъ устроилъ собственными руками. Этотъ водоемъ для орошенія садика онъ сдѣлалъ съ большимъ трудомъ. А вотъ тою мотыкою онъ много лѣтъ воздѣлывалъ землю. Ложился онъ (Иларіонъ) на постелѣ его, и лобызалъ кровать его, будто теплую еще. Келейка его въ длину и широту была не болѣе, какъ сколько могъ занять человекъ спящій. Кромѣ того, на самой вершинѣ, куда они вошли будто по витой лѣстницѣ и съ чрезвычайнымъ усиліемъ, они видѣли двѣ келейки того же размѣра: въ нихъ онъ живалъ, избѣгая посѣщеній приходящихъ и сообщества вмѣстѣ жившихъ съ нимъ учениковъ. Впрочемъ эти келейки были высѣчены изъ естественнаго камня, и имъ были придашы только двери. Послѣ этого они вошли въ садикъ.—Посмотрите на этотъ плодовый садикъ, усаженный деревцами и зеленѣющей ово-

щами, сказалъ Исаакъ. Когда, почти три года тому назадъ, опустошило его стадо дикихъ ословъ, онъ приказалъ одному изъ вожаговъ ихъ остановиться и побилъ его по бокамъ палкою, приговаривая: зачѣмъ ѣдите, чего не сѣяли? И съ тѣхъ поръ, исключая воды, которую приходили пить, они никогда не трогали ни деревца, ни овощей. Затѣмъ старецъ просилъ показать мѣсто его погребенія. Тѣ повели его одного, и показали ли, или нѣтъ, неизвѣстно. Они объяснили, что согласно съ повелѣніемъ Антонія, скрываютъ это мѣсто для того, чтобы Пергалій, бывший самымъ богатымъ человѣкомъ въ той мѣстности, не перенесъ тѣла въ свою доревню и не построилъ мартирія ¹⁾).

Возвратившись оттуда въ Афродитонъ, онъ удержалъ при себѣ только двухъ братьевъ, и сталъ жить въ сосѣдней пустынѣ въ такомъ воздержаніи и безмолвіи, что, по его словамъ, тогда только въ первый разъ началъ служить Христу. Было уже три года, какъ бездождное небо изсушало ту мѣстность; всюду говорили, что смерть Антонія оплакиваютъ самыя стихіи. Слава Иларіона не укрылась отъ сосѣднихъ тому мѣсту жителей: мужескій и женскій полъ блѣдными и истонченными отъ голода устами умолялъ о дождѣ раба Христова, т. е. преемника блаженнаго Антонія. Видъ ихъ причинилъ ему сильную скорбь. Возведши глаза на небо и простерши въ высоту длани, онъ тотчасъ же испросилъ, о чемъ они умоляли. Но страна, изсушенная бездождіемъ и песчаная, послѣ того какъ была смочена дождями, вскипѣла вдругъ такимъ множествомъ змѣй и ядовитыхъ животныхъ, что несчетное множество уязвленныхъ ими умирали тотчасъ, если не обращались къ Иларіону. Почему

¹⁾ *Мартиріемъ* назывался храмъ, построенный надъ гробомъ мученика или исповѣдника.

всѣ земледѣльцы и пастухи выздоравливали совершенно, помазывая раны благословленнымъ елеемъ.

Увидѣвъ же себя и тамъ въ удивительномъ почетѣ, онъ отправился въ Александрію, рассчитывая пройти къ отдаленнѣйшему Оазису въ пустыню. Не останавливаясь никогда, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался монахомъ, въ городахъ, онъ завернулъ къ нѣкоторымъ знакомымъ ему братьямъ въ Брухіи, не далеко отъ Александріи. Они приняли старца съ необычайною радостію. Приближалась уже ночь. Вдругъ они услышали, что ученики его сѣдлаютъ осла и онъ готовится отправляться. Припавъ къ ногамъ его, они просили не дѣлать этого, и простершись на порогъ, увѣрили, что скорѣе умрутъ, чѣмъ выпустятъ такого гостя. Онъ отвѣчалъ имъ: для того спѣшу уѣхать, чтобы не причинить вамъ скорби. Послѣ вы увѣритесь, что я не безъ причины ухожу такъ скоро. Дѣйствительно, на другой день вступили въ монастырь газцы съ ликторами префекта (ибо узнали, что онъ наканунѣ пришелъ туда), и не нашедши его, говорили другъ другу: неужели правда, что мы слышали,—что онъ волшебникъ, и знаетъ будущее?.. Ибо городъ Газа, послѣ того какъ, по выгнѣтіи Иларіона изъ Палестины, вступилъ на престолъ Юліанъ, разрушивши его монастырь, поданными къ императору прошеніями, испросилъ смертную казнь Иларіону и Исихію. Были разосланы по всей имперіи предписанія отыскать обоихъ.

Итакъ, вышедши изъ Брухіи, онъ чрезъ непроходимую пустыню проникъ въ Оазисъ, и прожилъ тамъ ровно годъ. Но такъ какъ слава о немъ дошла и туда: то какъ бы не въ состояніи будучи укрыться на Востокѣ, гдѣ многіе знали его и по слуху, и въ лицо, онъ задумалъ уплыть на уединенныя острова, чтобы по крайней мѣрѣ море скрыло того, о комъ разглашала земля. Въ тоже почти время пришелъ къ нему изъ Палестины ученикъ его Адріанъ; этотъ говорилъ

ему, что Юліанъ убить, что началъ царствовать императоръ христіанинъ (Іовіанъ), и что ему должно возвратиться на развалины своего монастыря. Выслушавъ это, старецъ не изъявилъ соизволенія; и на наемномъ верблюдѣ чрезъ обширную пустыню прибылъ въ Паретоній, приморскій городъ Ливіи. Тамъ несчастный Адріанъ, желая возвратиться въ Палестину и домогаясь пользоваться по прежнему славою своего учителя, нанесъ ему множество оскорбленій. Наконецъ, собравъ все, что было прислано чрезъ него отъ братьевъ, ушелъ безъ его вѣдома. Такъ какъ другаго случая не представится говорить объ этомъ, то въ предостереженіе тѣхъ, которые презираютъ учителей, я скажу только, что спустя нѣсколько времени онъ сгнилъ отъ желтухи (болѣзни).

А старецъ, имѣя при себѣ Газана, взошелъ на корабль, плавшій въ Сицилію. Когда же онъ хотѣлъ продать книгу Евангелій, писанную имъ своеручно въ молодости, чтобы заплатить за перевозъ почти на срединѣ Адриатическаго моря, то сынъ корабельнаго шкипера, которымъ овладѣлъ демонъ, сталъ кричать и говорить: Иларіонъ рабъ Божій, зачѣмъ намъ нѣтъ безопасности отъ тебя и на морѣ? Дай мнѣ возможность достигнуть суши; иначе, изгнанный здѣсь, я буду низринуть въ бездну. Онъ сказалъ ему: если мой Богъ дозволяетъ тебѣ пребыть, пребудь; если же онъ тебя изгоняетъ, то зачѣмъ ты приводишь въ ненависть меня, чело-вѣка грѣшнаго и нищаго? А говорилъ онъ такъ для того, чтобы корабельщики и купцы, плившіе на кораблѣ, достигнувъ суши, не выдали его. Немного послѣ онъ очистилъ отрока, взявши съ отца и прочихъ присутствовавшихъ слово, что они не скажутъ имени его.

Когда прибылъ онъ къ Пахину, мысу сицилійскому, то принесъ шкиперу за перевозъ свой и Газана Евангеліе. Тотъ не хотѣлъ брать; увидѣвъ же, что исключая этой книги и того, во что были одѣты, они не имѣютъ ничего болѣе, онъ

покаялся, наконецъ, что не возьметъ. И старецъ, съ своей стороны, тронутый вниманіемъ къ положенію бѣдняка, радовался особенно тому, что не имѣетъ ничего временнаго, и что жители того мѣста считаютъ его нищимъ.

Затѣмъ, опасаясь, чтобы проходящіе съ Востока купцы не распространили о немъ свѣдѣній, онъ ушелъ въ мѣста, находящіяся въ срединѣ острова, т. е. на двадцать миль отъ моря. Тамъ, на одномъ маленькомъ необитаемомъ полѣ собирая ежедневно по вязкѣ дровъ, онъ взваливалъ на спину ученика, и продавъ въ ближайшей деревнѣ, покупалъ и себѣ пищу, и немного хлѣба для тѣхъ, которые могли прійти къ нему. Но справедливо говоритъ Писаніе: *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Мат. 5, 14). Когда нѣкто Скутарій подвергся болѣзненному припадку въ церкви блаженнаго Петра въ Римѣ, нечистый духъ въ немъ провозгласилъ: за нѣсколько дней передъ этимъ вступилъ въ Сицилію рабъ Христовъ Иларіонъ; никто его не знаетъ, и онъ рассчитываетъ остаться неизвѣстнымъ. Я пойду, и выдамъ его. И тотчасъ же, сѣвши на корабль въ портѣ, онъ присталъ къ Пахину, и руководимый демономъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ простерся передъ шалашомъ старца, получилъ исцѣленіе. Это начало чудесъ его въ Сициліи привлекло къ нему потомъ безчисленное множество не только больныхъ, но и людей благочестивыхъ. Между прочимъ одинъ изъ знатныхъ людей, страдавшій водяною болѣзнію, былъ излеченъ имъ въ самый день прихода къ нему. Послѣ, принеши ему чрезвычайное множество подарковъ, услышалъ въ отвѣтъ сказанное ученикамъ Спасителемъ: *туне пріяте, туне дадите* (Мат. 10, 8).

Пока это происходило въ Сициліи, ученикъ его Исихій разыскивалъ старца по всей имперіи, осматривая берега, проникая въ пустыни, поддерживаемый при этомъ единственно убѣжденіемъ, что гдѣ бы старецъ ни былъ, долго скрываться

не можетъ. По прошествіи уже трехъ лѣтъ онъ услышалъ въ Меонѣ отъ одного іудея, продававшаго простому народу дешевыя старыя вещи, что въ Сициліи явился христіанскій пророкъ, который творитъ такія знаменія и чудеса, что считается за одного изъ древнихъ святыхъ. На вопросъ о его видѣ, образѣ жизни и языкѣ, а особенно о лѣтахъ, онъ не могъ получить никакихъ свѣдѣній. Потому что рассказчикъ говорилъ, что до него дошелъ только слухъ о томъ человѣкѣ. Итакъ, вступивъ въ Адриатическое море, онъ быстро приплылъ въ Пахинъ. Тамъ, въ одной деревенькѣ, расположенной на береговомъ изгибѣ, собравъ слухи о старцѣ, онъ узналъ изъ согласныхъ показаній всѣхъ, гдѣ онъ жилъ, что дѣлалъ. Всѣ ничему столько не удивлялись въ старцѣ, какъ тому, что послѣ столькихъ знаменій и чудесъ, онъ не взялъ ни отъ кого въ тѣхъ мѣстахъ и куска хлѣба. Не распространяясь долго, скажу, что святой мужъ Исихій, припавъ къ колѣнамъ учителя и оросивъ слезами ноги его, потомъ поднятый имъ, дня черезъ два или три услышалъ отъ Газана, что старецъ уже не можетъ жить въ тѣхъ странахъ; но хочетъ уйти къ нѣкоторымъ варварскимъ народамъ, гдѣ были бы неизвѣстны ни его имя, ни слава.

Итакъ онъ проводилъ его въ далматскій городъ Елидавръ; но проживъ въ сосѣднемъ урочищѣ нѣсколько дней, онъ не могъ и тамъ остаться неизвѣстнымъ. Удивительной величины драконъ, которыхъ на мѣстномъ языкѣ называютъ *боа* (boas) потому, что по громадности своей они проглатываютъ обыкновенно и быковъ (boves), опустошалъ всю область кругомъ, и пожиралъ не только скотъ крупный и мелкій, но и землещельцевъ и пастуховъ, которыхъ привлекалъ къ себѣ силою дыханія. Старецъ приказалъ приготовить костеръ, вознесъ молитву ко Христу, вызвалъ змія, велѣлъ взойти ему на сложенные дрова и подожилъ огонь. Такимъ образомъ въ глазахъ всего народа онъ сожегъ громаднаго

звѣря. Недоумѣвая потомъ, что дѣлать, куда обратиться, онъ приготовился къ новому бѣгству; и пробѣгая въ умѣ пустынные земли, горевалъ, что о немъ говорятъ чудеса, когда молчить языкъ.

Въ это время отъ всеобщаго землетрясенія, случившагося послѣ смерти Юліана, моря вышли изъ предѣловъ своихъ; казалось, Богъ угрожаетъ снова потопомъ, или что все возвратится въ древній хаосъ; принесенные къ горамъ, корабли висѣли на утесахъ ихъ. Епидавряне, увидѣвъ это, т. е. какъ несутся на берега шумящія волны, громады валовъ и массы водоворотовъ, и опасаясь, какъ это уже случилось на глазахъ ихъ, чтобы городъ не разрушился до основанія, пошли за старцемъ, и будто отправляясь на сраженіе, поставили его на берегу. Когда онъ начертилъ на пескѣ три креста и простеръ впередъ руку, вздущееся море остановилось передъ нимъ на такой высотѣ, что трудно повѣрить; и долго шумя и будто сердясь на препону, мало по малу улеглось въ своихъ прежнихъ предѣлахъ. Епидавръ и вся та страна рассказываетъ объ этомъ и до настоящаго времени, и матери учатъ дѣтей своихъ передавать на память потомству. Истинно, сказанное апостоломъ: если будете имѣть вѣру, и речете горѣ сей, двигнися въ море, и будетъ (Мат. 21, 21) можетъ исполниться и буквально, если только будетъ имѣть кто апостольскую вѣру, и такую, какую заповѣдалъ имъ имѣть Господь. Ибо какая разница, вверглась ли бы гора въ море, или безмѣрныя горы водъ вдругъ отвердѣли, и окаменѣвъ только у ногъ старца, съ другой стороны текли въ жидкомъ состояніи?

Весь городъ былъ въ изумленіи; чудо было такъ велико, что слухъ о немъ дошелъ до Салоны¹⁾. Узпавъ это, старецъ тайно ночью бѣжалъ на маленькой шлюпкѣ, и че-

¹⁾ Городъ въ Далмаціи.

резъ два дня встрѣтивъ грузовое судно, продолжалъ путь къ Кипру. Между Малеею и Цитерою, морскіе разбойники, оставивъ на берегу флотъ, который управлялся не реями, а шестами, вышли имъ навстрѣчу на двухъ не малыхъ легкоходныхъ фрегатахъ; а между тѣмъ то съ той, то съ другой стороны начинало встрѣчаться волненіе. Всѣ гребцы оторопѣли, плакали, бѣгали туда и сюда, готовили шесты, и будто одного вѣстника было мало, наперерывъ другъ передъ другомъ говорили старцу, что разбойники близко. Онъ, увидѣвъ ихъ издали, улыбнулся. Потомъ, обратясь къ ученикамъ, сказалъ: маловѣры, почто усумнились (Мат. 14, 31)? Развѣ ихъ больше, чѣмъ Фараоново войско? А вѣдь Господь все его потопилъ. Такъ говорилъ онъ имъ, а между тѣмъ вражескія суда, всплывая носами море, были не далѣе, какъ на верженіе камня. Тогда онъ сталъ на корабельномъ носу, и простерши руку на встрѣчу идущимъ, сказалъ: достаточно вамъ дойти до сюда. И удивительное согласіе дѣла съ словомъ! Суда тотчасъ начали отступать назадъ, и хотя гребли впередъ, двигались въ сторону кормовой части. Разбойники удивлялись, противъ воли возвращаясь назадъ; и работая всѣми силами, чтобы достигнуть корабля, неслись къ берегу еще быстрѣе, чѣмъ пришли.

Опущу остальное, чтобы не показалось, будто я расширяю объемъ книги описаніемъ чудесъ. Скажу только, что во время благополучнаго плаванія его между Цикладскими островами, онъ то тамъ, то здѣсь слышалъ голоса нечистыхъ духовъ, кричавшихъ изъ городовъ и сель, и выбѣгавшихъ къ берегамъ навстрѣчу ему. Такъ онъ прибылъ въ Паѳосъ, кипрскій городъ, извѣстный по стихамъ поэтовъ, который, разрушаясь отъ частыхъ землетрясеній, въ настоящее время только слѣдами разваливъ напоминаетъ то, чѣмъ онъ былъ въ древности. Въ двухъ миляхъ отъ города и поселился онъ, никому неизвѣстный, и радовался, что хоть немного дней

проживетъ въ покоѣ. Но не прошло и двадцати дней, какъ одержимые нечистыми духами по всему острову стали кричать, что пришелъ Иларіонъ рабъ Христовъ, и что слѣдуетъ слѣшнить къ нему. Кричали это въ Саламинѣ, кричали въ Курин, кричали Ланеѣ и другихъ городахъ; многіе утверждали, что знаютъ Иларіона и что онъ истинно есть рабъ Божій, но не знаютъ, гдѣ онъ находится. Итакъ не далѣе, какъ чрезъ тридцать дней. къ нему собралось около двухсотъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Увидѣвъ ихъ, онъ огорчился, что его не оставляютъ въ покоѣ, и какъ бы въ сердцахъ, въ отмщеніе за себя, наказалъ ихъ такими усиленными молитвами, что нѣкоторые исцѣлились тотчасъ же, другіе чрезъ два и три дня, а всѣ—въпродолженіи одной недѣли.

Живя тамъ два года и постоянно думая о бѣгствѣ, онъ послалъ Исихія въ Палестину для привѣтствованія братій и посѣщенія своего монастырскаго пепелища, съ тѣмъ, чтобы онъ вернулся къ нему весною. Когда тотъ вернулся, старецъ снова хотѣлъ плыть въ Египетъ, т. е. въ ту мѣстность, которая называется Буколією, потому что тамъ не было никого изъ христіанъ, а жилъ только народъ варварскій и свирѣпый. Но Исихій посовѣтовалъ ему удалиться въ болѣе тайное мѣсто на томъ же островѣ. Послѣ долгаго осмотра всякаго рода мѣстъ, нашедши такое, Исихій отвелъ его на двѣнадцать миль отъ моря въ уединенныя и утесистыя горы, куда онъ едва могъ взобраться, ползая на рукахъ и колѣнахъ. Пробравшись, онъ увидѣлъ, что мѣсто дѣйствительно весьма страшное и уединенное, окружено со всѣхъ сторонъ деревьями, орошается водою съ вершины холма, имѣетъ видъ весьма пріятнаго сада и множество фруктовыхъ деревьевъ, плодовъ которыхъ онъ никогда еще не употреблялъ въ пищу; а подлѣ него находились развалины древнѣйшаго храма, изъ которыхъ (какъ онъ разсказывалъ самъ и подтверждали ученики его) по ночамъ и въ днев-

ное время слышались голоса такого безчисленного множества демоновъ, что, казалось, тамъ было цѣлое войско. Весьма довольный послѣднимъ обстоятельствомъ, т. е. что имѣлъ такъ близко подлѣ себя сопротивниковъ, онъ прожилъ тамъ пять лѣтъ, и при частыхъ посѣщеніяхъ его Исихіемъ, въ послѣднее уже время своей жизни нашелъ отраду въ томъ, что по причинѣ дикости и недоступности мѣста и множества привидѣній (какъ гласила молва), никто или рѣдко кто могъ и осмѣлился бы проникнуть къ нему. Но однажды вышедши въ садъ, онъ увидѣлъ передъ воротами лежащаго человѣка, всего разбитаго параличемъ. Спросилъ Исихія, кто бы это былъ, или какъ былъ доставленъ сюда. Тотъ отвѣчалъ, что это былъ управляющій тѣмъ маленькимъ сельцомъ, къ которому принадлежитъ и садикъ, гдѣ они сами находились. Тогда онъ, прослезившись и протянувъ къ лежащему руку, сказалъ: во имя Господа нашего Иисуса Христа говорю тебѣ, встань и ходи. Чудная быстрота: еще слова вертѣлись на языкѣ говорящаго, а уже окрѣпнувшіе въ силѣ члены поднимали человѣка! Когда сдѣлалось это извѣстнымъ, крайность вынудила очень многихъ побѣждать и трудности мѣста, и непроходимость пути. Всѣ окружныя деревни ни за чѣмъ не наблюдали такъ, какъ за тѣмъ, чтобы онъ какъ нибудь не скрылся. Ибо распространился на счетъ его слухъ, что онъ не можетъ оставаться долго въ одномъ и томъ же мѣстѣ. А дѣлалъ онъ это не по легкомыслію какому нибудь, или ребячеству, но избѣгая почета и докучливости: потому что всегда искалъ безмолвія и жизни въ безвѣстности.

На восемьдесятomъ году своей жизни, во время отсутствія Исихія, онъ написалъ, какъ бы взаимныя духовнаго завѣщанія, собственноручное письмо, въ которомъ все свое богатство (т. е. Евангеліе, тунику изъ грубаго холста, клубъ и епанчу) оставлялъ ему: потому что слуга его за

нѣсколько дней передъ тѣмъ умеръ. Когда онъ заболѣлъ, къ нему пришли изъ Палестины многіе благочестивые мужи, особенно потому, что слышали, будто онъ сказалъ, что уже отходить ко Господу и долженъ освободиться отъ узъ тѣлесныхъ. Пришла и нѣкая святая женщина, Констанція, зятя и дочь которой онъ спасъ отъ смерти, помазавъ елеемъ. Онъ заклиналъ ихъ всѣхъ не сохранять его по смерти и одной минуты; но немедленно въ томъ же садикѣ зарыть его въ землѣ, какъ былъ одѣтъ, въ власяницѣ и клобукѣ, и въ простой епанчѣ.

Уже едва была замѣтна теплота въ груди, и не осталось для чувства никакихъ признаковъ живаго человѣка; однакоже онъ, раскрывъ глаза, проговорилъ: выходи, душа моя, чего колеблешься? Почти семьдесятъ лѣтъ ты служила Христу, и боишься смерти? Съ этими словами онъ испустилъ духъ. И тотчасъ засыпавъ его землею, объявили городу о погребеніи его прежде, чѣмъ о смерти.

Когда услышалъ объ этомъ святой мужъ Исихій, то прибылъ въ Кипръ, и подавая видъ, будто хочетъ жить въ томъ же садикѣ (чтобы отклонить подозрѣніе тщательно сторожишихъ сосѣднихъ жителей), спустя почти десять мѣсяцевъ укралъ его тѣло съ великою опасностію для собственной жизни. Перенесши его, въ сопровожденіи всѣхъ монаховъ и множества жителей изъ городовъ, въ Майюму, положилъ въ прежнемъ монастырѣ. Туника, клобукъ и епанча были цѣлы; все тѣло, будто живое, невредимо, и издавало такія благовонія, что можно было счесть его намащеннымъ мастью.

Въ заключеніе книги, нахожу невозможнымъ для себя умолчать о преданности (къ Иларіону), упомянутой святѣйшей жены, Констанціи. Когда дошла до нея вѣсть, что останки Иларіона находятся въ Палестинѣ, она тотчасъ пала мертвою, доказавъ даже смертію своею истинную любовь къ

рабу Божію. Ибо она имѣла обыкновеніе проводить ночи въ бдѣніи на могилѣ его, и для содѣйствія молитвамъ своимъ, бесѣдовать съ нимъ, будто съ присутствующимъ. Извѣстенъ и доселѣ удивительный споръ между жителями Палестины и Кипра; тѣ доказываютъ, что у нихъ тѣло Иларіона, а эти—что съ ними духъ его. И однакоже въ томъ и другомъ мѣстѣ бывають великія чудеса. Но болѣе бываетъ ихъ въ саднѣ кипрскомъ, можетъ быть потому, что святой болѣе любилъ то мѣсто.

Жизнь плѣннаго монаха Малха.

Приготовляющіеся къ морскому сраженію сперва въ портѣ и на спокойномъ морѣ прекращають движеніе рулей, складываютъ весла, готовятъ желѣзныя лапы и якори; и разставивъ на палубѣ солдатъ, приучають ихъ держаться твердо на колеблющемся и шаткомъ мѣстѣ. Это—для того, чтобы, изучивъ примѣрную войну, они не устрашились, когда будутъ въ дѣйствительномъ сраженіи. Такъ и я, послѣ долгаго молчанія (меня заставилъ молчать тотъ, для кого рѣчь моя служить казнию), хочу сперва испытать себя въ маломъ разсказѣ и какъ бы счистить съ языка нѣкоторую ржавчину, чтобы быть въ состояніи начать болѣе обширную исторію. Ибо я рѣшился (если, конечно, Господь продолжитъ жизнь, и если поносящіе меня оставятъ свои преслѣдованія по крайней мѣрѣ въ виду того, что я убѣгаю и прячусь отъ нихъ) описать, отъ пришествія Спасителя до нашего вѣка, т. е. отъ апостоловъ до послѣднихъ дней нашего времени, какимъ образомъ и чрезъ кого получила бытіе Церковь Христова, и какъ, укрѣпившись, возрасла она во время гоненій и увѣнчалась мученичествомъ; а послѣ того какъ стала подъ покровительство христіанскихъ государей, уси-

лившись могуществомъ и богатствомъ, ослабѣла добродѣтелями. Но объ этомъ въ другое время. Теперь приступимъ къ предположенному.

Въ разстояніи около тридцати миль отъ сирійскаго города Антіохіи, нѣсколько къ востоку, находится деревня Маронія. Эта деревня, послѣ многихъ хозяевъ и опекуновъ, въ то время, когда я мальчикомъ проживалъ въ Сиріи, поступила во владѣніе родственника моего, папы Евагрія. Называлъ я его здѣсь для того, чтобы показать, откуда узналъ я, о чемъ хочу писать. Итакъ, жилъ тамъ одинъ старикъ, именемъ Малхъ (котораго мы могли бы назвать полатини царемъ ¹⁾), по національности и языку сиріянинъ, такъ, что въ строгомъ смыслѣ былъ кореннымъ жителемъ того мѣста. Жилъ онъ вмѣстѣ съ старухою, весьма дряхлою и, повидимому, близкою уже къ смерти. Оба они были такъ ревностно благочестивы и такъ часто посѣщали церковь, что ихъ можно было бы считать за евангельскихъ Захарію и Елисавету, если бы между ними былъ Іоаннъ. Когда изъ любопытства я спрашивалъ у мѣстныхъ жителей, какая была между ними связь: супружеская ли, или кровная, или духовная, — всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что они люди святые, богоугодные, и намекали на что-то удивительное. Увлеченный любопытствомъ, я настойчиво приступилъ къ этому человѣку, и тщательно вывѣдывая истину дѣла, узналъ отъ него слѣдующее.

«Я, говорилъ онъ, по рожденію—земледѣлецъ изъ низвійской деревеньки, былъ одинъ у своихъ родителей. Когда они принуждали меня, какъ отрасль рода своего и наследника своей фамиліи, вступить въ бракъ, я отвѣчалъ, что лучше хочу быть монахомъ. Сколько ни преслѣдовали меня

¹⁾ То есть отъ еврейскаго—*melceh*--царь.

отецъ угрозами, а мать ласками, это послужило только къ тому, что я убѣждалъ изъ дома и отъ родителей. Но такъ такъ я не могъ идти къ востоку по причинѣ близости персидской границы и военной стражи римской, то повернулъ на западъ, имѣя съ собою какой-то маленькій путевой запасъ, едва обезпечивавшій самыя необходимыя мои потребности. И что же? Я достигъ однакоже пустыни Халкидской, которая лежитъ южнѣе Иммы и Берои. Нашедши тамъ монаховъ, я отдалъ себя руководству ихъ, приобрѣтая пищу трудами рукъ и обуздывая сладострастіе плоти постомъ. Спустия много лѣтъ, во мнѣ пробудилось желаніе идти на родину. Мать моя еще была жива, а объ отцѣ я услышалъ, что онъ умеръ. Поэтому я хотѣлъ утѣшить ея вдовство, и потомъ, продавъ имѣніице, часть раздать бѣднымъ, часть вложить въ монастырь, а часть (зачѣмъ стыжусь я сознаться въ своемъ вѣроломствѣ?) оставить себѣ на собственные издержки. Мой настоятель сталъ кричать, что это—дьявольское искушеніе, и что подъ благовиднымъ предлогомъ скрываются козни древняго врага. Это значить—де, что песь возвращается на свою блевотину. Онъ представлялъ мнѣ очень много примѣровъ изъ Писаній, и между прочимъ то, что изначала поводомъ къ паденію Адама и Евы была надежда стать божествомъ. Не могли же убѣдить, онъ, припавъ къ колѣнамъ, умолялъ, чтобы я не покидалъ его, чтобы не губилъ себя, — взявшись за рало, не озирался вспять. Увы мнѣ бѣдному: я одержалъ надъ увѣщателемъ самую жалкую побѣду, полагая, что онъ заботится не о моемъ спасеніи, а о своихъ выгодахъ.... Итакъ, проводивъ меня изъ монастыря, будто покойника на погребеніе, и прощаясь въ послѣдній разъ, онъ сказалъ: «вижу тебя помѣченнымъ печатью сына сатаны; не спрашиваю о причинахъ, не принимаю извиненій. Овца, выбѣжавшая изъ овчарни, тотчасъ попадаетъ въ волчью пасть».

«Если идти изъ Берои въ Едессу, то по сосѣдству съ большою дорогою есть пустыня, по которой всюду шатаются Сарацины, неизвѣстно гдѣ имѣющіе постоянное мѣстопробываніе. Опасеніе ихъ собираетъ путешественниковъ въ тѣхъ мѣстахъ въ большія общества, чтобы взаимною помощію отклонить угрожающую бѣду. Спутниками моими были мужчины, женщины, старики, юноши, дѣти, въ числѣ, около семидесяти. И вотъ неожиданно нападаютъ Измаильтяне, сиди на коняхъ и верблюдахъ, съ волосатыми и повязанными головами и полунагіе, таща между тѣмъ спанчи и огромные сапоги: за плечами у нихъ висѣли колчаны; потрясая большими луками, они держали длинныя копья; не на сраженіе шли они, а на грабежъ. Насъ ограбили, разсѣяли, потащили въ разныя стороны. И вотъ я, возвратившій во владѣніе давно оставленное наслѣдство и горько раскаявающійся въ своемъ поступкѣ, шелъ въ рабство вмѣстѣ съ другою женщиною къ одному господину, которому достался. Насъ вели, даже—везли высоко на верблюдахъ; и чрезъ всю обширную пустыню, постоянно угрожаемые паденіемъ, мы скорѣе висѣли, чѣмъ сидѣли. Полусырое мясо было намъ пищею, верблюжье молоко—питьемъ.

«Наконецъ, перебравшись чрезъ большую рѣку, мы достигли внутренности пустыни, гдѣ, услышавъ приказаніе почтить по обычаю народному госпожу и дѣтей, мы преклонили головы. Здѣсь будто заключенный въ темницѣ, я научился ходить въ другой одеждѣ, т. е. нагимъ: потому что неумѣренность климата не позволяла прикрывать ничего, кромѣ постыднаго. Мнѣ дали пасти овецъ, и сравнительно съ вытерпѣнными несчастіями, я находилъ утѣшеніе въ томъ, что рѣже вижу своихъ господъ и находившихся въ одномъ со мною рабствѣ. Я видѣлъ въ себѣ нѣчто напоминающее святаго Іакова; приводилъ на память Моисея: и они нѣкогда были также пастырями въ пустынѣ. Питался я свѣжимъ

сыромъ и молокомъ; непрестанно молился, пѣлъ псалмы, которые выучилъ въ монастырѣ. Плѣнъ мой доставлялъ мнѣ удовольствіе; и я благодарилъ судъ Божій за то, что нашелъ въ пустынѣ монаха, котораго потерялъ бы на родинѣ.

«Но ничто небезопасно отъ діавола; многочисленны и неутомимы козни его! Такъ его ненависть нашла и меня, скрывающагося въ неизвѣстности. Господишь, видя, что стадо его увеличивается, и не замѣчая во мнѣ никакого обмана (потому что я зналъ апостольскую заповѣдь, что рабы должны служить господамъ какъ Богу (Ефес. гл. 6), изъ желанія вознаградить меня, чтобы сдѣлать еще болѣе вѣрнымъ себѣ, отдалъ мнѣ извѣстную, находившуюся въ одномъ со мною рабствѣ женщину, нѣкогда взятую въ плѣнъ. Когда я отказывался и говорилъ, что я христіанинъ, что мнѣ непозволительно взять жену живаго мужа (потому что мужъ ея, взятый въ плѣнъ съ нами вмѣстѣ, былъ уведень другимъ господиномъ), неумолимый господишь, пришедши въ ярость, началъ рубить меня обнаженнымъ мечемъ. Если бы я тотчасъ же не протянулъ рукъ и не взялъ женщину, онъ на томъ же мѣстѣ пролилъ бы кровь мою. Уже наступала болѣе обыкновеннаго мрачная, а для меня—чрезвычайно скорая ночь. Веду я въ полуразрушенную пещеру новую супругу: заправляетъ нашу свадьбою скорбь, — клянемъ мы другъ друга и не признаемся въ этомъ. Тогда я почувствовалъ вполне свой плѣнъ. Простершись на землѣ, я началъ оплакивать монашество, которое потерялъ, говоря: «до чего дожилъ я, несчастный? Къ чему привели меня мои злодѣянія?—Когда стала уже сдѣть голова, я изъ дѣвственника дѣлаюсь мужемъ. Какая польза изъ того, что оставилъ я ради Господа родителей, отчизну, хозяйство, когда дѣлаю то, изъ-за чего — чтобы не дѣлать — я презрѣлъ все означенное! Развѣ потому можетъ быть и терплю это, что пожелалъ возвратиться въ отчизну. Что станемъ дѣлать, душа:

погибнемъ ли, или побѣдимъ? Станемъ ждать руку Господню, или вонзимъ въ себя остріе собственного меча? Обрати на себя мечъ: твоя смерть должна быть страшнѣе, чѣмъ смерть тѣла. И рабское цѣломудріе имѣеть свое мученичество. Пусть лежитъ безъ погребенія свидѣтель Христовъ въ пустынѣ; я буду самъ для себя и гонителемъ и мученикомъ». Проговоривъ это, я извлекъ мечъ, сверкавшій и во тьмѣ, и обративъ къ себѣ остріе его, сказалъ: прощай, несчастная женщина; пусть лучше буду для тебя я мученикомъ, чѣмъ мужемъ. Тогда она, припавъ къ ногамъ моимъ, сказала: «умоляю тебя Іисусомъ Христомъ и заклинаю этою торжественною минутою, не проливай на мою голову своей крови. Если же тебѣ хочется умереть, обрати прежде на меня мечъ твой. Пусть лучше такъ мы соединимся другъ съ другомъ. Если бы даже возвратился и мужъ мой, и тогда я сохранила бы чистоту, которой научилъ меня плѣнь, или погибла бы скорѣе, чѣмъ потеряла ее. Зачѣмъ тебѣ умирать изъ опасенія совокупиться со мною? Я сама умерла бы, если бы ты захотѣлъ этого совокупленія. Итакъ, пусть буду и для тебя супругою цѣломудрія; пусть будетъ милѣе для тебя союзъ души, чѣмъ тѣла. Господа будутъ считать тебя мужемъ, Христосъ будетъ знать за брата. Мы легко убѣдимъ ихъ въ своемъ супружествѣ, когда они увидятъ, что мы такъ любимъ другъ друга». Признаюсь, я былъ изумленъ; удивленный женскою добродѣтелію, гораздо болѣе полюбилъ супругу. Однакоже я никогда не смотрѣлъ на ея обнаженное тѣло, никогда не прикасался къ плоти ея: я боялся потерять во время мира то, что сберегъ во время сраженія. Очень много дней прошло въ такомъ супружествѣ; нашъ бракъ сдѣлалъ насъ господамъ болѣе любезными. Никакого подозрѣнія на счетъ бѣгства нашего они не имѣли, хотя случалось, что я въ качествѣ надежнаго пастуха стада уходилъ въ пустыню на цѣлые мѣсяцы.

«Спустя долгое время, сидя одинъ въ пустынѣ и не видя ничего кромѣ неба и земли, я сталъ въ молчаніи размышлять самъ съ собою; между многимъ другимъ вспомнилось мнѣ и сожителство монаховъ, и особенно—лицо отца моего, который меня училъ, удерживалъ, потерялъ. Когда я размышлялъ такъ, глаза мои остановились на муравьиномъ стадѣ, которое кишѣло на узенькой тропѣ. Видны были ноши, превышавшія размѣромъ тѣла. Одни клещами рта таскали нѣкоторыя травныя сѣмена; другіе выносили землю изъ ямокъ, и отстраняли притокъ воды насыпями. Иные, имѣя въ виду наступленіе зимы, обгрызали принесенныя сѣмена, чтобы они не проросли въ житницахъ, когда отсырѣетъ земля; а эти съ торжественнымъ сѣтованіемъ выносили тѣла умершихъ. Но что еще удивительнѣе, при такомъ чрезвычайномъ множествѣ ихъ, выходящій не мѣшалъ входящему; а еще лучше—когда видѣли, что кто нибудь падалъ подъ бременемъ и тяжестію, подставивъ плечи, помогали. Вообще этотъ день доставилъ мнѣ прекрасное зрѣлище. Припомнивъ по этому поводу Соломона, который отсылаетъ насъ къ благоразумію муравья и возбуждаетъ примѣромъ его лѣнивыя души, я сталъ тяготиться плѣномъ, мечтать о монастырскихъ кельяхъ, желать вести жизнь похожую на жизнь этихъ муравьевъ, гдѣ работаютъ на общину, не имѣютъ никакой личной собственности, но все принадлежитъ всѣмъ.

«Когда я возвратился въ берлогу, меня встрѣтила жена. Душевной скорби я не могъ скрыть на лицѣ. Она спросила, что привело меня въ такое уныніе. Услышала причину. Уговариваю ее къ бѣгству; она не отказывается. Прошу молчать, даетъ обѣщаніе; и долго перешептываясь, колеблемся между надеждою и страхомъ. Было у меня въ стадѣ два козла удивительной величины. Убивши ихъ, я дѣлаю мѣха (для воды), а мясо ихъ приготавливаю себѣ на дорогу. И въ первый же вечеръ, когда господа думали, что мы гдѣ-то

спимъ, мы отправились въ путь, неся мѣха и куски мяса. А когда дошли до рѣки, бывшей въ разстояніи десяти миль, то, надувъ мѣха и сѣвши на нихъ, мы пустились по водѣ, только слегка подгребая ногами; это для того, чтобы рѣка снесла насъ внизъ и прибила къ другому берегу гораздо далѣе, чѣмъ мы сошли въ нее, и чтобы преслѣдующіе насъ потеряли слѣды. Но между тѣмъ мясо измокло, а отчасти было растеряно; пищи у насъ едва осталось на три дня. Пили мы до пресыщенія, приготавливая себя къ будущей жаждѣ. Бѣжимъ, постоянно озираясь назадъ; и болѣе выходимъ въ путь по ночамъ, чѣмъ днемъ, частію опасаясь нападенія всюду бродящихъ Сарацинъ, частію по причинѣ чрезмѣрнаго зноя солнечнаго. Я бѣдный ужасаюсь, даже рассказывая, и хотя всею душою чувствую себя въ безопасности, дрожу всѣмъ тѣломъ отъ ужаса.

«Спустя три дня мы увидѣли уже совершенно ясно двухъ всадниковъ, которые быстро неслись на верблюдахъ. Уму нашему, предчувствующему дурное, тотчасъ представился господинъ и мысль о смерти; самое солнце потемнѣло въ нашихъ глазахъ. Ужаснувшись и понявъ, что насъ выдали слѣды на пескѣ, мы увидѣли съ правой стороны отъ себя пещеру, которая глубоко входила въ землю. Итакъ, опасаясь ядовитыхъ животныхъ (потому что ехидны, асиды, скорпіоны и другіа подобныя животныя, избѣгая солнечнаго зноя, обыкновенно ищутъ тѣни), мы хотя и вошли въ пещеру, не пошли далеко, чтобы, избѣгая отъ смерти, не встрѣтить смерти; но тотчасъ же у самаго входа съ лѣвой стороны спрятались въ яму. Мы думали такъ: если Господь поможетъ несчастнымъ, спасемся; если презреть грѣшниковъ, найдемъ тамъ гробъ. Можешь представить себѣ, что было у насъ на душѣ, сколько испытали мы страха, когда господинъ и одинъ изъ бывшихъ съ нами у него въ рабствѣ остановились у пещеры не далеко, и по слѣдамъ подошли

къ самому мѣсту, въ которомъ мы скрывались? О, смерть несравненно тяжелѣе, когда ждешь ее, чѣмъ когда она наступаетъ дѣйствительно! Вотъ снова отъ страха и ужаса едва ворочается языкъ, и будто подъ крикъ господина не смѣю я пикнуть.... Онъ послалъ раба вытащить насъ изъ расщелины; а самъ держалъ верблюдовъ и съ обнаженнымъ мечемъ ждалъ нашего выхода. Между тѣмъ слуга вошелъ внутрь на три или четыре локтя; мы изъ мѣста, гдѣ скрывались, видѣли его спину (потому что таково свойство глазъ, что входящіе во мракъ послѣ солнечнаго свѣта не видятъ ничего); по пещерѣ раздавался голосъ: «выходите, бездѣльники, выходите, висѣльники: чего стоите, чего медлите? выходите, господинъ зоветъ». Еще онъ говорилъ, какъ вдругъ мы увидѣли сквозь мракъ, что на него бросилась львица, и сдушивъ горло, потащила окровавленнаго въ глубь (пещеры). Благій Іисусе, сколько испытали мы тогда ужаса, сколько радости! Господинъ не зналъ, когда врагъ нашъ погибъ на глазахъ нашихъ. Видя, что тотъ медлитъ, онъ подумалъ, что двое насъ сопротивляются одному. Не будучи въ состояніи удержать гнѣвъ, онъ какъ держалъ мечъ, такъ и вошелъ въ пещеру. Но, ругая съ бѣшеннымъ крикомъ слугу за медленность, онъ еще не дошелъ до мѣста, гдѣ мы скрывались, какъ былъ схваченъ звѣремъ. Кто бы повѣрилъ когданибудь, что передъ лицомъ нашимъ за насъ сражался дикій звѣрь? Когда же миновала одна опасность, предъ глазами нашими была другая погибель; не легче было подвергнуться ярости льва, чѣмъ гнѣву человѣка. Мы ощущали въ душѣ страхъ, и не смѣя даже пошевелинуться, ждали, что будетъ, имѣя въ такой опасности, вмѣсто каменной стѣны, единственную ограду въ сознаніи чистоты своей. Но львица, опасаясь хитрости и чувствуя, что на нее смотрятъ, рано утромъ вынесла въ зубахъ львенка, и оставила намъ наше убѣжище. Не довольно однакоже увѣренные въ

своей безопасности, мы не тотчасъ бросились вонъ; но ждали долго, и думая выйти, представляли себѣ возможность встрѣчи съ нею.

«Когда страхъ миновался и прошелъ тотъ день, мы вышли подь вечеръ; и увидѣли верблюдовъ, которыхъ за чрезвычайную скорость бѣга зовутъ дромадерами. Они пережевывали прежнюю пищу, извлекая ее снова изъ желудка, въ который была опущена. Сѣвъ на нихъ, и обрадованные новымъ дорожнымъ провіантомъ, мы чрезъ пустыню достигли, наконецъ, на десятый день римскаго лагеря. Представленные трибуну, мы рассказали ему все по порядку; отгуда переслали насъ къ Сабіану, правителю Месопотаміи, и мы получили деньги за верблюдовъ. Но такъ какъ мой прежній настоятель уже умеръ, то, перешедши въ эти мѣста, я снова поступилъ въ монахи, а ее сдалъ съ рукъ дѣвамъ: потому что, хоть и любилъ я ее какъ сестру, но не довѣрялся ей, какъ сестрѣ».

Вотъ что разсказалъ мнѣ въ дѣтствѣ старикъ Малхъ. И я, тоже старикъ, разсказалъ вамъ, изложилъ для чистыхъ исторію чистоты. Убѣждаю дѣвственниковъ хранить чистоту. Вы въ свою очередь разскажите потомкамъ; пусть знаютъ они, что цѣломудріе никогда не можетъ быть отнято, ни подь мечами, ни въ пустынѣ, ни между дикими звѣрями; и человѣкъ, преданный Христу, можетъ умереть, но не можетъ быть побѣжденнымъ.

Предисловіе блаженнаго Іеронима къ сдѣланному имъ латинскому переводу правилъ св. Пахомія

И острый, лоснящійся мечъ покрывается ржавчиною и теряетъ блескъ прежней красоты своей, если долго пролежитъ въ ножнахъ. Такъ случилось и со мною, когда, скорбя

о смерти святой и достопочтенной Павлы (не потому, чтобы поступать вопреки апостольской заповѣди, а потому, что сожалѣлъ о томъ утѣшеніи, котораго смерть ея лишила многихъ), я получилъ отъ человѣка Божія пресвитера Сильвана назначенныя мнѣ книги, которыя взялъ онъ для передачи мнѣ въ Александрію, куда онѣ были посланы. Онъ говорилъ, что въ киновіяхъ ѳиваидскихъ и въ монастырѣ Метаніи (потому что прежнее названіе его Канопъ удачно замѣнено именемъ покаянія) ¹⁾ живетъ очень много латинянъ, не знающихъ египетскаго и греческаго языковъ, на которыхъ написаны правила Пахомія, Феодора и Орсіезія. Это были первые положившіе основаніе общежитію въ ѳиваидѣ и Египтѣ, слѣдуя заповѣди Божіей и ангела, который приходилъ къ нимъ, будучи посланъ ради этого учрежденія.

Такъ какъ я долго молчалъ и въ безмолвіи предавался своей скорби, то посланные ко мнѣ по тому же самому дѣлу, Леонтій пресвитеръ и другіе съ нимъ братія, пригласивъ писца, побуждали меня изложить нашею рѣчью переведенное съ египетскаго на греческій языкъ. Но и при настойчивости такихъ мужей, я не скажу, чтобы повиновался просьбамъ и, какъ говорятъ, въ добрый часъ прервалъ долгое молчаніе, возвратившись къ прежнимъ занятіямъ и охладѣвъ въ душѣ къ святой женщицѣ, которая пылала любовью къ монастырямъ и предполагала (осуществить) на землѣ такое, что имѣла увидѣть на небѣ. И досточтимая дѣва Евстохія, дочь ея, имѣла также чѣмъ обезпечить жизнь сестеръ; а наши братія слѣдуютъ примѣру египетскихъ, т. е. Табеннскихъ ²⁾ монаховъ, которые имѣютъ въ каждомъ мо-

¹⁾ *Μετάνοια* съ греческаго — покаяніе.

²⁾ *Табенна* — островъ на рѣкѣ Нилѣ, на которомъ Пахомій устроилъ знаменитый монастырь, бывший разсадникомъ и какъ бы метрополіею другіхъ монастырей.

настырѣ отцовъ (игуменовъ), экономовъ, седмичныхъ, слугъ и настоятелей отдѣльно для каждаго дома, такъ что въ одномъ домѣ живутъ по сорокъ и болѣе или менѣе братій, повинующихся одному настоятелю. Въ монастырѣ же одномъ, смотря по числу братій, бываетъ по тридцати или по сорока домовъ; при чемъ три или четыре дома соединяются въ отдѣльную общину, частію для совмѣстнаго выхода на работы, частію для очередныхъ седмичныхъ услугъ.

Кто первымъ вступилъ въ монастырь, тотъ первымъ садится, первымъ встаетъ, первымъ поетъ псаломъ, первый протягиваетъ руку за столомъ, прежде другихъ причащается въ церкви. Вниманіе у нихъ обращается не на возрастъ, а на образъ жизни.

Въ кельяхъ они не имѣютъ ничего, кромѣ псіатія ¹⁾, двухъ лебитонаріевъ (это родъ одежды египетскихъ монаховъ, не имѣющей рукавовъ) и одного уже изношеннаго— для спанья или работы; имѣютъ они также по льняному покрывалу, по два влобука, козью кожу, которую называютъ мплотью, льняной поясъ, башмаки, да посохъ—спутника въ дорогѣ.

Больные пользуются чрезвычайнымъ уходомъ и пищею, приготовленною въ полномъ изобиліи; здоровые же отличаются способностію къ большому воздержанію. Два раза въ недѣлю, въ четвертый и шестой день послѣ субботы, всѣ постятся, исключая время пасхи и пятидесятницы. Въ другіе дни желающіе ѣдятъ послѣ полудня; въ ужинъ также полагается трапеза для рабочихъ, стариковъ и дѣтей, и по причинѣ слишкомъ большихъ жаровъ. Есть такіе, которые два раза ѣдятъ понемногу, а другіе довольствуются разъ принятою въ обѣдъ или ужинъ пищею. Нѣкоторые выходятъ,

¹⁾ Такъ называлась рогожка изъ камыша или напируса, которая служила монахамъ вмѣсто постели.

съѣвши немного хлѣба. Ъдятъ всѣ вмѣстѣ. Кто не захочетъ идти въ трапезу, получаетъ въ свою келью только хлѣбъ, воду и соль на день или на два, какъ пожелаетъ.

Братія, занимающіеся однимъ и тѣмъ же ремесломъ, живутъ въ одномъ домѣ и подъ вѣдѣніемъ одного настоятеля; напримѣръ, ткающіе полотно живутъ вмѣстѣ; приготовляющіе рогожи составляютъ особую семью; швцы, мастера, дѣлающіе повозки, валяльщики суконъ, башмачники, каждые порознь управляются своими настоятелями. По прошествіи каждой недѣли всѣ вообще представляютъ отцу монастыря отчеты въ своихъ работахъ.

Во главѣ всѣхъ монастырей стоитъ одинъ главный начальникъ. Онъ живетъ въ монастырѣ. Во дни Пасхи, исключая самыхъ необходимыхъ въ монастырѣ людей, къ нему собираются всѣ, такъ что страсти Господни празднуютъ вмѣстѣ до пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Въ мѣсяцъ, называемомъ месоръ, т. е. въ августъ, празднуется на подобіе юбилея день отпущенія; при чемъ отпускаются всѣмъ грѣхи, и имѣвшіе какую либо вражду примиряются между собою; въ то же время назначаются для монастырей игумены, экононы, настоятели, слуги, насколько потребуетъ этого необходимость.

Фивяне рассказываютъ, что ангелъ научилъ Пахомія, Корнелія и Сира (о которомъ говорятъ, что онъ живъ до сихъ поръ, имѣя болѣе ста десяти лѣтъ) таинственному языку, чтобы они писали для себя и говорили, скрывая таинственныя мысли подъ особымъ алфавитомъ, подъ нѣкоторыми знаками и символами. Мы переводимъ эти писанія въ томъ видѣ, какъ они читаются у египтянъ и грековъ, представляя ихъ въ томъ составѣ, въ какомъ нашли. Переводъ покажетъ, насколько мы подражали простотѣ египетской рѣчи. Это для того, чтобы риторическая рѣчь не измѣнила рѣчи мужей апостольскихъ и исполненныхъ духовъ

ной благодати. Что же касается содержанія ихъ трактатовъ, я не хотѣлъ излагать его предварительно, предоставляя изучать по самымъ авторамъ. Пусть тѣ, которымъ доставляетъ удовольствіе изученіе святаго подвижничества, нѣютъ лучше изъ источниковъ, чѣмъ изъ ручьевъ.

Разговоръ противъ люциферіанъ ¹⁾.

Недавно одинъ послѣдователь Люцифера, въ нестерпимо болтливомъ спорѣ съ другимъ, питомцемъ церкви, высказалъ чисто собачье (по злости) краснорѣчіе. Онъ утверждалъ, что дьяволъ овладѣлъ всею міромъ, и что церковь, какъ это уже въ обычаѣ у нихъ говорить, обратилась въ публичный домъ. А тотъ напротивъ, хотя и разумно, но неумѣстно и не во время, доказывалъ, что Христосъ умеръ не безъ причины, что Сынъ Божій сходилъ (съ неба) не для одного смраднаго кожуха ²⁾. И до чего?—Когда зажженные по улицамъ фонари разорвали кругъ ихъ слушателей и ночь прекратила нескладный споръ, они разошлись, чуть не заплевавъ

¹⁾ Люциферъ, епископъ калаританскій, былъ того мнѣнія, что подписавшіе на ариминскомъ соборѣ лукаво составленное аріанами исповѣданіе вѣры не могутъ уже вступить въ общеніе съ церковью, хотя бы и раскаялись; и отказывался отъ общенія даже съ тѣми, которые такихъ принимали (Сульшиц. ист. кн. II. гл. 45). Отсюда получила происхожденіе секта люциферіанъ, которые утверждали, что аріане, а равно и бывшіе разъ въ единомысліи съ ними епископы уже не могутъ сообщать Духа Святаго, и потеряли благодать епископства и священства до такой степени, что вовсе не могутъ совершать таинствъ; почему даже крещаемыхъ ими принимали не иначе, какъ по возложеніи рукъ и послѣ призванія Духа Святаго.

²⁾ Nec ob Sardorum tantum mastrucam, буквально—не для *маструки* только Сардовъ. *Маструка* была одежда изъ звѣриной кожи, которую носили Сарды, отличавшаяся дурнымъ запахомъ.

другъ другу лица, а притствовавшіе однакоже при этомъ предложили на слѣдующее же утро собраться въ уединенномъ портикѣ; когда всѣ сошлись туда по условію, рѣшено было записать рѣчь того и другаго чрезъ скорописцевъ.

Итакъ, когда всѣ усѣлись, *люциферіанъ Елладій* сказалъ: Я хочу, чтобы ты мнѣ отвѣтилъ прежде всего, христіане ли аріане, или нѣтъ?

— Я, отвѣчалъ *Православный*, дамъ тебѣ болѣе широкой вопросъ: христіане ли всѣ вообще еретики?

Люциферіанъ сказалъ: Кого ты называлъ еретикомъ, о томъ сказалъ уже, что онъ не христіанинъ.

Православный. Итакъ, еретики всѣ не христіане?

Л. Ты слышалъ уже это.

Пр. Если же они не Христовы, то діаволовы.

Л. Нигто не сомнѣвается въ томъ.

Пр. Если же они діаволовы, то все равно—еретики ли они, или язычники.

Л. Не опровергаю.

Пр. И такъ между нами рѣшено, что объ еретикѣ слѣдуетъ говорить также, какъ и объ язычникѣ.

Л. Дѣйствительно, рѣшено.

Пр. Теперь спрашивай, о чемъ угодно, такъ какъ мы согласны, что еретики суть язычники.

Л. Чего я добивался своимъ вопросомъ, то высказано,— что еретики не суть христіане. Теперь остается заключеніе. Если аріане еретики, а всѣ еретики суть язычники: то и аріане—язычники. Если же аріане язычники, и если у церкви не можетъ быть никакого общенія съ аріанами, т. е. съ язычниками: то очевидно, что ваша церковь, которая принимаетъ епископовъ отъ аріанъ, т. е. отъ язычниковъ, принимаетъ не столько епископовъ, сколько жрецовъ изъ Каши-толія; и потому скорѣе должна быть названа синагогою анти-христа, чѣмъ церковію Христовою.

Пр. Вотъ и исполнилось пророчество: выкопалъ ровъ миѣ, а самъ упалъ въ него.

Л. Какимъ это образомъ?

Пр. Если аріане, говоришь ты, язычники, и скопища аріанскія суть лагери діавола: то какъ же ты принимаешь крещеннаго въ лагеряхъ діавола?

Л. Принимаю, но тогда, когда онъ раскаявается.

Пр. Ты рѣшительно не понимаешь, что говоришь. Кто же принимаетъ язычника подъ условіемъ покаянія?

Л. Я спроста отвѣчалъ въ началѣ разговора, что все еретики язычники. Но такъ какъ вопросъ былъ предложенъ съ хитростію, то, признавая за тобою побѣду по первому пункту, перехожу къ слѣдующему, и на этотъ разъ утверждаю, что мірянина, приходящаго отъ аріанъ, должно принимать чрезъ покаяніе, а клирика не должно.

Пр. Одержалъ я, какъ ты говоришь, побѣду по первому пункту; одержалъ и по второму.

Л. Объясни, какъ одержалъ.

Пр. Развѣ ты не знаешь, что и міряне и клирики имѣютъ одного Христа, что не одинъ Богъ у новообращенныхъ и не другой у епископовъ? Почему же тотъ, кто принимаетъ кающихся мірянъ, не приметъ кающихся клириковъ?

Л. Не одно и тоже проливать слезы о грѣхахъ, и касаться тѣла Господня. Не одно и тоже—припадать къ колѣнамъ братій, и съ возвышеннаго мѣста подавать евхаристію народу. Иное скорбѣть о томъ, чѣмъ ты былъ, и иное, пренебрегши грѣхомъ, быть окруженнымъ въ церкви славою. Ты, который вчерашняго дня святотатственно провозглашалъ Сына Божія твореніемъ; ты, который ежедневно, будучи хуже іудея, бросалъ въ Христа камнями богохульства, чьи руки полны крови, чье перо было копьемъ воина, ты, прелюбодѣй, входишь въ дѣвственную церковь спустя одинъ часъ по обращеніи? Если ты раскаяваешься въ грѣхахъ, сложи санъ

священника; если располагаешь грѣшнить, останься тѣмъ, чѣмъ былъ!

Пр. Риторствуешь и вдаешься въ пустую декламацию, чтобы уклониться отъ встрѣченныхъ въ спорѣ затрудненій. Оставь-ка, прошу, общія мѣста, и вернись назадъ, прямо къ предмету: послѣ, если будетъ угодно, поговоримъ попространнѣе.

Л. Тутъ нѣтъ никакой декламации. Скорбь превосходитъ терпѣніе; говори, какъ угодно, доказывай, какъ угодно, никогда не убѣдишь ты, что одно и тоже кающійся епископъ и мірянинъ.

Пр. Такъ какъ ты упорно отстаиваешь, что положеніе епископа иное, чѣмъ мірянина, то для сокращенія спора я соглашаюсь съ тобою и не пожалѣю, что буду сражаться съ тобою, уступивъ тебѣ мѣсто. Объясни же мнѣ, почему ты мірянина, приходящаго отъ аріанъ, принимаешь, а епископа не принимаешь?

Л. Я принимаю мірянина потому, что онъ сознается въ своемъ заблужденіи; и Господь лучше желаетъ покаянія грѣшника, чѣмъ смерти его.

Пр. Такъ принимай и епископа: потому что и онъ сознается въ своемъ заблужденіи, и Господь лучше желаетъ покаянія грѣшника, чѣмъ смерти.

Л. Если онъ сознается, что заблуждался, то какъ же онъ останется епископомъ? Пусть сложитъ священство, и кающемуся я дамъ разрѣшеніе.

Пр. Я отвѣчу тебѣ твоими же словами. Если мірянинъ сознается, что онъ заблуждался, то какъ онъ можетъ оставаться міряниномъ? Пусть сложитъ съ себя священство мірянина, т. е. крещеніе, и я дамъ разрѣшеніе кающемуся. Ибо писано: *и сотворилъ есть насъ цари и іереи Богу Отцу своему* (Апок. 1, 6). И еще: *языкъ святъ, царское священство народъ приобрѣтенный* (1 Петр. 2, 9). Все, что

непозволительно христіанину, одинаково непозволительно какъ епископу, такъ и мірянину. Кто приноситъ покаяніе, тотъ осуждаетъ свое прошлое. Если кающемуся епископу непозволительно оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, непозволительно и кающемуся мірянину продолжать то, въ чемъ онъ приноситъ покаяніе.

Л. Мы принимаемъ мірянъ потому, что никто не обратился бы, еслибы зналъ, что ему должно будетъ принять вторичное крещеніе; а чрезъ это, отвергая ихъ, мы были бы причиною ихъ гибели.

Пр. Принимая мірянина, ты спасаешь этимъ принятіемъ одну душу; а я принятіемъ епископа присоединяю къ церкви, не скажу—жителей одного города, но цѣлую область, которою онъ управляетъ; если же отвергну его, онъ увлечетъ съ собою въ погибель многихъ. Почему я прошу васъ примѣнять и къ спасенію всего міра то самое правило, которымъ вы руководитесь въ принятіи немногихъ. Но вамъ это не нравится, и вы такъ жестокосерды, и вмѣстѣ такъ неразумно снисходительны, что давшаго крещеніе считаете врагомъ Христовымъ, а принявшаго—сыномъ. Мы же не противорѣчимъ себѣ; но или принимаемъ вмѣстѣ съ народомъ и епископа, который дѣлаетъ его христіанскимъ народомъ, или, если не принимаемъ епископа, считаемъ необходимымъ отвергнуть и народъ.

Л. Скажи, прошу тебя, читалъ ли ты, что сказано о епископахъ: *Вы есте соль земли. Аще же соль обулетъ, чимъ осолится? ни во что же будетъ ктому, точю да изсыпана будетъ вонъ, и попираема чловѣки* (Матѳ. 5, 13),—равно и то, что за народъ согрѣшившій умоляетъ Бога священникъ, а за священника никто другой не умолитъ (1 Цар. 3)? Оба эти мѣста Писаній сходятся въ одной мысли. Ибо какъ соль приправляетъ всякую пищу, и нѣтъ ничего само по себѣ такъ пріятно, что нравилось бы на

вкусъ безъ пей: такъ и епископъ служитъ приправою для всего міра и для собственной церкви; и если обуяетъ или чрезъ отреченіе (отъ Христа), или чрезъ ересь, или чрезъ любострастіе, и сказать однимъ словомъ—чрезъ всякаго рода грѣхи: то отъ кого онъ получитъ приправу, когда самъ былъ приправою для всѣхъ? Ибо священникъ приноситъ свою жертву за мірянина, возлагаетъ руку на подчиненнаго, призываетъ возвращеніе Духа Святаго, и такимъ образомъ, преданнаго сатанѣ во изможденіе плоти да духъ спасется, примиряетъ съ алтаремъ произносимою въ слухъ народа молитвою, и не прежде восстанавливаетъ здоровье одного члена, какъ соединятся вмѣстѣ всѣ члены. Отецъ легко прощаетъ сыну, когда проситъ за свое дѣтище мать. Итакъ, если кающійся мірянинъ восстанавливается въ церкви съ тѣмъ званіемъ, о которомъ мы сказали, и въ томъ же состояніи получаетъ разрѣшеніе, въ какомъ передъ тѣмъ оплакивалъ грѣхи: то очевидно, что священникъ, лишенный сана, не можетъ быть восстановленъ на то же мѣсто; потому что или лишится священства, если будетъ приносить покаяніе, или, продолжая пользоваться честію, не можетъ быть возвращенъ въ церковь по чину кающагося. А ты обуявшею солюю портишь мнѣ вкусъ церкви, возлагаешь на алтарь того, кто, выброшенный вонъ, долженъ бы лежать на навозѣ, быть попираемымъ всѣми людьми! И гдѣ будетъ извѣстная апостольская заповѣдь: *подобаетъ епископу безъ порока быти, якоже Божію строителю* (1 Тит. 1, 7); и еще: *да искушаетъ же себя всякій, и тако да приступаетъ* (1 Кор. 11, 28)? Гдѣ Господне изреченіе: *не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями* (Матѣ. 7, 6)? Если ты разумѣешь это сказаннымъ о всѣхъ вообще, то насколько болѣе слѣдуетъ принимать предосторожностей въ отношеніи къ священникамъ, когда такъ слѣдуетъ остерегаться даже мірянъ? *Отступите*, говоритъ Господь чрезъ Моисея, *отъ кушъ*

человѣкъ жестокосердыхъ смѣхъ, и не прикоснется ко вѣзмъ, велики суть имъ, да не погибнете кунно во грѣсь ихъ (Числ. 16, 26). И снова въ двѣнадцати пророкахъ: *требы ихъ яко хлѣбъ* плача; *вси ядущи твоя осквернятся* (Осін 9, 4). И въ Евангеліи Господь говоритъ: *свѣтильникъ тѣлу есть око*, т. е. свѣтило для церкви есть епископъ. *Аще убо будетъ око твое просто, все тѣло свѣтло будетъ* (Матѣ. 6, 22). Ибо когда проповѣдуетъ священникъ истинную вѣру, мракъ разсѣивается изъ сердца всѣхъ. И проводитъ причину: *ниже вжигаютъ свѣтильника, и поставляютъ его подъ ступомъ, но на свѣщницу, и свѣтитъ вѣзмъ, иже въ храминъ суть* (Матѣ. 5, 15). Это значить, что Богъ для того возжигаетъ въ епископѣ огонекъ вѣдѣнія своего, чтобы онъ не для себя только свѣтилъ, но приносилъ пользу всѣмъ. И въ заключеніи говоритъ: *аще ли око твое лукаво будетъ, все тѣло темно будетъ. Аще убо свѣтъ иже въ тебѣ, тма есть, то тма кольми* (Матѣ. 6, 23)! И справедливо. Если епископъ для того поставляется въ церкви, чтобы удерживать народъ отъ заблужденія: то каково будетъ блужданіе въ народѣ, когда собьется съ пути самъ учащій! Какъ можетъ отпустить грѣхи тотъ, кто грѣшникъ самъ? Какъ сдѣлаетъ святымъ святотатець? Откуда проникаетъ ко мнѣ свѣтъ, если ослѣпнеть глазъ мой? () горе! Церковію Христовою править ученикъ антихриста! И къ чему служить сказанное: не можете двѣма господинома работати (Матѣ. 6, 24)? И другое: *кое общеніе свѣту ко тмѣ? Кое согласіе Христови съ Велиаромъ* (2 Кор. 6. 14, 15)? Читаемъ въ ветхомъ завѣтѣ: *человѣкъ коему будетъ на немъ безславіе и порокъ, да не приступитъ приносити дары Господу* (Лев. 21, 17). И еще: *жерицы присутствующіе ко Господу Богу да будутъ чисты да не когда презритъ ихъ Господь* (Исх. 19, 22). И тамъ же: *приступающіе ко святымъ, да не при-*

мутъ на себя грѣха; да не измрутъ (Лев. 22). Многое другое, что можно бы приводить до безконечности, я оставляю ради краткости. Не количество свидѣтельствъ имѣеть значеніе, а важность ихъ. Изъ этого видно, что вы малою закваскою испортили все тѣсто церкви, и сегодня принимаете евхаристію изъ рукъ того, на кого вчера плевали какъ на идола.

Пр. Хотя ты наговорилъ, по воспоминанію, изъ священныхъ книгъ много и изобильно, но если обйдешь весь этотъ лѣсъ, попадешь въ мои сѣти. Пусть, какъ тебѣ этого хочется, будетъ аріанскій епископъ врагомъ Христовымъ, пусть будетъ солью обуявшею, свѣтильникомъ безъ огонька, глазомъ безъ зрачка; на этомъ основаніи ты придешь, конечно, къ заключенію, что не можетъ осолить тотъ, кто самъ не имѣеть соли, не просвѣтитъ слѣпой, не зажжетъ погашенный. Но какъ же ты утверждаешь, что поваръ не имѣеть соли, когда пожираешь направленную имъ пищу? (Отъ огонька его свѣтится твоя церковь, а ты клеветешь, что свѣтильня его погасла? Даетъ глаза тебѣ, а самъ слѣпъ? И такъ, прошу тебя, или признай право приносить жертву за тѣмъ, чье крещеніе ты одобряешь, или отвергни и крещеніе совершаемое тѣмъ, кого ты не считаешь священникомъ. Ибо не можетъ быть, чтобы святой у крещальни, былъ грѣшникомъ у алтаря.

Д. Но я принимаю кающагося мірянина чрезъ наложеніе руки и призываніе Духа Святаго въ томъ убѣжденіи, что еретики не могутъ сообщать Духа Святаго.

Пр. Все тропинки вашихъ разсужденій сходятся къ одному перекрестку, и, по обычаю робкихъ оленей, убѣгая отъ воображаемаго взмахиванія крыльевъ ¹⁾, вы запутываете

¹⁾ Во время ловли оленей передъ пространствомъ, на которомъ раскладывались сѣти, развѣшивали на веревочкахъ перья, чтобы животныя, пугаясь взмахиванья ихъ, бросались въ сѣти.

тесъ въ крѣпчайшія сѣти. Ибо, если человекъ, крещеный въ Отца и Сына и Духа Святаго, дѣлается храмомъ Господнимъ; если, по разрушеніи древняго капища, онъ созидается въ новый храмъ Троицы: то какимъ образомъ выходить у тебя, что у аріанъ могутъ быть отпускаемы грѣхи безъ низшествія Духа Святаго? Какимъ образомъ очищается отъ древнихъ нечистотъ душа, не имѣющая Духа Святаго? Ибо не вода омываетъ душу, но сама прежде омывается Духомъ, чтобы потомъ могла омыватъ духовно другихъ. *Духъ* Господень, говоритъ Моисей, *ношашеся верху* водъ (Быт. 1, 2). Откуда видно, что крещеніе не бываетъ безъ Духа Святаго. Иудейское водохранилище Визезда получало силу исцѣлять расслабленныя тѣлесно члены только чрезъ нисхожденіе ангела; а ты представляешь мнѣ душу, вымытую простою водою, будто въ купальнѣ. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, который не столько очистился купелію, сколько въ купели своей очистилъ всѣ воды, едва поднялъ голову изъ рѣки, тотчасъ принялъ Духа Святаго; не потому это, чтобы Онъ былъ когда либо безъ Духа Святаго; Онъ и родился во плоти отъ Духа Святаго; но чтобы показать намъ, что истинное крещеніе то, въ которомъ низходитъ Духъ Святой. Итакъ, если аріанинъ не можетъ сообщить Духа Святаго, не можетъ онъ и крестить; потому что крещеніе церковное безъ Духа Святаго ничтожно. Ты же, который принимаешь крещеннаго и потомъ призываешь (не принимаемаго) Духа Святаго, ты долженъ или крестить его, потому что онъ не могъ быть крещенъ безъ Духа Святаго, или, если онъ крещенъ въ Духъ, перестань призывать на него Духа, котораго онъ принялъ во время своего крещенія.

И. Но помилуй, развѣ ты не читалъ въ Апостольскихъ Дѣяніяхъ, что крещенные уже Іоанномъ когда на вопросъ апостоловъ отвѣчали, что они даже не слышали что такое Духъ Святой, получили потомъ Духа Святаго? Изъ этого

видно, что иной можетъ быть крещенъ, и не имѣть Духа Святаго.

Пр. Полагаю, что слушатели не такъ невѣжественны въ божественныхъ Писаніяхъ, чтобы для рѣшенія этого возраженія нужно было говорить много. Но прежде чѣмъ стану отвѣчать и на твои слова, послушай, какая путаница по твоимъ понятіямъ оказывается въ Писаніяхъ. Что это значить, что Іоаннъ въ крещеніи своемъ не могъ другимъ дать Духа Святаго, когда далъ Его Христу? И кто таковъ самъ Іоаннъ? *Гласъ вопіющаго въ пустыни, уготовайте путь Господень, правы творите стези Бога нашего* (Исаіи 40, 3; Мат. 3, 3).—То онъ говорилъ: *се агнецъ Божій вземльи грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). Скажу короче: то онъ изъ чрева матери взывалъ: *и откуду мнѣ сіе, да придетъ мати Господа моего ко мнѣ* (Лук. 1, 43)? И онъ не далъ Духа Святаго, котораго далъ Филиппъ діаконъ внуху (Дѣян. 8), котораго Апанія далъ Павлу (Дѣян. 9)? Но быть можетъ покажется, что я дерзко превозношу Іоанна предъ всѣми. Послушай слова Господа: *не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя* (Мат. 11, 11). Никому изъ пророковъ не суждено и предвозвѣщать Христа, и указать его перстомъ. И какая необходимость мнѣ вдаваться въ похвалы такому мужу, когда самъ Богъ Отецъ называетъ его ангеломъ? (*е азъ*, говоритъ онъ, *посылаю ангела моего предъ лицемъ твоимъ, иже уготовитъ путь твой предъ тобою* (Матѳ. 11, 10). Дѣйствительно, онъ былъ ангель, — онъ, который послѣ матерняго чрева нашель пріютъ въ пустынь, для котораго забавою дѣтскою была игра съ змѣями ¹⁾, онъ, который глазами, зрѣвшими Христа, считалъ недостойнымъ смотрѣть на что либо другое, который словами Божиими, слад-

¹⁾ Намекъ на 8 ст. 11 главы Исаіи: *И отроци младо на пещеры аспидовъ, и на ложе иснадій аспидскихъ руку возложитъ.*

чайшими меда и сота. обучилъ свой, достойный Бога, языкъ. Спѣша перейти къ дѣлу, скажу, что такъ и прилично было возрасти Предтечѣ Господа. Итакъ онъ, такой и такой великій, не далъ Духа Святаго, котораго получилъ Корнилій сотникъ еще до своего крещенія? Скажи же, прошу тебя, почему онъ не далъ? Ты не знаешь? Выслушай, чему учать Писанія: крещеніе Іоанново не столько отпускало грѣхи, сколько было крещеніемъ покаянія во оставленіе грѣховъ, т. е. въ будущее оставленіе, которое имѣло послѣдовать послѣ, чрезъ освященіе Христово. Ибо писано: *бысть Іоаннъ крестяій въ пустыни. и проповѣдая Евангеліе покаянія во отпущеніе грѣховъ. И спустя немного: и крещашуся отъ него во Іорданъ, исповѣдующе грѣхи своя* (Марк. 1, 4. 5). Какъ самъ онъ былъ Предтечею Господа, такъ и крещеніе его было предвареніемъ крещенія Господня. *Сый отъ земли, говорилъ онъ, отъ земли глаголетъ; грядый съ небесе, надъ всѣми есть* (Іоан. 3, 31). И еще: *изъ крещая вы водою, тоіи вы креститъ духомъ* (Матѣ. 3, 11). Если же Іоаннъ, какъ исповѣдалъ онъ самъ, не крестилъ духовно: то слѣдуетъ, что онъ не отпускалъ и грѣховъ, потому что никакому человѣку не оставляются грѣхи безъ Духа Святаго. Но можетъ быть по спорливости станешь доказывать, что крещеніе Іоанново потому отпускало грѣхи, что было съ неба; въ такомъ случаѣ укажи, что большее мы получаемъ въ крещеніи Христовомъ? Что отпускаетъ грѣхи, то освобождаетъ отъ геены. Что освобождаетъ отъ геены, то совершенно. Крещеніе же не можетъ назваться совершеннымъ, если оно не основано на крестѣ и воскресеніи Христовомъ. Итакъ, въ виду словъ самого Іоанна: *оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (Іоан. 3, 30), ты благочестивъ превратно; потому что крещенію раба приписываешь болѣе, чѣмъ оно имѣло, а крещеніе Господне уничтожаешь, не оставляя ему мѣста. Къ какому приводитъ это заключе-

ніе? Къ тому, чтобы ты не удивлялся, если крещенные Іоанномъ получили Духа Святаго послѣ, чрезъ наложеніе рукъ апостольскихъ; ибо извѣстно, что они не получили и отпущенія грѣховъ безъ вѣры, которая имѣла послѣдовать въ будущемъ. Ты же, принимающій крещеннаго аріанами и признающій за нимъ такое крещеніе, которое совершенно, ты на какомъ основаніи, будто ему недостаетъ чего-то незначительнаго, призываешь Духа Святаго, когда крещеніе Христово безъ Духа Святаго ничтожно? Впрочемъ, я слишкомъ распространился, и бросаю легкія стрѣлы издали, когда могъ бы отразить нападеніе противника грудью. Крещеніе Іоанново было настолько несовершенно, что, какъ извѣстно, крещенные имъ были послѣ крещены крещеніемъ Христовымъ. Ибо исторія говоритъ такъ: *Бысть же вьнегда Аполоосу быти въ Коринѣхъ, и Павелъ прошедъ высія страны Азіи, прииде во Ефесъ, и обрѣтъ нѣкія ученики, рече къ нимъ: аще убо Духъ Святыи пріяли есте вѣровавши? Они же рѣши къ нему: но ниже аще Духъ Святыи есть, слышахомъ. Рече же къ нимъ: во что убо креститесь? Они же рекоша: во Іоанново крещеніе. Рече Павелъ: Іоаннъ убо крести крещеніемъ покаянія людей, глаголя да во грядущаго по немъ вѣруютъ, сирѣчь во Іисуса, въ отпущеніе грѣховъ. Слышавше крестившася во имя Господа нашего Іисуса Христа. И возложу Павлу на ня руку, тотчасъ прииде Духъ Святыи на ня* (Дѣян. 19, 1—6). Итакъ, если они были крещены истиннымъ и законнымъ крещеніемъ церковнымъ, и вслѣдствіе этого получили послѣ Духа Святаго: то и ты подражай примѣру апостоловъ, крести тѣхъ, которые не имѣютъ крещенія Христова, и можешь призывать на нихъ Духа Святаго.

Л. Чувствующіе во снѣ жажду, съ жадностію припадаютъ къ рѣкѣ устами. Но чѣмъ болѣе пьютъ, тѣмъ болѣе жаждутъ. Такимъ представляешься мнѣ и ты, когда соби-

раешь отовсюду опроверженія противъ предложеннаго мною возраженіица, а вопросъ тѣмъ не менѣе остается нерѣшеннымъ. Неужели ты не знаешь даже того обычая церквей, по которому на крещенныхъ возлагаются послѣ крещенія руки, и такимъ образомъ призывается на нихъ Духъ Святой? Спросишь, гдѣ о немъ писано?—Въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ. Впрочемъ, еслибы и не сохранилось свидѣтельства Писанія, согласіе по этому предмету всего міра имѣетъ силу положительной заповѣди. Ибо и многое другое, соблюдаемое въ церкви по преданію, имѣетъ силу писаннаго закона; таковъ обычай троекратно погружать голову въ купели, а по выходѣ вкушать соединные вмѣстѣ молоко и медъ въ знакъ дѣтства (духовнаго), равно—въ день воскресный и во всю пятидесятницу молиться не преклоняя колѣнъ и разрѣшать постъ. Есть и многое другое, что соблюдается разумно безъ Писанія. Изъ этого ты видишь, что мы слѣдуемъ обычаю церкви, хотя предъ призываніемъ Духа Святаго и извѣстно, что кто-либо крещенъ.

Пр. Не отрицаю, что есть такой обычай въ церквахъ, по которому епископъ приходитъ для призванія Духа Святаго чрезъ наложеніе рукъ къ тѣмъ, которые крещены пресвитерами и діаконами вдали отъ большихъ городовъ. Но каково же дѣлаешь ты, примѣняя церковные законы къ ереси, и цѣломудріе дѣвы своей мирншь съ публичными домами блудницъ? Если епископъ возлагаетъ руку, то возлагаетъ на тѣхъ, которые крещены въ правильной вѣрѣ, которые вѣровали во Отца и Сына и Святаго Духа въ трехъ лицахъ, единомъ существѣ. Аріанинъ же, который не вѣрилъ ни во что другое, какъ только (прошу слушателей заткнуть уши, чтобы не оскверниться такими нечестивыми словами) во Отца, одного истиннаго Бога, въ Іисуса Христа Спасителя, твореніе, и въ Духа Святаго, раба того и другаго, какимъ образомъ онъ получить отъ церкви Духа Свя-

таго, когда онъ не получилъ еще оставленія грѣховъ? Духъ Святой обитаетъ только въ чистомъ жилищѣ, и не вселяется въ тотъ храмъ, который не имѣетъ предстоятеля, истинной вѣры. Если ты спросишь теперь, почему крещенный въ церкви только чрезъ епископскую руку получаетъ Духа Святаго, сообщаемого, какъ мы утверждаемъ, въ истинномъ крещеніи: то знай, что этотъ обычай возникъ изъ того обстоятельства, что Духъ Святой сошелъ на апостоловъ послѣ вознесенія Христова. И мы находимъ, что во многихъ мѣстахъ дѣлается тоже обыкновенно болѣе для чести священства, чѣмъ по закону необходимости. Иначе, еслибы Духъ Святой нисходилъ только по молитвѣ епископа, то слѣдовало бы оплачивать тѣхъ, которые по деревнямъ, укрѣпленницамъ и въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, будучи крещены пресвитерами и діаконами, умираютъ прежде, чѣмъ посѣтили ихъ епископы. Благосостояніе церкви зависитъ отъ сана верховнаго священника: если ему не будетъ дано нѣкоторой чрезвычайной и превосходнѣйшей предъ всѣми власти, то въ церквахъ появится столько же расколовъ, сколько священниковъ. Отсюда вышло, что безъ помазанія и повелѣнія епископскаго, ни пресвитеръ, ни діаконъ не имѣютъ права крестить. Мы знаемъ, что это часто дозволяется даже мірянамъ, если только требуетъ того необходимость. Ибо какъ получилъ кто, такъ можетъ и дать. Нельзя думать, чтобы не имѣлъ Духа Святаго евнухъ, крещенный Филиппомъ діакономъ, о которомъ Писаніе такъ говоритъ: *и снисхоста оба ни воду; и крести его Филиппъ. Егда же изыдоша отъ воды, Духъ Святой нападе на каженника* (сошелъ на евнуха) (Дѣян. 8, 38. 39). Но, можетъ быть, ты думаешь возразить мнѣ, что—*слышавше же, иже во Іерусалимѣ апостоли, яко пріяте Самаріи слово Божіе, послаша къ нимъ Петра и Іоанна, иже сошедше помолшася о нихъ, яко да приимутъ Духа Святаго, еще*

бо ни на единого ихъ бѣ пришелъ (тамъ же ст. 14—16). Но почему такъ случилось, узнай изъ послѣдующаго. Самъ же онъ (Духъ Святой) говоритъ: *но точію крещены бяху во имя Господа Исуса. Тогда возложши руку на ны, и прияша Духа Святаго* (тамъ же ст. 16, 17). Если ты скажешь на этотъ разъ, что и ты поступаешь подобнымъ же образомъ, потому что еретики не крестили въ Духъ Святомъ: то знай, что Филиппъ не отдѣлялся отъ апостоловъ, что онъ имѣлъ ту же церковь, проповѣдывалъ того же Господа Исуса Христа, былъ дѣйствительно діаконъ тѣхъ, которые потомъ возлагали руки. А ты, который говоришь, что у аріанъ не церковь, а синагога, что у нихъ не клирики Божіи, а поклонники твари и идоловъ,—какимъ образомъ ты утверждаешь, что держишься того же правила, когда обстоятельства совершенно различны?

Л. Хотя ты сильно и устойчиво отражаешь мои прямо противъ тебя направленные нападенія, но подался назадъ и не защищаешь отъ стрѣлъ обнаженной спины. Пусть у аріанъ и нѣтъ крещенія, и поэтому они не могутъ дать Духа Святаго, такъ какъ не получили и отпущенія грѣховъ; все это содѣйствуетъ моей побѣдѣ, и подготовляемые тобою для пораженія своего доводы, работаютъ для моего торжества. Аріанинъ не имѣетъ крещенія, а какимъ же образомъ онъ имѣетъ священство? Мірянина ¹⁾ нѣтъ у нихъ, а какимъ же образомъ можетъ быть епископъ? Миѣ нельзя принять нищаго, а ты принимаешь царя? Вы уступаете врагу лагеря; а мы должны отвергнуть перебѣжчика?

Пр. Еслибы ты помнилъ предъидущее, то зналъ бы уже мой отвѣтъ тебѣ; но, увлекаясь страстію противорѣчить, ты уклонился отъ предмета, по обязанности нѣкоторыхъ, скорѣе болтуновъ, чѣмъ людей краснорѣчивыхъ, которые, не умѣя

¹⁾ Т. е. христіанина

разсуждать, не перестаютъ однакоже спорить. Въ настоящемъ разѣ я не столько осуждаю или защищаю аріанъ, сколько клоню рѣчь свою къ тому, что мы на томъ же основаніи принимаемъ епископа, на какомъ у васъ принимается мірянинъ. Ты даешь разрѣшеніе заблуждающему; и я прощаю кающемуся. Если крестящій не могъ повредить своею вѣрою крещенному, то и поставляющій не могъ своею вѣрою осквернить поставленнаго священника. Ересь отличается тонкостію; и потому простые души легко попадаютъ въ нее. Обольщеніе одинаково возможно какъ для мірянина, такъ и для епископа. Но епископъ заблуждаться не могъ. А на дѣлѣ въ епископство избираются воспитанники Платона и Аристофана. Ибо, кого найдешь между ними, который бы не изучилъ ихъ въ совершенствѣ? Наконецъ, рукополагаемые въ настоящее время изъ ученыхъ, заботятся не о томъ, чтобы извлечь изъ писаній сущность ихъ, а о томъ, какъ бы усладить слухъ народа цвѣточками декламаціи. Сверхъ того, ересь аріанская стоитъ на сторонѣ болѣе мірской мудрости, и свои положенія заимствуетъ изъ Аристотеля, какъ источника. Итакъ по обычаю спорящихъ между собою дѣтей, что ты сказалъ, то и я скажу; что утверждалъ ты, и я буду утверждать; что отвергалъ, отвергну Аріанинъ крестить, слѣдовательно онъ епископъ; не крестить,—отвергни ты мірянина, а я не приму епископа. Я послѣдую за тобою, куда бы ты ни пошелъ, и, или запомнимъ вмѣстѣ въ грязи, или выберемъ изъ ней.

Л. Но мірянину слѣдуетъ простить потому, что онъ присоединился (къ ереси) по простотѣ, считая ее за истинную церковь Божию, и, какъ вѣрующій, получилъ прощеніе по вѣрѣ своей.

Пр. Ты говоришь новыя вещи,—что кого-то сдѣлалъ христіаниномъ тотъ, кто самъ не былъ христіаниномъ. Тотъ,

кто приходитъ къ аріанамъ ¹⁾, въ какой вѣрѣ получилъ крещеніе? Безъ сомнѣнія въ той, какую имѣли аріане. Иначе, если онъ самъ вѣровалъ какъ слѣдуетъ, и сознательно принялъ крещеніе отъ еретиковъ: то онъ уже не можетъ быть извиненъ заблужденіемъ. Впрочемъ, было бы совершенно недѣлостью, еслибы ученикъ,ходящій къ учителю, былъ уже знатокомъ дѣла прежде, чѣмъ сталъ учиться; равно еслибы обратившійся отъ почитанія идоловъ лучше зналъ Христа, чѣмъ тотъ, который учитъ его. Но ты говоришь: онъ въ простотѣ вѣровалъ въ Отца и Сына и Святаго Духа, и потому получилъ крещеніе. Что это, спрашиваю тебя, за простота—незнать, во что вѣруешь? Въ простотѣ вѣровалъ... Чему вѣровалъ? Конечно, слыша три имени, онъ увѣровалъ въ трехъ боговъ, и сдѣлался идолопоклонникомъ; или подъ тремя словами увѣровавъ въ треименнаго Бога, впалъ въ ересь Савеллія. Или научившись отъ аріанъ, онъ увѣровалъ, что одинъ истинный Богъ есть Отецъ, а Сынъ и Духъ Святыи суть твари. Во что кромѣ этого онъ могъ увѣровать, не знаю: развѣ, если уже успѣлъ получить образованіе въ Капитолѣ, изучилъ Троицу *homousion* ²⁾. Узналъ, что Отецъ, Сынъ и Святой Духъ отдѣльны не по естеству, а по лицамъ? Узналъ, что имя Сына въ Отцѣ, и имя Отца въ Сынѣ? Но крайне смѣшно утверждать, чтобы ктонибудь входилъ въ разсужденія о вѣрѣ прежде, чѣмъ увѣровалъ, чтобы зналъ таинство прежде, чѣмъ былъ посвященъ въ него; чтобы иначе мыслилъ о Богѣ крестящій, иначе крещаемый. Сверхъ

¹⁾ Въ одномъ изъ изданій твореній бл. Иеронима мѣсто это читается: *приходящій*, т. е. присоединяющійся *аріанинъ*.

²⁾ Иеронимъ, какъ и другіе современные ему западные богословы, по складу мыслей своихъ, не могли достаточно уяснить для себя значеніе словъ *ὁμοῦτα* и *ὁμοῦστασις*, получившихъ со времени никейскаго собора особенный вѣсъ въ догматическомъ ученіи православнаго Востока. Почему и говорить о данномъ предметѣ съ нѣкоторою раздражительностію.

того, когда во время крещенія, послѣ исповѣданія Троицы, спрашиваютъ торжественно: вѣруешь ли въ святую церковь, вѣруешь ли въ отпущеніе грѣховъ,—въ какую, по твоему мнѣнію, вѣровалъ онъ церковь? Въ церковь аріанъ? Но они не имѣютъ ея. Въ нашу церковь? Но крещенный виѣ ея, не можетъ вѣровать въ ту церковь, которой не зналъ.

Л. Такъ какъ ты надъ всѣмъ подшучиваешь, и за щитомъ своей рѣчи укрываешься отъ пуцаемыхъ нами стрѣлъ: то я брошу такое копье, которое своею силою пробьетъ выпуклость твоего щита и трескучія слова твои; я не потерплю болѣе, чтобы удочки побѣждали мужество. Мірянинъ даже и виѣ церкви, но вѣрно ¹⁾ крещенный, принимается чрезъ покаяніе: епископъ же или не приноситъ покаянія, и въ такомъ случаѣ остается священникомъ, или, если принесъ покаяніе, перестаетъ быть епископомъ. Поэтому мы поступаемъ правильно, принимая мірянина, если онъ кается, и отвергая епископа, если онъ хочетъ удержать священство.

Ир. Отъ стрѣлы, пущенной съ натянутой тетивы, трудно уклониться. Къ тому, на кого брошена, она долетитъ прежде, чѣмъ заслонитъ отъ нея щитъ. А твои положенія, напротивъ, не въ силахъ пронзить врага, потому что бросаются не снабженныя желѣзнымъ остриемъ. И это копье твое, которое бросилъ ты изо всѣхъ силъ, которымъ стращаль насъ, я отражу, какъ говорится, щелчкомъ. Рѣчь идетъ не о томъ, что епископъ не можетъ быть кающимся, а мірянинъ можетъ; но о томъ, имѣетъ ли еретикъ крещеніе? Если онъ, какъ это ясно, не имѣетъ крещенія: то какимъ образомъ онъ можетъ быть кающимся, не ставши прежде христіаниномъ? Докажи мнѣ, что мірянинъ, приходящій отъ аріанъ, имѣетъ крещеніе, тогда и я не откажу ему въ покаяніи. Если же онъ не христіанинъ, если онъ не имѣлъ

¹⁾ Правильно по формѣ.

священника, который бы сдѣлалъ его христіаниномъ: то какъ будетъ приносить покаяніе человѣкъ еще невѣрующій?

Л. Прошу тебя, оставивъ философскій способъ доказыванія, говорить со мною съ христіанскою простотою, если, впрочемъ, ты послѣдователь не діалектиковъ, а рыбарей. Находишь ли ты справедливымъ, чтобы аріанинъ былъ епископомъ?

Пр. Ты доказываешь, что онъ епископъ, тѣмъ, что принимаешь крещеннаго имъ; а за то заслуживаешь порицанія, что отгораживаешься отъ насъ стѣнами, будучи согласенъ съ нами въ вѣрѣ и въ принятіи аріанъ.

Л. Я уже прежде просилъ тебя говорить со мною не пофилософски, а похристіански.

Пр. Ты хочешь учиться или споришь?

Л. Дѣйствительно спорю, потому что добиваюсь отъ тебя основанія твоихъ дѣйствій.

Пр. Если споришь, то ты уже имѣешь отвѣтъ. Я принимаю отъ аріанъ епископа на томъ же основаніи, на какомъ ты принимаешь крещеннаго аріанами. Если хочешь учиться, перейди въ мой отрядъ. Противника побѣждаютъ, а учатъ ученика.

Л. Не могу сдѣлаться ученикомъ, не услышавши прежде проповѣди учителя.

Пр. Поелику ты уворачиваешься, и хочешь учиться у меня единственно, чтобы овладѣть противникомъ: то я буду учить тебя по твоему. Мы согласны въ вѣрѣ, согласны въ принятіи еретиковъ; будемъ же согласны и въ мѣстѣ собранія.

Л. Это значитъ не учить, а умствовать.

Пр. Такъ какъ ты просишь мира, не оставляя щита, то и мы масличную вѣтвь прививаемъ къ мечу.

Л. Вотъ я поднимаю руки, уступаю, ты побѣдилъ. Но слагая оружіе, я спрашиваю о значеніи таинства, въ отношеніи къ которому ты требуешь отъ меня клятвы.

Пр. Поздравляю тебя съ этимъ, и благодарю Христа Бога моего за то, что ты отъ лживости Сардовъ благодушно перешелъ къ общему образу мыслей и не говоришь по обычаю нѣкоторыхъ: *спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный* (Пс. 11, 1). Ихъ нечестивый голось упраздняетъ крестъ Христовъ, Сына Божія покаряетъ діаволу, и тотъ плачь, которымъ Господь оплакивалъ грѣшниковъ, примѣняетъ теперь ко всѣмъ людямъ: *какая польза въ крови моей внигда сходити ми во истлѣніе* (Пс. 29, 10)? Нѣтъ, Богъ умеръ не напрасно. Связанъ крѣпкій, и сосуды его расхищены (Марк. 3, 27). Привѣтствіе Отца исполнилось: *проси отъ мене и дамъ ти языки достояніе твое и одержаніе твое концы земли* (Пс. 2, 8). *Явишася источницы водни, и открышася основанія вселенныя* (Пс. 17, 16). *Въ солнцѣ положи селеніе свое, и нѣсть, иже укрывается теплоты его* (Пс. 18, 5. 7). Исполненный Богомъ псалмопѣвецъ поетъ: *врагу оскудѣша оружія въ конецъ; и грады ихъ разрушилъ еси* (Псал. 9, 7).

И гдѣ, спрашиваю тебя, они, эти крайне религіозные, а точнѣе — крайне невѣжественные люди, которые утверждаютъ, будто гораздо болѣе синагогъ, чѣмъ церквей? Какимъ образомъ разрушены грады діавола, и *въ конецъ*, т. е. до скончанія вѣковъ, ниспровергнуты идолы? Если Христосъ не имѣетъ церкви, или имѣетъ ее только въ Сардиніи, то онъ крайне обѣднѣлъ. Если сатана владѣетъ Британією, Галлією, Востокомъ, народами Индіи, народами варварскими и кратко — всѣмъ міромъ: то какимъ образомъ трофеи креста заключились въ одномъ уголкѣ вселенной? Конечно, могущественный противникъ уступилъ Христу иберійскую выдру: онъ считалъ нестоющимъ владѣть истощенными людьми и бѣдною областью... Если же они думаютъ найти себѣ опору въ известномъ выраженіи Евангелія: думаешь ли ты, что *Сынъ человеческій пришедъ обрящетъ выдру на земли* (Лук. 18, 8)?

то пусть знаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь о той вѣрѣ, о которой самъ Господь говорилъ: *вѣра твоя спасе тя* (Матѣ. 9, 22). И въ другомъ мѣстѣ о сотникѣ: *ни во Израилѣ толѣко вѣры обрѣтохъ* (Матѣ. 8, 10). И снова къ апостоламъ: *что страшилиши есте, маловѣри* (Матѣ. 8, 26)? И еще въ томъ мѣстѣ: *аще имате вѣру яко зерно горюшно, речете гору сей: преиди отсюда тамо, и преидеть* (Матѣ. 17, 20). Сотникъ или та женщина, которую изнуряло двѣнадцатилѣтнее кровотеченіе, вѣровали не въ таинство Троицы, которыя открылись апостоламъ уже по воскресеніи Христовомъ; заслуженную похвалу вызвала не такая вѣра ихъ, которая требуется въ таинствѣ. Одобрена простота сердца и преданная своему Богу душа: *глаголаше бо въ сердцѣ своемъ: аще токмо прикоснуся ризъ его, спасена буду* (Матѣ. 9, 21). Это та вѣра, о которой изрекъ Богъ, что она встрѣчается рѣдко. Это та вѣра, которая съ трудомъ встрѣчается совершенною даже у тѣхъ, которые хорошо вѣруютъ. *Буди тебѣ*, говоритъ Богъ, *по вѣрѣ твоей*. Не хотѣлъ бы я слышать этихъ словъ. Ибо я погибну, если будетъ мнѣ по вѣрѣ моей. Правда, я вѣрую въ Бога Отца, въ Бога Сына, въ Бога Духа Святаго,—вѣрую въ единого Бога, и однакоже не хочу, чтобы было со мною по вѣрѣ моей. Ибо часто приходитъ врагъ чловѣкъ, и между жатвою Господнею всѣваетъ плевелы. Не то говорю я, чтобы было чтонибудь важнѣе вѣры исповѣдуемой и чистоты душевной; но то, что вѣра въ Бога чуждая всякаго сомнѣнія съ трудомъ находится. Приведу примѣръ, чтобы уяснить, что я хочу сказать. Стою я на молитвѣ. Еслибы я не вѣровалъ, я не молился бы. Но еслибы я истинно вѣровалъ, я очистилъ бы то сердце, которымъ Богъ зрится, я билъ бы себя кулаками въ грудь, смочилъ бы щеки слезами, содрогнулъ бы тѣломъ, поблѣднѣлъ лицомъ, бросился бы къ ногамъ Господа моего, облилъ ихъ слезами, вытеръ волосами, — и прильнулъ бы

покрайней мѣрѣ къ дереву креста и не прежде оставилъ его, какъ испросивъ милосердіе. А теперь во время своей молитвы я весьма часто или прогуливаюсь по галлереймъ¹⁾, или высчитываю проценты, или, натолкнувшись на постыдную мысль, рисую въ своемъ воображеніи такія вещи, о которыхъ совѣстно говорить. Гдѣ же тутъ вѣра? Такъ ли, подумаешь, молился Іона? Такъ ли три отрока? Такъ ли Даниилъ между львами? Такъ ли, покрайней мѣрѣ, разбойникъ на крестѣ? Но это сказалъ я только для примѣра, чтобы уяснить мысль. Предоставляю каждому справиться съ собственнымъ сердцемъ и убѣдиться изъ опыта всей жизни, какъ рѣдко можно найти вѣрную душу, которая не дѣлала бы ничего изъ желанія славы, ради молвы людской. Развѣ непременно тотъ, кто постится для Бога, кто протягиваетъ бѣдному руку, даетъ въ заемъ Богу? Пороки смѣжны съ добродѣтелями. Трудно удовольствоваться однимъ только судью—Богомъ.

Л. Ты предупредилъ мой вопросъ: потому что это мѣсто Писанія я приберегалъ для себя къ концу. И все почти наши (впрочемъ уже не мои) пользуются имъ въ спорахъ какъ тараномъ²⁾; я радъ, что онъ изломанъ и разбитъ совершенно. Но я прошу тебя, объясни мнѣ не какъ противнику, а какъ ученику, съ полною обстоятельностью, причину, по которой церковь принимаетъ приходящихъ отъ арианъ. Ибо, хоть я и не могу отвѣчать тебѣ на словахъ, но въ душѣ еще не согласенъ съ тобою.

Пр. Въ царствованіе Констанція, въ консульство Евсевія и Ипатія, подъ предлогомъ единства и вѣры, установлено было письменно, какъ это признается теперь, невѣріе. Въ то время рабу Божию ничто не казалось такъ доб-

¹⁾ Т. е. по хорамъ и подъ хорами церковными

²⁾ Таранъ—стѣнобитное орудіе у древнихъ.

рымъ и такъ умѣстнымъ какъ сохранять единство и не разрывать общенія съ остальнымъ міромъ, особенно, когда изложеніе со вѣднѣйшей стороны не представляло уже ничего святотатственнаго. *Вѣруемъ, говорили они, во единого истиннаго Бога, Отца всемогущаго. Тоже и мы исповѣдуемъ. Вѣруемъ во едиnorodнаго Сына Божія прежде всѣхъ вѣковъ и прежде всякаго начала рожденнаго отъ Бога. Рожденнаго же едиnorodнаго, одного отъ одного Отца, Бога отъ Бога, подобнаго родившему его Отцу по писаніямъ, коего рожденія никто не знаетъ, кромъ родившаго Его, Отца.* Здѣсь не было вставлено: *было время, когда его не было; или изъ несущаго созданіе есть Сынъ Божій.* Вѣровать въ Бога отъ Бога—вѣра совершенная. И рожденнаго называли они едиnorodнымъ, однимъ, отъ одного Отца. Что такое рожденное? Очевидно, не сотворенное. Рожденіе устраняло мысль о твореніи. Къ этому они присоединяли: *который сошелъ съ небесъ, зачатъ отъ Духа Святаго, рожденъ отъ Дѣвы Маріи, распятъ Понтіемъ Пилатомъ, въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ, вознесся на небо, сидитъ одесную Бога Отца, имѣетъ прійти судить живыхъ и мертвыхъ.* Слова звучали благочестіемъ, и никто не подозрѣвалъ, чтобы въ этомъ медовомъ напитокѣ, назначенномъ для публики, былъ распушенъ ядъ.

Отвергая же слово *usia* (сущность), они приводили на то благовидную причину. *Такъ какъ этого слова, говорили они, не встрѣчается въ Писаніяхъ, и своею новизною оно соблазняетъ многихъ простѣйшихъ, то заблагоразсуждено исключить его.* Епископы не хлопотали изъ-за слова, когда смыслу не угрожала опасность. Притомъ, въ то самое время, когда разнесся въ народѣ слухъ, что въ изложеніи (вѣры) есть обманъ, Валентъ, епископъ мурзенскій, подписавшій его, въ присутствіи Тавра претора, находившагося на соборѣ по повелѣнію императора, исповѣ-

далъ, что онъ не аріанинъ и что онъ глубоко презираетъ аріанскія богохульства. Но такъ какъ это произошло втайнѣ, молва народная не улеглась. Поэтому въ другой день, когда въ церковь ариминскую собрались вмѣстѣ епископы и множество народа, Музоній, епископъ области бизаценской, котораго ради возраста всѣ считали первенствующимъ, сказалъ слѣдующее: *Мы прикажемъ одному изъ насъ прочитатъ вашей святости то, что разгласилось въ народъ и дошло до нашего слуха, чтобы всѣ единогласно осудили, что дурно и должно быть удалено отъ ушей и сердца нашего.* Всѣ епископы дали отвѣтъ утвердительный. Когда же Клавдій, епископъ области пиценской, началъ по общему приказанію читать тѣ хулы, которыя приписывались молвою Валенту, — Валентъ, признавая ихъ своими, возвысилъ голосъ и сказалъ: *Кто утверждаетъ, что Христосъ Господь, Сынъ Божій, не рожденъ отъ Отца прежде вѣкъ, да будетъ анаѳема.* Всѣ отозвались: *да будетъ анаѳема.* *Кто отрицаетъ, что Сынъ подобенъ Отцу по писаніямъ, да будетъ анаѳема.* Всѣ отвѣчали: *да будетъ анаѳема.* *Кто скажетъ, что Сынъ Божій не совѣченъ Отцу, да будетъ анаѳема.* Всѣ возгласили: *да будетъ анаѳема.* *Кто скажетъ, что Сынъ Божій твореніе, какъ и прочія твари, да будетъ анаѳема.* Тоже сказали: *да будетъ анаѳема.* *Кто скажетъ, что Сынъ изъ несущаго, и не отъ Бога Отца, да будетъ анаѳема.* Всѣ возгласили: *да будетъ анаѳема.* *Кто скажетъ, что было время, когда Сына не было, да будетъ анаѳема.* Съ такимъ своего рода рукоплесканьемъ и топаньемъ ногами, всѣ епископы и вся церковь вмѣстѣ выслушали объясненіе Валента. Если кто считаетъ это за нашу выдумку, тотъ пусть пороется въ публичныхъ архивахъ. По крайней мѣрѣ церковные шкафы полны, и память о событіи свѣжа. Живы даже люди, присутствовавшіе на томъ соборѣ, и, что подтверждаетъ истину,

сами аріане не отрицають, что дѣло происходило такъ, какъ мы сказали. И такъ, когда всѣ перевозносили Валента похвалами до небесъ, и съ раскаяніемъ осуждали свое подозрѣніе въ отношеніи къ нему, тотъ же Клавдій, который выше началъ чтеніе, сказалъ: *есть еще нѣчто, упущенное изъ виду господиномъ и братомъ моимъ Валентомъ; если вамъ угодно, обсудимъ сообща и это, чтобы не осталось никакого недоумѣнія. Кто скажетъ, что Сынъ Божій, хотя и есть прежде всѣхъ вѣковъ, но не прежде всякаго совершенно времени, такъ что Ему нѣчто предшествовало, да будетъ анаѡема.* Всѣ сказали: *да будетъ анаѡема.* И многое другое, казавшееся подозрительнымъ, осудилъ Валентъ по указанію Клавдія. Кто хочетъ узнать объ этомъ подробнѣе, пусть прочитаетъ въ актахъ ариминскаго собора, откуда и мы заимствовали разсказанное.

Послѣ этого событія соборъ закрылся. Всѣ радовались, возвращаясь въ свои области; потому что и императоръ и всѣ добрые люди заботились о томъ, чтобы связать взаимнымъ общеніемъ востокъ и западъ. Но злодѣянія долго не таятся и худо перевязанная рана раскрывается сама собою. Валентъ, Урзацій и прочіе сообщники ихъ непотребства (достойные т. е. священники Христовы) стали вслѣдъ за тѣмъ хвастаться своею побѣдою, утверждая, что они не отрицали, что Сынъ есть твореніе, а отрицали, что онъ подобенъ другимъ тварямъ. Уничтоженіемъ-де слова *usia* провозглашено осужденіе никейской вѣрѣ. Весь міръ былъ глубоко огорченъ, и изумился, увидѣвъ себя аріанскимъ. Вслѣдствіе этого, одни остались въ общеніи только съ своею паствою, другіе стали вести переписку съ тѣми исповѣдниками, которые были сосланы въ ссылку по дѣлу Аѡашасія; нѣкоторые съ отчаяніемъ оплакивали начавшійся было лучшій союзъ. А немногіе, какъ это уже свойственно людямъ, защищали заблужденіе съ умысломъ. Корабликъ апо-

столовъ ¹⁾ былъ въ опасности; носили его вѣтры, въ бока его били волны; не оставалось уже надежды: но пробуждается Господь, повелѣваетъ бурѣ, умираетъ звѣрь ²⁾, тишина восстанавливается. Скажу яенѣе. Всѣ епископы, лишеныя своихъ кафедръ, благодаря снисходительности новаго императора ³⁾, возвращаются къ церквамъ. Въ то время Египетъ принялъ къ себѣ снова своего побѣдоносца Аѳанасія; церковь галльская заключила въ свои объятія возвращавшагося съ сраженія Иларія; по случаю возвращенія Евсевія, сбросила траурныя одежды Италія. Сошлись епископы, которые безсознательно оказались въ числѣ еретиковъ, попавшись въ ариминскія сѣти, клялись тѣломъ Господнимъ и всѣмъ, что есть въ церкви святаго, что они по совѣсти не подозрѣвали ничего дурнаго. Мы думали, говорили они, что смыслъ соотвѣтствовалъ словамъ, и не предполагали, чтобы въ церкви Божіей, гдѣ царствуетъ прямодушіе и искренность исповѣданія, одно могло таиться въ сердцѣ, другое высказываться на устахъ. Намъ обмануло доброе мнѣніе о дурныхъ людяхъ. Будучи священниками Христа, мы не думали сражаться противъ Христа. И многое другое, что я упускаю для краткости, высказали они со слезами, готовые осудить и прежнія подписи, и всѣ аріанскія богохульства. Спрошу я теперь оныхъ крайне благочестивыхъ, какъ бы они полагали поступить съ сдѣлавшими такое признаніе? Скажутъ, что, низложивши прежнихъ епископовъ, они рукоположили бы новыхъ. Былъ такой опытъ. Но кто, не будучи врагомъ себѣ, допустилъ бы низложить себя? Особенно когда весь народъ, любившій своихъ священниковъ, почти принимался за камни, сбѣгался, чтобы убить низлагав-

¹⁾ Т. е. церковь.

²⁾ Т. е. Констанцій.

³⁾ Юліана.

шихъ ихъ? Пусть бы, скажутъ, остались въ общеніи только съ своею паствою. Но это значило бы по неразумной строгости предавать діаволу весь міръ. За что они осудили бы тѣхъ, которые не были аріанами? За что разсѣками бы церковь, пребывавшую въ единодушной вѣрѣ? За что наконецъ, по упрямству своему, они обратили бы въ аріанъ тѣхъ, которые правильно вѣровали? Если мы знаемъ, что на самомъ никейскомъ соборѣ, который и созванъ былъ по поводу аріанскаго вѣроломства, было принято восемь аріанскихъ епископовъ, и если въ настоящее время нѣтъ въ мірѣ ни одного епископа, кромѣ поставленныхъ тѣмъ соборомъ: то какъ могли они дѣйствовать вопреки собору, изъза котораго потерпѣли ссылку?

Л. А развѣ и въ то время были приняты аріане? Скажи же, кто такіе.

Пр. Евсевій, епископъ никодимійскій, Θεогній, епископъ никейскій, Сарасъ, бывший тогда пресвитеромъ Ливіи, Евсевій, епископъ Кесаріи каппадокійской, и другіе, которыхъ долго пересчитывать. Да и самъ глава ихъ и виновникъ всего зла пресвитеръ Аріій, діаконъ Езоій, бывший послѣ Евдоксія епископомъ антиохійскимъ, и чтець Ахиллъ. Эти три клирика александрійской церкви и были основателями той ереси.

Л. Но еслибы кто сталъ утверждать, что они не были приняты, чѣмъ бы можно изобличить его?

Пр. Есть еще въ живыхъ люди, присутствовавшіе на томъ соборѣ. А если этого мало (такъ какъ по причинѣ давности времени такіе люди уже рѣдки и найти свидѣтелей во всякомъ мѣстѣ нельзя), прочитаемъ акты и епископскія подписи никейскаго собора; и найдемъ, что между другими подписали *homousion* и тѣ, которые, какъ мы выше сказали, были приняты.

Л. Если можешь, покажи, что они послѣ никейскаго собора совершили вѣроломство.

Пр. Ты поступилъ честно, сдѣлавъ такое замѣчаніе. Тѣ, которые не вѣрятъ, что случилось то, чего имъ не хочется, обыкновенно отрицаютъ, закрывъ глаза. Но какъ же они послѣ не измѣнили, они, ради которыхъ былъ созванъ соборъ и которыхъ посланія и книги, изданныя до собора, существуютъ до настоящаго дня? Итакъ, если въ то время триста, даже того болѣе епископовъ приняли нѣсколько такихъ человекъ, которыхъ могли отвергнуть безъ всякаго ущерба для церкви: то я удивляюсь, что есть нѣкоторые, и притомъ сторонники никейскаго исповѣданія вѣры, такъ суровые, что полагаютъ, будто три возвратившіеся изъ ссылки исповѣдника ¹⁾ не должны были, въ крайности, сдѣлать ради спасенія всего міра, то, что столькіе и такіе муки сдѣлали по доброй волѣ! Но продолжимъ разсказъ. По возвращеніи исповѣдниковъ, на соборѣ александрійскомъ было потомъ постановлено, чтобы за исключеніемъ ересеначальниковъ, которыхъ заблужденіе не могло быть извинено, кающіеся были присоединяемы къ церкви: не потому, чтобы могли быть епископами бывшіе еретики, но поколику было извѣстно, что принимаемые не были еретиками. Западъ согласился съ этимъ опредѣленіемъ; и такую необходимою мѣрою міръ былъ исторгнутъ изъ пасти сатаны. Теперь дошли мы до весьма непріятнаго мѣста, гдѣ я вынужденъ высказаться на счетъ блаженнаго Люцифера иначе, чѣмъ какъ требовали бы сего его заслуги и мое человеколюбіе. Но что дѣлать? Правда раскрываетъ уста, и свышшееся съ нею сердце побуждастъ языкъ говорить по неволѣ. Въ такое для церкви время, въ виду такой свирѣпости волковъ, онъ, отдѣлавъ нѣсколько овецъ, вовсе бросилъ остальное стадо. Самъ-то онъ и доб-

¹⁾ Св. Аѳанасій, Иларій и Евсевій верцелленскій.

рый пастырь; но оставилъ звѣрамъ большую добычу. Умалчиваю о томъ, что утверждаютъ за достовѣрное нѣкоторые изъ злорѣчивыхъ, будто онъ сдѣлалъ это изъ любви къ славѣ и съ цѣлію передать въ потомство имя свое, равно какъ изъ вражды противъ Евсевія, начавшейся съ антиохійскаго разногласія. О такомъ мужѣ я не вѣрю ничему подобному. Одно на этотъ счетъ я утверждаю постоянно, что онъ несогласенъ съ нами на словахъ, а не на дѣлѣ, если принимаетъ тѣхъ, которые получили крещеніе отъ арианъ.

Л. Совѣмъ не то, и какъ понимаю я въ настоящее время, болѣе вводившее въ заблужденіе, чѣмъ уяснявшее дѣло, рассказывали мнѣ прежде! Благодарю Христа Бога, влившаго въ мой умъ лучъ истины; съ этихъ поръ не буду уже я святотатственными устами называть его дѣву блудницею діавола. Остается одно, что прошу я тебя разъяснить мнѣ: какъ слѣдуетъ смотрѣть на Иларія, который не принимаетъ даже и крещенныхъ аріанами?

Пр. Такъ какъ Иларій, будучи діакономъ, отпалъ отъ церкви, и самъ по себѣ полагая, что въ мірѣ безпорядокъ, не могъ совершать евхаристіи, потому что не имѣлъ епископовъ и пресвитеровъ: то безъ евхаристіи не могъ и крестить. И такъ какъ онъ уже умеръ, то съ человѣкомъ уничтожилась и секта: потому что діаконовъ не могъ рукоположить въ преемники по себѣ никакого клирика. А церковь не существуетъ безъ священниковъ. Но, оставивъ въ сторонѣ нѣсколькихъ человѣкъ, которые сами и міряне и епископы, разсуди, что нужно думать о всей церкви.

Л. Ты, какъ говорится, рѣшилъ великій вопросъ тремя словами. Но пока ты говоришь, мнѣ кажется, что я согласенъ съ тобою; а когда замолчишь, не понимаю, какъ снова возникаютъ недоразумѣнія касательно причины, по которой принимаются крещенные еретиками.

Пр. Тоже и я сказалъ тебѣ: разсуди, что нужно думать о всей церкви. Это самое, какъ ты говоришь, недомѣніе тревожитъ многихъ. Можетъ быть разсказъ мой будетъ и длиненъ; но тѣмъ выгоднѣе это будетъ для истины.

Ковчегъ Ноевъ изображалъ собою церковь, какъ говорить апостоль Петръ: въ ковчегѣ Ноевомъ *мало, сирѣчь осмь душъ, спасаемя отъ воды. Его же воображеніе нынѣ и насъ спасаетъ крещеніе* (1 Петр. 3, 20. 21). Какъ въ томъ были всѣ роды животныхъ, такъ и въ этой находятся люди всякихъ народностей и обычаевъ. Какъ тамъ были барсъ съ козами и волкъ съ овцами, такъ и здѣсь упоминаются праведные и грѣшныя, т. е. сосуды золотыя и серебряныя вмѣстѣ съ деревянными и глиняными. Имѣлъ ковчегъ свои гнѣзда; имѣеть и церковь многія мѣста пребыванія. Въ ковчегѣ Ноевомъ спаслось восемь человѣческихъ душъ; и нашъ Екклезіастъ повелѣваетъ дать *часть седмимъ* и дать *часть осмимъ* (Еккл. II, 2), т. е. вѣровать въ тотъ и другой завѣтъ. Поэтому нѣкоторыя псалмы надписываются *о осмьй*, и въ сто восемнадцомъ псалмѣ дается праведному наставленіе восьмистипіями, принаровленными къ каждой изъ буквъ (еврейскаго алфавита). Восемь и блаженствъ, изреченія которыя ученикамъ на горѣ, Господь положилъ основаніе церкви. Осмеричное число нашель и Іезекіиль въ устройствѣ храма. Найдешь и многое другое въ Писаніяхъ, отмѣченное этимъ числомъ. Итакъ, выпускаютъ изъ ковчега ворона, и онъ не возвращается; а голубъ возвѣщаетъ миръ землѣ. Такъ и въ крещеніи церковномъ, по изгнаніи зловѣщей птицы, т. е. діавола, миръ землѣ нашей возвѣщаетъ голубъ Святаго Духа. Строющійся ковчегъ, начиная съ тридцати (трехсотъ?) лактей, сводится понемногу къ одному лактю. Подобнымъ образомъ и церковь, имѣющая множество степеней, завершается въ концѣ діаконами, пресвитерами и епископами. Грозилъ опасности ковчегу въ потоцѣ, грозять

они и церкви въ мірѣ. Вышедши изъ ковчега, Ной насадилъ виноградъ, и, испивъ отъ него, упился; родившійся во плоти Христосъ насадилъ церковь, и пострадалъ. Старшій сынъ осмѣялъ обнажившагося отца, а меньшей прикрылъ его; осмѣяли и іудеи распятаго Бога, а язычники почтили. Мало было бы дня для меня, еслибы я сталъ раскрывать всѣ тайны ковчега, сопоставляя его съ церковію. Какъ относящееся къ настоящему предмету, я покажу, кто между нами орлы, кто голуби, кто львы и олени, кто черви и змѣи. Не одни овцы находятся въ церкви, и не чистыя только летаютъ въ ней птицы; сѣется въ полѣ хлѣбъ,

и надъ блестящимъ посѣвомъ встаютъ,

Какъ властелины, лопушникъ и чертополохъ и

овесець безплодный

(Вирг. 1 Георг. 154).

Что дѣлаетъ земледѣлецъ? Вырываетъ куколь? Но въ такомъ случаѣ потоптывается весь хлѣбъ. Деревенская промышленность ежедневно отгоняетъ птицъ стугомъ, отпугиваетъ ихъ чучелами: здѣсь хлопаютъ бичемъ, тамъ развѣшиваютъ пугало. Но и при этомъ дѣлаютъ набѣги то проворныя дикія козы, то рѣзвые дикіе ослы; тамъ маленькіе звѣрки собираютъ хлѣбъ въ свои выкопанныя въ землѣ житницы, здѣсь разоряютъ жатву кишация стада муравьевъ. Такъ уже это бываетъ. Никто не владѣетъ полемъ беззаботно. Когда домохозяинъ уснулъ, врагъ человѣкъ всѣялъ плевелы; рабы предлагали ему идти, чтобы ихъ исторгнуть, но господинъ предоставилъ самому себѣ отдѣлить плевелы отъ хлѣба (Матѣ. 13). Это—тѣ сосуды гнѣва и милосердія въ дому Божіемъ, о которыхъ говоритъ апостоль (Римл. 9 и 2 Тим. 2). Наступитъ день, когда, открывъ сокровищницу церковную, Господь вынесетъ сосуды гнѣва своего, при удаленіи которыхъ, святые скажутъ: *отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ: аще бы отъ насъ были, пребыли убо*

быша съ нами (1 Іоан. 2, 19). Никто не можетъ присвоить себѣ Христову побѣду; никто не можетъ судить о людяхъ до дня суда. Если церковь уже очищена, — что предоставимъ мы Господу? *Есть путь, иже мнитъся челоуѣкомъ и живъ быти, послѣдняя же его приводятъ во дно ада* (Притч. 14, 12). При такой ошибочности суда, какой приговоръ можетъ быть вѣрнымъ?

Старался блаженный Кипріанъ избѣжать обычно посѣщаемыхъ озеръ, и не пить воды чужой; съ цѣлю, отвергая крещеніе еретиковъ, онъ, при тогдашнемъ римскомъ епископѣ Стефанѣ, который былъ двадцать вторымъ, считая отъ блаженнаго Петра, составилъ по этому предмету соборъ африканскій. Но стараніе его осталось тщетнымъ. Тѣже самые епископы, которые вмѣстѣ съ нимъ постановили перекрещивать еретиковъ, возвратившись потомъ къ древнему обычаю, издали новое опредѣленіе ¹⁾. Что дѣлать? Наши предки передали намъ такъ, а ихъ передали имъ иначе. Но зачѣмъ буду говорить я о позднѣйшемъ? Еще свѣжа была въ Іудеи кровь Христова, а апостоламъ нужно было удостовѣреніе, что тѣло Господа не мечта; апостолъ въ другой разъ терпитъ муки родовъ изъ-за галатовъ, уклонившихся къ соблюденію закона (іудейскаго); а коринѳяны, которые не вѣруютъ въ воскресеніе тѣла, старается привести на путь истины множествомъ доказательствъ. То Симонъ волхвъ и ученикъ его Міандръ выдавали себя за силы Божіи; то Василидъ выдумалъ верховнаго Бога Абрахас, съ тремястами шестьюдесятью пятью рожденіями; то Николай, бывший однимъ изъ семи діаконъ, днемъ и ночью вступая въ браки, грезилъ о гнусныхъ и постыдныхъ для слуха совокупленіяхъ. Умалчиваю о еретикахъ іудейства, ниспровергнувшихъ преданный законъ; умал-

¹⁾ Свѣдѣніе о подобномъ постановленіи африканскихъ епископовъ встрѣчается единственно у Іеронима.

чиваю о томъ, что глава самаритянъ Досиѳеѳей отвергъ про-
роковъ, — что саддукеи, происшедшіе отъ его поколѣнія,
отрицали и самое воскресеніе тѣла, — что фарисеи, отдѣлив-
шіеся отъ іудеевъ изъ-за ненужныхъ обрядностей, приняли
отъ отдѣленія самое имя, что иродіане приняли за Христа
царя Ирода. Перехожу къ тѣмъ еретикамъ, которые разо-
драли Евангелія. Читаемъ о нѣкоемъ Сатурнинѣ, объ офитахъ,
баинейхъ, сетеоитахъ, Карпократѣ, Керинеѣ, послѣдователѣ
его Евіонѣ и о другихъ язвахъ, изъ коихъ очень многія обнару-
жились еще при жизни апостола Іоанна; но не читаемъ,
однакоже, чтобы кто нибудь изъ нихъ былъ перекрещиваемъ.

Поелику мы упомянули о такомъ мужѣ, то изъ самаго
Апокалипсиса его приведемъ доказательство, что еретикамъ
должно быть дозволяемо покаяніе безъ крещенія. Ангелу
Ефеса вмѣняется въ вину оставленная любовь. Ангелу пер-
гамской церкви дѣлается упрекъ за яденіе идоложертвеннаго
и за ученіе николаитовъ. У ангела ѳіатирскаго порицается
пророчица Іезавель, пища идоловъ и любодѣянія. И однакоже
всѣхъ ихъ Господь увѣщаетъ къ покаянію, подъ угрозою
только наказанія, если не обратятся. Не побуждалъ бы Онъ
ихъ къ покаянію, еслибы не прощалъ кающихся. Сказалъ ли
Онъ, чтобы крещенные въ николаитской вѣрѣ были пере-
крещены, или чтобы возложены были руки на тѣхъ, кото-
рые въ то время между пергамлянами такъ вѣровали, ко-
торые держались ученія Валаамова? Нисколько; но говоритъ:
*покайся; аще ли ни, прииду тебѣ скоро, и брань сотворю
съ тобою мечемъ устъ моихъ* (Апок. 2, 16).

Но еслибы ученики Иларія и тѣ, которые остались
овцами безъ пастыря, стали ссылаться на мѣста Писанія,
которыя указалъ блаженный Кипріанъ въ пользу перекрещи-
ванія еретиковъ въ своихъ письмахъ: то пусть знаютъ, что
онъ выставилъ эти мѣста, не угрожая анаѳемою тѣмъ, ко-
торые не захотѣли ему слѣдовать. Онъ остался въ общеніи

съ тѣми, которые не соглашались съ его образомъ мыслей; а только старался убѣдить, по поводу Новата и многихъ другихъ появившихся въ то время ересей, не принимать отъ него никого безъ осужденія его заблужденія. Свое объясненіе, которое имѣлъ онъ по этому предмету съ Стефаномъ, первосвященникомъ римскимъ, онъ заканчиваетъ такъ: «по обычному уваженію и чистосердечной пріязни, мы доводимъ объ этомъ до свѣдѣнія твоего, братъ возлюбленный, будучи увѣрены, что при твоёмъ благочестіи и правовѣріи, ты согласишься съ тѣмъ, что въ одинаковой мѣрѣ и благочестиво, и справедливо. Впрочемъ, мы знаемъ, что нѣкоторые, задумавъ разъ что нибудь, уже не оставляютъ того, и не легко мѣняютъ свои предположенія; но, сохраняя съ сослуживцами союзъ мира и согласія, удерживаютъ и нѣчто свое, разъ вошедшее у нихъ въ употребленіе. Въ этомъ отношеніи мы не дѣлаемъ насилія никому, и не издаемъ закона, который отнималъ бы право дѣйствовать въ управленіи церковію по свободному усмотрѣнію: всякій предстоятель имѣетъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Господу». Когда пишетъ онъ и къ Юбаяну о перекрещиваніи еретиковъ, то въ концѣ книги говоритъ такъ: «по мѣрѣ силъ своихъ—братко мы написали это тебѣ, братъ возлюбленный, никому не предписывая и не навязывая своего мнѣнія, тѣмъ болѣе, что каждый изъ епископовъ дѣйствуетъ, какъ находитъ нужнымъ, имѣя полную власть поступать по собственному усмотрѣнію. Мы, сколько это отъ насъ зависитъ, не споримъ изъ-за еретиковъ съ своими сослуживцами и соепископами; но сохраняемъ съ ними божественное согласіе и миръ Господень, особенно въ виду словъ апостола: *еще ли кто смитяся спорливъ быти, мы такового обычая не имамы, ниже церковъ Божія* (1 Кор. 11, 16). Терпѣливо и спокойно мы соблюдаемъ любовь душевную, уваженіе къ обществу, союзъ вѣры, согласіе священства».

Есть кромѣ того другое, о чемъ упоминаемъ мы, противъ чего не осмѣлится и пикнуть Иларій, этотъ Девкалионъ міра. Если еретики не имѣютъ крещенія, и должны быть перекрещиваемы церковію, потому что не принадлежали къ церкви: то и самъ Иларій не есть христіанинъ. Ибо онъ крещенъ въ той церкви, которая всегда принимала крещеніе отъ еретиковъ. Прежде чѣмъ состоялся соборъ ариминскій, прежде чѣмъ былъ изгнанъ Люциферъ,—Иларій, будучи діаконъ римской церкви, принималъ приходящихъ еретиковъ съ тѣмъ крещеніемъ, которое они получили прежде. Развѣ, быть можетъ, только аріане еретики, и только крещеннаго ими нельзя принимать, а крещеннаго другими можно! Ты же, Иларій, былъ діаконъ, и принималъ крещенныхъ манихеями; ты былъ діаконъ, и одобрялъ крещеніе Евіона. А послѣ того, какъ появился Арій, ты вдругъ изо всѣхъ силъ сталъ держаться противнаго. Ты отдѣляешься съ своею челядью, и открываешь новую баню. Если бы тебя крестилъ какойнибудь ангель или апостоль, не упрекнулъ ¹⁾ бы я тебя, что слѣдуешь ему. Но если ты рожденъ въ лонѣ моемъ, если вскормленъ молокомъ груди моей, и поднимаешь мечъ на меня: то отдай назадъ, что я дала, и потомъ, если можешь, будь христіаниномъ. Блудница я, но все же мать твоя. Не храню въ чистотѣ единобрачія, но такова была я и при твоёмъ зачатіи: прелюбодѣйствую съ Аріемъ, но прелюбодѣйствовала и прежде съ Праксеемъ, Евіономъ, Керинеемъ, Новатомъ. Ты заключалъ въ свои объятія, ты принималъ уже въ домъ своей матери прелюбодѣевъ. Не знаю, чѣмъ оскорбляетъ тебя одинъ прелюбодѣй.

Если бы кто вздумалъ отрицать, что наши предки всегда принимали еретиковъ, то пусть прочтаетъ письма блаженнаго Кипріана, въ которыхъ онъ, обращаясь къ Сте-

¹⁾ Влажен. Иеронимъ говоритъ какъ бы устами церкви.

фану, епископу римскому, доказываетъ погрѣшность установившагося обычая. Пусть читаетъ книги и самаго Иларія о перекрещиваніи еретиковъ, которыя написалъ онъ противъ насъ, и найдетъ тамъ сознаніе самаго же Иларія, что Юлій, Маркъ, Сильвестръ и прочіе древніе епископы принимали всѣхъ еретиковъ также чрезъ покаяніе. и что ему не слѣдовало при этомъ принимать на себя произнесеніе приговора обычаю: потому что и соборъ никейскій, о которомъ мы упомянули нѣсколько выше, принялъ всѣхъ еретиковъ, исключая учениковъ Павла Самосатскаго. А что еще важнѣе, соборъ этотъ сохраняетъ степень пресвитерства за епископомъ новаціанскимъ, если онъ обратится. Это опредѣленіе опровергаетъ и Люцифера и Иларія: потому что относится въ одно и тоже время и къ крестнику и крещенному.

Могъ бы я говорить въ этомъ родѣ цѣлый день, и всѣ потоки возраженій иссушить однимъ солнечнымъ свѣтомъ церкви. Но такъ какъ мы говорили уже много, и продолжительность спора утомила вниманіе слушателей, я выскажу тебѣ свою задушевную мысль коротко и откровенно: слѣдуетъ твердо держаться той церкви, которая, будучи основана апостолами, продолжаетъ свое существованіе до настоящаго дня. Услышишь гдѣ нибудь о такихъ, которые, считая себя Христовыми, приняли имя не отъ Господа Іисуса Христа, а отъ кого либо другаго, какъ напр. о Маркіонитахъ, Валентиніанахъ, Монтенсахъ ¹⁾ или Кампитсахъ, знай, что то не церковь Христова, а синагога антихриста. Ибо то самое, что они появились послѣ, указываетъ въ нихъ тѣхъ, о которыхъ предвозвѣстилъ въ будущемъ апостоль. И пусть не льстятъ они себѣ тѣмъ, что находятъ, новиди-

¹⁾ *Монтенсами, Montenses*, отъ *mons*, назывались послѣдователи Доната, потому что имѣли въ Римѣ церковь на горѣ. О Кампенсахъ см. первое письмо къ папѣ Дамасу.

тому, подтвержденіе своихъ словъ въ Писаніяхъ: потому что и диаволь говорилъ нѣчто отъ Писаній; и сущность Писаній не въ чтеніи, а въ пониманіи. Иначе, еслибы мы слѣдовали только буквѣ, могли бы и сами сложить для себя новыя догматы, утверждать хотьбы, что не должно-де принимать въ церковь такихъ, которые носятъ обувь и имѣютъ по двѣ рубахи.

Л. Не считай побѣдителемъ себя одного: побѣдили мы оба; и каждый изъ насъ празднуетъ свою побѣду, ты надо мною, и надъ заблужденіемъ. О, еслибы мнѣ всегда приходилось спорить такъ, чтобы, успѣвая на лучшее, я оставлялъ то дурное, чего держался! Онакоже, узнавъ прекрасно нравы своихъ, и одно скажу тебѣ,—что ихъ легче побѣдить, чѣмъ убѣдить.

О приснодѣвствѣ бл Маріи.

Книга противъ Елвидія 1).

Когда недавно братія просили меня отвѣчать на книжку какого-то Елвидія, то я уклонился исполнить эту просьбу

1) Елвидій, превратно толкуя нѣкоторые мѣста св. Писанія, въ одномъ сочиненіи своемъ пытался доказать, что пресвятая Дѣва Марія послѣ рожденія Господа Иисуса Христа отъ Духа Святаго имѣла отъ мужа Іосифа нѣсколькихъ дѣтей, которые въ Евангеліи называются братьями Господа, и такимъ образомъ отрицалъ приснодѣвство Богоматери. Елвидій по словамъ Іеронима былъ человекъ совершенно необразованный и ничѣмъ незамѣчательный, а по свидѣтельству Геннадія, кромѣ того былъ зараженъ и аріанствомъ. Іеронимъ, сначала не обращающій вниманія на лжеученіе этого невѣжды, по просьбѣ благочестивыхъ братій, наконецъ написалъ эту книгу противъ Елвидія съ цѣлію опровергнуть его нечестивое ученіе о Богоматери. Сочиненіе это написано въ 383 году.

не потому, чтобы трудно было раскрытіемъ истины побѣдить челоуѣка невѣжественнаго и едва только грамотнаго, а для того, чтобы отвѣтомъ не оказать чести тому, кого хочешь побѣждать. Къ этому побуждало и то, что вздорный челоуѣкъ и одинъ во всемъ мірѣ самъ себѣ и мірянинъ и священникъ (который, какъ говоритъ оный (мужь) ¹⁾, болтливость считаетъ краснорѣчіемъ и ругать всѣхъ полагаетъ признакомъ доброй совѣсти), онъ, улучивъ случай поспорить, сталъ бы болѣе богохульствовать и какъ бы съ возвышеннаго мѣста разглагольствовать на весь міръ и меня язвить ругательствами, за невозможностію уязвить истиною. Но поелику всѣ сіи столь уважительныя причины моего молчанія, въ слѣдствіе соблазна братій, возмущавшихся его безуміемъ, уступили мѣсто болѣе уважительной цѣли; то уже нужно положить сѣкиру къ корнямъ неплоднаго дерева евангельскаго и нужно предать его пламени съ неплодною листвою его,—чтобы наконецъ вразумился замолчать тотъ, кто никогда не умѣлъ говорить.

Итакъ должно призвать въ помощь мнѣ Святаго Духа, да своимъ умомъ устами моими защититъ Онъ дѣвство блаженной Маріи; должно призвать Господа Иисуса, да отъ всякаго подозрѣнія въ плотскомъ совокупленіи охранитъ Онъ страннопримницу священнаго чрева, въ коемъ обиталъ Онъ десять мѣсяцевъ; и самаго Бога Отца должно молить, да покажетъ Онъ, что мать Сына Его, сдѣлавшаяся матерією прежде замужества, пребыла дѣвою послѣ рожденія. Не поприща ораторской рѣчи желаемъ мы, не ищемъ софизмовъ діалектиковъ, ни тонкостей Аристотеля; слѣдуетъ представить самыя слова Писаній: онъ (Елвидій) долженъ быть опровергнуть тѣми же свидѣтельствами, которыми пользо-

¹⁾ Т. е. Тертуліанъ, изъ котораго заимствуются дальнѣйшія выраженія.

бался противъ насъ, чтобы онъ видѣлъ и то, что онъ могъ читать написанное, и то, что не могъ уразумѣть того, что утверждено благочестіемъ.

Первымъ его возраженіемъ было: «Матѳей говоритъ: *Христово рождество сице бѣ: обрученнѣй бо бывши; матери его Маріи Иосифови, прежде даже не снитися има, обрѣтесе имущи во чревь отъ Духа Свята. Иосифъ же мужъ ея праведенъ сый: и не хотя ея обличити, возхотѣ тай пущити ю. Сія же ему помыслившу, се ангелъ Господень во снѣ явися ему, глаголя: Иосифе, сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамъ жены твоея: рождшееся бо въ ней отъ Духа есть Свята (Матѳ. 1, 18 и слѣд.).* Вотъ, говоритъ, имѣешь *обрученную*, а не *порученную*, и конечно обрученную не почему нибудь другому, какъ потому, что она имѣла сочетаться бракомъ. О неимѣвшихъ сочетаться евангелистъ не сказалъ бы: *прежде даже не снитися има*, такъ какъ о томъ, кто не будетъ обѣдать, никто не говоритъ: прежде чѣмъ пообѣдалъ: Потомъ ангеломъ она названа *женою* и *супругою*. Послушаемъ также, что еще говоритъ Писаніе: *возставъ, говоритъ оно, Иосифъ отъ сна, сотвори якоже повелъ ему ангелъ Господень и пріятъ жену свою, и не знаяше ея, дондеже роди сына своего (Матѳ. 1, 24. 25).*

Пробѣжимъ каждую изъ этихъ мыслей, и, преслѣдуя нечестивое мнѣніе по тѣмъ же слѣдамъ, какими вошло оно, покажемъ, что онъ высказалъ взаимныя противорѣчія. Онъ признаетъ ее *обрученную*, и тотчасъ хочетъ сдѣлать *женою* ту, которую призналъ невѣстою. Далѣе ту, которую называетъ *женою*, именуетъ *обрученную* не иначе какъ потому, что она впослѣдствіи имѣла выйти за мужъ. И въ довершеніе всего говоритъ: «имѣешь *обрученную*, а не *порученную*»: т. е. еще не жену, не соединенную брачнымъ союзомъ. А относительно того, что говоритъ онъ: «о неимѣвшихъ сочетаться евангелистъ не сказалъ бы: *прежде даже*

не снитися има, поелику о неимѣющемъ обѣдать никто не говорить: прежде чѣмъ пообѣдалъ»—я не знаю плакать или смѣяться, доказывать ли невѣжество, или обличать въ дерзости. Какъ будто бы, еслибы кто нибудь сказалъ: прежде чѣмъ пообѣдать въ пристани, я поплылъ въ Африку,—то этими словами утверждалъ бы, что ему нѣкогда нужно будетъ пообѣдать въ пристани. Или еслибы мы захотѣли сказать: апостоль Павелъ, прежде чѣмъ отправился въ Испанію, въ Римѣ былъ заключенъ въ узы, или: Елвидій, прежде чѣмъ покался, былъ предваренъ смертію: то неужели изъ этого слѣдуетъ, что или Павелъ послѣ узъ отправился въ Испанію, или Елвидій покался послѣ смерти, когда Писаніе говорить: *во адѣ же кто исповѣстся тебѣ* (Псал. 6, 6)? Слѣдуетъ знать не болѣе какъ только то, что частица *прежде нежели* хотя часто указываетъ на послѣдствіе, но иногда показываетъ только то, что прежде предполагалось; и отсюда не слѣдуетъ, что необходимо сбудется предполагавшееся, такъ какъ можетъ случиться что нибудь препятствующее исполненію онаго. Итакъ, когда евангелистъ говорить: *прежде даже не снитися има*, онъ показываетъ ближайшее къ браку время и говорить, что уже въ это время оказалось, что бывшая прежде невѣстою, сдѣлалась женою. Онъ какъ бы такъ сказалъ: прежде чѣмъ они соединили уста и объятія, прежде чѣмъ вступили въ бракъ, она найдена была имѣющею во чревѣ. Найдена ни гѣмъ инымъ, какъ Іосифомъ, который, на правахъ почти уже мужа, внимательными глазами замѣтилъ увеличивающееся чрево своей обручницы. Однако не слѣдуетъ, какъ мы доказали предшествующими свидѣтельствами, что онъ сочетался съ Маріею послѣ рожденія, желаніе каковаго сочетанія было отстранено зачатіемъ во чревѣ. А сказанное во снѣ Іосифу: *не убойся пріяти Маріамъ жены твоея* и дальнѣйшее: *возставъ же Іосифъ отъ сна, сотвори якоже повелъ ему ангелъ Господень, и*

*пріятыя жену свою, никого не должно приводить къ мысли, будто изъ того, что она названа женою, слѣдуетъ, что она перестала быть обручицею, поелику извѣстно, что св. Писанію обычно невѣстнѣ называютъ женами. Такъ въ слѣдующихъ мѣстахъ Второзаконія опредѣляется: *аще на полѣ обрящетъ человекъ дѣву обрученную и насилуавъ будетъ съ нею, смертію да умретъ, поелику оскорбилъ жену ближняго своего (22, 25) и въ другомъ мѣстѣ: аще же будетъ дѣва обрученная мужу и обрѣтѣ ю человекъ во градѣ будетъ съ нею, изведите обоихъ предъ враты града ихъ и побійте каменіемъ и да умрутъ: отроковицу понеже не вопила въ градъ, и мужи, понеже обидѣ жену ближняго своего: и измите злое отъ себе самихъ (Втор. 22, 23, 24), а также въ иномъ мѣстѣ: и кій человекъ, иже обручи себѣ жену, и не поыалъ ю; да идетъ и возвратится въ домъ свой, да не умретъ на рати и инъ человекъ поиметъ ю (Втор. 20, 7).* А если кому представляется сомнѣніе, почему зачала дѣва обрученная, а не безъ обручника или (какъ называетъ Писаніе) мужа, то пусть онъ знаетъ, что была тому троякая причина. Во первыхъ, чтобы чрезъ генеалогію Іосифа, коему Марія была родственница, показать и происхожденіе Маріи; во вторыхъ, чтобы она не была побита народомъ камнями какъ прелюбодѣйка. по закону Моисееву; въ третьихъ, чтобы во время бѣгства въ Египетъ, она имѣла защитника болѣе въ провожатомъ, чѣмъ въ мужѣ. Ибо кто въ то время повѣрилъ бы Дѣвѣ, что она зачала отъ Святаго Духа, что явился ангелъ Гавріилъ, возвѣстилъ совѣтъ Божій,—а не осудили бы ее скорѣе общимъ мнѣніемъ какъ прелюбодѣйку, по примѣру Сусанны, когда и теперь, когда уже вѣруеть весь міръ, іудеи усиливаются доказать, что въ словахъ Исаи: *се дѣва во чревь зачнетъ и родитъ сына (Ис. 7, 14)* въ еврейскомъ стоитъ *молодая женщина*, а не *дѣва*, т. е. *aalma*, а не *bethula*? Противъ*

нихъ обстоятельнѣе будемъ разсуждать въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, исключая Іосифа, Елисаветы и самой Маріи и весьма немногихъ, которые отъ нихъ могли слышать, всѣ считали Іисуса сыномъ Іосифа, такъ что даже евангелисты, выражая народное мнѣніе, которое служить истиннымъ закономъ для исторіи, называли его отцемъ Спасителя, какъ напр.: *и прииде духомъ въ церковь* (безъ сомнѣнія Симеонъ), *и егда введоста родителя отроча Іисуса, сотворити има по обычаю законному о немъ* (Лук. 2, 27); и въ другомъ мѣстѣ: *и бѣ отецъ* ¹⁾ *и матери его чюдящися о глаголемыхъ о немъ* (тамъ же ст. 33) и далѣе: *и хождяху родителя его на всяко лѣто въ Іерусалимъ въ праздникъ писхи* (ст. 41) и потомъ: *и скончавшимъ дни и возвращающимся имъ, ости отрочъ Іисусъ во Іерусалимъ* и «не знали родители его» ²⁾. И сама Марія, сказавшая въ отвѣтъ Гавріилу: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю, послушай, что говоритъ объ Іосифѣ: чадо, что сотвори нами тако; се отецъ твой и азъ боляще искахомъ тебе* (тамъ же, 48). Здѣсь не голосъ іудеевъ, какъ многіе думаютъ, не голосъ издѣвающихся. Отцемъ называютъ Іосифа евангелисты, отцемъ признаетъ Марія. Не потому (какъ я показалъ выше), что Іосифъ былъ дѣйствительно отцомъ Спасителя, но для сохраненія добраго имени Маріи всѣми долженъ былъ считаться отцомъ тотъ, который до увѣщанія отъ ангела: *Іосифе, сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамъ жены твоа, рождшея бо въ ней отъ Духа естъ (святи* (Матѣ. 1, 20) думалъ тайно отпустить ее. Такъ онъ былъ увѣренъ, что зачатый не его. Но уже довольно—болѣе для наставленія чѣмъ для отвѣта—разсуждали мы о томъ, почему Іосифъ названъ отцомъ Господа, а Марія женою: въ этомъ содер-

¹⁾ Въ слав. *и бѣ Іосифъ*.

²⁾ Въ славянскомъ вмѣсто „родители“ *Іосифъ и матери его*.

жится краткій отвѣтъ и на то, почему нѣкоторые называются Его братьями.

Но поелику для этого вопроса мы назначаемъ свое мѣсто и рѣчь спѣшнѣе къ остальному, то теперь должно разсмотрѣть то, въ какомъ смыслѣ Писаніе говоритъ: *возставъ же Иосифъ отъ сна, сотвори якоже повелъ ему ангелъ Господень, и пріявъ жену свою, и не знаяше ея дондеже роди сына и нарече имя ему Исусъ* (Матѳ. 1, 24. 25). Здѣсь противникъ нашъ сначала изнемогаетъ надъ излишнимъ трудомъ доказать, что слово познаніе должно относить скорѣе къ совокупленію, чѣмъ къ знанію, какъ будто бы кто нибудь отрицалъ это и какъ будто бы какой либо умный человѣкъ когда нибудь могъ подозрѣвать тѣ нелѣпости, какія онъ опровергаетъ. Потомъ онъ хочетъ доказать, что нарѣчіе *дондеже* (*donec*) или *до* (*usque*) обозначаетъ извѣстное время, по исполненіи котораго должно случиться то, чего до того времени, которое назначено, не было, какъ въ настоящемъ мѣстѣ: *и не знаяше ея дондеже роди сына*. Очевидно, говоритъ, что она была познана послѣ рожденія, каковое познаніе только рожденіемъ сына отлагалось на время. И для доказательства этого собираетъ весьма много примѣровъ изъ Писаній, по подобію андабатовъ, размахивая мечемъ въ темнотѣ ¹⁾ и сотрясая звукъ гортани для поразенія членовъ своего только тѣла.

На это мы кратко отвѣчаемъ, что выраженія: *знаяше* и *дондеже* въ св. Писаніи употребляются въ двоякомъ смыслѣ. Онъ самъ доказалъ, что написанное *знаяше* должно относить къ совокупленію, хотя никто однакоже не сомнѣвается, что часто оно относится и къ знанію, какъ въ ономъ мѣстѣ: «остался отрокъ Исусъ въ Іерусалимѣ и не знали (поп сог-

¹⁾ Андабаты—глюдіаторы, сражавшіеся съ завязанными глазами.

poверunt) родители его» ¹⁾. Теперь нужно разъяснить послѣднее выраженіе, чтобы какъ тамъ онъ послѣдоваль употребленію св. Писанія, такъ и въ *дондеже* былъ опровергнуть авторитетомъ того же Писанія. Оно часто (какъ онъ самъ доказалъ) обозначаетъ эту частицею извѣстное время въ его заключеніи, но часто и неопредѣленное, каково напр. то, о которомъ Богъ говоритъ у пророка къ кому-то: «Я есмь, Я есмь и пока не состарѣетесь Я есмь» (Ис. гл. 43; Іерем. 7) ²⁾. Неужели послѣ того какъ они состарѣются, Богъ перестанетъ существовать? И Спаситель въ Евангеліи говоритъ апостоламъ: *се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѣ. 28, 29). И такъ по скончаніи вѣка Господь отступитъ отъ учениковъ своихъ и тогда, когда они на двѣнадцати престолахъ будутъ судить двѣнадцать колѣнъ израильскихъ (Матѣ. 19, 38), они не будутъ имѣть обѣщаннаго общенія съ Господомъ? И апостоль Павелъ, пиша къ коринѣянамъ, говоритъ: *начатокъ Христосъ, потому же Христу въровавшій въ пришествіи Его. Также кончина, егда предастъ царство Богу и Отцу: егда испразднитъ всяко начальство и всяку власть и силу. Подобаетъ бо Ему царствовать. дондеже положитъ вся враги подъ ногама своими. Вся бо покори подъ нозъ Его* (1 Кор. 15, 23—26). Будь это сказано о человѣкѣ, не отрицаемъ; но въ отношеніи къ Тому, Который потерпѣлъ крестъ, Который затѣмъ назначается сидѣть одесную, что значить сказанное: *подобаетъ Ему царствовать. дондеже положитъ вся враги подъ ногама своими?* Неужели Господь имѣетъ царствовать лишь столько времени, пока враги Его не будутъ подъ ногами Его? И Давидъ въ четвертомъ псалмѣ

¹⁾ Въ славянскомъ иначе.

²⁾ Въ приведенныхъ главахъ по нашимъ переводамъ нѣтъ подобнаго мѣста.

степеней говорить: *яко очи рабыни въ руку госпожи своя: тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедритъ ны* (Пс. 122, 3). Итакъ пророкъ будетъ имѣть очи ко Господу до тѣхъ поръ, пока не испроситъ милости, и испросивши милость обратитъ на землю? А онъ въ другомъ мѣстѣ говорить: *очи мои исчезостъ во спасеніе твое и въ слово правды твоя* (Пс. 118, 123). И могъ собрать безчисленное множество примѣровъ на это и облакомъ свидѣтельствъ покрыть всю дерзость противника; но немногое лишь прибавлю, чтобы подобныя этимъ доказательства нашелъ себѣ самъ читатель.

Слово Божіе говоритъ въ книгѣ Бытія: *и вѣдша Иакову боги чуждыя, иже бяху въ рукахъ ихъ, и усерязи, аже въ утеснѣхъ ихъ: и скры я Иаковъ подъ теревинѣомъ, иже въ Сикимѣхъ: и погуби я до днешняго дне* (Быт. 35, 4 и слѣд.). Также въ концѣ Второзаконія: «и погребенъ былъ Моисей рабъ Господа въ землѣ Моавъ по слову Господа, и погребли его въ Геѣѣ близъ дома Фегоръ, и не знаетъ никто могилы его *даже до дне сего*» (Втор. 34, 6 по LXX). Конечно сегодняшнимъ днемъ должно считать день того времени, въ которое написана самая исторія, Моисея ли захочешь назвать авторомъ Пятонкнижія, или Ездру, возстановителя этого произведенія—не противорѣчу. Вопросъ теперь въ томъ, можно ли относить сказанное: *даже до дне сего* къ тому времени, когда были изданы или написаны книги. Онъ долженъ доказывать, что послѣ дня того, когда книги прожили уже столько лѣтъ до нашего времени, и идолы скрытыя подъ теревинѣомъ найдены и гробница Моисея отыскана, такъ какъ онъ изъ всѣхъ силъ утверждаетъ, что послѣ *дондеже* и *до* начинаетъ исполняться то, чего не было до тѣхъ поръ, пока не исполнился срокъ указанный *до* и *дондеже*. Пусть же лучше замѣтитъ онъ особенность свящ. Писанія и съ нами признаетъ, въ чемъ колебался, что то,

въ чемъ могло быть сомнѣніе, еслибы не было написано, въ Писаніи опредѣляется, а прочее предоставляется нашему разумѣнію. Ибо если еще въ древнее время, при жизни тѣхъ, кои видѣли Моисея, могила его могла быть неизвѣстна, то тѣмъ болѣе по прошествіи столькихъ вѣковъ. Примѣнительно къ этому и сказанное объ Іосифѣ объясняется такъ, что евангелистъ указалъ на то, изъ-за чего могъ произойти соблазнъ,—что она не была познана мужемъ своимъ до рожденія, указалъ, чтобы мы тѣмъ болѣе признавали, что она не была познана послѣ рожденія, отъ каковаго познанія воздержался (Іосифъ) и тогда, когда еще могъ сомнѣваться относительно видѣнія.

Въ довершеніе спрашиваю, почему Іосифъ воздержался до дня рожденія? Онъ конечно отвѣтитъ, что потому, что слышалъ слова ангела: *рождшееся бо въ ней отъ Духа есть Свята*. Къ этому мы присовокупимъ, что вѣрно слышалъ и эти слова: *Іосифе, сыне Давидовъ, не бойся прияти Маріамъ жены твоея* (Матѣ. 1, 20). Ему запрещено было отпустить, считать прелюбодѣйцею жену свою. И неужели онъ отдѣлился отъ сожительства съ супругою, когда о томъ именно въ особенности онъ и получилъ наставленіе, чтобы не отдѣляться? Дерзалъ ли, говорить онъ, мужъ праведный, зная, что во чревѣ Сынъ Божій, помышлять о совокупленіи съ женою? Хорошо. И такъ тотъ, который повѣрилъ только откровенію во снѣ, чтобы не смѣть касаться жены, могъ ли онъ касаться ее послѣ того какъ узналъ отъ пастырей, что ангель Господень сошелъ съ небесъ и сказалъ имъ: *не бойтесь, се бо благовѣствую вамъ радость велию, яже будетъ всѣмъ людемъ, яко родися вамъ днесь Спасъ. иже есть Христосъ Господь, во градъ Давидовъ* (Лук. 2, 10 и слѣд.); и что съ нимъ (ангеломъ) небесное воинство славословило: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ чловѣцѣхъ благоволеніе*; тотъ, который видѣлъ Симе-

она праведнаго, проповѣдывавшаго, держа въ объятіяхъ младенца: *нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ, яко видѣсть очи мои спасеніе твое* (тамъ же 27); тотъ, который видѣлъ Анну пророчицу, волхвовъ, звѣзду, Ирода, ангеловъ; тотъ, говорю, который зналъ столько чудесъ, неужели дерзалъ касаться храма Божія, престола Духа Святаго, матери Господа своего? И конечно Марія *соблюдаетъ сѣя глаголы сія, слагая въ сердцы своелъ* (тамъ же 51). И не оспаривай безстыдно, что Іосифъ не зналъ этого: «и были, говорить Лука, отецъ его и мать *чудящаяся о глголемыхъ о немъ* (ст. 33). Хотя ты съ удивительнымъ безстыдствомъ споришь, что это въ греческихъ кодексахъ искажено, но это не только всё почти греческіе издатели оставили въ своихъ книгахъ, но и нѣкоторые изъ латинянъ приняли такъ, какъ читается въ греческихъ. И нѣтъ нужды разсуждать теперь о различіи въ экземплярахъ, когда весь ветхій и новый завѣтъ Писанія оттуда переведенъ на латинскій, и полагать надобно, въ источникѣ течетъ болѣе чистая вода, чѣмъ въ водопроводѣ.

«Таковъ, говоришь ты, у меня вздоръ: и доводы излишніе и разсужденіе болѣе пытливое, чѣмъ истинное. Неужели не могло Писаніе сказать: «и принялъ жену свою *и не приложи къ тому познати ю* (Быт. 38, 26), какъ сказано о Тамари и Іудѣ? Или недоставало у Матѳея словъ, которыми бы онъ могъ высказать то, что хотѣлъ дать понять? *Не знаяше ея*, сказалъ онъ, *дондеже роди сына* (Матѳ. 1, 25). И такъ послѣ рожденія позналъ ее, познаніе которой отлагалъ до рожденія».

Если ты такъ упрямъ, то теперь уже ты будешь опровергнуть твоею собственною мыслию. Не хочу, чтобы ты оставлялъ мнѣ какое либо время между рожденіемъ и совокупленіемъ. Не хочу, чтобы ты говорилъ: *жены, еще зачатъ и родитъ мужескъ полъ, нечиста будетъ семь дней*:

по днѣмъ разлуженія скверны ея нечистота будетъ. И въ день осьмый да обрѣжетъ плоть конечную его. И сидѣти будетъ тридцать и три дни въ крови нечистый своей: всякой вещи святой да не прикоснется (Лев. 12, 2, 3) и прочее. Пусть тотчасъ набрасывается на нее Іосифъ, пусть тотчасъ услышитъ чрезъ Іеремію: *кони женонеистовни сотворишася, кійждо къ женѣ искренняго своего ржаше* (Іер. 5, 9). Иначе какимъ образомъ можетъ стоять: не знаяше ее дондеже роди сына, если онъ ожидаетъ времени послѣ очищенія, если удовлетвореніе похоти, отлагавшееся столько времени, снова отсрочивается на сорокъ дней? Пусть окверняется кровью родильница, плачущаго младенца пусть нянчать повивальныя бабки: изможденную жену пусть держать мужъ. Такъ пусть они ведутъ брачную жизнь, чтобы евангелистъ не оказался лживымъ. Но да не будетъ, чтобы можно было помыслить это о матери Спасителя и мужѣ праведномъ. Не хлопочетъ тамъ никакая повивальная бабка, не суетятся никакія женщины. Сама она целенаетъ младенца, сама она была и матерью и повивальною бабкою. *И положи его, говоритъ, въ яслехъ, зане не бѣ имъ мѣста во обители* (Лук. 2, 7). Эта мысль и опровергаетъ бредни апокрифовъ ¹⁾, какъ какъ Марія сама целенаетъ младенца, и не допускаетъ исполниться похоти Елвидія, такъ какъ въ гостинницѣ не было мѣста для брака.

Но такъ какъ уже довольно и пространно отвѣтили мы на то, что возражалъ онъ относительно *прежде даже не снитися имъ и относительно не знаяше ея дондеже роди сына*: то нужно перейти къ третьему вопросу, чтобы порядку его пренія слѣдовалъ и порядокъ нашихъ отвѣтовъ.

¹⁾ Намекъ на апокрифъ подъ названіемъ: *книги о Св. Маріи и повивальной бабкѣ*, о которой упоминается въ первоэвангеліи Іакова (гл. 19) и въ декретѣ Геласія.

Онъ утверждаетъ, что Марія родила и другихъ сыновей и изъ написаннаго: *взыде же Иосифъ во градъ Давидовъ написатися съ Маріею женою своею сущою непраздною. Бысть же, егда быша тамо, исполнишася дни родити ей и роди сына своего первенца* (Лук. 2, 4 и слѣд.) усиливается доказать, что *первенцемъ* можетъ быть названъ лишь тотъ, который имѣетъ и другихъ братьевъ, тогда какъ единственный сынъ у родителей называется *единороднымъ*.

А мы такъ опредѣляемъ: всякій *единородный* есть *первенецъ*, но не всякій *первенецъ* есть *единородный*. *Первенецъ* не только тотъ, послѣ котораго были и другіе, но и тотъ, прежде котораго не было никого. *Всякое*, говоритъ Господь Аарону, *разверзающее ложесна отъ всякія плоти, елика приносятъ Господу, отъ челоука до скота тебѣ да будутъ: но токмо искупленіемъ искупятся первенцы челоучестіи и первенцы скотовъ нечистыхъ да искупятся* (Числ. 18, 15; Исх. 34, 19, 20). Слово Божіе опредѣлило, что такое *первородное*: *всякое*, говоритъ, *разверзающее ложесна*. Иначе если *первенецъ* есть только тотъ, за которымъ слѣдуютъ другіе братья, то *первенцы* не должны отдаваться священникамъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ произведены и другіе, чтобы, если потомъ не послѣдуетъ рожденія, *первенецъ* не оказался *единороднымъ*, а не *первороднымъ*. *Искупъ его*, говоритъ, *да будетъ, отъ единого мѣсяца, сиреніе пять сикль, но сиклю святому: двадцать мѣдницъ есть. Обаче первородная телцево и первородная овецъ, и первородная козъ да не искупятся: свята суть* (Числ. 18, 16, 17). Слово Божіе требуетъ отъ меня, чтобы *всякое* *разверзающее ложесна*, если оно изъ животныхъ чистыхъ, я посвящалъ Богу, если изъ нечистыхъ, выкупалъ, отдавая священнику стоимость его. Я могу отвѣтить и сказать: зачѣмъ стѣсняешь меня срокомъ одного мѣсяца? Зачѣмъ называешь *первенцемъ* того, послѣ котораго будутъ

ли братья, я не знаю? Подожди, пока родится второй. Я ничего не обязанъ давать священнику, пока не родится тотъ, чрезъ котораго рожденный прежде станетъ первенцемъ. Сами высшія власти обличать ли меня въ глупости, и скажутъ ли, что первенцемъ названъ тотъ, который разверзаетъ ложесна, а не тотъ, который имѣеть и братьевъ? Наконецъ объ Іоаннѣ, который, какъ извѣстно, былъ едиnorodный, спрашиваю: былъ ли онъ и первенецъ? Онъ, самъ жившій по закону, подлежалъ ли тому закону (о первенцахъ)? Не можетъ быть сомнѣнія. Даже с Спасителѣ Писаніе говоритъ такъ: *егда исполнися дніе очищенія ею, по закону Моисею, вознесоста его во Иерусалимъ поставити его предъ Господемъ, яко се есть писано въ законъ Господни: яко слякъ младенецъ мужески полу, разверзая ложесна, свято Господеву наречется: и еже дати жертву по реченному въ законъ Господни, два горлицы или два итенца голубина* (Лук. 2, 19 и слѣд.). Если этотъ законъ относится только къ первенцамъ, а первенца дѣлають слѣдующіе за нимъ, то не долженъ былъ обязываться закономъ о первенцѣ тотъ, который не зналъ о слѣдующихъ сыновьяхъ. Но такъ какъ закономъ о первенцѣ обязывается и тотъ, за которымъ не рождаются другихъ братьевъ, то этимъ дается понять, что первенцемъ называется тотъ, который разверзаетъ ложесна, а не тотъ, за которымъ слѣдуетъ послѣ рожденный братъ. Моисей пишетъ въ Исходѣ: *бысть же въ полноти, и Господь порази всякаго первенца въ земли египетстѣй, отъ первенца фараонова сядящаго на престолѣ, до первенца пльнницы, яже въ ровъ, и до первенца всякаго скотска* (Исх. 12, 29). Отвѣчай мнѣ: изъятые отъ истребленія были ли первенцы или и едиnorodные? Если первенцами называются только тѣ, которые имѣють братьевъ, то едиnorodные были освобождены отъ истребленія. А если были поражены и едиnorodные, то это оказы-

ваются противъ его мысли, и въ числѣ первенцевъ должны считаться и едиородные. Ты или освободишь отъ казни едиородныхъ и окажешься смѣшнымъ, или, если сознаешься, что они были истреблены, то вопреки тебѣ мы выиграемъ, что первенцами называются и едиородные.

Послѣднее возраженіе его (хотя это самое онъ хотѣлъ доказать и разсуждая о нервенцѣ) было то, что въ Евангеліяхъ указываются братья Господа, какъ напр. въ этомъ мѣстѣ: «вотъ мать его и братья стояли внѣ, желая говорить съ нимъ» (Лук. 8, 20); и въ другомъ мѣстѣ: *посемъ снуде въ Капернаумъ. самъ и мати его, и братія его и ученицы его;* (Іоан. 2, 12), и въ ономъ: *рѣша убо къ нему братія его: преиди отсюду и иди во Іудею, да и ученицы твои видятъ дѣла твоя, яже твориши. Никтоже бо въ тайнѣ творитъ что и ищетъ самъ явъ быти: аще сія твориши, яви себе мірови* (Іоан. 7, 3. 4), къ чему Іоаннъ прибавляетъ: *ни братія бо его въроваху въ него* (ст. 5). Также Маркъ и Матѳей: *и пришедъ во отечествіе свое, учаще ихъ, яко дивитися имъ и глаголати: откуду сему премоудрость сія и силы; не сей ли есть тектоновъ сынъ; ни мати ли его нарицается Маріамъ и братія его Іаковъ и Іосій, и Симонъ и Іуда; и сестры его не вся ли въ насъ суть* (Матѳ. 13, 54—56; Марк. 6, 2. 3). И Лука въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ такъ повѣствуетъ: *и сіи вси бяху терпяше единоплушно съ молитвъ и моленїи, съ женами и Марїею матерію Іисусовою и съ братїею его* (1, 14), и апостоль Павелъ такимъ же свидѣтельствомъ утверждаетъ истинность этого сказанія: *пришелъ же по откровенїю и никого не видѣлъ, кромѣ Петра и Іакова брата Господня*» (Гал. 1. 18) и опять въ другомъ мѣстѣ: *еда не имамы власти ясти и пити; еда не имамы власти сестру жену водити, яко и прочїи апостоли и братія Господни и Киѳа* (1 Кор. 9, 3. 4)? И чтобы кто нибудь не

сталъ отрицать свидѣтельствъ іудеевъ, указавшихъ имена братьевъ, утверждая, что и относительно братьевъ они были заражены тѣмъ же заблужденіемъ, въ какое впали и въ сужденіи объ отцѣ; для этого онъ сдѣлалъ остроумное предостереженіе, говоря, что эти же самыя имена называются евангелистами въ другомъ мѣстѣ и что братья Господни и сыновья Маріи, одни и тѣ-же лица. Матѳеѣй говоритъ: *бляху же тѣ* (безъ сомнѣнія при крестѣ Господа) *и жены многи издадеца зряще, яже идоша по Исусъ отъ Галилеи, служаще ему. Въ нихъ же бѣ Марія Магдалина, и Марія Іакова и Іосіи матери, и матери сыну Зеведеову* (Матѳ. 27, 55. 56). Также Маркъ: *бляху же и жены издадеца зряще, въ нихъ же бѣ Марія Магдалина и Марія Іакова малаго и Іосіи матери и Саломія* (Марк. 15, 40), и тамъ же спустя немного: *и ины многія, яже изыдоша съ нимъ въ Іерусалимъ* Также и Лука: *бляху же Магдалина Марія и Іоанна и Марія Іаковля, и прочія съ ними* (24, 10).

Все это мы изложили для того, чтобы онъ не клеветалъ и не кричалъ, что мы скрыли служащее въ его пользу, и миѣніе его опровергли не авторитетомъ Писаній, а шаткимъ умствованіемъ. «Вотъ, говоритъ, Іаковъ и Іосифъ сыновья Маріи, тѣже, которыхъ іудеи назвали братьями (Господа). Вотъ Марія мать Іакова меньшаго и Іосіи, а меньшаго въ отличіе отъ старшаго, который былъ сынъ Зеведея, какъ въ другомъ мѣстѣ Маркъ говоритъ: *Марія же Магдалина и Марія Іаковля и Іосіева зрятъ, гдѣ его полагаху. И минушей субботѣ купили ароматы и приидоша на гробъ*. При этомъ онъ справедливо говоритъ: «какъ безразсудно и нечестиво будетъ думать о Маріи, чтобы говорить, что тогда какъ другія женщины прилагали заботы о погребеніи Исуса, Матери Его не было, и измышлять, что это была другая, не знаю какая, Марія, особенно когда евангелистъ Іоаннъ свидѣтельствуеть, что она присутствовала

тамъ, когда ее, уже вдову, Господь со креста поручаетъ Іоанну какъ мать. Или неужели обманываются и обманываютъ евангелисты, когда называютъ Марію матерію тѣхъ, которыхъ іудеи назвали братьями Іисуса?»

О, слѣдное безуміе и умъ неистовствующій на собственную погибель! Говоришь, что при крестѣ Господа мать Его присутствовала, говоришь, что по причинѣ вдовства и одиночества она была поручена ученику Іоанну, какъ будто по твоему мнѣнію не имѣла она четырехъ сыновей и безчисленныхъ дочерей, съ которыми могла жить? И называешь ее вдовою, чего Писаніе не говоритъ. И тогда какъ выставляешь всѣ свидѣтельства евангелистовъ, тебѣ не нравятся слова одного Іоанна. Ты говоришь мимоходомъ, что при крестѣ Господа была мать Его, чтобы не показалось, что ты намѣренно обходишь (свидѣтельство Іоанна), и однако умалчиваешь, какія женщины были съ нею. Я простилъ бы твоему невѣдѣнію, еслибы не видѣлъ намѣреннаго умолчанія. Итакъ послушай, что говоритъ Іоаннъ: *стояху же при крестѣ Іисусовъ мати Его и сестра матери Его, Марія Клеопова, и Марія Магдалина* (19, 25). Никто не сомнѣвается, что были два апостола, названные именемъ Іакова—Іаковъ Зеведеевъ и Іаковъ Алфеевъ. Тотъ, не знаю какой, Іаковъ меньшій, котораго Писаніе упоминаетъ какъ сына Маріи, не матери однако же Господа, былъ апостоломъ, по твоему мнѣнію, или нѣтъ? Если онъ апостоль, то будетъ сынъ Алфея и вѣрующій въ Іисуса, и не будетъ изъ числа тѣхъ братьевъ, о которыхъ написано: *ни братія бо Его строваху въ Него*. Если онъ не апостоль, а третій не знаю какой Іаковъ, то какъ можно считать его братомъ Господнимъ и какимъ образомъ онъ, третій, будетъ называться въ отличіе отъ старшаго меньшимъ, когда старшій и меньшій обыкновенно даютъ понятіе о различіи возраста не между трими, а между двоими, и когда братъ Господень долженъ

быть апостолъ, по словамъ Павла: *потомъ по триехъ мѣ-
тъхъ взыдохъ во Иерусалимъ соглядати Петра, и пребыхъ
у него дній пятнадцать. Иного же отъ апостолъ не
видѣхъ, токмо Иакова брата Господня* (Гал. 1, 18. 19) и
въ томъ же посланіи: *познаеше благодать, данную ми,
Иаковъ и Киѳа и Иоаннъ, мнѣмъ столпи быти* (2, 9).
А что сего нельзя считать Иаковомъ сыномъ Зеведеевымъ,
читай Дѣянія Апостольскія. Онъ еще Иродомъ умерщвленъ
былъ. Остается заключить, что та Марія, которая представ-
ляется въ Писаніи матерію Иакова меньшаго, была жена
Алфея и сестра Маріи матери Господа, и ее-то евангелистъ
Іоаннъ прозываетъ Марією Клеоповою, прилагая ей это имя
или по отцу или по родовой фамиліи или по другой какой
либо причинѣ. А если въ этихъ мѣстахъ ты видишь двухъ
Марій, такъ какъ тамъ говорится *Марія Иакови милаго
матри*, а здѣсь *Марія Клеопова*, то узнай, что таковъ обы-
чай Писанія, что одинъ и тотъ же человѣкъ называется
различными именами. *Рагуилъ*, тесть Моисея, называется и
Іеврономъ; *Геденъ*, безъ указанія предварительно причинъ
къ перемѣнѣ имени, вдругъ называется *Іеросааломъ*; *Осія*,
царь іудейскій, попеременно называется *Азарією*; гора *Ол-
соръ* именуется *Итабирій*; также *Ермонъ* финикіяне назы-
ваютъ *Саніоромъ*, а амморей *Синиромъ*. Одна и таже сторона
неба пазывается тремя именами: *Нагебъ*, *Теминъ*, *Даромъ*,
читай Іезекіиля. *Петръ* называется и *Симономъ* и *Киѳою*.
Иуда Зилотъ въ другомъ Евангеліи называется *Таддеемъ*,
и многое другое, служащее въ доказательство этого можетъ
самъ собрать для себя читатель изъ всѣхъ Писаній.

Теперь то хотимъ показать мы, какимъ образомъ братьями
Господа называются сыновья его тетки, Маріи, которые, сна-
чала невѣровавшіе, впоследствии увѣровали. Очень могло
быть, что тогда какъ одинъ скоро увѣровалъ, другіе долго
оставались невѣрующими, а также что эта Марія была ма-

терь Іакова и Іосіи, то есть Марія Клеоповна, жена Алфея, и что эта же названа Марією матерію Іакова меньшаго. Еслибы она была матеръ Господа, то евангелистъ скорѣе бы назвалъ ее матерію Господа, чѣмъ, называя матерію другихъ, давалъ бы разумѣть въ ней матеръ другаго. Но съ этой стороны я не растягиваю спорной веревки, была ли Марія Клеоповна одна, а Марія Іакова и Іосіи другая, когда извѣстно, что не одна и таже была Марія Іакова и Іосіи—и матеръ Господа. Какъ же, говоришь ты, названы братьями Господа тѣ, которые не были братьями? Вотъ теперь я вразумлю тебя, что въ божественныхъ Писаніяхъ братьями называются четвероюко: по природѣ, по націи, по родству и по любви. По природѣ—Исавъ и Іаковъ, двѣнадцать патріарховъ, Андрей и Петръ, Іаковъ и Іоаннъ. По націи, вслѣдствіе чего всѣ іудеи называются братьями между собою, какъ во Второзаніи: *аще продастся тебѣ братъ твой евреянинъ, или евреянина, да поработаетъ тебѣ шесть лѣтъ и въ седмое да отпустиши его свободна отъ себе* (15, 12) и въ тойже книгѣ: *поставляя да поставиши надъ собою князя, егоже избретъ Господь Богъ твой, отъ брѣтѣи твоея да поставиши надъ собою князя, не возможеши поставити надъ собою князя челоуѣка чуждаго, яко не братъ твой есть* (17, 15) и опять: *видѣвъ телца брата твоего, или овцу его заблуждающія на пути, да не презриши я, но созращеніемъ созратиши я къ брату твоему. Аще же нѣсть близъ тебе братъ твой, ниже узвѣси его, собери я внутрь дому твоего и да будятъ у тебе дондеже възвѣстятъ ихъ братъ твой и отдади ихъ ему* (22, 1, 2). И апостоль Павелъ говоритъ: *молилбыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по брѣтѣи моеи, сродницьхъ моихъ по плоти, иже суть израилите* (Рим. 9, 3. 4). Далѣе братьями называются по родству лица, происходящія отъ одной фамиліи, то есть рода, каковыя роды

латиняне называютъ *paternitates*, когда отъ одного корня распространяется большое поколѣніе. Такъ въ книгѣ Бытія: *рече же Авраамъ Лоту: да не будетъ распря между мною и тобою, и между пастурами твоими и между пастурами моими. яко человецы братія мы есмь* (13, 8), хотя Лоть былъ не братъ Авраама, а сынъ брата его Арама, потому что Тара родилъ Авраама и Нахора и Арама, и Арамъ родилъ Лота, какъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: *Авраамъ же бы мѣтъ седмидесяти пяти, егда изыде отъ земли Харранъ. И поитъ Аврамъ Сару жену свою и Лота сына брата своего* (Быт. 12, 4). Если еще сомнѣваешься, что братомъ называется сынъ брата, вотъ тебѣ новое доказательство: *слышавъ же Аврамъ, яко плененъ бысть Лоть братъ его, соите домоидцы своя триста и осмнадцать* (Быт. 14, 14), и, описавъ поражение при ночномъ нападеніи, присовокупилъ: *и возврати вси конныя содомскія и Лота брата своего возврати* (ст. 16)¹⁾. Этого достаточно для доказательства того, что мы сказали. Но чтобы ты не шутилъ и не увертывался какъ скользскій ужъ, тебя нужно связать узами свидѣтельствъ, чтобы ты не свисталъ жалобно и не говорилъ, что тебя побѣдили болѣе хитросметенными умствованіями, чѣмъ истиною Писанія. Когда Іаковъ сынъ Исаака и Ревекки, боясь вражды брата, удалился въ Месопотамію, то пришелъ и отвалилъ камень отъ устья колодезя и наполнилъ овецъ Лавана, брата матери своей (Быт. 28 и 29 гл.). *И цѣлони Іакови Рахиль и возопивъ гласомъ своимъ, сосналася. И повѣда Рахили, яко братъ отца ея есть и яко сынъ Ревеккинъ есть* (Быт. 29, 11). Вотъ и здѣсь по тому же закону, какъ и выше, братомъ называется сынъ сестры. И еще: *Рече же Лаванъ Іакову: понеже братъ*

¹⁾ По славянскому переводу въ первомъ изъ приведенныхъ текстовъ Лоть называется *братаничемъ*, а въ послѣднемъ *сыномъ брата*.

мой еси ты, да не поработаеши мнѣ туне (ст. 15); скажи мнѣ, какова должна быть награда твоя. По истеченіи двадцати лѣтъ, когда, безъ вѣдома тестя, въ сопровожденіи женъ и дѣтей, Іаковъ возвращался на родину, то Лаванъ постигъ его на горѣ Галаадъ. И когда онъ не нашелъ въ сундукахъ отыскиваемыхъ идоловъ, которые Рахиль скрыла, *отвѣщавъ Іаковъ рече Лавану: кая неправда моя и кій грѣхъ мой, яко погналъ еси въ слѣдъ мене и яко обзискали вся сосуды моя; что обрѣлъ еси отъ есъхъ сосудовъ дому твоего; положи здѣ предъ братією твоею и братією моею и да разсудятъ между объма нама* (Быт. 31, 36, 37). Скажи, кто эти братья Іакова и Лавана, которые тогда были на лицо? Исавъ, брата Іакова, конечно не было, а Лаванъ сынъ Ваоуиловъ, кромѣ сестры Ревекки, не имѣлъ братьевъ.

Въ божественныхъ книгахъ разсѣяно безчисленное множество примѣровъ подобнаго рода. Но, чтобы не растягивать, обращаюсь къ послѣдней части дѣленія, то есть, что братьями называются и по любви, которая раздѣляется на два рода—духовную и общую. На духовную, такъ какъ всѣ мы христіане называемся братьями, какъ въ этомъ мѣстѣ: *се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Пс. 132, 1), и въ другомъ псалмѣ Спаситель говоритъ: *повѣмъ имя твое братіи моей* (Пс. 21, 23) и въ другомъ мѣстѣ: *иди къ братіи моей и рцы имъ* (Іоан. 20, 17). Далѣе мы называемся братьями и по любви общей, такъ какъ всѣ, рожденные отъ одного отца, соединяемся между собою одинаковымъ братствомъ. *Рцыте, говоритъ, братія ненавидящимъ васъ* (Ис. 66, 5), и Апостоль къ Коринѳянамъ: *еще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или нѣяница, или хищникъ, съ таковымъ ниже ясти* (1 Кор. 5, 11) и прочее сему подобное. Теперь спрашиваю, въ какомъ смыслѣ, по твоему мнѣнію, называются въ Евангеліи братья

Господа? По природѣ? Но Писаніе не говоритъ объ этомъ, не называя ихъ ни сыновьями Маріи, ни Іосифа. По націи? Но неразумно думать, что немногіе изъ іудеевъ названы братьями, когда по этому закону всѣ бывшіе тамъ іудеи могли бы называться братьями. По любви человѣческой и духовной? Но если такъ, то кто болѣе братья какъ не апостолы, которыхъ Онъ училъ наединѣ и которыхъ называлъ матерями и братьями? Или, если всѣ братья какъ люди, то неразумно было называть ихъ братьями какъ бы въ собственномъ смыслѣ: *се мати твоя и братія твоя ищутъ тебе* (Марк. 3, 32), когда на этомъ основаніи всѣ люди вообще суть братья. Итакъ, по вышесказанному, остается принять, что братьями они названы по родству, а не по любви, не по привиллегіи народа, не по природѣ,—въ томъ смыслѣ, въ какомъ Лотъ названъ братомъ Авраама, Іаковъ—Лавана, въ какомъ и дочери Салфаада получаютъ жребій между братьями своими, въ какомъ и самъ Авраамъ Сару, сестру свою, имѣлъ женою, какъ говоритъ: *истинно сестра ми есть по отцу, а не по матери* (Быт. 20, 11), то есть дочь брата, а не сестры: въ противномъ случаѣ каково было бы, что Авраамъ, мужъ праведный, взялъ въ супружество дочь отца своего, когда Писаніе по святости ушей для первыхъ людей прямо не говоритъ объ этомъ, желая, чтобы это лучше подразумѣвалось, чѣмъ высказывалось, и когда впослѣдствіи Богъ закономъ освящаетъ и угрожаетъ: «кто возьметъ сестру свою отъ отца своего или отъ матери своей и увидитъ срамоту ея и она увидитъ срамоту его, поношеніе есть: и искоренятся предъ сынами народа своего. Срамоту сестры своей открылъ, грѣхъ свой восприметь» (Лев. 17, 9).

Невѣжественнѣйшій изъ людей, ты не читалъ этого, и, оставивши цѣлое море Писаній, все безуміе свое обратилъ на поношеніе Дѣвы, по примѣру того, о которомъ басни рассказываютъ, что будучи неизвѣстенъ въ обществѣ и не

могли сдѣлать ничего добраго, надумалъ совершить преступленіе, чтобы посредствомъ него сдѣлаться извѣстнымъ, и сожегъ храмъ Діаны; и когда никто не говорилъ о его преступленіи, говорятъ, самъ явился среди народа, крича, что это онъ сдѣлалъ поджогъ и когда Ефесскія власти допрашивали, изъ-за чего онъ вздумалъ это сдѣлать, отвѣчалъ: чтобы, при невозможности прославиться добромъ, получить всеобщую извѣстность. Такъ рассказываетъ греческая исторія. А ты поджегъ храмъ Господня тѣла, ты осквернилъ святилище Духа Святаго, изъ котораго святилища ты выводишь четверицу братьевъ и толпу сестеръ. Наконецъ, присоединяя свой голосъ къ іудеямъ, ты говоришь: *не сей ли есть тектоновъ сынъ: не мати ли его нарицается Маріамъ и братія его Іаковъ и Іосій, и Симонъ и Іуда, и сестры его не вси ли въ нѣхъ суть* (Матѳ. 13, 55; Марк. 6, 3)? «Всѣ» говорится не иначе какъ о множествѣ. Скажи пожалуйста, кто прежде зналъ это богохульство, кто вывѣшивалъ двухфунтовую гирию? Ты достигъ желаемаго—получилъ извѣстность злодѣяніемъ. И самъ, который пишу противъ тебя, живи въ одномъ съ тобою городѣ, не знаю, какъ говорятъ, бѣлый ты, или черный. Не говорю о погрѣшностяхъ въ языкѣ, которыми изобилуетъ вся твоя книга, умалчиваю о смѣшномъ предисловіи. О времена! о нравы! я не ищу краснорѣчія, котораго ты, не имѣя самъ, искалъ у брата Кратерія. Не требую, говорю, чистоты языка; требую чистоты души: ибо у христіанъ великій солецизмъ и погрѣшность—или говорить или дѣлать что либо нечестивое. Приступаю къ заключенію и запираю тебя рогатыми вопросами и такъ поведу съ тобою дѣло, какъ будто выше и ничего не сдѣлалъ. Братьями Господа называются въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Іосифъ названъ отцомъ: *азъ, говорить, и отецъ твоей боляще искахомъ тебе* (Лук. 2, 48). Это говоритъ мать, а не іудеи. И самъ евангелистъ гово-

рить: и были отецъ и мать его *чудящихся о глаголемыхъ о немъ* (Лук. 2, 33) и симъ подобное, что мы уже перечислили, гдѣ они называются родителями. И чтобы ты не ссылался на различіе экземпляровъ, такъ какъ ты держишься глупѣйшаго убѣжденія, будчо греческіе кодексы искажены, перехожу къ Евангелію Іоанна, въ которомъ яснѣйшимъ образомъ написано: *обръте Филлиппъ Наванаила и глагола ему: его же писа Моисей въ законъ, и пророцы, обрътохомъ Іисуса, сына Іосифова, иже отъ Назарети* (Іоан. 1, 45). Вѣрно это есть и въ твоёмъ кодексѣ. Скажи же мнѣ, какимъ образомъ Іисусъ есть сынъ Іосифа, когда извѣстно, что Онъ рожденъ отъ Духа Свята? Дѣйствительно ли Іосифъ былъ отецъ Его? Какъ бы ты ни былъ глупъ, не посмѣешь сказать этого. Не считался ли только отцемъ? Такимъ же образомъ должны считаться и братьями, какъ онъ считался отцомъ.

Но такъ какъ рѣчь наша выплыла уже изъ подводныхъ скалъ и опасныхъ мѣстъ, то нужно распуснуть паруса и устремиться на его эпилоги, въ которыхъ, воображая себя знатокомъ, зоветь въ свидѣтели Тертуллиана и приводить слова Викторина, епископа Петавійскаго. О Тертуллианѣ я ничего больше не говорю, кромѣ того, что онъ не былъ человѣкомъ церкви. А о Викторинѣ утверждаю тоже, что и о евангелистахъ,—что они говорили о братьяхъ Господа, а не о сыновьяхъ Маріи, и о братьяхъ въ томъ смыслѣ, какой мы выше представили, братьяхъ по родству, а не по природѣ. Но мы толкуемъ о пустякахъ, и, оставивши источникъ истины, гоняемся за ручейками мнѣній. Не могу ли я выдвинуть тебѣ цѣлый рядъ древнихъ писателей: Игнатія, Поликарпа, Иринея, Іустина Мученика и многихъ другихъ апостольскихъ и ученыхъ мужей, которые противъ Евіона и Феодота, Византія, Валентина, разсуждая объ этомъ такимъ же образомъ, написали сочиненія

полныя мудрости? Еслибы ты прочиталъ ихъ когда нибудь, то былъ бы умнѣе. Но считаю за лучшее кратко отвѣтить на все порознь, чѣмъ, останавливаясь слишкомъ долго, растягивать сочиненіе.

Теперь дѣлаю нападеніе на то мѣсто, въ которомъ ты, сравнивая дѣвство и бракъ, хотѣлъ показать свое краснорѣчіе. Посмѣялись мы, прилагая къ тебѣ пословицу: *сидѣли серблюда пляшущаго*. Говоришь. «Неужели дѣвственницы лучше Авраама, Исаака и Іакова, которые жили въ брачномъ союзѣ? Развѣ не руками Божиими творятся ежедневно дѣти въ утробахъ, чтобы мы по праву должны были стыдиться, что Марія послѣ рожденія вышла за мужъ? Если это кажется имъ постыднымъ, то остается имъ не вѣровать и тому, что Богъ родился чрезъ ложесна дѣвы. Потому что съ ихъ точки зрѣнія постыдиѣ то, что Богъ родился чрезъ ложесна дѣвы, чѣмъ то, что дѣва послѣ рожденія сочеталась своему мужу». Прибавь, если угодно, и другія естественныя непріятности—чрево, раздувающееся въ теченіи девяти мѣсяцевъ, тошноту, роды, кровь, пеленки. Представь и самаго младенца, завернутаго въ обыкновенный покровъ перепонокъ. Присоедини жесткія ясли, плачь младенца, обрѣзаніе въ восьмой день, время очищенія, чтобы показать Его нечистымъ. Не краснѣемъ, не молчимъ. Насколько униженнѣе этого то, что Онъ претерпѣлъ за меня, настолько болѣе я обязанъ Ему. И все выставивши, ты не представишь ничего позорнѣе креста; а его мы исповѣдуемъ, въ него вѣруемъ и о немъ падъ врагами торжествуемъ.

Но какъ мы не отвергаемъ того, что написано, такъ отвергаемъ то, чего не написано. Что Богъ родился отъ Дѣвы, этому мы вѣруемъ, потому что читаемъ; что Марія послѣ рожденія была женою—этому не вѣруемъ, потому что не читаемъ. И это говоримъ не потому, чтобы мы осуждали бракъ,—и самое дѣвство есть плодъ брака,—а потому,

что намъ нельзя ничего произвольно утверждать о святыхъ мужахъ. Ибо по такому предположенію возможнаго мы можемъ утверждать, что и Іосифъ имѣлъ многихъ женъ, такъ какъ многихъ имѣлъ Авраамъ, многихъ имѣлъ Іаковъ, и что отъ этихъ женъ были братья Господа, какъ выдумываютъ многіе не столько съ благочестивою, сколько съ дерзкою смѣлостію. Ты говоришь, что Марія не пребыла дѣвою: я считаю для себя болѣе безопаснымъ думать, что и самъ Іосифъ сталъ дѣвственникомъ чрезъ Марію, чтобы дѣвственный сынъ родился отъ союза дѣвственниковъ. Ибо, если на святаго мужа не можетъ пасть обвиненіе въ блудѣ и не написано, что онъ имѣлъ другую жену, а для Маріи, которой считался онъ мужемъ, онъ былъ болѣе защитникомъ, чѣмъ мужемъ: то остается думать, что онъ, удостоившійся называться отцемъ Господа, вмѣстѣ съ Маріею пребылъ дѣвственникомъ.

Такъ какъ я хочу сказать нѣчто относительно сравненія дѣвства съ бракомъ, то прошу, чтобы будущіе читатели не думали, будто я, при похвалѣ дѣвства, унижилъ бракъ и сдѣлалъ нѣкоторое различіе между святыми ветхаго завѣта и новаго, т. е. между тѣми, которые жили въ брачномъ союзѣ и этими, которые совершенно уклонились отъ женскихъ объятій,—но что по временнымъ условіямъ тѣ въ то время подлежали одному закону, а мы, въ которыхъ исполнились предѣлы времени, подлежимъ другому. Пока былъ въ силѣ оный законъ: *раститеся и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 28) и «проявляя неплодная, которая не родитъ сѣмени въ Израилѣ» (Ис. 66) ¹⁾,—все женились и выходили замужъ и, оставивъ родителей, дѣлались одною плотью. А когда прогремѣло оное слово: *время прекращено есть прочее, да и мущинъ жены якоже не и му-*

¹⁾ Въ нашей библии, равно какъ и въ вѣлѣтѣ, этого мѣста нѣтъ.

щии будутъ (1 Кор. 7, 29): то, прилѣпляясь ко Господу, съ Нимъ мы дѣлаемся однимъ духомъ (1 Кор. 6, 17). И почему? потому что *не оженившійся печется о Господнихъ, како угодити Господеву, а оженившійся печется о мірскихъ, како угодити женѣ. Раздѣлится жена и дѣва. Не посягающая печется о Господнихъ, како угодити Господеву, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ; а посягающая печется о мірскихъ, какъ угодити мужу.* (1 Кор. 7, 32 и слѣд.). Зачѣмъ бранишься, зачѣмъ несоглашаешься? Сосудъ избранный говоритъ это. *Раздѣлится, говоритъ, жена и дѣва.* Смотри, какъ ублажается та, которая потеряла даже названіе пола. Дѣва уже не называется женщиною. *Непосягающая печется о Господнихъ, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ.* Дѣва опредѣляется тѣмъ, что она свята тѣломъ и духомъ, потому что нѣтъ никакой пользы имѣть дѣвственное тѣло тому, кто посягнулъ умомъ. *А посягающая печется о мірскихъ, како угодити мужу.* Не сознаешься ли ты, что это значитъ тоже, что она дни и ночи проводитъ безъ молитвы, проводитъ безъ постовъ, къ приходу мужа лоснитъ лицо, ломаетъ походку, изыскиваетъ ласки? Это дѣлаетъ она, чтобы явиться безобразнѣе и естественную красоту исказить уродствомъ. Она раскрашивается предъ зеркаломъ и къ поношенію Художника старается быть красивѣе, чѣмъ какъ рождена. Тамъ шумятъ малютки, суетится прислуга, дѣти хлопчутъ о ласкахъ и нищѣ, сводятся счеты, думаютъ объ издержкахъ. Тамъ засученныя руки поваровъ бьютъ мясо, тамъ шумитъ толпа ткачихъ; между тѣмъ даютъ знать, что пришелъ мужъ съ товарищами. Она на подобіе ласточки облетаетъ всѣ домашніе углы, прибрана ли постель, подметены ли полы, вычищена ли посуда, готовъ ли обѣдъ. Скажи, пожалуйста, среди всего этого гдѣ можетъ быть помышленіе о Богѣ? И это счастливые дома? Гдѣ гремятъ тимпаны, завываетъ флейта, бряncитъ лира, трещитъ кимваль, —какой тамъ страхъ Бо-

жій? Шутъ подвизается въ безстыдствахъ, входятъ открытыя жертвы разврата и, по тонкости одежды для безстыдныхъ глазъ, представляются нагими. Несчастливая жена или радуется имъ и погибаетъ, или оскорбляется и раздражаетъ мужа. Отсюда ссоры—разсадники развода. Или, если и найдется какой либо домъ, въ которомъ этого не бываетъ—это рѣдкая птица!—то тѣмъ не менѣе домашнее хозяйство, воспитаніе дѣтей, обязанности въ отношеніи къ мужу, хлопоты съ прислугою—какую женщину не отвлекутъ отъ помышленія о Богѣ? *Преставша*, говоритъ Писаніе, *Сарра бывати женская* (Быт. 18, 11), послѣ чего говорится Аврааму: *вся елика аще речетъ тебѣ Сарра, слушай гласа ея* (Быт. 21, 12). Освободившаяся отъ заботъ и печалей рожденія, по прекращеніи отпращеній мѣсячнаго очищенія преставшая быть женщиною, дѣлается свободною отъ проклятія Божія, и нѣтъ обращенія ея къ мужу, а, напротивъ, мужъ подчиняется ей и ему словомъ Господа заповѣдуется: *вся елика аще речетъ тебѣ Сарра, слушай гласа ея*. Такимъ-то образомъ начинаютъ жить безъ молитвы, потому что, пока исполняются обязанности брака, забывается потребность молитвы.

Не отрицаемъ, что бываютъ вдовы, не отрицаемъ, что бываютъ замужнія женщины—святые; но-- тѣ, которыя перестали быть женами, которыя въ самой обязательности брачной подражаютъ чистотѣ дѣвственницъ. Это тоже, что апостольскій крѣпко засвидѣтельствовалъ отъ лица говорящаго въ немъ Христа: *непослѣдняя печется о Господнихъ, како угодити Господеву, а послѣдняя печется о мірскихъ, како угодити мужу* (1 Кор. 7, 34), намъ предоставляя поле разумѣнія относительно этихъ словъ. И однако онъ ни на кого не налагаетъ необходимости или петли, но увѣщаетъ къ тому, что честно, желая, чтобы всѣ были какъ онъ самъ. И хотя о дѣвствѣ онъ не имѣетъ повелѣнія Господня, по-

тому что это выше людей, и нѣкоторымъ образомъ было бы неразуміемъ насиловать природу и говорить: хочу, чтобы вы были какъ ангелы, — почему и дѣвственница достойна большей награды, когда отвергаетъ то, что, еслибы и сдѣлала, то не согрѣшила бы, — тѣмъ не менѣе однакоже сочетавающимся присовокупляетъ: *советъ же даю, яко помысленъ отъ Господа стренъ быти. Мно убо сіе добро быти за настоящую нужду, яко добро человеку тако быти* (1 Кор. 7, 25, 26). Какая это нужда? *Горе непразднымъ и доящымъ въ тья дни* (Мат. 24, 19). Лѣсъ подростаетъ для того, чтобы впоследствии быть порубленнымъ; поле зсеѣвается для того, чтобы быть пожатымъ. Уже полонъ міръ, земля не принимаетъ насъ. Постоянно косятъ насъ войны, истребляютъ болѣзни, поглощаютъ кораблекрушенія, и тѣмъ не менѣе мы споримъ о границахъ. Изъ этого числа тѣ, которые слѣдуютъ за Агнцемъ (Апок. 14, 4), которые не осквернили одеждъ своихъ, ибо пребыли дѣвственниками. Обрати вниманіе, что значитъ *осквернили*. Я боюсь изъяснить, чтобы не сталъ ругаться Елвидій. А что говоришь ты, что есть нѣкоторыя дѣвицы и торговки, то я тебѣ болѣе скажу, что между ними есть и прелюбодѣйки, и, къ большому еще удивленію твоему, есть и клирики корчемники и монахи нецѣломудренные. Но кто тотчасъ же не пойметъ, что ни торговка не можетъ быть дѣвою, ни прелюбодѣй монахомъ, ни корчемникъ клирикомъ? Развѣ дѣвство виновато, если носящій имя дѣвства порочень? Я конечно говорю, имѣя въ виду Дѣву, оставивъ въ сторонѣ другихъ лицъ; а упражняющаяся въ торговыхъ занятіяхъ не знаю тѣломъ, но знаю, что духомъ не остается дѣвственницею.

Пориторствовали мы, и немножко позабавились на манеръ публичныхъ ораторовъ. Ты, Елвидій, вынудилъ насъ къ этому, ты, который хочешь, чтобы и при свѣтѣ уже Евангелія дѣвы и замужнія имѣли одинаковую славу. И такъ

какъ я думаю, что побѣжденный истиною ты начинаешь злословить мою жизнь и ругаться (потому что такъ дѣлають и низкія женщины, ругая изъ-за угла властныхъ господъ своихъ), то я предупреждаю, что твои ругательства будутъ для меня славою, такъ какъ ты злословишь меня тѣми же устами, которыми поносилъ Марію, и собачье красно-рѣчіе испытываетъ равно и рабъ Божій, какъ и Матерь Божія.

Двѣ книги противъ Іовиніана ¹⁾.

Книга первая.

Еще не такъ давно святые братья изъ города Рима переслали мнѣ комментаріи нѣкогого Іовиніана, съ просьбою, чтобы я отвѣчалъ на нелѣпости ихъ и евангельскою и апостольскою силою обуздаль Епикюра христіанскаго. Прочитавъ ихъ и рѣшительно не понявъ, я сталъ перечитывать по нѣскольку разъ и разбирать не только слова и мысли, но каждый почти слогъ, желая прежде знать, что говорилъ

¹⁾ Іовиніанъ, долго жившій въ монастырѣ, но потомъ бросившій монастырь, около 390 г. началъ распространять лжеученіе, что дѣвы, посвятившія себя на служеніе Богу, не болѣе имѣють заслуги предъ Богомъ, какъ и замужнія женщины, что діаволь не имѣеть никакой власти надъ припавшими крещеніе, что воздержаніе отъ извѣстныхъ яствъ совершенно безосновательно. Эти заблужденія, значительно распространившіяся въ Римѣ и потомъ въ Миланѣ, осужденныя папою Сприціемъ и св. Амвросіемъ, но несмотря на эти осужденія, все таки продолжавшія волновать умы, при упорствѣ Іовиніана, и вызвали блаженнаго Іеронима написать подробное опроверженіе на ихъ въ „Двухъ кнѣгахъ противъ Іовиніана“. Ближайшимъ поводомъ къ составленію этого сочиненія была просьба Паммахія и Домніона, которые, приславъ Іерониму комментаріи Іовиніана, выражали желаніе, чтобы онъ отвѣчалъ на нелѣпости ихъ и обуздаль „Епикюра христіанскаго“. Сочиненіе написано въ 392 году.

онъ и потомъ уже одобрить или опровергнуть сказанное. Дѣйствительно, сочиненіе отличается такимъ невѣжествомъ и въ высшей степени похабный языкъ его затемненъ такими неправильностями, что я не могъ понимать ни того, что онъ хочетъ сказать, ни тѣхъ доводовъ, которыми доказываетъ то, что говорить. Весь онъ напыщенность, и весь слабость: всюду взбирается высоко, и, какъ обезсиленный змѣй, разрывается отъ самаго усилія. Онъ не удовлетворяется нашею, т. е. обыкновенною человѣческою рѣчью; онъ хочетъ говорить болѣе возвышенно.

Рожаютъ горы, родится смѣшная мышь.

(Гораций de Arte Poët.).

Самъ пездравомыслящій Орестъ поклоняется,

Что это произведеніе пездравомыслящаго человѣка.

(Pers., sat. 4).

Сверхъ того, онъ такъ все затемняетъ и такими неразрѣшимыми узлами все запутываетъ, что къ нему можетъ быть примѣнительно извѣстное мѣсто изъ сочиненій Плавта:

Никто не прочитаетъ ихъ, кромѣ Сивиллы.

(Плавтъ, in Pseudulo).

Ибо дѣйствительно пужно гаданье. Читаемъ неистовыхъ прорицательницъ Аполлона и извѣстное изреченіе Виргилія: *звукъ издастъ безъ смысла* (Энеида кн. 10). И Гераклита, прозваннаго *σχοτεινόν*, философы, трудясь въ потѣ лица, едва понимаютъ. Но что они въ сравненіи съ нашимъ *αἰμυρατισταί*, книги котораго гораздо труднѣе понять, чѣмъ опровергнуть? Да и опроверженіе будетъ стоить немалого труда. Ибо кто въ состояніи одержать верхъ надъ тѣмъ, чьихъ положеній совершенно не знаетъ? А чтобы далеко не заводить читателя, начало второй книги его покажетъ, какого рода краснорѣчіе его и какими цвѣтами слова украсившись онъ выступаетъ. Изрыгая вчерашнее пьянство, онъ такъ выбле-
ываетъ:

«Удовлетворяю прошеніямъ, не для того, чтобы приобрѣсть знаменитое имя, но чтобы жить чистымъ отъ тщетной славы. Обращаюсь съ мольбою къ нивѣ, новымъ насажденіямъ, вертоградомъ нѣжности, исторгнутымъ изъ водоворотовъ пороковъ, вниманію, огражденному войсками. Знаемъ мы церковь, въ вѣрѣ, надеждѣ, любви неприступную, непобѣдимую. Нѣтъ въ ней незрѣлаго, каждый понятливъ: съ стремительностію ворваться, или искусно обмануть не можетъ никто».

Спрашиваю: что за чудовищная рѣчь? что за нелѣпость описанія? Не придешь ли къ мысли, что онъ бредитъ въ лихорадкѣ, или что его, какъ помѣшавшагося, слѣдуетъ связать цѣпами Иппократа? Сколько разъ ни буду перечитывать, останавливаюсь только тамъ, гдѣ у меня не хватитъ духу. Все начинается, все цѣпляется съ другимъ, не знаешь, что съ чѣмъ вяжется; и исключая свидѣтельствъ Писаній, которыхъ онъ не дерзнулъ извратить малѣйшимъ цвѣткомъ своего краснорѣчія, прочая рѣчь его пригодна для всякой матеріи, потому что ни для какой непригодна. Что дало мнѣ нѣкоторое подозрѣніе въ мысли — это то, что онъ хочетъ учить о бракѣ такъ, чтобы унижить дѣвство. Ибо когда меньшее сравнивается съ большимъ, то сравненіе съ низшимъ есть униженіе для высшаго. Мы не унижаемъ брака, слѣдуя ученію Маркіона и Манихей, и не считаемъ всякій союзъ нечистымъ, увлекшись заблужденіемъ Татіана, главы енкратитовъ, который осуждаетъ и порицаетъ не только бракъ, но и яства, которыя Богъ сотворилъ для употребленія. Мы знаемъ, что въ дому великомъ есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные, и что на основаніи Христовомъ, которое положилъ архитекторъ Павелъ, одни созидаютъ золото, серебро, камни драгоценныя, а другіе напротивъ сѣно, дрова, соломѣ. Знаемъ мы *бракъ честенъ и ложе нескверно* (Евр. 13, 4), читаемъ мы первое опре-

дѣлсніе Божіе: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 28); но бракъ мы принимаемъ такъ, что дѣвство, которое родится отъ брака, предпочитаемъ. Неужели серебро не будетъ серебромъ, если золото цѣннѣе серебра, или неужели униженіе для дерева и жатвы, если корню и листьямъ, соломѣ и колосьямъ предпочитаются плоды и зерна? Какъ плодъ изъ дерева, зерно изъ соломы, такъ дѣвство изъ брака. Плодъ въ сто, шестьдесятъ и тридцать кратъ хотя родится отъ одной земли и отъ однихъ сѣмянъ, тѣмъ не менѣе много разнится въ количествѣ. Тридцать кратъ относятся къ браку. Ибо и самое соединеніе пальцевъ, какъ бы обнимающееся въ нѣжныхъ ласкахъ и заключающее союзъ, представляетъ мужа и жену. А шестьдесятъ кратъ относятся къ вдовамъ, какъ находящимся въ тѣснотѣ и скорби. Поэтому число это и выражается сдвигеніемъ большаго пальца указательнымъ, и чѣмъ труднѣе бываетъ воздержаться отъ приманокъ испытаннаго нѣкогда удовольствія, тѣмъ больше бываетъ и награда. Далѣе сотенное число (прошу читателя быть особенно внимательнымъ) съ лѣвой руки переносится на правую и, выражаясь хотя тѣми же пальцами, какими на лѣвой обозначаются замужнія и вдовы, но не тою же рукою, и представляя кружокъ, выражаетъ вѣнецъ дѣвства ¹⁾).

¹⁾ Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, блаженный Иеронимъ, сравнивая брачное состояніе съ плодомъ въ тридцать кратъ, вдовство съ плодомъ въ шестьдесятъ и дѣвство съ плодомъ въ сто разъ, усиливаетъ сравненіе это параллелью способовъ обозначенія или счисленія этихъ цифръ по пальцамъ, способовъ, употреблявшихся въ древности. Вотъ какъ описываютъ эти способы счисленія Бѣда Достопочтенный и Кассіанъ: *Cum triginta notare volueris, ungues indicis et pollicis blando conjunges amplexu. Cum dicis sexaginta pollicem curvatum indice circumflexo, diligenter a fronte praecinges. — Centenarius numerus de sinistra transfertur in dexteram, et licet eandem in supputatione digitorum figuram tenere videatur, nimium tamen quantitatis magnitudine supercrecit.*

Это я высказалъ болѣе по нетерпѣливости, чѣмъ сообразно съ порядкомъ опроверженія; потому что лишь только я вышелъ изъ пристани и поднялъ канатами паруса, море вспоровъ и неудержимое стремленіе говорить вынесло меня на средину. Потому умѣрю бѣгъ и немного стяну паруса, и не пощажу меча, и теперь уже стремящагося коразать въ защиту дѣвства. Метательная машина чѣмъ больше стягивается, тѣмъ сильнѣе бросаетъ. Не вредитъ остановка, когда отъ остановки побѣда дѣлается вѣрнѣе. Кратко изложу мнѣнія противника, и изъ темныхъ книгъ его какъ бы изъ пещеръ повытаскиваю змѣй и не оставляю ядовитой головы въ извивахъ пятнистаго тѣла. Пусть будетъ обнаружено то, что вредно, чтобы по обнаруженіи было сокрушено.

«Онъ говоритъ, что дѣвственницы, вдовы и замужніи, однажды омытыя во Христѣ, если не разнятся между собою въ другихъ дѣлахъ, имѣютъ одинаковую заслугу.

«Усиливается доказать, что тѣ, которые съ полною вѣрою возрождены крещеніемъ, не могутъ быть побѣждены діаволомъ.

«Въ третьихъ учить, что между воздержаніемъ отъ яствъ и принятіемъ ихъ съ благодареніемъ нѣтъ никакого различія.

«Четвертое и послѣднее его заблужденіе то, что всѣ, сохранившіе свое крещеніе, въ царствіи небесномъ получаютъ одинаковое воздаяніе».

Это—навѣты древняго змія: такими внушеніями драконъ выгналъ человѣка изъ рая. Ибо также предпочитая пресыщеніе посту, обѣщаль, что они будутъ безсмертны, какъ будто никогда не могутъ пасть; и тогда какъ обѣщаль имъ божественность равную Богу, изгналъ ихъ изъ рая, такъ что нагіе и невинные, ничѣмъ незапятнанные дѣвственники, наслаждавшіеся общеніемъ съ Господомъ, низвергнутые во юдоль плача, облеклись въ шитыя кожаныя ризы. Но чтобы

не задерживать слишкомъ долго читателя, пойду по слѣдамъ изложеннаго раздѣленія и противъ каждаго изъ его положеній по преимуществу выставлю свидѣтельства Писаній, чтобы онъ, жалуясь на меня, не болталъ, что онъ побѣжденъ болѣе краснорѣчіемъ, чѣмъ истиною. Исполнивъ это и стѣснивъ его облакомъ того и другаго Завѣта, приведу доказательства и изъ свѣтской литературы, къ которой прибѣгаетъ и онъ самъ. Покажу, что и между философами и знаменитыми мужами обыкновенно всѣ предпочитали добродѣтели удовольствіямъ, т. е. Пифагора, Платона и Аристиды предпочитали Аристиппу, Епикуру и Алкивиаду. Васъ, обоихъ половъ дѣвственники и воздержники, а также замужіе и двоебрачные, прошу поддержать мои усилія своими молитвами. Ювиніанъ—врагъ всѣхъ вообще. Ибо тотъ, кто утверждаетъ, что заслуги всѣхъ одинаковы, оскорбляетъ какъ дѣвство, приравнивая его къ браку, такъ и бракъ, признавая его позволительнымъ также, какъ и второй и третій бракъ. Но онъ врагъ и двоебрачныхъ и троебрачныхъ, такъ какъ бывшихъ нѣкогда блудниками и самыхъ развратныхъ ставить, послѣ покаянія, тамъ же, гдѣ двоебрачныхъ и троебрачныхъ; развѣ только въ томъ отношеніи не могутъ жаловаться двоебрачные и троебрачные, что тотъ же блудникъ, покаявшійся въ царствіи небесномъ, уравнивается даже съ дѣвственниками. Итакъ я изложу въ болѣе ясныхъ выраженіяхъ и съ нѣкоторою послѣдовательностію его доводы и доказательства относительно брака и въ томъ же порядкѣ разберу все сказанное имъ. Пусть не брезгаетъ читатель, если онъ вынужденъ будетъ прочитать изbleванные имъ мерзости. Охотнѣе выпьетъ онъ противоядіе Христово, когда напередъ испытаетъ ядъ діавола. Выслушайте терпѣливо, дѣвственницы, выслушайте, прошу васъ, развратнѣйшаго витію, и какъ пѣніе сиренъ и бредни, пропустите мимо ушей. Нѣсколько времени потерпите обиды себѣ; думайте,

что вы, распятыя съ Христомъ, слышите богохульство фариисевъ.

Первое, говорить онъ, опредѣленіе Божіе таково: *сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать и прильзится къ жень своей, и будета два съ плоть едину* (Быт. 2, 24; Мате, 19, 5). И чтобы мы не говорили, что это написано въ Ветхомъ Заѣтѣ, доказываетъ, что тоже самое подтверждается Господомъ въ Евангеліи: *еже Богъ сочети, человекъ да не разлучаетъ*, и затѣмъ прибавляетъ: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 28), и по порядку раскрываетъ, что Сиѣъ, Еносъ, Каинанъ, Маделеиль, Іаредъ, Енохъ, Маѣусалъ, Ламехъ, Ной—все имѣли женъ и по опредѣленію Божію раждали дѣтей (какъ будто порядокъ родословія и исторія распространенія человѣческаго рода могли быть сказаны безъ супруговъ и дѣтей). «Это тотъ, говорить, Енохъ, который ходилъ съ Господомъ и взять на небо; это тотъ Ной, который тогда какъ конечно было много дѣвственниковъ вслѣдствіе преклонности лѣтъ, одинъ съ сыновьями и женами спасенъ былъ при потоѣ мѣра. Послѣ потопа, какъ бы при другомъ началѣ рода человѣческаго, опять соединяются пары мужей и женъ и вполне возстановляется благословеніе рожденія: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 9, 1; 8, 17)». Кромѣ того дается разрѣшеніе ѣсть мясо: *и всякое движущееся еже есть живо, вамъ будетъ съ снѣди, яко земіе травное дахъ вамъ все* (Быт. 9, 3). Переходитъ къ Аврааму, Исааку и Іакову, изъ коихъ первый былъ троеженецъ, второй—единобрачный, третій имѣлъ четыре жены—Лію, Рахиль, Валу и Зелфу, и утверждаетъ, что Авраамъ, въ воздаяніе за вѣру, получилъ благословеніе въ рожденіи сына. Говоритъ, что Сара, у которой *преставиа бывати женская*, во образъ церкви, проклятiе неплодства замѣнила благословеніемъ рожденія; что Ревекка шла какъ пророчица спросить Господа

и услышала отъ Него: *два языка и два народа во утробѣ твоей суть* (Быт. 25, 23);—что Іаковъ работалъ за жену; и когда Рахиль думала, что во власти мужа давать дѣтей и говорила: *даждь ми чуда, аще же ни умру азъ* (Быт. 30, 1), отвѣчалъ: *еда вмѣсто Бога азъ есмь иже лиши ты плода утробнаго* (ст. 2): такъ, говорить, онъ убѣжденъ былъ, что плодъ брака отъ Господа, а не отъ мужа. Говорить, что и Іосифъ, мужъ святой и цѣломудреннѣйшій, и все патріархи имѣли женъ, которыхъ равно Богъ благословляетъ чрезъ Моисея. Приводить также Іуду и Ѳамаръ, притягиваетъ и Авнана, умерщвленнаго Господомъ за то, что не желая сѣмени брату, уничтожалъ послѣдствія брака. Представляетъ Моисея и проказу Маріамъ, которая, оскорбляя брата изъ-за жены, была поражена за это наказаніемъ Божиимъ. Хвалить Сампсона и удивительными похвалами превозноситъ женолюбиваго назорея. Рассказываетъ также и о Деворрѣ и Варабѣ, что они безъ преимуществъ дѣвства одолѣли Сисару и лавина и желѣзныя колесницы. Выводитъ на сѣбну Іаиль, жену Хавера Кинеянина и проповѣдуетъ о рукѣ оруженной коломъ. Говорить, что между Іефаемъ отцомъ и дочерью дѣвою, которая заклана была Господу, не было никакого различія и даже болѣе вѣру отца предпочитаетъ той, которая была убита плачущею. Переходитъ къ Самуилу — другому назорею Господа, который съ дѣтства былъ воспитанъ въ скинии и облакался въ *erhod bad*, что значитъ *одежды льняныя*, и говорить, что онъ раждалъ дѣтей и что священническая чистота не уменьшалась отъ объятій жены. Выставляетъ на полѣ Вооза съ его Руею и производитъ отсюда Іессея и Давида. Говорить и о самомъ Давидѣ, что онъ, даже съ опасностію жизни за двѣсти краенеобрѣзаній искалъ совокупленія съ царскою дочерью. Что сказать о Соломонѣ, котораго, помѣщая въ каталогъ мужей, онъ считаетъ образомъ Спасителя и ду-

маеть, что о немъ написано: *Боже судъ твой царици даждь и правду твою сыну царицу и: дастся ему отъ злата аравійска и помолятся о немъ выну* (Пс. 71, 1. 15)? И вдругъ переходитъ къ Илиі и Елисею и рассказываетъ какъ бы великую тайну, что духъ Илиі опочилъ на Елисеѣ, а зачѣмъ это онъ сказалъ, умалчиваетъ, развѣ не потому ли, быть можетъ, что онъ думаетъ, что и Илия и Елисей имѣли женъ. Переходитъ къ Езекии и тогда какъ останавливается на похвалахъ ему, удивляюсь, какъ онъ забылъ сказать: *отъ днесь дѣти сотворю* (Ис. 38, 19). Рассказываетъ объ Іосіи мужѣ праведнѣйшемъ, при которомъ въ храмъ найдена была книга Второзаконія, какъ онъ былъ вразумленъ Олдамою, женою Селима. Между женатыми ставитъ и Даниїла и трехъ отроковъ. И вдругъ, переходя къ Евангелію, выставляетъ Захарію и Елисавету, Петра и тещу его, и прочихъ апостоловъ. И велѣдъ затѣмъ прибавляетъ: «А если вздумаютъ прибѣгать къ напрасному опроверженію и представлять, что молодой міръ требовалъ размноженія, пусть послушаютъ Павла, который говоритъ: *хощу юнымъ вдовицамъ посягати, чади раждати* (1 Тим. 5, 14) и: *честенъ бракъ и ложе нескверно* (Евр. 13, 4), а также: *жена привязана есть мужу въ елико время живетъ мужъ ея: аще же умретъ мужъ ея, за негоже хощетъ посягнетъ, точію о Господь* (1 Кор. 7, 39) и: *Адамъ не прелстися, жена же прелстившися въ преступленіи бысть: спасется же чадородія ради, аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыхъ съ цѣломудріемъ* (1 Тим. 2, 14. 15)». Конечно онъ опускаетъ здѣсь изрѣченіе апостольское: *да имущіе жены якоже не имущіе будутъ* — чтобы вы не сказали, что апостоль потому совѣтуетъ молодымъ вдовамъ выходить замужъ, что нѣкоторые совратились въ слѣдъ сатаны, какъ будто изъ дѣвъ ни одна не падаетъ и какъ будто не больше ихъ паденіе. Изъ этого очевидно, что вы слѣдуете ученію

манихеевъ, запрещающихъ вступать въ бракъ и питаться яствами, которыя Богъ сотворилъ для употребленія, и имѣющихъ сожженную совѣсть. И послѣ многого, что здѣсь излишне излагать, впадаетъ какъ бы въ тонъ оратора и дѣлаетъ обращеніе къ дѣвственницѣ, говоря: «Я не причиняю тебѣ оскорбленія, дѣвственница: изъ-за настоящей нужды ты избрала цѣломудріе, пожелала быть святою тѣломъ и духомъ: не гордись: ты членъ тойже церкви, къ которой принадлежать и замужня».

Можетъ быть я слишкомъ распространился въ изложеніи его мнѣній и утомилъ читателя, но я счелъ полезнымъ противопоставить себѣ все его силы въ видѣ правильнаго строя и собрать все непріятельское войско съ его отрядами и предводителями, чтобы послѣ первой побѣды не открылась надобность въ новыхъ сраженіяхъ. Итакъ я не буду бороться противъ каждаго порознь и не буду довольствоваться отрядомъ изъ немногихъ: нужно сражаться со всемъ войскомъ, и нестройные клинообразные отряды враговъ, сражающіеся по разбойнически, должны быть сбиты стройнымъ и организованнымъ войскомъ. Въ первомъ ряду выставлю апостола Павла, и какъ самаго храбраго предводителя, вооружу его стрѣлами, т. е. его мыслями. Ибо учитель языковъ и наставникъ церкви весьма подробно отвѣчаетъ спрашивавшимъ его относительно этого вопроса Коринѣянамъ. А что онъ опредѣлялъ, то мы должны признавать закономъ глаголавшаго въ немъ Христа. Вмѣстѣ съ этимъ, когда мы начнемъ разбирать порознь каждое изъ положеній, то внутренняя мысль читателя пусть всегда обращается къ апостолу и при изслѣдованіи весьма важныхъ вопросовъ пусть не спѣшитъ впередъ, забывая предшествующее.

Между прочимъ Коринѣяне чрезъ посланіе спрашивали: должны ли увѣровавшіе во Христа быть безбрачными и ради воздержанія оставить женъ, коихъ имѣли, или увѣровавшіе

до брака могутъ вступать въ бракъ? И если изъ двухъ супруговъ язычниковъ одинъ увѣруетъ во Христа, долженъ ли вѣрующій оставить невѣрующаго? И если можно жениться, то повелить ли апостоль братъ только христіанокъ, или и язычницъ? Посмотримъ же, что отвѣчалъ на это Павелъ: *А о нихъ же писасте ми, добро чловѣку женѣ не прикасатися. Но блудодѣянїя ради кїйждо свою жену да имать, и каждо жена своего мужа да имать. Женѣ мужъ должную любовь да воздаетъ: такожде и жена мужу. Жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ: такожде и мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена. Не лишайте себѣ другъ друга, точно по согласїю до времени, да пребываете въ постѣ и молитвѣ, и паки вкупу собирайтесь, да не искушаетъ васъ сатана невоздержанїемъ вашимъ. Сїе же глаголю по снисхожденїю (juxta indulgentiam), а не по повелѣнїю. Хочу бо да вси чловѣцы будутъ якоже и азъ: но кїйждо свое дарованїе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице. Глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ, добро имъ есть, аще пребудутъ якоже и азъ. Аще ли не удержатся, да посягаютъ: лучше бо есть жениться, нежели разжизатися (1 Кор. 7, 1—9).* Обратимся къ началу свидѣтельства. *Добро, говоритъ, чловѣку женѣ не прикасатися.* Если хорошо не прикасаться къ женѣ, то слѣдовательно нехорошо прикасаться, потому что хорошему противоположно только нехорошее. А если нехорошо и извиняется, то слѣдовательно допускается потому, чтобы изъ худаго не вышло чего нибудь худшаго. Какое же это добро, которое допускается изъ опасенїя худшаго! Ибо онъ никогда не прибавилъ бы: *кїйждо свою жену да имать*, еслибы напередъ не сказалъ, *но блудодѣянїя ради.* Оставь блудодѣянїе и не скажетъ: *кїйждо свою жену да имать.* Это тоже, какъ еслибы кто сказалъ: хорошо питаться пшеничнымъ хлѣбомъ и ѣсть самую чистую крупитчатую

муку; но чтобы вынужденный голодомъ не ѣлъ воловьяго помета, то я позволяю ему питаться и ячменемъ. Неужели пшеница оттого не будетъ имѣть чистоты своей, если помету предпочитается ячень? Доброе естественно есть то, что не сравнивается съ дурнымъ, что не потемняется предпочтеніемъ другаго. При этомъ достойна вниманія и мудрость апостола. Онъ же сказалъ: хорошо не имѣть жены, а свазалъ: *добро есть женъ не прикасатися*, какъ бы и въ прикосновеніи есть опасность, какъ будто бы прикоснувшись къ ней не уйдетъ отъ той, которая *мужей честныя души уловляетъ*, которая прельщаетъ сердца юношей: *вляжетъ ли кто огнь въ нѣдра, ризъ же своихъ не сожжетъ ли, или ходити кто будетъ на угльяхъ огненныхъ, ногъ же не сожжетъ* (Притч. 6, 26 — 28)? Итакъ подобно тому, какъ прикоснувшись къ огню тотчасъ обжигается, такъ и мужчина и женщина при соприкосновеніи чувствуютъ природу свою и понимаютъ различіе пола. И языческія басни рассказываютъ, что Миѳра и Ерихтоній рождены изъ камня или изъ земли отъ одного страстнаго пожеланія. Поэтому и нашъ Іосифъ, когда хотѣла прикоснуться къ нему египтянка, убѣжалъ отъ руки ея и какъ бы при укушеніи бѣшеной собаки, чтобы ядъ не распространился мало по малу, бросилъ и одежду, къ которой она прикоснулась. *Но блудодѣяннѣ ради кѣждо свою жену да иматъ, и каяждо жена своего мужа да иматъ.* Не сказалъ блудодѣяннѣ ради каждый пусть женится; въ такомъ случаѣ этимъ извиненіемъ онъ ослабилъ бы узду похоти, такъ, что во избѣжаніе блуда сколько бы разъ ни умирала жена, столько разъ можно было бы брать другую; но сказалъ: *кѣждо свою жену да иматъ.* Пусть, говоритъ, имѣетъ свою жену, пусть пользуется своею, которую имѣлъ прежде чѣмъ увѣровалъ, къ которой хорошо было бы не прикасаться, и увѣровавъ во Христа, знать ее только сестрою,

а не супругою, еслибы блудодѣяніе не извиняло прикосновенія къ ней. *Жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ; такожде и мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена.* Весь этотъ вопросъ относится къ живущимъ въ брачномъ союзѣ—можно ли имъ отпускать женъ, что и Господь запретилъ въ Евангеліи. Поэтому и апостолъ сказалъ: *добро чловѣку; женѣ не прикасатися*; но такъ какъ однажды женившійся не властенъ воздерживаться, развѣ только по согласію жены, и если она не согрѣшила, не можетъ развестись съ нею, то онъ обязанъ воздавать ей должное: онъ добровольно соединился съ нею, такъ что можетъ быть принужденъ воздавать ей должное. *Не лишайте себе другъ друга, точію по согласію до времени, да пребываете въ молитвѣ.* Спрашиваю тебя, какое же это благо, которое препятствуетъ молиться, которое не позволяетъ принимать тѣла Христова? Пока исполняю обязанность мужа, не исполняю обязанности воздержанія. Тотъ же апостолъ въ другомъ мѣстѣ (1 Сол. 5) заповѣдуетъ непрестанно молиться. Если непрестанно должно молиться, то слѣдовательно никогда не должно служить брагу, ибо когда воздаю должное женѣ, не могу молиться. Посмотри, какъ наставляетъ церковь, чему учить христіанъ апостолъ Петръ, испытавшій узы брака: *мужіе такожде, вкупѣ живуще съ своими женами по разуму, яко немощнѣйшу сосуду женскому воздающе честь, яко и насльдницы благодатныя жизни, во еже не прекращатися молитвамъ вашимъ* (1 Петр. 3, 7). Вотъ и онъ въ томъ же смыслѣ, поелику въ томъ же духѣ, говоритъ, что супружеская обязанность препятствуетъ молитвамъ. А что говоритъ *такожде*, то этимъ побуждаетъ мужей къ подражанію, потому что выше уже заповѣдывалъ женамъ, говоря: да видятъ (мужья) *цѣломудренное житіе ваше: имже да будетъ не вѣшняя плетенія власъ, и обложенія злата, или одѣянія ризъ льпота: но пота-*

енный сердца человекъ, въ неистлѣннѣи кроткаго и молчаливаго духа, еже есть предъ Богомъ многоцѣнно (1 Петр. 3, 2—4). Видишь, какое заповѣдуетъ сожитіе между мужьями и женами? Чтобы они жили по разуму, чтобы знали, чего хочеть, чего желаетъ Богъ, чтобы воздавали честь соуду женскому. Если удерживаемъ себя отъ совокупленія, то воздаемъ женамъ честь: очевидно, что напротивъ безчестіе имъ, если не удерживаемъ. И женамъ говоритъ: да видятъ мужья цѣломудренное житіе ваше и украшеніе въ сокровеннаго сердца человекъ, *въ неистлѣннѣи кроткаго и молчаливаго духа*. О истинно-достоиное апостола слово, и камень Христовъ! Мужьямъ и женамъ даетъ законъ, и осудивъ украшеніе плоти, проповѣдуетъ цѣломудріе и украшеніе внутренняго человекъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, какъ бы такъ говоря: Поелику внѣшній человекъ вашъ подвергся тлѣнію и вы перестали имѣть блаженство нетлѣнія, которое принадлежитъ собственно дѣвственницамъ, то подражайте нетлѣнію духа по крайней мѣрѣ строгимъ воздержаніемъ и храните умомъ то, чего не можете соблюдать тѣломъ: ибо этихъ богатствъ, этихъ украшеній вашего союза требуетъ Христосъ.

А чтобы на основаніи дальнѣйшихъ словъ: *да пребываете въ молитвѣ и пакы вкупѣ собирайтесь* кто не подумалъ, что апостолъ хочеть этого, а не допускаеть только изъ-за большаго паденія, онъ тотчасъ прибавляетъ: *да не искушаетъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ*. Подлинно благовидная уступка—*и пакы вкупѣ*. То, что онъ стыдится назвать своимъ именемъ, что предпочитаетъ искушенію сатаны, что основаніе свое имѣеть въ невоздержаніи—это мы трудимся объяснять какъ темное, тогда какъ онъ самъ изъяснилъ, что написалъ: *сіе же глаголю* по снисхожденію, *а не по повелѣнію*. А мы еще толкуемъ себѣ, что бракъ онъ не называетъ снисхожденіемъ, а заповѣдію, какъ будто не

такимъ же образомъ допускаются и второй и третій бракъ, какъ будто и блудникамъ не отворяются чрезъ покаяніе двери церкви и что еще больше этого—и кровосмѣсникамъ. Ибо того, осквернившись съ мачихою своею, котораго въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ предалъ сатанѣ (1 Кор. 5) въ изможденіе плоти, чтобы духъ былъ спасенъ, во второмъ утѣшаетъ (2 Кор. 2) и заботится, чтобы онъ не былъ поглощенъ чрезмѣрною печалью. Иное дѣло чего хочетъ Апостолъ, и иное что допускаетъ. Поступая сообразно съ тѣмъ, чего онъ хочетъ, мы заслуживаемъ награду, а сообразно съ тѣмъ, что онъ допускаетъ—мы злоупотребляемъ. Желаетъ ли знать, чего хочетъ апостолъ?—читай дальнѣйшее: *хочу да вси чловѣцы будутъ якоже азъ* (1 Кор. 7, 7). Блаженъ тотъ, кто будетъ подобенъ Павлу. Счастливъ тотъ, кто внемлетъ апостолу повелѣвающему, а не снисходящему. Того, говоритъ онъ, хочу я, того желаю, чтобы вы были подражатели мнѣ, какъ я Христу. Онъ дѣвственникъ отъ Дѣвы, отъ неистлѣнной неистлѣнный. Поелику мы люди и не можемъ подражать рожденію Спасителя, будемъ подражать по крайней мѣрѣ Его жизни. Первое—свойство божества и блаженства, послѣднее доступно и чловѣческой ограниченности и подвигу. Хочу, чтобы всѣ люди подобны были мнѣ, чтобы, уподобляясь мнѣ, уподоблялись Христу, коему я подобенъ. Вѣрующій во Христа *долженъ есть, якоже Онъ ходилъ есть, и сей такожде да ходитъ* (1 Иоан. 2, 6). *Но кійждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице* (1 Кор. 7, 7).—Чего, говоритъ, я хотѣлъ бы, очевидно; но поелику въ церкви есть различныя дарованія, то я допускаю и бракъ, чтобы не показаться осуждающимъ природу. При этомъ обрати вниманіе, что иной даръ дѣвства и иной—брака. Еслибы одинаковая была награда замужнихъ и дѣвственницъ, то онъ никогда не сказалъ бы: *но кійждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице*. Гдѣ есть

особое свойство у каждаго, тамъ, съ другой стороны, есть и различіе между каждамыъ. Допускаю, что и бракъ есть даръ Божій, но между даромъ и даромъ есть большее различіе. Наконецъ и апостоль о томъ же покаявшемся послѣ кровосмѣшенія сказалъ: *сопротивное вы да даруете и утѣшите, и емуже аще что даруете, и азъ* (2 Кор. 2, 7. 10), и чтобы мы не думали, что можно пренебрегать даромъ чловѣка, прибавляетъ: *ибо азъ аще что даровахъ, емуже даровахъ, васъ ради, о лицъ Исусъ Христовъ* Разнообразны дары Христа. Поэтому и Иосифъ, въ образъ Его, имѣлъ разноцвѣтную одежду, и въ псалмѣ сорокъ четвертомъ читаемъ: *предста царица одесную тебе въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиспещуренна* (Пс. 44, 10), и апостоль Петръ говоритъ: *яко наследницы многообразной* (multiplicis) благодати Божіей (1 Петр. 3, 7), что по гречески выразительнѣе обозначается словомъ ποικίλη, т. е. различной.

Далѣе слѣдуетъ: *глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ, добро имъ есть, аще пребудутъ якоже и азъ. Аще ли не удержатся, да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизатися.* Допустивши брачнымъ пользоваться супружествомъ и показавши, чего самъ онъ хочетъ и что допускаетъ, переходитъ къ безбрачнымъ и вдовицамъ и представляетъ примѣръ себя и называетъ счастливыми, если они останутся такъ какъ онъ. *Аще ли не удержатся, да посягаютъ*,—то же что выше: *блудодѣянія же ради и да немскушаетъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ.* Представляетъ и причину, почему сказалъ *аще ли не удержатся да посягаютъ*;—*лучше бо есть женитися, нежели разжизатися.* Потому лучше жениться, что разжигаться хуже. Уничтожь разженіе похоти, и онъ не скажетъ *лучше есть женитися.* Лучшее всегда указываетъ на худшее, съ которымъ сравнивается, а не на чистоту несравнимаго само по себѣ блага. Онъ какъ бы такъ говоритъ: *Лучше имѣть*

одинъ глазъ, чѣмъ не имѣть ни одного, лучше опираться на одну ногу и другую часть тѣла поддерживать налкою, чѣмъ ползати съ переломленными колѣнами. Что говоришь ты, апостоль? не вѣрю я словамъ твоимъ: *еще неискусенъ словомъ, но не разумомъ*. Какъ отъ смиренія изопли слова: *азъ бо нѣсмь достоинъ нарецися апостоль, мнѣ меньшему всѣхъ апостоловъ и яко нѣкоему извергу*, такъ и это я считаю словомъ смиренія. Знаешь ты тонкости рѣчи, почему и заимствуешь нѣкоторые свидѣтельства и изъ Елименида, и изъ Менандра, и изъ Арата. Когда ты говоришь о воздержаніи и дѣвствѣ, то выражаешься: *добро есть женѣ не прикасатися; добро имъ есть, еще пребудутъ якоже и азъ; мню сіе добро быти за настоящую нужду; добро есть чловѣку тако быти*. Когда переходишь къ браку, не говоришь: добро жениться, потому что не можешь прибавить: чѣмъ разжигаться, а говоришь: *лучше есть женитися, нежели разжизатися*. Если бракъ самъ въ себѣ есть добро, то не сравнивай его съ разженіемъ, а скажи просто: добро есть жениться. Подозрительна для меня доброкачественность того предмета, считать который меньшимъ зломъ вынуждаетъ только величіе другаго зла. А я хочу не меньшаго зла, а чистаго само въ себѣ добра.

Доселѣ разсмотрѣно первое отдѣленіе, перейдемъ къ слѣдующему. А оженившымся завѣщаваю, *не азъ, но Господь, женѣ отъ мужа не разлучатися: еще ли же и разлучитя, да пребываетъ безбрачна, или да смиритя съ мужемъ своимъ: и мужу женѣ не отпущати*. Прочимъ же азъ глаголю, а не Господь. *еще который братъ жену иматъ невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея, и прочее до того мѣста, гдѣ говоритъ: кійждо якоже призванъ бысть Господемъ, тако да ходитъ: и тако во всѣхъ церквахъ повелѣваю* (1 Кор. 10 и слѣд.). Это мѣсто къ настоящему спору не относится.

Согласно съ словомъ Господа, апостоль учить, что жену за исключеніемъ причины прелюбодѣяннiя, не должно отпускать, и что разведшася, при жизни мужа, не должна выходить за другаго, а лучше должна примириться съ мужемъ своимъ. А тѣмъ, которыхъ вѣра застала въ брачномъ союзѣ, то есть если одинъ изъ двухъ увѣровалъ,—заповѣдуетъ, чтобы вѣрующій не оставлялъ невѣрующаго. И изложивъ причины—что невѣрующій есть кандидатъ вѣры, если не хочетъ разлучиться съ вѣрующимъ—напротивъ заповѣдуетъ, что если невѣрующій отвергнетъ вѣрующаго изъ-за вѣры во Христа, то вѣрующій долженъ разлучиться, чтобы не предпочесть супруга Христу, котораго должно предпочитать даже душѣ. А теперь многія, пренебрегая повелѣніемъ апостола, соединяются съ язычниками и храмы Христа оскверняютъ идолами, и не разумѣютъ, что онѣ часть тѣла того, коего суть ребра. Апостоль соединеніе съ невѣрными позволялъ тѣмъ, кои, имѣя мужей, впоследствии увѣровали во Христа, а не тѣмъ, которыя будучи христіанками, вышли за мужъ за язычниковъ. Этимъ послѣднимъ въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *Не бывайте преложни ко иному ярму, якоже невѣрнии: кое бо причастіе правды къ беззаконію; или кое общеніе свѣту къ тмѣ; кое же согласіе Христови съ Веліаромъ; или кая часть върну съ невѣрнымъ; или кое сложеніе церкви Божіей со идолами; вы бо есте церкви Боги жива* (2 Кор. 6, 14 и слѣд.). Хотя я знаю, что противъ меня ожесточатся весьма многія изъ матронъ, хотя съ тѣмъ же безстыдствомъ, съ какимъ презрѣли Господа, онѣ будутъ неистовствовать и противъ меня—блехи (policeni) и меньшаго изъ христіанъ: тѣмъ не менѣе, и скажу, что думаю, скажу, чему научилъ меня апостоль, что онѣ жены не правды, а беззаконія; не свѣта, а тмы; не Христа, а Веліала; не храмы Бога живаго, а капища и идолы мертвыхъ. Хочешь очевиднѣе убѣдиться, что христіанкѣ не-

позволительно выходить за мужъ за язычника? Послушай того же апостола: *жена, говорить, привязана есть закономъ, въ велико время живетъ мужъ ея: ище же умретъ мужъ ея, свободна есть, за негоже хочетъ посягнути. точію о Господь* (1 Кор. 7, 29), т. е. за христіанина. Дозволяющій второй и третій бракъ о Господь запрещаетъ и первый съ язычникомъ. Поэтому и Авраамъ закликаетъ раба на бедрѣ своемъ, т. е. во Христѣ, имѣвшемъ родиться отъ сѣмени его, чтобы онъ не приводилъ иноплеменной жены для сына его Исаака. И Ездра укрощаетъ гнѣвъ Божій отверженіемъ женъ подобнаго рода (1 Ездр. 10). Пророкъ Малахія говоритъ также: «измѣнилъ Іуда и мерзость сдѣлалъ въ Израилѣ и въ Іерусалимѣ. Ибо осквернилъ святое Господа и возлюбилъ и поялъ дочь бога чуждаго. Потребить Господь мужа, который сдѣлаетъ это, учителя и ученика, отъ шатровъ Іакова; и приносящаго дары Господу силъ» (Малах. 2, 11—12). Это я сказалъ для того, чтобы сравнивающіе бракъ съ дѣвствомъ, знали покрайней мѣрѣ, что такіе браки ниже двоебрачія и троебрачія.

Къ вышеизложенному разсужденію, въ которомъ училъ, что вѣрующій супругъ не долженъ разлучаться съ невѣрующимъ, но оставаться въ бракѣ такъ, какъ застала ихъ вѣра и каждый безбрачный ли, или женившійся долженъ продолжать жить въ томъ состояніи, въ какомъ находился при крещеніи во Христа, непосредственно присоединяетъ притчи объ обрѣзанномъ и язычникѣ, рабѣ и свободномъ, и подъ метафорою этихъ притчей, разсуждаетъ о брачныхъ и небрачныхъ. *Въ обрѣзаніе ли кто призванъ бысть, да не вводитъ необрѣзанія; въ необрѣзаніи ли кто призванъ бысть, да не обрѣзуются. Обрѣзаніе ничтоже есть, и необрѣзаніе ничтоже есть, но соблюденіе заповѣдей Божіихъ. Кійждо въ званіи, въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ. Рабъ ли призванъ былъ еси да не*

нерадими: но аще и можемъ свободенъ быти, больше по-работи себѣ. Призванный бо о Господѣ рабъ, свободникъ Господень есть: такожде и призванный свободникъ, рабъ есть Христовъ. Цѣною куплены есте: не будете раби челоукомъ. Кійждо въ немже призванъ бысть, братіе, въ томъ да пребываетъ предъ Богомъ (1 Кор. 7, 18 и слѣд.). Такъ какъ нѣкоторые, думаю, будутъ оспаривать такое пониманіе, то можно спросить во первыхъ, какая послѣдовательность въ рѣчи апостола, когда, разсуждая о мужьяхъ и женахъ, вдругъ переходитъ къ сравненію іудея и язычника, раба и свободного и по окончаніи этого разсужденія опять возвращается къ двѣмъ говоря: *о двѣхъ же повелѣніяхъ Господня не имамъ* (1 Кор. 7, 25); что значитъ сопоставленіе іудея и язычника, раба и свободного среди разсужденій о бракѣ и дѣвствѣ? Во вторыхъ, какой можетъ быть смыслъ въ словахъ; *въ обрѣзаніи ли кто призванъ бысть*, да не вводитъ необрѣзанія (*non adducat праерітіумъ*)? Неужели однажды обрѣзавшій крайнюю плоть, можетъ, если захочетъ, опять принять ее? Потомъ въ какомъ смыслѣ можно объяснить слова: *призванный бо о Господѣ рабъ, свободникъ Господень есть; такожде и призванный свободникъ, рабъ есть Христовъ* (ст. 22)? Въ четвертыхъ, какимъ образомъ тотъ, который заповѣдалъ рабамъ повиноваться плотскимъ господамъ, теперь говоритъ: *не будете раби челоукомъ* (ст. 23)? Наконецъ, какъ могутъ относиться къ рабству или обрѣзанію слова: *кійждо въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ предъ Господемъ*? Это и противоположно предшествующей мысли. Ибо если мы слышали: *не будете раби челоукомъ*, то на какомъ основаніи можемъ оставаться въ томъ званіи, въ которомъ призваны, когда многіе увѣровали, имѣя плотскихъ господъ, повиноваться которымъ теперь имъ воспрещается? Далѣе въ отношеніи къ обрѣзанію что значитъ оставаться въ томъ же

званіи, въ которомъ призваны, когда въ другомъ мѣстѣ тотъ же апостоль восклицаетъ: *се азъ Павелъ многою вамъ, яко иже обрѣзаетея, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. 5, 2)? Итакъ остается принять, что обрѣзаніе и необрѣзаніе, рабъ и свободный должны быть приспособляемы къ смыслу сказаннаго выше и зависѣть отъ предъидущаго.

Въ обрѣзаніи ли кто призванъ бысть, да не вводитъ необрѣзанія. Если, говоритъ апостоль, въ то время когда ты былъ призванъ и увѣровалъ во Христа, ты былъ призванъ обрѣзаннымъ отъ жены и былъ безбрачнымъ, то не женись, то есть не вводи необрѣзанія, чтобы свободы обрѣзанія и цѣломудрія не обременять тяжестью брака. Также если кто призванъ въ необрѣзаніи, пусть не обрѣзывается. Ты имѣлъ, говоритъ, жену, когда увѣровалъ: не считай вѣру причиною раздора, потому что въ миръ призвалъ насъ Богъ. *Обрѣзаніе ничтоже есть и необрѣзаніе ничтоже есть, но соблюденіе заповѣдей Божиихъ*. Безъ дѣлъ нисколько не полезно безбрачіе и бракъ, когда даже вѣра, которая есть преимущественная добродѣтель христіанъ, если не будетъ имѣть дѣлъ, почитается мертвою; и на этомъ основаніи могли бы считаться въ числѣ святыхъ и дѣвственницы Весты и единомужницы Юноны. *Кійждо въ званіи, въ немъ же призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ*. Имѣлъ ли, или не имѣлъ жену, когда увѣровалъ, долженъ пребывать въ томъ состояніи, въ какомъ былъ призванъ. Этимъ онъ не столько побуждаетъ дѣвственниковъ вступать въ бракъ, сколько запрещаетъ разводы. И какъ имѣющимъ женъ не даетъ позволенія отпускать ихъ, такъ и дѣвственниковъ лишаетъ права вступать въ бракъ. *Рабъ ли призванъ былъ еси, да не нерадиши, но и аще и можеша свободенъ быти большае поработи себе*. Даже если имѣешь, говоритъ, жену, и связанъ съ нею, и воздаешь ей должное и не имѣешь власти надъ своимъ тѣломъ и (яснѣе сказать) если ты рабъ

жены, не печалься объ этомъ, не вздыхай о потерянномъ дѣвствѣ. Даже если можешь найти какія либо причины къ разводу, чтобы пользоваться свободою цѣломудрія, не ищи своего спасенія съ погнбелюю другаго. Подержи недолго жену: не предупреждай, если она медлитъ на пути, ожидай пока она идетъ съ тобою. Если терпѣливо перенесешь, супруга обратится въ сестру. *Призванный бо о Господь рабъ, свободникъ Господень есть; такожде и призванный свободникъ, рабъ есть Христовъ.* Представляетъ причины, почему не хочеть, чтобы оставляли женъ; для этого говорить: заповѣдаю, чтобы увѣровавшіе во Христа изъ язычества не оставляли супружества, въ которыя вступили прежде обращенія къ вѣрѣ, потому что тотъ, кто увѣровалъ имѣя жену, не обязывается такимъ служеніемъ Богу, какимъ дѣвственники и незамужнія, но нѣкоторымъ образомъ онъ болѣе свободенъ и для него ослабляется узда рабства, и тогда какъ онъ есть рабъ женѣ, онъ есть свободникъ Господа. Далѣе, тотъ, кто увѣровалъ не имѣя жены и призванъ Господомъ свободнымъ отъ рабства брака, тотъ истинно рабъ есть Христа. Какое блаженство—быть рабомъ не жены, а Христа, служить не плоти, а духу! *Прильпляйся Господеву единъ духъ есть съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17). И чтобы не показалось, что вышесказанными словами: *рабъ ли призванъ былъ еси, да не нерадшии, но и еще можеша свободенъ быти, больше поработи себе*—онъ ослабляетъ воздержаніе и передаетъ насъ въ рабство женамъ, онъ присовокупляетъ мысль, которая отстраняетъ всякую уловку: *цѣною куплены есте, не будите раби чловѣкомъ* Мы искуплены драгоценнѣйшею кровію Христа, закланъ за насъ Агнецъ, и окропленные теплѣйшею росою иссопа, мы очистили всякую скверну пагубной похоти. Мы, для которыхъ въ крещеніи умеръ Фараонъ и потоплено все его воинство, зачѣмъ мы опять хотимъ Египта и послѣ манны, пищи ангеловъ,

вздыхасмъ о чеснокъ и лукъ и дыняхъ и мясахъ Фаранскихъ?

Предпославъ разсужденіе о брачныхъ и воздерживающихся, переходитъ наконецъ къ дѣвственникамъ и говорить: *о двѣхъ же повелѣніяхъ Господня не имамъ: совѣтъ же даю, яко помилванъ отъ Господа впренъ быти. Мню убо сіе добро быти въ настоящую нужду, яко добро чловѣку тако быти* (1 Кор. 7, 25. 26). Здѣсь противникъ нашъ уживается полнымъ восторгомъ, этими словами, какъ бы самымъ сильнымъ тараномъ, потрясая стѣну дѣвства. «Вотъ, говоритъ, апостоль сознается, что о дѣвственникахъ онъ не имѣеть повелѣнія Господня и тотъ, который съ авторитетомъ повелѣвалъ относительно мужей и женъ, не дерзаетъ повелѣвать того, что Господь не заповѣдалъ. И справедливо. Ибо что повелѣвается, то поставляется въ обязанность, что поставляется въ обязанность, то необходимо должно исполняться, что необходимо должно исполняться, то влечетъ за собою наказаніе, если не исполняется, потому что напрасно повелѣвается то, что предоставляется произволу того, кому повелѣвается». Еслибы Господь повелѣлъ дѣвство, то казалось бы, что Онъ осуждаетъ бракъ и уничтожаетъ разсадникъ людей, изъ котораго рождается и самое дѣвство. Еслибы Онъ подсеѣкъ корень, то какъ сталъ бы требовать плодовъ? Еслибы напередъ не положилъ основанія, то какимъ образомъ построилъ бы зданіе и сверху положилъ бы кровлю, имѣющую покрыть все зданіе? Съ великимъ трудомъ землекопы прокапываютъ горы, проникаютъ почти въ преисподнюю земли, чтобы найти золото. И когда изъ самыхъ маленькихъ зеренъ сначала чрезъ сплавку въ горнѣ, а потомъ искусною рукою художника сдѣлано будетъ ожерелье, счастливымъ называется не тотъ, кто добылъ изъ грязи золото, а тотъ, кто пользуется красотою золота. Не удивляйся же, если среди плотскихъ возбужденій и порочныхъ страстей, отъ

насть не требуется, а только внушается памъ ангельская жизнь. Когда дастся повелѣніе, то здѣсь необходимость для исполняющаго. *Повелѣнія, говоритъ, Господня не имамъ, совѣтъ же даю, яко помилованъ отъ Господа.* Если не имѣешь повелѣнія Господня, то какъ осмѣливаешься давать совѣтъ, о которомъ не имѣешь приказанія? Апостоль отвѣтитъ мнѣ: какъ ты хочешь, чтобы я повелѣлъ то, что Господь болѣе предложилъ, чѣмъ заповѣдалъ? Онъ, творецъ и скудельникъ, зная брѣнность сдѣланнаго имъ сосуда, дѣвство предоставилъ власти слушающаго, а я, учитель языковъ, который былъ всѣмъ вся да всѣхъ приобрящу, какъ я тотчасъ, въ самомъ началѣ наложу бремя всегдашняго дѣвства на выи вѣрующихъ? Пусть они узнаютъ сначала праздникъ брака, пусть нѣкоторое время поживутъ безъ молитвы, чтобы, получивши вкусъ къ цѣломудрію, пожелали всегда имѣть то, чѣмъ наслаждались только отчасти. Господь, искушаемый фарисеями—можно ли по закону Моисееву отпускать женъ, совершенно запретилъ это. Размышляя объ этомъ, ученики Его сказали Ему: *аще тако есть вина чловѣку съ женою, лучше есть не жениться.* Онъ же рече имъ: *не си вѣщяютъ словесе сего, но имже дано есть.* Суть бо скопцы, иже изъ чрева матерня родихася тако: и суть скопцы, иже скопихася отъ челоукъ: и суть скопцы, иже испизмиа сами себе царствія ради небеснаго. *Могій вѣмъстити, да вѣмъститъ* (Матѣ. 19, 10 и слѣд.). Ясно, почему апостоль сазалъ: *о двѣахъ же повелѣнія Господня не имамъ,*—безъ сомнѣнія потому, что Господь прежде сазалъ: *не си вѣщяютъ словесе сего, но имже дано есть и могій вѣмъстити да вѣмъститъ.* Ἀγωνοζότης (подвигоположникъ) предлагаетъ призъ, побуждаетъ къ подвигу, держитъ въ рукѣ награду дѣвства, указываетъ на чистѣйшій источникъ и говоритъ: *жиждяй да грядетъ ко мнѣ и да пѣетъ Могій вѣмъстити да вѣмъститъ.* Не говоритъ: хо-

тите ли, не хотите ли, вы должны пить и подвизаться, но кто, говорить, захочет и кто сможет подвизаться и испить, тот побѣдитъ, тотъ насытится. И потому-го Господь и любить болѣе дѣвственниковъ, что они добровольно исполняютъ то, что имъ не было повелѣно. Исполнять то, къ чему не обязываешься, это заслуга выше, чѣмъ дѣлать то, что отъ тебя требуется. Апостолы, понимая бремя супружества, говорятъ: *еще тако есть вина человеку съ женою, лучше есть не жениться*. Одобряя ихъ мысль, Господь говорить: правда, неудобно человекъ стремящемуся къ царству небесному жениться, но это дѣло трудное и не всѣ вмѣщаютъ это слово, а тѣ, которымъ дано. Однихъ сдѣлала евнухами природа, другихъ людское насиліе. Мнѣ угодны тѣ евнухи, которыхъ оскотила не необходимость, а свободная воля. Охотно принимаю Я въ лоно Мое тѣхъ, кои оскотили себя царствія ради небеснаго и ради служенія Мнѣ не хотѣли быть тѣмъ, чѣмъ рождены. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на мысль: *уже исказиша сами себе царствія ради небеснаго*. Если оскотившіеся получаютъ въ возмездіе царствіе небесное, то слѣдовательно неоскотившіеся не могутъ получить мѣста съ оскотившимися. *Могій, говорить, вмѣстити, да вмѣститъ*. Дѣло великой вѣры и великаго подвига быть чистѣйшимъ храмомъ Божиимъ, всего себя принести во всесожженіе Господу, и, по слову того же апостола, быть святымъ и тѣломъ и духомъ. Таковы именно евнухи, которые, по причинѣ неплодства считая себя деревомъ сухимъ, слышать отъ Исаи (56, 4. 5), что вмѣсто сыновей и дочерей они имѣютъ уготованное мѣсто на небесахъ. Первообразомъ ихъ служить Абдемелехъ—евнухъ у Іереміи (гл. 28) и тотъ евнухъ царицы Кандакіи въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, который за силу вѣры получилъ наименованіе мужа. Къ нимъ и Климентъ—преемникъ апостола Петра, о которомъ упоминаетъ апостолъ Павелъ—пишетъ посланія, въ которыхъ

всю почти рѣчь свою составилъ о чистотѣ дѣвства. Таковы были наконецъ, какъ легко видѣть изъ ихъ собственныхъ писаній, и многіе апостольскіе мужи и мученики, мужи славные какъ святостію, такъ и краснорѣчіемъ. *Мню убо сіе добро быти за настоящую нужду* (1 Кор. 7, 26). Какая это нужда, которая, разрушая брачный союзъ, требуетъ свободы дѣвства? *Горе непраднымъ и доющимъ въ тѣ дни* (Матѣ. 24, 15; Марк. 13, 14; Лук. 21, 23). Здѣсь осуждаются не блудъ, не распутство, объ осужденіи которыхъ нѣтъ никакого сомнѣнія, а зачатіе во чревѣ, дѣтскій плачь, плоды и дѣла брака. *Яко добро чловѣку тако быти* (1 Кор. 7, 26). Если добро чловѣку быть такъ, то слѣдовательно худо чловѣку не быть такъ. *Привязался ли еси женѣ, не ищи разрѣшенія, отрѣшился ли еси жены, не ищи жены*. Каждый изъ насъ имѣетъ свои права: дай мнѣ мое, и владѣй своимъ. Если привязался къ женѣ, не давай ей развода. Если я отрѣшенъ отъ жены, я не долженъ искать жены. Какъ я не расторгаю браковъ, если они однажды связаны, такъ и ты не связывай того, что разрѣшено. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на значеніе словъ. Имѣющій жену называется должникомъ, необрѣзаннымъ, рабомъ жены и, что свойственно худымъ рабамъ, — *связаннымъ*. А живущій безъ жены во первыхъ не должникъ никому, потомъ обрѣзанный, въ третьихъ свободный, наконецъ разрѣшенный.

Пробѣжимъ остальное, потому что и объемъ книги не позволяетъ намъ слишкомъ долго останавливаться на частностяхъ. *Аще ли же и оженнишия, не согрѣшиль еси*. Иное дѣло не грѣшить, и иное дѣло дѣлать добро. *И аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила естъ*. Не та дѣва, которая однажды посвятила себя на служеніе Богу, ибо, если которая либо изъ нихъ выйдетъ замужъ, то будетъ осуждена, потому что оставила первую вѣру. А если онъ вообразить,

что это сказано о вдовахъ, то тѣмъ болѣе это будетъ имѣть силу въ отношеніи къ дѣвамъ, когда это не позволено даже тѣмъ, коимъ нѣкогда было позволено. Ибо дѣвы, которыя вышли замужъ послѣ посвященія, не столько прелюбодѣйки, сколько кровосмѣсницы. И чтобы не показалось, что словами: *и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть* онъ опять призываетъ безбрачныхъ къ браку, тотчасъ сдерживаетъ себя и внося нѣчто иное ослабляетъ то, что допустилъ, говоря: *скорбь же плоти имѣти будутъ таковыи*. Кто это будетъ имѣть скорбь плоти? Тѣ, которымъ выше онъ сдѣлалъ снисхожденіе: *аще оженишися, не согрѣшилъ еси; и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть: скорбь же плоти имѣти будутъ таковыи*. Мы, незнакомые съ этими вещами, думали, что бракъ имѣетъ покрайней мѣрѣ радость для плоти. А если для брачныхъ скорбь даже въ плоти, въ которой одной имѣютъ они, повидимому, наслажденіе, то что же остается, изъ-за чего бы можно жениться, когда и въ духѣ, и въ душѣ, и въ самой плоти брачующихся скорбь? *Азъ же вы щажу*. Такъ, говорить, я не выставляю предъ вами скорби плоти, какъ будто нѣтъ болѣе важныхъ побужденій, по которымъ вы не должны вступать въ бракъ. *Сіе же глаголю, братіе, яко время прекращено есть прочее, да имущія жены якоже немущии будутъ*. Уже не разсуждаю о дѣвственникахъ, о которыхъ нѣтъ сомнѣнія, что онѣ блаженны. Перехожу къ брачнымъ. Время кратко, Господь близъ есть. Еслибы мы жили и девятьсотъ лѣтъ, какъ древніе люди, тѣмъ не менѣе слѣдовало бы считать краткимъ то, что когда нибудь должно окончиться и прекратить существованіе. А теперь, когда такъ коротки не столько радость, сколько скорбь брака, зачѣмъ мы беремъ женъ, которыхъ скоро принуждены будемъ оставить? *И плачущиися, говорить, якоже не плачущии, и радующиися якоже нерадующеся, и купующии, яко не содержаще, и*

требующіи міра сего яко не требующе: преходитъ бо образъ міра сего (1 Кор. 7, 30). Если преходитъ міръ, въ которомъ все заключается, то преходятъ, какъ облака, и образъ и жизнь міра сего, а между прочими отношеніями міра преидеть и бракъ. Ибо по воскресеніи не будетъ супружествъ. А если смерть есть предѣлъ брака, то почему же нужду мы не обращаемъ въ свободное желаніе, отчего въ надеждѣ воздаяній не принесемъ Богу того, что противъ воли будетъ отнято у насъ? *Не женивъйся печется о Господнихъ, како угодити жень*, и раздѣлился. Посмотримъ на попеченія дѣвственника и на ихъ различіе отъ заботъ мужа. Дѣвственникъ стремится угодить Господу, мужъ—женѣ, и чтобы угодить женѣ, заботится о мірскомъ, что безъ сомнѣнія преидеть съ міромъ; «и раздѣлился», т. е. развлекся на многія части заботъ и печалей. Здѣсь не мѣсто описывать неприятели брака и какъ бы въ общихъ мѣстахъ щеголять риторическою рѣчью. Думаю, очень подробно разработанъ этотъ предметъ въ книгѣ противъ Елвидія и въ книгѣ, написанной мною къ Евстохію. И Тертуліанъ, когда еще былъ юношею, забавлялся этою матеріею; и учитель мой Григорій Назіанзенъ въ греческихъ стихахъ изложилъ это, разсуждая о дѣвствѣ и бракѣ. Теперь кратко я указываю на то, что въ латинскихъ кодексахъ это мѣсто читается такъ: «раздѣлилась дѣва и жена». Это чтеніе хотя имѣетъ свой смыслъ и даже мною, по свойству мѣста, изъяснено было въ такомъ смыслѣ, но это чтеніе не подлинное апостольское. Апостоль такъ написалъ, какъ мы привели выше: «печется о мірскомъ какъ угодить женѣ, и раздѣлился» и окончивъ эту мысль переходитъ къ дѣвственникамъ и воздерживающимся и говоритъ: «жена не посягнувшая и дѣва печется о Господнемъ, чтобы быть святою и тѣломъ и духомъ». Не всякая безбрачная есть и дѣва, а дѣва конечно есть и безбрачная. Или для красоты рѣчи

онъ хотѣлъ выразить это другими словами: *жена непосягнувшая и дѣва*, или этими словами хотѣлъ опредѣлить, что такое непосягнувшая, чтобы мы не считали непосягнувшими блудницъ, не соединенныхъ ни съ кѣмъ брачнымъ союзомъ. Итакъ о чемъ же печется непосягнувшая и дѣва? *О Господнихъ, какъ угодити Господеву, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ*. Еслибы и ничего не было другаго, еслибы дѣвственница не получила болѣе никакой награды, для нея было бы довольно одного этого предпочтенія—помышлять о Господнемъ. И сейчасъ же показываетъ, какое это помышленіе: *да будетъ свята и тѣломъ и духомъ*. Потому что нѣкоторыя хотя и дѣвственны тѣломъ, но не духомъ, такъ какъ у нихъ хотя чисто тѣло, но растлѣнна душа. Но жертва Христу есть то дѣвство, которое не осквернено ни помышленіемъ ума, ни похотью плоти. Напротивъ замужняя помышляетъ о мірскомъ, какъ угодить мужу. Какъ женившійся печется о мірскомъ, какъ угодить женѣ, такъ и замужняя помышляетъ о дѣлахъ міра, какъ угодить мужу. А мы не отъ міра сего, который во злѣ лежитъ, образъ котораго переходитъ и о которомъ говорится апостоламъ: *еще отъ міра быте были, міръ убо свое любилъ бы* (Іоан. 15, 19). И чтобы нельзя было думать, что онъ противъ воли налагаетъ весьма тяжкое бремя цѣломудрія, тотчасъ присовокупляетъ причины своего увѣщанія и говоритъ: *се же на пользу вамъ глаголю: не да сило вамъ наложу*, «но чтобы побудить васъ къ тому, что честно и даетъ служить Господу со тщаніемъ, безъ всякаго развлеченія» ¹⁾. Латинскій языкъ не выражаетъ особенностей греческихъ словъ, потому что какими словами могъ бы кто либо перевести: *πρὸς τὸ ἐπισημεῖν καὶ εὐπρόσδερον τῷ Κυρίῳ ἀπερισπάσ-*

¹⁾ Въ этомъ, какъ и въ предшествующихъ стихахъ переводъ Иеронима отличается отъ славянскаго.

τως? Поэтому въ латинскихъ кодексахъ, по трудности перевода, этихъ словъ почти нѣтъ. Итакъ будемъ пользоваться тѣмъ, что мы перевели. Апостолъ не налагаетъ на насъ петли, не принуждаетъ къ тому, чего мы не хотимъ, а увѣщеваетъ къ тому, что честно и хорошо и способствуетъ со тщаніемъ служить Господу, всегда заботиться объ этомъ и въ готовности ожидать воли Божіей, чтобы что повелить Онъ, подобно проворному и вооруженному воину, тотчасъ исполнять приказанное и дѣлать это безъ всякаго развлеченія, отстраняя все, что дано, по Екклезіасту, людямъ міра сего, чтобы они отвлекались этимъ. А если кто замѣчаетъ, что его дѣва, то есть плоть, похотствуетъ и разжигается въ пожеланіи, и не можетъ обуздать себя, то ему належитъ двойная нужда—или поять жену или пасть: онъ можетъ дѣлать, что хочетъ; не грѣшить, если женится, но, говорить, онъ дѣлаетъ этимъ то, что хочетъ, а не то, что долженъ. Не грѣшить, если женится, однако не хорошо дѣлаетъ, если женится. *А иже стоитъ твердо сердцемъ, не илмый нужды, власть же иматъ о своей воли и се разсудилъ есть въ сердцѣ своемъ, блюсти дѣву свою, добръ творитъ. Тъмже и вдаляй браку свою дѣву, добръ творитъ, и невдаляй лучше творитъ* (1 Кор. 7, 37. 38). Выразительно и точно сказалъ выше: «кто женится, не грѣшить»; здѣсь говоритъ: »кто соблюдаетъ дѣву свою, добро творитъ». *Уклонися*, говоритъ Писаніе, *отъ зла, и сотвори благо* (Псал. 36, 27). Въ томъ случаѣ уклоняемся, въ этомъ слѣдуемъ; въ одномъ начинаніе, въ другомъ совершенство. Но чтобы на основаніи словъ его: *вдаляй браку свою дѣву добро творитъ* кто либо не подумалъ, что наше замѣчаніе несостоятельно, онъ тотчасъ ослабляетъ это благо и затемняетъ его сравненіемъ съ лучшимъ и говоритъ: *и невдаляй лучше творитъ*. Еслибы не имѣлъ присовокупить *лучше творитъ*, никогда не предпослалъ бы: *добръ творитъ*. А

гдѣ есть хорошее и лучшее, тамъ не одинаковая награда за хорошее и лучшее, а гдѣ не одинакова награда, тамъ безъ сомнѣнія и дары различны. Итакъ между бракомъ и дѣвствомъ такое различіе, какъ между негрѣшить и дѣлать добро, или, чтобы сказать мягче, между хорошимъ и лучшимъ.

Окончивъ разсужденіе о бракѣ и дѣвствѣ съ осторожнымъ ограниченіемъ повелѣній относительно того и другаго, чтобы не уклониться ни на лѣво, ни на право, а идти царскимъ путемъ и исполнить оное: *не буди правдивъ вельми* (Елкл. 7, 17),—опять сравниваетъ единобрачіе съ двоебрачіемъ, и какъ бракъ подчинялъ дѣвству, такъ второбрачіе подчиняетъ единобрачію и говоритъ: *жена привязана есть закономъ въ елико время живетъ мужъ ея: аще же умретъ мужъ ея, свободна есть, за негоже хоцетъ, посягнута: точію о Господѣ. Блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ по моему совѣту: мною бо и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор. 7, 39—40). Дозволяетъ второй бракъ, но—желающимъ, но тѣмъ, которыя не могутъ воздержаться, чтобы облагодатствованныя во Христѣ не желали замужества, при которомъ будутъ имѣть осужденіе какъ оставшія первую вѣру; и допускаетъ это потому, что многія соvertsались въ слѣдъ сатаны (1 Тим. 5, 15). Впрочемъ, говоритъ, онѣ будутъ болѣе блаженными, если пребудутъ *такъ, по моему совѣту*. Далѣе, чтобы авторитетъ апостола, какъ человѣка, не казался незначительнымъ, присовокупилъ: *мною бо и азъ Духа Божія имѣти*. Когда призываетъ къ воздержанію, тамъ совѣтъ не человѣка, а Духа Божія, а когда снисходитъ на дозволеніе брака, то не называетъ Духа Божія, а взвѣшиваетъ совѣтъ благоразумія, каждому дѣлая снисхожденіе настолько, насколько каждый можетъ снести. Въ такомъ смыслѣ должно принимать все оныя мѣста: *мужатыя жена живу мужу привязана есть закономъ; аще ли же умретъ мужъ ея, разръшися отъ закона мужс-*

скаго Тѣмже убо живу мужу прелюбодѣйца бываетъ, аще будетъ мужези мному: аще ли умретъ мужъ ея свободна есть отъ закона не быти ей прелюбодѣйца, бывшей мужу мному (Рим. 7, 2—4) и это мѣсто къ Тимошею: *хошу убо юнымъ вдовицамъ послѣгати, чада раждати, домъ строити, ни едины же вины даяти противному хулы ради. Се бо нѣкія развратитася въ слѣдъ ситилы* (1 Тим, 5, 14. 16, и прочія, подобныя этимъ, мѣста. Ибо какъ двѣамъ изъ опасенія блудодѣянія дозволяетъ бракъ и извиняетъ то, что само въ себѣ не требуется, такъ для избѣжанія того же блуда дозволяетъ вдовамъ второй бракъ. Потому что лучше хотя другаго и третьяго, но одного мужа знать, чѣмъ многихъ, т. е. сноснѣе быть блудницею для одного человѣка, чѣмъ для многихъ. Поэтому-то и оная самарянка, въ Евангеліи Іоанна, сказавшая, что она имѣетъ шестаго мужа, обличается Господомъ, что этотъ не есть мужъ ея. Гдѣ есть число мужей, тамъ нѣтъ уже мужа, который собственно есть одинъ. Отъ начала одно ребро превращено въ одну жену. *И будета.* говорить, *два въ плоть едину* (Быт. 2, 24); не три, не четыре; иначе уже не два, если многіе. Первый Ламехъ кровавый и человѣкоубійца одну плоть раздѣлилъ на двѣ жены, и братоубійство и двоебрачіе омылъ однимъ и тѣмъ же наказаніемъ потопа. За одно отмщено въ семь разъ, за другое въ семьдесятъ семь. Насколько разницы въ числѣ, настолько и въ преступленіи. Какъ свято двоебрачіе видно изъ того, что двоебрачный не можетъ быть избранъ въ клиръ, и поэтому апостоль говоритъ въ посланіи къ Тимошею: *вдовица да причитается не менши лѣтъ шестидесятихъ, бывши единому мужу жена* (1 Тим. 5, 9). Здѣсь все наставленіе касается тѣхъ вдовицъ, которыя питаются милостынями церкви, и поэтому предписывается возрастъ, чтобы тѣ только пользовались содержаніемъ бѣдныхъ, кои не могутъ уже трудиться. Въмѣстѣ

съ этимъ замѣтъ, что имѣвшая двоихъ мужей, хотя бы она была престарѣлая и немощная и бѣдная, не удостоивается получать содержаніе отъ церкви. А если у ней отнимается хлѣбъ милостыни, то не тѣмъ ли болѣе тотъ хлѣбъ, который сходить съ небеси, недостойно вкушающій котораго будетъ повиненъ въ неуваженіи тѣла и крови Господней?

Эти вышеизложенныя свидѣтельства, въ которыхъ вдовамъ дозволяется, если захотятъ, вступать въ бракъ, нѣкоторые объясняютъ въ отношеніи къ тѣмъ вдовамъ, которыхъ, по смерти мужей, застало такими обращеніе къ вѣрѣ Христовой. Ибо было бы и непослѣдовательно, еслибы апостолъ повелѣвалъ послѣ крещенія, въ случаѣ смерти мужа, выходить за другаго, когда онъ и имѣющимъ женъ заповѣдалъ, чтобы они были какъ неимѣющіе,—и поэтому допускалъ бы неопредѣленное число женъ, потому что послѣ крещенія во Христа, если даже будетъ и третья, и четвертая жена—онѣ должны считаться какъ и первая. Иначе если послѣ крещенія, по смерти перваго, берется второй мужъ, то почему же по смерти втораго, и третьяго, и четвертаго, и пятаго не имѣть шестаго и дальнѣйшихъ? Потому что можетъ случиться, что по какому либо несчастію или по суду Бога, допускающаго повтореніе брака, молодая женщина выйдетъ за многихъ мужей, а пожилая и послѣ одного мужа овдовѣтъ въ глубокой старости. Первый Адамъ единобрачный, второй—безбрачный. Одобряющіе двоебрачіе должны представить третьяго Адама, которому бы они могли слѣдовать. Но допустимъ, что Павелъ дозволилъ второй бракъ: по тому же основанію онъ дозволяетъ и третій, и четвертый и сколько бы разъ ни умиралъ мужъ. Апостолъ вынужденъ хотѣть многого, чего онъ не хочетъ. Онъ обрѣзалъ Тимоѳея, самъ обстригъ свою лысую голову, совершилъ жертвоприношеніе съ босыми ногами, отпустилъ волосы и обрѣзалъ въ Кенхреяхъ. А между тѣмъ порицалъ Галатійцевъ и упре-

каль Петра за то, что онъ отдѣлялъ его отъ язычниковъ по причинѣ исполненія обрядовъ іудейскихъ. Такимъ образомъ какъ въ другихъ церковныхъ порядкахъ онъ былъ для іудеевъ іудей, для язычниковъ язычникъ, чтобы пріобрѣсти всѣхъ: такъ и двоебрачіе дозволилъ невоздержнымъ и не опредѣлилъ число браковъ, чтобы жены, видя, что послѣ смерти мужа, второй бракъ дозволяется имъ въ такомъ смыслѣ какъ и третій, и четвертый, стыдились выходить замужъ въ другой разъ, чтобы не сравняться съ троебрачными и четверобрачными. Потому что когда выступаютъ изъ единственнаго числа, то нѣтъ различія, второй ли это или третій бракъ, поелику вступившій въ этотъ бракъ перестаетъ быть единобрачнымъ. *Вся ми мѣтъ суть, но не вся на пользу* (1 Кор. 6, 12; 10, 23). Не осуждаю двоебрачныхъ, даже и троебрачныхъ, и, если можно сказать, и осьмибрачныхъ: даже скажу больше, принимаю и блудника кающагося. Что равно позволительно, то должно быть и взвѣшиваемо одними вѣсами.

Но поелику онъ тянетъ насъ къ ветхому завѣту и начиная съ Адама доходить до Захарія и Елисаветы и потомъ противопоставляетъ намъ Петра и прочихъ апостоловъ, то и мы должны пробѣжать по тѣмъ же слѣдамъ спорныхъ пунктовъ и показать, что цѣломудріе всегда предпочиталось браку. Объ Адамѣ и Евѣ должно сказать, что до преступленія въ рай они были дѣвственниками, а бракъ уже послѣ грѣха и виѣ рая. Потомъ слѣдуетъ присовокупить, что слова: *сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать и прильпится къ женѣ своей и будутъ два въ плоть одну*—апостоль объясняетъ присовокупляя: *тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и во церковь* (Еф. 5, 31. 32). Христосъ по плоти дѣвственникъ, по духу единобрачный, ибо одну имѣетъ церковь, о которой тотъ же апостоль сказалъ: *мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ цер-*

ковъ (Еф. 5, 26; Колос. 3, 19). Если Христосъ любитъ церковь свято, цѣломудренно, безъ всякаго порока; то и мужья должны любить женъ своихъ въ цѣломудрії и каждый долженъ умѣть владѣть своимъ сосудомъ въ святости и чести, а не въ разженіи похоти, какъ язычники невѣдущіе Бога: *не призва бо насъ Богъ въ нечистоту, но въ святость* (1 Сол. 4, 7), *сволекшеся ветхаго челоуѣка съ дѣянми его, и облекшеся въ новаго, обновляемаго въ разумъ по образу создавшаго его: идѣже нѣсть еллинъ, ни іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и скивъ, рабъ и свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Колос. 3. 9—11). Образъ Творца не имѣетъ союза брачнаго. Когда уничтожается различіе пола и мы совлекаемся ветхаго челоуѣка и облекаемся въ новаго, тогда возраждаемся во Христа—дѣвственника, который и рожденъ дѣвственникомъ и возрожденъ чрезъ дѣвственницу. А что говорится: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 28), то необходимо было сначала насадить и возрастить лѣсъ, чтобы было что впослѣдствіи порубить. Вмѣстѣ съ этимъ нужно обратить вниманіе и на силу слова—*наполните землю*. Бракъ наполняетъ землю, дѣвство—рай. Но и по еврейскому подлиннику и то слѣдуетъ замѣтить, что тогда какъ Писаніе въ первый, третій, четвертый, пятый и шестой день, по исполненіи дѣлъ каждаго изъ этихъ дней, говоритъ: *и видѣ Богъ яко добро*—во второй день этихъ словъ не прибавляетъ, предоставляя намъ разумѣть, что двойственное число не есть добро, потому что оно отдѣляется отъ единства и предъизображаетъ брачный союзъ. Поэтому и въ ковчегѣ Ноевомъ всѣ животныя вошедшія по парѣ суть нечистыя (Быт. гл. 7 и 8), а нечетное число чисто. Въ двойственномъ числѣ открывается и другая тайна—что двоебрачіе не одобряется и въ звѣряхъ и въ нечистыхъ птицахъ, потому что нечистыя входятъ по парѣ, а по семи паръ входятъ чистыя для того, чтобы Ной

послѣ потопа имѣлъ что тотчасъ же принести Богу изъ этого неравнаго числа.

А если прелагается Енохъ и сохраняется въ потопѣ Ной, то я думаю, что Енохъ не потому былъ преложень, что имѣлъ жену, а потому, что онъ первый призвалъ Господа и увѣровалъ во Спасителя, о чемъ весьма подробно учитъ апостоль Павелъ въ посланіи къ Евреямъ. Далѣе Ной, который сохранялся какъ бы второй корень для рода человѣческаго, конечно долженъ былъ быть сохраненъ съ женою и сыновьями. Впрочемъ въ этомъ есть тайна Писаній. Ковчегъ тотъ, по словамъ апостола Петра, былъ образомъ церкви, въ которой спаслись восемь душъ. Когда входитъ въ него Ной, то какъ онъ самъ, такъ и сыновья его разлучаются съ женами, а когда выходитъ на землю, то пары соединяются, и что въ ковчегѣ, т. е. въ церкви, было разлучено, то соединяется въ жизни міра. вмѣстѣ съ тѣмъ, если ковчегъ имѣлъ много отдѣленій и камеръ съ двумя и тремя ярусами, имѣлъ различныхъ звѣрей и по различію животныхъ и помѣщенія или большія или меньшія, то думаю, что это разнообразіе помѣщеній предъизображало разнообразіе церкви.

А что онъ возражаетъ намъ, что при второмъ благословеніи Божиемъ намъ дано позволеніе ѣсть мяса, котораго позволенія не было дано при первомъ, то пусть онъ знаетъ, что какъ разводъ, по слову Спасителя, сначала не давался, а дозволенъ былъ чрезъ Моисея роду человѣческому по жестокосердію нашему, такъ и яденіе мясъ до потопа не было извѣстно. А послѣ потопа для зубовъ нашихъ даны твердыя жилы и ядовитые соки мясъ—подобно тому какъ были даны перепелки роптавшему народу въ пустынь. Апостоль въ посланіи къ Ефесеямъ учитъ, что Богъ въ исполненіи времени положилъ возстановить все и возвести къ началу во Христѣ Иисусѣ все, что на небѣ и на землѣ. Поэтому и самъ

Спаситель въ Апокалипсисѣ Іоанна говорить: *азъ есмь ѡ и ѱ, начало и конецъ* (Апок. 1, 18; 22, 13). Отъ начала созданія человѣческаго мы ни мясами не питались, ни развода не давали, ни крайнюю плоть не обрѣзывали образно. Этимъ путемъ достигли мы до потопа. А послѣ потопа, когда данъ былъ законъ, котораго никто не могъ исполнить, даны намъ мяса для питанія, для жестокосердія нашего дозволены разводы и введенъ ножъ обрѣзанія, какъ будто рука Божія сотворила въ насъ болѣе, чѣмъ сколько нужно. А послѣ того какъ пришелъ Христосъ въ концѣ временъ, то и возвелъ и ѱ къ ѡ и конецъ привелъ къ началу: и разводъ давать намъ не позволяется, и не обрѣзываемся мы, и мяса не ѣдимъ, по слову апостола: *добро не ясти мясо, ниже пити вина* (Рим, 14, 21), ибо и вино вмѣстѣ съ мясомъ освящено послѣ потопа.

Что сказать объ Авраамѣ, какъ самъ онъ говорить троебрачномъ, который въ обрѣзаніи принялъ знаменіе вѣры? Если мы подражаемъ числу его женъ, то должны подражать и обрѣзанію, потому что нельзя отчасти подражать ему, а отчасти осуждать его. Далѣе Исаакъ—мужъ одной Ревекки, предъизображаетъ церковь Христову и осуждаетъ сладострастіе двоебрачія. А если Іаковъ имѣлъ двѣ пары женъ и наложницъ и противникъ нашъ не хочетъ успокоиваться на томъ, что больная глазами, некрасивая и плодовитая Лія предначертала образъ синагоги, а красивая и долго неплодная Рахиль представила тайну церкви,—то пусть онъ знаетъ, что Іаковъ сдѣлалъ это въ то время, когда былъ между ассиріянами и служилъ въ Месопотаміи весьма грубому господину Лавану. А когда онъ пожелалъ войти въ святую землю и на горѣ Галаадъ, гдѣ владѣтель Месопотаміи ничего не нашелъ въ сундукахъ его, поставилъ холмъ свидѣтельства, клянясь, что онъ никогда не возвратится на мѣсто, въ которомъ рабствовалъ, и при потокѣ Ябохъ поборовшись съ

ангеломъ, началъ хромать и плату чѣурон (т. е. жила бедра) его ослабѣла, то тотчасъ получилъ имя Израиля, а та нѣкогда возлюбленная супруга, за которую онъ работалъ, около Виелеема, въ которомъ имѣлъ родиться проповѣдникъ дѣвства Господь, отъ сына печали (т. е. Веніаміана) получаетъ смерть (Быт. 35, 18), и Месопотамскія связи умираютъ въ евангельскомъ городѣ.

Но удивляюсь, зачѣмъ онъ представилъ намъ въ примѣръ Іуду и Тамарь, если только онъ не улаживаетъ блудницами, и Авнана, умерщвленнаго за то, что не хотѣлъ сѣмени брату, какъ будто мы одобряли какое бы то ни было проліаніе сѣмени безъ произведенія дѣтей. Относительно Моисея очевидно, что онъ подвергся бы несчастію въ гостинницѣ, если бы *Сенфора*, что значитъ *птица*, не обрѣзала сына, и крайнюю плоть брака не отсѣкла бы ножемъ евангельскимъ. Это тотъ конечно Моисей, который, увидѣвши великое видѣніе и ангела или Господа, говорящаго въ кущинѣ, не могъ приступить къ нему, какъ только разрѣшивъ ремни своей обуви и сбросивъ узы брака. И это неудивительно въ отношеніи къ другу, пророку и законодателю Божію, когда весь народъ, имѣя приступить къ горѣ Синаю и слышать глаголь Божій, получилъ повелѣніе въ теченіе трехъ дней очиститься и воздержаться отъ женъ. Знаемъ, что тоже самое (хотя я позволяю себѣ безвзяно перемѣшивать порядокъ исторіи) сказано священникомъ Ахимелехомъ бѣжавшему Давиду: *еще сохранени суть отроцы отъ жены*, — и онъ отвѣчалъ: *отъ женъ воздержаломся вечера и третьяго дне* (1 Цар. 21, 4). Ибо хлѣбы предложенія, какъ тѣло Христово, не могли вкушать вставшіе съ женскихъ ложъ. И намъ мимоходомъ должно обратить вниманіе на то, что сказалъ: *еще сохранени суть отроцы отъ жены*, то есть, что предъ чистотою тѣла Христова всякое соединеніе нечисто. И въ законѣ повелѣвается, чтобы первосвященникъ женился только

на дѣвицѣ, и не бралъ вдовы (Лев. 21). Если одинаково достоинство дѣвицы и вдовы, то почему одна беретя, а другая отвергается? И вдовѣ священника повелѣвается сидѣть въ домѣ отца своего и не знать втораго брака. Если умираетъ сестра священника дѣвица, то ему повелѣвается при погребеніи ея поступать также, какъ при погребеніи отца и матери, а если она замужня, то оставляется въ пренебреженіи какъ чужая. Появшему жену и насадившему виноградникъ какъ поколѣніе дѣтей, запрещается выходить на войну (Втор. 20), ибо не можетъ служить воинству Господню рабъ жены. И съ зеркаль женщинъ постницъ, какъ бы съ чистѣйшихъ тѣлъ дѣвственницъ, въ скинии сливаются нечистоты; а внутри во святилищѣ помѣщаются какъ херувимы, такъ и очитилище, и ковчегъ завѣта, и трапеза предложенія, и свѣтильникъ, и кадилаица изъ чистѣйшаго золота, ибо и во Святое Святыхъ не могло допускаться серебро.

Зачѣмъ я останавливаюсь на Моисеѣ, когда, при бѣглой и скорой диктовкѣ, я намѣренъ лишь кратко коснуться частныхъ и набросать только легкій очеркъ для пониманія? Перейду къ Іисусу сыну Наве, который прежде назывался *Авсе*, или, какъ правильнѣе стоитъ въ еврейскомъ, *Озее*, т. е. *спаситель*, ибо онъ, по посланію Іуды, спасъ и вывелъ народъ израильскій изъ Египта и ввелъ въ землю обѣтованія. Лишь только этотъ Іисусъ пришелъ къ Іордану, воды брака, всегда текшія въ Законѣ, иссохли и стали, и весь народъ перешелъ сухими и босыми ногами и пришелъ въ Галгалы, и тамъ былъ обрѣзанъ во второй разъ. Если это мы принимаемъ буквально, то оно совершенно не имѣетъ смысла. Ибо тогда только имѣло бы мѣсто дѣйствительно второе обрѣзаніе, еслибы мы принимали обрѣзаніе во второй разъ, еслибы отрѣзанная кожица выросла снова. А теперь этимъ обозначается, что Іисусъ, прошедшій чрезъ пустыню, народъ обрѣзалъ ножемъ Евангелія и обрѣзалъ ножемъ камен-

нымъ, такъ что то, что предъизображалось прежде въ Моисеѣ—дитяти относительно немногихъ, при Иисусѣ исполнилось на всѣхъ. Но и самыя обрѣзанныя части, собранныя въ одну кучу и зарытыя и засыпанныя землею, и отнятое поношеніе египетское, и названіе мѣста Галгалы, что значитъ *откровеніе*,—показываютъ, что пока народъ въ необрѣзаніи ходилъ по пустынь, глаза его были ослѣплены. Посмотримъ и на послѣдующее. Послѣ евангельскаго обрѣзанія и посвященія двѣнадцати камней на мѣстѣ откровенія, тотчасъ празднуется пасха, закалается имъ агнецъ и они питаются произведеніями Святой Земли. Выходитъ Иисусъ, встрѣчается ему Князь силы держащій мечъ, т. е. или показывающій, что онъ ратуетъ за народъ обрѣзанный, или разсѣкающій узы брака. И подобно тому какъ было повелѣно Моисею, повелѣвается и ему: *иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ, мѣсто бо, на немъ же ты стоиши, земля свята есть* (Исх. 3, 5). Воинство Господа было такъ вооружено трубами священническими, что палъ Іерихонъ — въ образъ того, какъ при проповѣди Евангелія падаетъ міръ. И опускающая безконечное множество предметовъ (ибо я теперь не намѣренъ раскрывать всѣ тайны Ветхаго Завета), пять царей, которые прежде царствовали въ землѣ обѣтованія и противились евангельскому воинству, побѣждаются въ войнѣ съ Иисусомъ (Ис. Нав. гл. 10). Думаю, что это весьма ясно по смыслу, — что до того времени, какъ Господь вывелъ народъ свой изъ Египта и обрѣзалъ его, господствовали зрѣніе, обоняніе, вкусъ, слухъ и осязаніе и имъ какъ царямъ подчинялось все; напавъ на этихъ царей, убѣжавшихъ въ пещеру тѣла и въ темное мѣсто, Иисусъ умертвилъ самое тѣло, такъ что они чрезъ то самое были умерщвлены, чрезъ что прежде господствовали.

Но пора уже поднять знамя цѣломудрія Іисуса. О Моисеѣ написано, что онъ имѣлъ жену. А Моисея и Господь

нашъ и апостолъ отождествляютъ съ Закономъ: *умръ Моисей и пророки* (Лук. 16, 29) и: *царствова смерть отъ Адама до Моисея и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адамова* (Рим. 5, 14), и никто не сомнѣвается, что въ томъ и другомъ свидѣтельствѣ Моисей означаетъ законъ. И такъ если мы читаемъ, что Моисей, то есть законъ, имѣлъ жену, то покажи мнѣ, что Іисусъ Навинъ имѣлъ или жену или дѣтей, и если сможешь доказать, то признаю себя побѣжденнымъ. И при раздѣленіи земли іудейской онъ взялъ подлинно прекраснѣйшее мѣсто и умираетъ не въ числѣ двадцать, къ которому Писаніе всегда неблагоклонно, такъ какъ въ этомъ числѣ рабствовалъ Іаковъ и проданъ Іосивъ и это число любитъ Исавъ, принимающій въ немъ нѣкоторыя дары, но въ числѣ десять ¹⁾, о похвалѣ которому мы часто говорили, и погребается въ *Талмавъ-сарѣ*, т. е. въ *совершеннѣйшемъ княжествѣ* или въ числѣ *новаго покрова*, чтобы обозначить толпы дѣвственницъ, покрытыхъ помощію Спасителя въ горѣ Ефраимъ, т. е. въ горѣ *плодоносной*, покрытыхъ отъ сѣвернаго вѣтра горы *Гиасъ*, что значитъ *движеніе*: ибо *гора Сионъ ребра сѣверовы*, градъ *царя великаго* всегда противостоитъ злобѣ и послѣ каждаго испытанія говоритъ: *мои же въ миль не подвижастся нозъ* (Пс. 72, 2). И тогда какъ погребеніемъ Іисуса заключается книга, называемая его именемъ, въ книгѣ Судей онъ опять изображается какъ бы живой и воскресшій, и *сὺν βλακεφαλαίωσι* (въ сокращеніи) проповѣдуется о его дѣлахъ и читается: «отпустилъ Іисусъ людей, и отошли сыны Израилевы каждый въ наслѣдіе свое, чтобы владѣть землею» и «послужилъ народъ Господу во всѣ дни Іисуса» и проч. И затѣмъ присовокупляется: *и умре Іисусъ сынъ*

¹⁾ Указаніе на то, что Іисусъ Навинъ умеръ 110 лѣтъ.

Нивинъ, рабъ Господень ста десяти лѣтъ. Далѣе, Моисей только видѣлъ землю обѣтованія и не могъ войти «и умеръ въ землѣ Моавъ, и погребъ его Господь въ долинѣ земли Моавъ противъ дома *Фогоръ*, и не позналъ мужъ гробницы его даже до дня сего» (Втор. 34, 5. 6). Сравнимъ погребеніе того и другаго. Моисей умираетъ въ землѣ Моавъ, Іисусъ въ землѣ іудейской. Тотъ погребается въ долинѣ противъ дома *Фогоръ*, что значитъ *поношеніе* (потому собственно, что *Фогоромъ* на еврейскомъ языкѣ называется *Приапъ*); этотъ—въ горѣ Ефраимъ, къ сѣверу отъ которой лежитъ гора Гаасъ. И въ простыхъ словахъ божественныхъ Писаній всегда содержится смыслъ тѣснѣйшій. Такъ какъ у іудеевъ рожденіе и произведеніе дѣтей считалось славой:— «проклята неплодная, которая не имѣла сѣмени во Израилѣ и блаженъ, коего было сѣмя въ Сіонѣ и родственники въ Іерусалимѣ»—и въ наибольшемъ благословеніи полагалось: *жена твоя яко лоза плодовица въ странахъ дому твоего; сынове твои яко новосажденія масличная окрестъ трипезы твоя* (Пс. 127, 3),—то поэтому гробъ его представляется положеннымъ въ долинѣ противъ дома идола, который посвящается собственно сладострастію. А мы, ратующіе подъ предводительствомъ Іисуса, до настоящаго дня не знаемъ, гдѣ погребенъ Моисей, поелику презираемъ Фогора и все поношеніе его, зная, что тѣ, которые во плоти, не могутъ благоугождать Богу. И Господь даже прежде потопа сказалъ: *не имать духъ мой пребывать въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3). Поэтому-то Моисей по смерти оплакивается народомъ израильскимъ, а Іисусъ, какъ имѣющій жить, не оплакивается: потому что бракъ со смертію оканчивается, а дѣвство послѣ смерти начинаетъ увѣнчиваться.

Выводить онъ на сцену и Самсона, и не смотреть на то, что вѣкогда назорей Господа, онъ былъ остриженъ

женщиною,—Самсона, который хотя и представляет образъ Спасителя тѣмъ, что полюбилъ блудницу язычницу, какъ Христосъ возлюбилъ церковь изъ язычниковъ, и тѣмъ, что при смерти убилъ гораздо больше враговъ, чѣмъ при жизни,—тѣмъ не менѣе однакоже не представляетъ образецъ брачнаго цѣломудрія. И подлинно, онъ, по пророчеству Іакова, стремительно мчавшійся съ быстротою коня, бывъ укушенъ змѣею, упалъ навзничъ. А почему онъ перечислилъ Деворру и Варакка и жену Авера Кинейянина,—я совершенно не понимаю, такъ какъ иное дѣло изображать воинскихъ вождей и слагать порядокъ исторіи, и иное обозначать какія либо отношенія брачныя, которыхъ у нихъ вовсе не видно. Далѣе, что онъ предпочитаетъ вѣру отца Іефоя слезамъ дѣвицы—дочери, то это онъ дѣлаетъ въ нашу пользу. Ибо и мы превозносимъ не столько дѣвицъ мірскихъ, сколько тѣхъ, которыя ради Христа дѣвствуютъ; и многіе изъ евреевъ упрекають отца, давшего неразумный обѣтъ и сказавшаго: *еще преданіемъ предаси сыны Аммона въ руку мою, и будетъ исходяи, иже еще изыдетъ изъ вратъ дому моего во срѣтеніе мнѣ, егда возвращуся съ миромъ отъ сыновъ Аммонитъ, и будетъ Господеву. и вознесу его во всесоужженіе* (Суд. 11, 30. 31). Еслибы (говорять) ему встрѣтилась собака или осель, что бы онъ сдѣлалъ? Изъ этого заключаютъ, что по устроению Божію случилось, что необдуманно давшій обѣтъ въ смерти дочери долженъ былъ почувствовать опромѣтчивость своихъ обѣтовъ. А если воспитанный въ скинии Самуиль былъ женатъ, то что же здѣсь служить къ осужденію дѣвства? Какъ будто и теперь не имѣють женъ весьма многіе священники. Апостоль и епископа представляетъ мужемъ одной жены, имѣющаго дѣтей со всякимъ цѣломудріемъ (1 Тим. 3). Вмѣстѣ съ тѣмъ и то нужно имѣть въ виду, что Самуиль былъ лебѣтъ, а не священникъ, не первосвященникъ. По-

этому мать его и дѣлала ему *ephod bad*, т. е. льняной нарамникъ, который собственно есть одежда левитовъ и притомъ низшей степени (1 Цар. 2). Поэтому и въ псалмахъ онъ упоминается не между священниками, а между тѣми, которые призываютъ имя Господне: *Моисей и Ааронъ въ іереехъ его и Самуилъ въ призывающихъ имя его* (Пс. 98, 6). Ибо Левій родилъ Каава, Кааавъ родилъ Аминдаава, Аминдаавъ родилъ Хорея, Хорей родилъ Ассира, Ассиръ родилъ Гелхана, Гелхана родилъ Суба, Субъ родилъ Тоу, Тоу родилъ Еліу, Еліу родилъ Іероама, Іероамъ родилъ Гелхана, Гелхана родилъ Самуила. А никто не сомнѣвается, что священники происходили изъ рода Аарона, Елеазара и Финееса. И хотя и они имѣли женъ, но ихъ справедливо можно было бы противопоставить намъ только тогда, еслибы мы, раздѣляя заблужденіе энкратитовъ, спорили, что бракъ достоинъ порицанія; тогда и нашъ Первосвященникъ не былъ бы по чину Мелхиседекову—безъ отца, безъ матери, *ἀγενεαλόγητος*, т. е. безъ брака. И подлинно великіе плоды получаетъ Самуилъ въ своихъ дѣтяхъ: насколько самъ онъ благоугодилъ Богу, настолько же рожденные имъ были неуютны Господу. И если Вооза и Руевъ онъ противопоставляетъ намъ для восхваленія двоебрачія, то пусть узнаетъ, что въ Евангеліи и Раавъ блудница, какъ образъ церкви, приводится въ ряду предковъ Господа.

Далѣе, что онъ восхваляетъ Давида, за двѣсти краенеобрѣзаній, купившаго жену, то пусть онъ узнаетъ, что онъ имѣлъ и другихъ очень многихъ женъ: и Михолу дочь Саула, которую отецъ отдалъ другому, онъ впослѣдствіи возвратилъ себѣ, и что уже въ старости согрѣвался объятіями Сунамитской дѣвочки. Говорю это не къ тому, чтобы дерзнуть въ чемъ нибудь порицать святыхъ мужей, а потому, что иное дѣло жить въ Законѣ, и иное въ Евангеліи. Онъ убилъ Урію геттеянина, сталъ предлюбодѣемъ съ Вирсавіею.

И такъ какъ былъ мужъ крови—не по причинѣ войнъ (какъ многіе думаютъ), а по причинѣ челоуѣкоубійства, — го ему восприещается создать храмъ Господу. А мы если соблазнимъ одного изъ меньшихъ и если скажемъ брату *Васа* и посмотримъ неправо, то лучше пусть жерновыи камень будетъ повѣшенъ на шеи наши, и повинны мы будемъ гееннѣ, и одинъ взглядъ нашъ будетъ вмѣненъ въ прелюбодѣяніе. Переходить къ Соломону, чрезъ котораго воспѣла себя сама мудрость: тогда какъ онъ называетъ его женолюбивымъ и долго останавливается на похвалахъ ему, удивляюсь, почему онъ не присоединяетъ и слѣдующаго изъ Пѣсни Пѣсней: *шестъдесятъ суть царицѣ, и осмьдесятъ наложницѣ, и юнотѣ имѣ же нѣсть числа* (6, 7) и слѣдующаго изъ третьей книги Царствъ: «что имѣлъ семьсотъ женъ и триста наложницъ и другихъ безъ числа» (9, 3). Онъ-то именно и отвратили сердце его отъ Господа, и однако онъ прежде чѣмъ сталъ имѣть многихъ женъ и вналъ въ грѣхъ плоти, въ началѣ царствованія и юности построилъ храмъ Господу, ибо о всякомъ произносится судъ не по будущему, а по настоящему. Если ему нравятся примѣры Соломона, то ему нужно быть уже не двоебрачнымъ и троебрачнымъ; но если онъ не будетъ имѣть семисотъ женъ и трехъ сотъ наложницъ, то не будетъ въ состояніи сравниться съ своимъ образцемъ и выолнить его подвиговъ. Умоляю тебя, читатель, и о томъ же самомъ часто упрашиваю, — знай, что то, что я говорю, говорю по необходимости, и что я не порицаю жившихъ прежде насъ подъ Закономъ, но говорю, что они служили своимъ временамъ и своимъ условіямъ и выолняли оное опредѣленіе Господа: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 23) и—что больше этого — представляли образы будущаго. А намъ, которымъ говорится: *время прекращенно есть прочее, да и мущіе*

жены, яко немужіе будутъ, заповѣдуется иное, и Спасителемъ дѣвственникомъ освящается дѣвство.

Какъ неразумно въ перечнѣ женатыхъ поставилъ онъ даже Ілію и Елисея — это очевидно и безъ моихъ словъ. Ибо если Іоаннъ Креститель пришелъ въ духъ и силъ Іліи, а Іоаннъ есть дѣвственникъ: то конечно онъ пришелъ не только въ духъ Іліи, но и въ его цѣломудріи по плоти. Далѣе относительно того, что можетъ быть упомянуто о Езекии, хотя этого онъ по обычной своей близорукости не замѣтилъ, что послѣ возвращенія ему жизни и продленія оной на пятнадцать лѣтъ онъ сказалъ: *отнынѣ дѣти сотворю* — пусть онъ знаетъ, что въ еврейскихъ спискахъ этого нѣтъ, а вмѣсто этого читается: *отецъ дѣтямъ возвѣститъ силу твою*. Неудивительно и то, если Іосія, царь іудейскій, когда уже близокъ былъ плѣнъ и гнѣвъ Божій изливался на Іерусалимъ, совѣтовался съ Олдамою, женою Селлума, пророчицею: таково правило Писаній, что при оскудѣніи святыхъ мужей, оно въ поношеніе мужамъ восхваляетъ женщинъ. А о Даніилѣ излишне и говорить, когда евреи доселѣ думаютъ, что какъ онъ, такъ и три отрока были евнухи, — думаютъ на основаніи того опредѣленія Божія, которое Исаія высказываетъ Езекии: «и изъ сыновъ твоихъ, которые родятся отъ тебя, возьмутъ и сдѣлаютъ евнуховъ въ домъ царя» (4 Цар. 20, 18). Потомъ въ концѣ Даніила читаемъ: *и рече царь ко Асфанезу старѣйшиннъ евнуховъ ввести отъ сыновъ плѣна Израилева и отъ племени царева и отъ князей юноши, на нихъ же нѣсть порока, и добры зракомъ и смыслены въ премудрости* (Дан. 1, 3. 4). И доказываютъ они (евреи), что если Даніилъ и три отрока избраны изъ сѣмени царскаго, а Писаніе предрекло, что изъ сѣмени царскаго будутъ евнухи, то они-то и сдѣланы евнухами. А если и этому онъ противопоставитъ сказанное у Іезекіиля (гл. 14), что Ной и Да-

нилъ и Ювъ въ землѣ грѣшной не могутъ освободить сыновей и дочерей, то на это слѣдуетъ отвѣчать, что это сказано предположительно. Ибо въ то время Ноя и Юва не было, которые, какъ мы знаемъ, жили за много вѣковъ прежде. И смыслъ этого такой: еслибы и такіе мужи были въ землѣ грѣшной, то не въ состояніи будутъ освободить сыновей и дочерей своихъ, поелику праведность отца не избавитъ сына, и грѣхъ одного не вмѣнится другому, ибо *душа яже согрѣшитъ, та умретъ* (Иезек. 18, 4). Нужно сказать и то, что Даніилъ, по свидѣтельству книги его, плѣненъ былъ съ царемъ Іоакимомъ въ то время, когда былъ отведенъ въ плѣнъ и Іезекіиль. Итакъ какимъ образомъ онъ могъ имѣть дѣтей, когда былъ еще отрокомъ, и когда онъ чрезъ три года былъ принятъ на служеніе къ царю? И пусть никто не думаетъ, что онъ упоминаетъ о Даніилѣ мужѣ, а не отрогѣ. *Бысть, говоритъ онъ, въ мѣсяцъ шестой, то есть царя Іоакима, въ шестой мѣсяцъ въ пятый день мѣсяца, азъ сподѣхъ въ дому моемъ, и старѣйшины іудины сподяху предо мною* (Иезек. 8, 1). И въ тотъ же день говорится къ нему: *еще будутъ Ное и Даніилъ и Ювъ* (14, 14). Итакъ Даніилъ былъ еще отрокомъ и былъ извѣстенъ народу или въ слѣдствіе толкованія сновидѣній царя, или по причинѣ освобожденія Сусанны и убіенія старѣйшинъ. Этимъ весьма ясно доказывается, что въ то время, когда это говорилось о Ноѣ, Даніилѣ и Ювѣ, Даніилъ былъ еще отрокомъ и не могъ имѣть сыновей и дочерей, которыхъ бы могъ освободить своею праведностію. Доселѣ о Законѣ.

Переходить къ Евангелію и выставляетъ намъ Захарію и Елисавету, Петра и тещу его, и съ обычною недалеко-видностію не разумѣетъ, что и они должны быть причислены къ служившимъ Закону. Ибо прежде креста Христова цѣтъ Евангелія, которое освящается страданіемъ и кровію Его. Въ силу этого положенія Петръ и прочіе апостолы—говорю

это излишне уступая ему, — хотя имѣли женъ, но тѣхъ, которыхъ пояли въ то время, когда не знали Евангелія. Взятые впоследствии на апостольство, они оставляютъ брачную обязанность. Ибо когда Петръ отъ лица апостоловъ сказалъ Господу: *се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ тебѣ идехомъ*, Господь отвѣчалъ ему: *аминь глаголю вамъ*, «всякій кто оставитъ домъ, или родителей, или братьевъ, или жену, или дѣтей царствія ради Божія, получить гораздо больше въ вѣкъ семъ, и въ вѣкъ будущемъ жизнь вѣчную» (Матѳ. 19, 27). А если въ доказательство того, что всѣ апостолы имѣли женъ, онъ противопоставитъ намъ: *еда не имамы власти* «женщинъ или женъ» *водити* (ибо ἡγήν у грековъ значить и то и другое), *яко и прочіи апостоли и Киѳа и братія Господни*, то пусть онъ прибавитъ и то, что стоитъ въ греческихъ кодексахъ: *еда не имамы власти* «сестеръ женщинъ или женъ» *водити*, изъ чего видно, что онъ сказалъ о другихъ святыхъ женщинахъ, которыя, по іудейскому обычаю, служили учителямъ изъ своего имѣнія, какъ, мы знаемъ, это часто дѣлалось и самому Господу. Это показываетъ и порядокъ рѣчи: *еда не имамы власти ясти и пити* или сестеръ женъ *водити* (1 Кор. 9, 45). Когда прежде говорится о яденіи и питіи и распоряженіи расходами, и здѣсь же упоинается о женщинахъ—сестрахъ, то очевидно должно разумѣть не женъ, а тѣхъ, какъ мы сказали, которыя служили отъ своего имѣнія. Это и въ ветхомъ Законѣ пишется о той Сунамитянкѣ, которая имѣла обыкновеніе принимать Елисея и давать ему столъ и хлѣбъ и свѣтильникъ и прочее. И конечно, если мы въ ἡγαίῃαζ разумѣемъ *женъ*, а не женщинъ, то прибавленіе *сестеръ* уничтожаетъ *женъ* и показываетъ, что это были *сестры* по духу, а не супруги. Впрочемъ, исключая апостола Петра, о другихъ апостолахъ не сказано ясно, что они имѣли женъ; а когда объ одномъ написано, а о прочихъ

умолчано, то мы должны разумѣть, что не были женаты тѣ, о которыхъ ничего такого не говоритъ Писаніе. Притомъ противопоставившій Захарію и Елисавету, Петра и тещу его пусть знаетъ, что отъ Захаріи и Елисаветы родился Іоаннь, т. е. отъ брака—дѣвственникъ, отъ закона—Евангеліе, отъ супружества цѣломудре, чтобы дѣвственникъ Господь и предвозвѣщенъ и крещенъ былъ пророкомъ—дѣвственникомъ. А о Петрѣ можемъ сказать, что въ то время, когда увѣровалъ, онъ тещу имѣлъ, а жены уже не имѣлъ, хотя въ *περίοδοις* ¹⁾ говорится и о женѣ его и о дочери. Но теперь у насъ весь споръ о правилѣ (*de canone*). И посліку онъ обратился къ суду апостоловъ, и сказалъ, что руководителя нашего благочестія (*disciplinae*) и вожди христіанскаго догмата не были дѣвственниками, чтобы мы уступили, что они отчасти не были дѣвственниками (ибо этого, кромѣ Петра, нельзя ни о комъ доказать), то пусть онъ знаетъ, что это были тѣ апостолы, о которыхъ Исаія пророчествуетъ: *еще не бы Господь Савановъ оставилъ намъ съмене, яко Содоми убо были быхомъ, и яко Гоморру уподобилися быхомъ* (Ис. 1, 9). Итакъ тѣ, которые были изъ іудеевъ, дѣвство, оставленное въ іудействѣ, не могли имѣть въ Евангеліи. Однако Іоаннь, одинъ изъ учениковъ, о которомъ говорится, что онъ былъ меньшимъ между апостолами, и котораго вѣра во Христа застала дѣвственникомъ, остался дѣвственникомъ, и за это пользуется ббльшею любовію Господа и возлегаетъ на персяхъ Іисуса. И о чемъ Петръ, имѣвшій жену, не держаетъ спросить, просить спросить объ этомъ Іоанна. Также послѣ воскресенія, когда Марія Магдалина возвѣстила,

¹⁾ *Περίοδοι* — сочиненіе, приписываемое Іеронимомъ Клименту Римскому. Мысль, что, увѣровавъ во Христа, ап. Петръ оставилъ жену „виѣстѣ съ рыболовною лодкою и сѣтью“ высказывается Іеронимомъ и въ письмѣ къ Юліану.

что Господь воскресъ, оба побѣжали ко гробу, но Іоаннъ предупредилъ. И когда были на кораблѣ и ловили рыбу на озерѣ Генисаретскомъ, Іисусъ стоялъ на берегу и апостолы не знали, кого видѣли, то одинъ дѣвственникъ узнаетъ дѣвственника и говоритъ Петру: *Господь есть*. Также, когда Петръ, услышавъ опредѣленіе, что другой опояшетъ его и поведетъ, куда не хочетъ, чѣмъ было предсказано ему страданіе на крестѣ—сказалъ: *Господи, сей же что*, не желая оставлять Іоанна, къ которому всегда былъ привязанъ, то Господь сказалъ ему: *что къ тебѣ, ты ко Мнѣ гради*. Отсюда и слово пронеслось между братьями, что ученикъ тотъ не умретъ. Этимъ показывается, что дѣвство не умираетъ, и не омываетъ нечистоту брака кровію мученичества, но пребываетъ со Христомъ, и успеніе его есть прехожденіе, а не смерть. А если онъ упорно будетъ доказывать, что Іоаннъ не былъ дѣвственникомъ и оспаривать то, что мы въ дѣвствѣ видимъ причину особенной любви, то пусть онъ объяснитъ, за что онъ любимъ былъ болѣе другихъ апостоловъ, если не былъ дѣвственникомъ? Но ты говоришь, на Петрѣ основывается церковь. Хотя въ другомъ мѣстѣ это дѣлается на всѣхъ апостолахъ и всѣ получаютъ ключи царствія небеснаго, и на нихъ равно утверждается укрѣпленіе церкви, но изъ двѣнадцати избирается одинъ для того, чтобы поставивъ главу, уничтожить поводъ къ расколу (schismatis). Но почему избранъ не дѣвственникъ Іоаннъ? Отдано предпочтеніе возрасту, потому что Петръ былъ старше,—чтобы еще юноша и почти отрокъ не предпочитался людямъ совершеннаго возраста, и чтобы не показалось, что учитель благій, который долженъ былъ отстранять у учениковъ поводъ къ раздору и который сказалъ имъ: *миръ мой даю вамъ, миръ мой оставляю вамъ* (Іоан. 14, 27) и еще: «кто хочетъ изъ васъ быть большимъ, пусть будетъ меньшимъ всѣхъ» (Матѣ. 20, 26),—даетъ поводъ къ ненависти про-

тивъ ученика, котораго любилъ. А чтобы мы знали, что Іоаннъ тогда былъ отрокомъ, церковныя исторіи весьма ясно учатъ, что онъ дожилъ до царствованія Траяна, то есть почили въ шестьдесятъ восьмомъ году послѣ страданія Господня, что и мы кратко изложили въ книгѣ «О знаменитыхъ мужахъ». Петръ есть апостоль, и Іоаннъ апостоль, женатый и дѣвственникъ; но Петръ только апостоль, а Іоаннъ и апостоль, и евангелистъ, и пророкъ. Апостоль, ибо писалъ къ церквамъ какъ учитель; евангелистъ, ибо составилъ книгу Евангелія, чего, исключая Матѳея, другіе изъ двѣнадцати апостоловъ не сдѣлали;—пророкъ, ибо на островѣ Патмосѣ, на который былъ сосланъ императоромъ Домиціаномъ за свидѣтельство Господне, видѣлъ Апокалипсисъ, содержащій безконечныя тайны будущаго. А Тертулліанъ сообщаетъ, что въ Римѣ брошенный въ бочку съ кипящимъ масломъ, онъ вышелъ оттуда болѣе здоровымъ и бодрымъ, чѣмъ вошелъ. Но и самое Евангеліе его много отличается отъ прочихъ. Матѳеи, какъ бы о человѣкѣ, начинаетъ писать: *книга родства Іисуса Христа сына Давидова, сына Авраамля*; Лука начинаетъ съ священства Захаріи; Маркъ съ пророчества Малахіи пророка и Исаи. Первый имѣетъ лице человѣка, по причинѣ родословія, второй лице тельца, по причинѣ священства, третій лице льва, по причинѣ голоса вопіющаго въ пустынѣ: *уготовайте путь Господень, правы творите стези его* (Ис. 40, 3; Лук. 3, 4). А нашъ Іоаннъ какъ орелъ воспаряетъ къ высшему и достигаетъ до самаго Отца, говоря: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу* и прочее. Дѣвство научило тому, чего бракъ не могъ знать, и чтобы въ краткихъ словахъ обнять многое и показать, какъ велико преимущество Іоанна и въ Іоаннѣ дѣвства,—Господомъ дѣвственнымъ матеръ дѣвственница поручается ученику дѣвственнику.

Но мы трудимся напрасно. Ибо противникъ противопологаетъ намъ апостольскую мысль и говоритъ: *Адамъ прежде созданъ бысть, потомъ же Ева. И Адамъ не прельстился, жена же прельстившися въ преступленіи бысть; спасется же чадородія ради, аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыхъ съ цѣломудріемъ* (1 Тим. 2, 13—15). Посмотримъ, почему и откуда апостоль выводитъ эту мысль: *хощу убо, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣви и размысленія* (ст. 8). Затѣмъ, поэтому, женамъ даетъ правила жизни и говоритъ: *такожде и жены въ украшеніи лютотною, со стыдніемъ и цѣломудріемъ да украшаютъ себе, не въ плетеніяхъ, не златомъ или бисерми, или ризами многоцвѣтными, но, еже подобаетъ женамъ общающимся благочестію, дѣлы благими. Жена въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ: женѣ же учити не повелѣваю, ниже власти мужемъ, но быти въ безмолвіи*. (ст. 9 и слѣд.). И чтобы назначеніе женщины, опредѣляющее ее на рабство мужу, не показалось жестокимъ, вспоминаетъ о древнемъ законѣ и возвращается къ первоначальному доказательству—что Адамъ сотворенъ первый, а потомъ жена изъ ребра его, и что не Адама могъ прельстити діаволь, а Еву, и что послѣ преступленія она тотчасъ подчинена была мужу и къ мужу стало обращеніе ея и что она, однажды связанная замужествомъ и обязанная раздѣлять судьбу Евы, древнее преступленіе можетъ загладить рожденіемъ дѣтей, но только подъ условіемъ, если воспитаетъ этихъ дѣтей въ вѣрѣ и любви Христовой, въ святости и цѣломудріи: ибо должно читать не *sobrietas* (какъ неправильно стоитъ въ латинскихъ кодексахъ), но *castitas*, т. е. σωφροσύνη. Смотри же, какъ и этимъ свидѣтельствомъ ты будешь опровергнуть и вынужденъ относить къ дѣвству то, что ты относилъ къ браку. Ибо если жена спасается рож-

деніемъ дѣтей и спасеніе матерей въ количествѣ дѣтей, то зачѣмъ онъ прибавилъ: *еще пребудутъ* (дѣти) *въ вѣръ и любви и во святыхъ съ цѣломудріемъ?* Итакъ *жени* *спасетъ тогда*, если она родить такихъ дѣтей, которые останутся дѣвственниками, если потерянное ею самою приобрѣтеть въ дѣтяхъ и поврежденіе и гнилость корня вознаградитъ цвѣтами и плодами.

Выше мимоходомъ, когда противникъ противопоставлялъ намъ многоженнаго Соломона, который построилъ храмъ, я отвѣчалъ кратко, чтобы пробѣжать по всеѣмъ возраженіямъ. Теперь, чтобы онъ не кричалъ, что мы оставили безъ вниманія этого и другихъ подзаконныхъ патріарховъ и пророковъ и святыхъ мужей, представимъ воззрѣніе на бракъ его самого, имѣвшаго многихъ женъ и наложницъ. Ибо никто не можетъ лучше знать, что такое жена или женщина, какъ тотъ, кто потерпѣлъ отъ нихъ. Итакъ онъ говоритъ въ Притчахъ: *жена безумная и прoderзая бѣдна хлѣбомъ бываетъ* (9, 13). Какимъ хлѣбомъ? Конечно тѣмъ, который сходитъ съ неба,—и тотчасъ присовокупляетъ: *земнородныи у нея погибаютъ и въ днѣ ада обрѣтаются*. Какіе это земнородные погибаютъ у ней? Конечно тѣ, которые слѣдуютъ первому Адаму, который отъ земли, а не второму, который съ неба. И опять въ другомъ мѣстѣ: «какъ въ деревѣ червь, такъ губитъ мужа своего жена злая» (Притч. 25, 20). А если будешь утверждать, что это сказано о злыхъ женахъ, то и я тебѣ коротко отвѣчу: что заставить меня усумниться, хороша ли или дурна будетъ та, на которой я женюсь? «Лучше», говоритъ, «жить въ землѣ пустынной, чѣмъ съ женою вздорною и бранчивою» (Притч. 21. 9). Какъ рѣдко можно найти жену безъ этихъ пороковъ,—знаетъ, кто женился. Поэтому Варій Геминъ, высокій ораторъ, хорошо сказалъ: кто не ссорится, тотъ безбраченъ. *Лучше жити въ угль не покрытомъ, неже въ храминѣ общей съ женою*

клеветливую (Пр. 24, 25). Если общій домъ мужа и жены возбуждастъ жену къ гордости и причиняетъ мужу непріятности: то на сколько больше это бываетъ, если жена будетъ богаче и мужъ будетъ жить въ ея домѣ! Она начинаетъ быть не женою, а госпожею, и если будетъ недовольна мужемъ, то ему нужно переселяться. «Течь выгоняетъ чело-вѣка въ зимній день изъ дома его: подобнымъ образомъ и злая жена изъ собственнаго дома». (Притч. 27, 15). Потому что постоянною бранью и ежедневнымъ ворчаньемъ производитъ течь въ домѣ его и выгоняетъ его изъ помѣщеній его, то есть изъ церкви. Поэтому и выше тѣмъ же Соломономъ заповѣдуется: «сынъ, не преизлишествуй», (*superfluas*) и апостоль къ евреямъ: *сего ради подобаетъ намъ лишьше внимати слышаннымъ, да не когда отидемъ* (*ne supereffluamus*) ¹⁾. А кто умолчитъ о томъ, что написано въ видѣ загадки: *пѣявица имъ три дщери, любовію возлюблены, и три сія не насытятся ея и четвертая не удоволься рецѣю довольно: адъ и любовь жены и земля не напоенная водою и огонь не рекутъ: довлѣтъ* (Притч. 30, 15—16). Пѣявка есть діаволь, а дочери діавола любовію возлюбленныя, которыя не могутъ насытиться кровію умерщвленныхъ ими—это адъ, и любовь жены, и сухая земля, и распалившійся огонь. Здѣсь говорится не о блудницѣ, не о прелюбодѣйкѣ, но вообще обвиняется женская любовь, которая всегда ненасытна, которая по угашеніи снова возгарается и послѣ удовлетворенія опять бываетъ голодна, и мужскій духъ дѣлаетъ женственнымъ, и кромѣ страсти, которою страдаетъ, не даетъ ни о чемъ думать. Нѣчто подобное читаемъ и въ дальнѣй-

¹⁾ Очевидно приведенный въ обоихъ мѣстахъ по Іеронимову переводу глаголь *superfluaere* составляетъ только игру словъ съ мыслию о течи съ потолка дома, которая выгоняетъ изъ дома обитателей.

шей притчѣ: *Третья трясется земля, четвертого же не можетъ понести: аще рабъ воцарится, и безумный исполнитъ пищею, и рабъ аще изженетъ свою госпожу, и мерзкая жена аще ключится добру мужу* (Притч. 30, 21 и слѣд.). Вотъ и здѣсь въ числѣ наибольшихъ золъ полагается жена. Если ты отвѣтишь—но жена злая, то я скажу тебѣ тоже, что и выше сказалъ. И эта опасность важна тѣмъ, что она служить въ мою пользу. Ибо тотъ, кто женится, не знаетъ, ненавистная ли, или любимая будетъ у него жена. Если ненавистная, то она не можетъ быть терпима. Если любимая, то любовь ея сравнивается съ адомъ и высохшею землею и пожаромъ.

Перейдемъ къ Екклезіасту, чтобы и изъ него представить нѣсколько свидѣтельствъ. *Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ: Время раждати и время умирати: время садити и время исторгати саженое* (Еккл. 3, 1). Подъ Закономъ мы раждали съ Моисеемъ; въ Евангеліи должны умирать со Христомъ. Въ брачной жизни мы насаждали; цѣломудріемъ должны вырывать насажденное. *Время обымати и время удалятъся отъ обыманія; время любити и время ненавидѣти, время брани и время мира* (3, 5, 8). И вмѣстѣ онъ увѣщаетъ насъ не предпочитать Закона Евангелію и не думать, что чистота дѣвства равняется браку: *блага, говоритъ, послѣдняя словесъ паче начала* (Еккл. 7, 9), и тотчасъ присовокупляетъ: *да не речеши что бысть, яко днѣ преднѣи быша блази паче сихъ: яко не въ мудрости вопрошахъ еси о семъ* (ст. 11), и представляетъ причину, почему дни позднѣйшіе лучше первыхъ: потому что *блага, говоритъ, премудрость съ насладіемъ*. Ибо въ Законѣ за мудростію плоти слѣдуетъ смерть убивающая: въ Евангеліи мудрость духа ожидаетъ вѣчное наслѣдіе. *Се сіе обрътохъ, говоритъ Екклесіастъ, человека единого отъ тысящъ обрътохъ, и жены во*

сѣхъ сихъ не обрѣтохъ. Обаче же сіе обрѣтохъ, еже сотвори Богъ челоуѣка праведнаго, «и сами они взыскали помышленій злыхъ» (Еккл. 7, 28—30). Говорить, что онъ нашель челоуѣка праведнаго. Обрати внимавіе на силу слова. Подъ челоуѣкомъ разумѣется и мужчина и женщина: и *жены*, говоритъ, *во всѣхъ сихъ не обрѣтохъ*. Прочитаемъ начало Бытія, и мы найдемъ, что Адамомъ, то есть челоуѣкомъ, называется какъ мужъ, такъ и жена. Итакъ, тогда какъ мы были сотворены Богомъ добрыми и праведными, мы сами по своей винѣ впади въ худшее состояніе, и что въ раю было въ насъ праведно, то при выходѣ изъ рая было извращено. Если ты на это возразишь, что и до паденія полъ мужчины и женщины былъ раздѣленъ, и они безъ грѣха могли совокупляться: то я скажу на это: что было бы, то неизвѣстно, ибо мы не можемъ знать судебъ Божіихъ и по своему произволу предрѣшать Его опредѣленіе. Только то для насъ очевидно, что было,—что тѣ, которые пребыли въ раю дѣвственниками, по изгнаніи изъ рая совокупились. Или, если рай принимаетъ брачную жизнь и нѣтъ никакого различія между замуженю и дѣвственницею, то что препятствовало имъ прежде совокупляться и въ раю? Они изгоняются изъ рая, и, чего тамъ не дѣлали, на землѣ дѣлають, чтобы тотчасъ, отъ начала созданія челоуѣческаго, дѣвство освящено было раемъ, а бракъ—землею. *Во всяко время да будутъ ризы твоя бѣлы* (Еккл. 9, 8). Всегдашняя бѣлизна одеждъ есть чистота дѣвства. Утромъ мы сѣяли сѣмя наше, и вечеромъ не перестанемъ. Послуживши въ Законѣ браку, послужимъ въ Евангеліи дѣвству.

Перехожу къ Пѣсни Пѣсней и покажу, что то, что противникъ считаетъ совершенно въ пользу брака, содержитъ тайны дѣвства. Послушаемъ, что говоритъ невѣста, прежде чѣмъ Женихъ ея пришелъ на землю, пострадалъ, сошелъ во адъ и воскресъ. *Подобія злата сотворилъ ти съ нестро-*

тими сребра, дондеже будетъ царь на (осклоненіи своемъ (1, 10. 11). До воскресенія Господня и до появленія свѣта Евангелія, невѣста имѣла не золото, а подобія золота; а серебро, которое обѣщаетъ имѣть въ брачномъ союзѣ, имѣла разнообразное и отличное во вдовахъ, воздерживающихся и замужнихъ. Потомъ женихъ отвѣчаетъ невѣстѣ и учитъ ее, что сѣнь ветхаго закона прошла и наступила истина Евангелія: *возстани, прійди, ближняя моя, невѣста моя, яко се зима прейде, дождь отъиде себѣ* (2, 10). Это—о ветхомъ завѣтѣ. Потомъ о Евангеліи и дѣвствѣ: *цвѣти лигшася на земли, время обръзанія прістѣ* (ст. 12). Не кажется ли тебѣ, что онъ говоритъ тоже самое, что и апостоль: *прочее да имущи жены яко же не имущи будутъ* (1 Кор. 7, 29)? И яснѣе въ похвалу цѣломудрія говоритъ: *гласъ горлицы слышанъ въ земли нашей* (2, 12). Горлица,—самая чистая птица, всегда живущая на возвышенностяхъ—есть образъ Спасителя. Почитаемъ физиологовъ (см. Плин. кн. 10, гл. 34), и мы найдемъ, что таково свойство горлицы, что она если потеряетъ супруга, то не соединяется съ другимъ,—и поймемъ, что двоебрачіе не одобряется даже безсловесными птицами. Затѣмъ горлица говоритъ горлицѣ: *слокъъ изнесе цвѣтъ свой* (2, 17), т. е. заповѣди ветхаго закона пали и цвѣтушіе отпрыски Евангелія дали благоуханіе. Отсюда и апостоль говоритъ: *Христово благоуханіе есмь* (2 Кор. 2, 15). *Возстани, прійди, ближняя моя, добрая моя, голубице моя, прійди. Ты голубице моя въ покровъ каменнъ, близъ предстѣнія: лви ми зракъ твой и услышанъ сотвори ми гласъ твой: яко гласъ твой сладокъ и образъ твой красенъ* (2, 13. 14). Пока ты покрывала съ Моисеемъ лице твое и въ Законѣ было покрывало, ни лица твоего я не видѣлъ, ни голоса твоего не удостоивалъ услышать, говоря: «и если умножите молитвы ваши, и то не услышу васъ» (Іерем. 11, 11). А теперь съ откры-

тымъ лицомъ созерцай славу мою и закрывайся оградою изъ самаго крѣпкаго камня. Слыша это, невѣста открываетъ тайны цѣломудрія: *братъ мой мнѣ, и азъ ему, насыи въ кринахъ* (2, 16), т. е. среди чистѣйшихъ хоровъ дѣвственницъ. Хочешь ли знать, какой престолъ имѣеть истинно миролюбивый Соломонъ и какихъ оруженосцевъ? *Се одръ Соломонъ, шестидесятъ сильныхъ окрестъ его отъ сильныхъ Израилевыхъ: вси имуще оружїа, научени на брань: мужъ оружїе его на бедръ его* (Пѣснь П. 3, 7. 8). Состоящіе въ свитѣ его имѣють мечъ при бедрѣ, какъ оный судїа Аодъ ἀμφότεροδέξιος ¹⁾ (Суд. 3), который умертвилъ тучнѣйшаго врага, всецѣло преданнаго плоти, отсѣкая все похоти. *Пойду, говоритъ, къ горѣ смиреннѣй* (Пѣснь П. 4. 6), т. е. къ тѣмъ, которые умертвили тѣла свои, *и къ холму Ливанску*—къ чистѣйшимъ сонмамъ дѣвственницъ—«и скажу невѣстѣ моей»: *вся добра еси, ближняя моя, и порока нѣсть въ тебѣ* (ст. 7). Поэтому и апостолъ говоритъ: *да представитъ ю себѣ славу церковь, немущу скверны или порока* (Еф. 6, 27). *Гряди отъ Ливана, невѣсто, гряди отъ Ливана: приди и преиди изъ начала вѣры, отъ главы Санира и Аермона, отъ оградъ львовыхъ, отъ горъ пардалеовъ* (Пѣснь П. 4, 8). Ливанъ—λευκασμός—значить близина. Итакъ приди, чистѣйшая невѣста, о которой въ другомъ мѣстѣ говорится: *кто сія восходящая зубленая?* и пройди путемъ міра сего—отъ начала вѣры и изъ Санира, что значитъ *зубцы свѣтильника*, примѣнительно къ тому, что читаемъ во псалмѣ: *свѣтильникъ ногами моими законъ твой, и селтъ стезямъ моимъ* (118, 105),—и изъ Ермона, т. е. *посвященїа*, и избѣгай логовищъ львовъ и горъ леопардовъ, которые не могутъ перемѣнить пятнистой кожи своей. Избѣгай, говоритъ, логовищъ львовъ—избѣгай горъ

¹⁾ Т. е. двудесный, одинаково дѣйствующій и правою и лѣвою рукою.

дости демоновъ, чтобы послѣ того какъ ты будешь посвящена мнѣ, я могъ бы сказать тебѣ: «ранила ты сердце мое, сестра моя невѣста, ранила сердце мое *единымъ отъ очію твою, однимъ монистомъ вы твоя* (П. П. 4, 9). Смыслъ этихъ словъ таковъ: Я не отвергаю брака; есть у тебя и лѣвый глазъ, который я далъ ради слабости тѣхъ, которые не могутъ правильно видѣть. Но болѣе пріятенъ мнѣ правый глазъ дѣвства, который если будетъ ослѣпленъ, то все тѣло будетъ во тмѣ. А чтобы мы не думали, что онъ указываетъ на плотскую любовь и тѣлесный бракъ, онъ тотчасъ исключаетъ такое пониманіе и говоритъ: «ранила сердце мое, сестра моя невѣста». Гдѣ есть имя сестры, тамъ исключается всякое подозрѣніе въ нечистой любви. «Какъ красивы сосцы твои отъ вина» (Пѣснь П. 4, 10), о которыхъ и выше сказалъ: «братъ мой мнѣ, и я ему; среди сосцевъ моихъ успокоится» (2, 16)—въ главномъ мѣстѣ ἡγεμονικόν сердца, гдѣ обитаетъ слово Божіе. «Какъ красивы сосцы твои отъ вина». Какое это вино увеличиваетъ красоту сосцевъ и утучняетъ ихъ млекою цѣломудрія? Конечно то, о которомъ женихъ говоритъ далѣе: *тихъ вино мое съ млекою моихъ. Идите ближніи и пейте и упійтеся братія* (П. П. 5, 1). Поэтому и апостоловъ называли упившимися молодымъ виномъ. *Молодымъ виномъ* (musto), говоритъ (Дѣян. 2), а не старымъ виномъ, ибо въ новые мѣхи наливается новое вино, ибо они не ходили въ ветхости буквы, но въ обновленіи духа (Рим. 7). Это то вино, упившись которымъ юноши и дѣвы тотчасъ жаждутъ дѣвства и изрыгаютъ опьяненіе цѣломудрія, и не исполняется оное пророчество Захаріи, пророчествующаго, по еврейскому тексту, именно о дѣвственницахъ церкви: «Наполнятся отроковъ и отроковицъ играющихъ улицы его. Ибо что доброе его и что прекрасное его, если не плодъ избранныхъ и вино производящее дѣвственницъ?» (Захар. 8, 5). Это—тѣ дѣвственницы, о которыхъ въ сорокъ четвер-

томъ псалмѣ написано: *приведутся царю дѣвы въ слѣдъ ея. искреннія ея приедутся тебѣ, въ веселіи и радованіи приведутся въ храмъ царевъ.*

Затѣмъ: *вертоградъ заключенъ сестра моя невеста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ* (Пѣснь П. 4, 12). Что заключено и запечатлѣно, то имѣеть сходство съ матерью Господа, матерью и дѣвственницею. Поэтому и во гробѣ Спасителя новомъ, который былъ изсѣченъ изъ самой крѣпкой скалы, ни прежде ни послѣ никто не былъ положенъ. И однако эта приснодѣва есть мать многихъ дѣвственницъ. Ибо далѣе слѣдуетъ: «отрасли твои—садъ гранатовыхъ съ плодомъ яблокъ» (Пѣс. П. 4, 13). Въ гранатахъ и яблокахъ указывается соединеніе въ дѣвствѣ всѣхъ добродѣтелей. *Братъ мой бѣлъ и черменъ* (Пѣс. П. 5, 10)—бѣлъ дѣвствомъ, красенъ мученичествомъ. И поелику онъ красенъ и бѣлъ, то тотчасъ присовокупляется: *гортань его сладость, и весь желаніе* (Пѣс. П. 5, 16). Дѣвственный женихъ, восхваленный дѣвственною невестою, взаимно восхваляетъ невесту—дѣвственницу и говоритъ ей: *украсишася стопы твоя въ обуви твоихъ, дщи Аминидава* (Пѣс. П. 7, 1), что значить народа, добровольно предающагося. Ибо дѣвство добровольно, и поэтому—то восхваляются поступанія церкви въ чистотѣ цѣломудрія. Не мѣсто теперь на подобіе комментарія раскрывать изъ Пѣсни Пѣсней всѣ тайны дѣвства, потому что и отъ этого уже, я увѣренъ, зазметъ ноздри брезгливый читатель.

Пусть теперь Исаія высказываетъ тайну нашей надежды и вѣры. *Се дѣва во чревь зачнетъ и родитъ сына, и наречешь имя ему Еммануилъ* (Ис. 7, 14). Знаю, что евреи обыкновенно возражаютъ, что на еврейскомъ слово алма означаетъ не дѣвственницу, а *молодую дѣвицу*. И дѣйствительно дѣвственница называется собственно *bethula*, но молодая дѣвица или дѣвушка называется не *alma*, а *naaga*.

Итакъ что же значить алма? Сокрытую дѣву, то есть не только дѣву, но и дѣву съ *ἐπιτάσει* ¹⁾, ибо не всякая дѣва сокрыта и удалена отъ нечаянной встрѣчи съ людьми. Наконецъ и Ревекка въ книгѣ Бытія, по причинѣ чрезвычайнаго цѣломудрія и по причинѣ того, что въ своемъ дѣвствѣ она представила образъ церкви, называется алма, а не *bethula*, какъ это можетъ сдѣлаться очевиднымъ изъ словъ отрока Авраамова, которыя онъ говоритъ въ Месопотамин: «и сказалъ: Господи Боже господина моего Авраама, если Ты направляешь путь мой, которымъ и иду, то вотъ когда я стану при источникѣ воды, дѣвица, которая выйдетъ, чтобы почерпнуть воды и я скажу къ ней: дай миѣ немного воды, чтобы напиться изъ водоноса твоего, и скажетъ: и ты напейся, и верблюдамъ твоимъ почерпну: та будетъ жена, которую предуготовалъ Господь сыну господина моего» (Быт. 24, 42 и слѣд.). Ибо въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ: «дѣвица, которая выйдетъ, чтобы почерпнуть воды» въ еврейскомъ стоитъ алма, то есть *дѣва сокросенная*, сохраненная съ особенною бдительностію родителей. Пусть покажутъ миѣ, гдѣ этимъ словомъ называются и замужня: я сознаю свое невѣжество. *Се дѣва во чреств зачнетъ и родитъ сына*. Если дѣвство не предпочитается браку, то почему Духъ Святой не избралъ замужнюю, почему не избралъ вдову? Была же въ то время Анна дочь Фануилова изъ колѣна Ассирова, славная цѣломудріемъ и всегда пребывающая въ молитвѣ и постѣ въ храмѣ Божиемъ. Если только поведеніе и добрая дѣла и постъ безъ дѣвства удостоиваются пришествія къ себѣ Духа Святаго, то могла и она быть матерію Господа. Пойдемъ дальше. «Презрѣлъ тебя», говоритъ, «и пренебрегъ, дѣва дочь Сіона» (Ис. 27, 22). Ту, которую назвалъ дочерью, назвалъ и дѣвою, чтобы,

¹⁾ Т. е. усиленіемъ, съ избыткомъ, по преимуществу.

еслибы назвалъ только дочерью, ты не счелъ ее и замужнею. Это та дѣвственница—дочь, которой въ другомъ мѣстѣ говорится: *возсеселися неплоды нераждающая, возгласи и возоний не чревоболѣвшая, яко многа чада пустыни, наче нежелли имущія мужа* (Ис. 54. 1). Это та, о которой Богъ говоритъ чрезъ Іеремію въ словахъ: *еда забудеть невѣста красоту свою, и двѣ мониста персій своихъ* (Іерем. 2, 32). Объ ней-то въ ономъ пророчествѣ возвѣщается великое чудо, что дѣва заключила мужа, и чрево дѣвы вмѣстило Отца всяческихъ.

«Пусть, говоритъ, различно будетъ достоинство брачныхъ и дѣвственницъ, но что ты скажешь на это: если дѣвственница и вдова будутъ крещены и останутся такими, то какое будетъ различіе между тою и другою»? Прежде сказанное нами о Петрѣ и Іоаннѣ, Аннѣ и Маріи должно имѣть силу и въ настоящемъ случаѣ. Ибо если нѣтъ различія между дѣвою и вдовою крещенными, такъ какъ крещеніе обновляетъ челоуѣка: то на этомъ основаніи будутъ уравниены съ дѣвственницами и блудницы и публичныя женщины, если онѣ будутъ крещены. Ибо если прежній бракъ нисколько не вредитъ крещенной вдовѣ, то и прежній развратъ блудницъ и отданныя для публичнаго разврата тѣла ихъ получать послѣ крещенія награды дѣвства. Иное дѣло сочетавать Богу чистѣйшій умъ, не оскверненный никакимъ воспоминаніемъ, и иное—вспоминать объ объятіяхъ мужа при срамномъ побужденіи, и чего не дѣлаешь тѣломъ, воспроизводитъ воспоминаніемъ. Іеремія, который былъ освященъ во чревѣ и познанъ въ утробѣ матери, удостоивастся этого преимущества потому, что былъ предназначенъ къ блаженству дѣвства. И тогда какъ всѣ были плѣнены и даже сосуды храма расхищены при нашествіи царя Вавилонскаго, онъ одинъ свободенъ отъ враговъ и не знаетъ бѣдствій плѣна; онъ получаетъ отъ враговъ содержаніе, и

Навуходносоръ, не дѣлавшій никакого распоряженія о Святомъ Святыхъ, даетъ наказъ Навузардану относительно Іереміи. Ибо то истинный храмъ и то Святое Святыхъ, что посвящается Господу чистотою дѣвства. И наоборотъ, Іезекииль, который содержался въ плѣну въ Вавилонѣ, который видѣлъ бурю, идущую съ сѣвера и всевосхищающій вихрь, говоритъ: «умерла жена моя къ вечеру, и я сдѣлалъ утромъ, какъ было заповѣдано мнѣ». Ибо Господь предрекъ ему, что въ тотъ день отверзутся уста его и онъ будетъ говорить и не будетъ молчать болѣе. Внимательно замѣть: пока жена была жива, онъ не имѣлъ возможности поучать народъ. Умираетъ жена, разрываются брачныя узы, и онъ безъ всякаго страха постоянно отправляетъ пророческое служеніе. Ибо кто призванъ свободнымъ, тотъ поистинѣ рабъ есть Христовъ. Не отрицаю, что блаженны вдовы, которыя такими останутся послѣ крещенія; не уменьшаю заслуги и тѣхъ, которыя съ мужьями живутъ въ цѣломудрїи; но какъ послѣднія имѣютъ большую награду у Бога чѣмъ замужнія, служація брачнымъ обязанностямъ, такъ и первыя пусть благодушно перенесутъ предпочтеніе имъ дѣвства. Ибо если вдовъ послѣдовавшее за страстными похотями плоти цѣломудріе возвышаетъ предъ замужними, то почему же онѣ не признаютъ себя ниже постоянного цѣломудрія?

Напрасно, говоритъ, ты высказываешь это, потому что апостоламъ поставляются и епископы, и пресвитеры, и діаконы—мужья одной жены и имѣющіе дѣтей. Какъ о дѣвахъ апостоль говоритъ, что онъ не имѣетъ повелѣнія Господня, и однако даетъ совѣтъ, какъ получившій отъ Господа милость, и это дѣлаетъ во всемъ ономъ разсужденіи, чтобы отдать предпочтеніе дѣвству предъ бракомъ, и увѣщаетъ къ тому, чего не дерзаетъ повелѣвать, чтобы не показалось, что онъ накладываетъ петлю и налагаетъ тяжесть больше, чѣмъ сколько можетъ вынести человѣческая природа: такъ

и устанавливая церковный чинъ, такъ какъ юная церковь устроилась изъ язычниковъ, недавно увѣровавшимъ даетъ болѣе легкія правила, чтобы, убоившись, они не сочли себя не въ состояніи исполнять оныя. Наконецъ и апостолы и старцы изъ Іерусалима посылаютъ посланіе, чтобы тѣмъ, которые увѣровали изъ язычниковъ, больше не налагалось ига, кромѣ того только, чтобы они воздерживались отъ идолослуженія, и блуда, и крови, и удавленнаго; какъ бы дѣтямъ и младенцамъ, даютъ не твердую пищу, а молоко для питія: не заповѣдуютъ воздержанія, не говорятъ о дѣвствѣ, не призываютъ къ посту, не говорятъ того, что въ Евангеліи предъявляютъ апостоламъ—чтобы не имѣли они двухъ ризъ, ни сумы, ни мѣди въ поясахъ, ни посоха въ рукѣ, ни обуви на ногахъ; и особенно не предлагаютъ онаго: *аще хочещи совершенъ быти, иди продаждь имѣнїя твоя и даждь нищимъ и гряди въ слѣдъ мене* (Матѳ. 19, 11). Ибо если тотъ юноша, который хвалился, что онъ исполнилъ все предписанное закономъ, отошелъ печальный, потому что имѣлъ много богатства, и фарисеи осмѣивали подобное ученіе Господа: то это множество язычниковъ, для котораго высшею добродѣтелью было не похищать чужаго, насколько болѣе не могло получить заповѣди о цѣломудріи и постоянномъ воздержаніи,—язычниковъ, которымъ писали, чтобы они воздерживались отъ идоловъ и блуда, и среди которыхъ были слухи о блудѣ и такомъ блудѣ, каковаго нѣтъ даже и среди язычниковъ? Но и самое епископское избраніе служить въ мою пользу. Ибо не говоритъ (апостоль): въ епископа долженъ избираться тотъ, кто возьметъ одну жену и будетъ раждать дѣтей, но говорится: кто имѣетъ одну жену и дѣтей повинующихся во всякомъ благочестіи (1 Тим. 3; Тит. 1). Конечно ты согласишься, что не можетъ быть епископомъ тотъ, кто въ епископствѣ раждаетъ дѣтей. Иначе, если онъ будетъ обличенъ, то не будетъ терпимъ какъ мужъ,

а будетъ осужденъ, какъ прелюбодѣй. Или дозволь священникамъ исполнять брачныя отношенія и дѣвственники пусть будутъ тоже, что и женатые: или если священникамъ не позволяется прикасаться къ женамъ, то они святы тѣмъ, что подражаютъ дѣвственному цѣломудрію. Но нужно присоединить и слѣдующее. Если мірянинъ и всякій вѣрующій не иначе можетъ молиться, какъ только воздержавшись отъ брачныхъ сношеній, то священнику, которому всегда должно приносить за народъ жертвы, должно всегда молиться; а если всегда должно молиться, то всегда должно лишать себя брачныхъ отношеній. Ибо и въ ветхомъ законѣ приносившіе за народъ жертвы не только не были въ домахъ своихъ, но и очищались, отдѣлившись на время отъ женъ, и не пили вина и сикера, которыя обыкновенно возбуждаютъ похоть. Избираются женатые во священство, не отрицаю, потому что нѣтъ столько дѣвственниковъ, сколько нужно священниковъ. Неужели на томъ основаніи, что въ войско всякій долженъ выбираться самый сильный, не будутъ изъ-за этого приниматься и слабѣйшіе, когда всѣ не могутъ быть сильными? Еслибы войско состояло только изъ силъ, а не изъ числа солдатъ, то слабѣйшіе исключались бы. Теперь принимается и второй и третій разрядъ по силамъ, чтобы войско наполнялось и по составу и по количеству. А почему, скажешь ты, часто при поставленіи священническомъ дѣвственника обходятъ, а берутъ женатаго? Потому, можетъ быть, что прочія его дѣла не соотвѣтствуютъ дѣвству, или потому, что онъ считается дѣвственникомъ, а не таковъ на самомъ дѣлѣ; или дѣвство его безславно ¹⁾, или самое дѣвство рождаетъ въ немъ гордость, или, надмѣваясь одною тѣлесною чистотою, пренебрегаетъ прочими добродѣтелями: не призираетъ бѣдныхъ, слишкомъ пристрастенъ къ день-

¹⁾ Іеронимъ вѣроятно разумѣетъ здѣсь евнуховъ.

гамъ, выступастъ иногда съ самымъ суровымъ лицомъ, съ поднятыми бровями, походкою похожею на триумфальныя носилки, оскорбляетъ народъ, и не имѣя за что упрекнуть въ жизни, преслѣдуетъ ненавистію одну одежду и походку. Многіе избираются не по любви къ нимъ, а по ненависти къ другому. У очень многихъ удостоивается избирательнаго голоса одна простота, и возбуждается противодѣйствіе противъ ума и дальновидности другаго какъ недостатковъ. Иногда простой народъ и чернь ошибается въ своемъ сужденіи, и при избраніи священниковъ каждый угождаетъ своимъ вкусамъ, чтобы выбрать предстоятеля не столько добраго, сколько похожаго на себя. Иногда случается, что женатые, составляющіе большинство въ народѣ, сочувствуютъ женатымъ, какъ они сами, и предпочитая женатаго дѣвственнику, думаютъ чрезъ это считаться не низшими дѣвственниковъ. Скажу нѣчто и такое, что можетъ быть и оскорбить многихъ; но добрые на меня не будутъ гнѣваться, потому что совѣсть не упрекнетъ ихъ во грѣхѣ. Иногда это случается и по винѣ епископовъ, которые избираютъ въ клиръ не лучшихъ, но болѣе ловкихъ, а болѣе простыхъ и брѣткихъ считаютъ неспособными; или должности клира, какъ бы мѣста земнаго служенія, предоставляютъ родственникамъ и знакомымъ, или повинуются приказанію богатыхъ, и что хуже этого, даютъ степень клира тѣмъ, отъ которыхъ задобрены одолженіями. Иначе, если при такомъ пониманіи мысли апостола, епископы будутъ только женатые; то не долженъ былъ быть епископомъ и самъ апостоль, который сказалъ: *хочу бо да вси будутъ якоже и азъ* (1 Кор. 7, 7). И Іоаннъ будетъ признанъ недостойнымъ этой степени, и всѣ дѣвственники и воздержники, которыми какъ прекраснѣйшими камнями украшено монисто церкви. Епископъ, пресвитеръ и діаконъ—это названія не правъ, а обязанностей. Не говорится: кто епископства желаетъ, доброй

степени желаетъ, а говорится *добра дѣла желаетъ*, потому что поставленный въ высшемъ чинѣ, онъ можетъ, если захочетъ, имѣть средства къ упражненію въ добродѣтеляхъ.

Подобаетъ убо епископу быти непорочну (1 Тим. 3, 2), чтобы онъ не былъ преданъ никакому пороку; *единья жены мужу*—имѣя одну жену, пусть не имѣетъ ея; *трезвену*, или, какъ лучше говорится на греческомъ, *бодрствующему*, т. е. *ὑψάλειον*; *цѣломудру*, ибо это обозначаетъ *σώφρων*, *украшенному* (*ornatum*) и цѣломудріемъ и нравственностію; *страннолюбиву*, чтобы онъ подражалъ Аврааму, и съ странниками и даже въ странникахъ принималъ Христа. *Учителю*: ибо бесполезно ему наслаждаться сознаниемъ добродѣтелей, когда онъ не въ состояніи и наставлятъ вѣранный ему народъ;—чтобы онъ былъ способенъ и убѣждать въ ученіи и обличать противорѣчащихъ. *Не пияницъ*, потому что всегда присутствующій во Святая Святыхъ и приносящій жертвы, не долженъ пить вина и сикера, ибо въ винѣ есть блудъ. Епископъ долженъ такъ пить, чтобы не было замѣтно, пилъ ли онъ. *Не бойца*, который бы, то есть, возмущалъ совѣсть всѣхъ; ибо не бойца описываетъ рѣчь апостольская, а наставляетъ епископа, чего онъ не долженъ дѣлать. Теперь прямо учить, что онъ долженъ дѣлать. *Но кротку, не завистливу, не сребролюбцу, свой домъ добру правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистою*. Смотри, какое въ епископѣ требуется цѣломудріе: если даже дѣти его не будутъ цѣломудренны, то онъ самъ не можетъ быть епископомъ и оскорбляетъ Бога тѣмъ же грѣхомъ, какимъ прогнѣвалъ Иліи первосвященникъ, который хотя наказывалъ дѣтей, но поелику не отвергъ ихъ за преступленія ихъ, то упалъ навзничъ прежде чѣмъ угасъ свѣтильникъ Божій (1 Цар. 2 и 4). *Женалъ такожде чистымъ* и прочее. Цѣломудріе занимаетъ первое мѣсто во всякомъ чинѣ и полѣ. Итакъ видишь, что епископъ, пресвитерь и

діаконъ не потому блаженны, что они епископы, или пресвитеры, или діаконы, а если имѣють добродѣтели, соотвѣтствующія ихъ именамъ и санамъ. Въ противномъ случаѣ, если діаконъ будетъ святѣе своего епископа, то онъ будетъ у Христа хуже, потому что онъ ниже по сану. Или діаконъ Стефанъ, который первый увѣнчанъ мученичествомъ, въ царствіи небесномъ будетъ меньше многихъ епископовъ, и Тимоѳея и Тита, которыхъ я какъ не осмѣливаюсь унижать предъ нимъ, такъ не осмѣливаюсь и предпочитать (Дѣян. 6 и 7). Какъ въ легіонахъ и войскѣхъ есть полководцы, есть трибуны, есть центуріоны, есть пращники, и легко вооруженные, и рядовые солдаты, и ротные, и когда сражаются, то нѣтъ названій чиновъ, а требуется одна храбрость: такъ и на этомъ поприщѣ и борьбѣ, въ которой мы воинствуемъ противъ демоновъ, требуются не имена, а дѣла, и подъ предводительствомъ истиннаго царя—Христа наиболѣе славенъ не тотъ, кто почетнѣе, а тотъ, кто доблестнѣе.

Но ты скажешь: если всѣ будутъ дѣвственниками, то какъ будетъ существовать родъ человѣческій? Подъ пару къ этому прибавлю: если всѣ будутъ вдовами или воздерживающимися отъ брачныхъ сношеній, то какъ будетъ распространяться родъ смертныхъ? При такомъ приѣмѣ—чтобы другое не переставало существовать—не будетъ рѣшительно ничего. Напримѣръ: если всѣ будутъ философы, не будетъ земледѣльцевъ. Что я говорю земледѣльцевъ?—не будетъ ни ораторовъ, ни законовѣдovъ, ни учителей другихъ искусствъ. Если всѣ будутъ головами, то чьими будутъ называться головами, когда не будетъ другихъ членовъ? Ты опасаясь, какъ бы не исчезли распутницы, не исчезли прелюбодѣйцы, если всѣ будутъ жить въ дѣвствѣ; опасаясь, какъ бы въ городахъ и деревняхъ не перестали плакать дѣти? Каждый день проливается кровь прелюбодѣевъ. наказываются блудныя дѣла, и среди самыхъ законовъ и сѣкиръ и трибуналовъ

господствуетъ неистовая похоть. Не бойся, какъ бы всё не стали дѣвственниками: дѣвство—дѣло трудное, и потому рѣдкое, что трудное: много званыхъ, мало избранныхъ (Матѳ. 20, 16; 22, 14); начинаютъ многіе, выдерживаютъ немногіе. Еслибы всё могли быть дѣвственниками, Господь никогда не сказалъ бы: *могий вмѣстити да вмѣститъ* (Матѳ. 19, 12) и апостоль, увѣщавая, къ нему не сказалъ бы съ опасеніемъ: *о двѣхъ же повелѣніяхъ Господня не имамъ* (1 Кор. 7, 25). Зачѣмъ также, скажешь ты, сотворены дѣтородные члены, и зачѣмъ мы премудрымъ Создателемъ такъ устроены, что ощущаемъ взаимную страсть и желаемъ естественнаго совокупленія? Стѣсняемъ щекотливостію отвѣта и какъ бы между двумя подводными скалами и нѣкими *συμπληγάδας* (утесами) необходимости и стыда терпимъ кораблекрушеніе оттуда и отсюда, или со стороны стыда, или со стороны обвиненія. Если отвѣчаемъ на возраженія, то покрываемся стыдомъ; если стыдъ заставитъ насъ молчать, покажется, будто мы отступаемъ и даемъ противнику право сумасбродствовать. Однако же лучше сражаться, какъ говорятъ, съ закрытыми глазами на подобіе андабатовъ, чѣмъ не отражать щитомъ истины направленныхъ противъ нея коній. Я именно могу сказать: какъ задняя часть тѣла и проходъ, которымъ извергаются желудочныя испраженія, удаленъ отъ глазъ и помѣщенъ какъ бы за спиною, такъ и подбрюшный органъ сотворенъ Богомъ для изверженія влаги и питія, которыми напаяются вены тѣла. Но поелику самые органы, устройство родотворныхъ частей, различное у насъ и у женщинъ, и вмѣстилища матки, созданныя для принятія и согрѣванія плода, указываютъ на различіе пола, то на это я кратко отвѣчу вотъ что: поэтому мы никогда не должны удерживаться отъ похоти, чтобы не носить напрасно этихъ членовъ: потому что зачѣмъ мужъ будетъ воздерживаться отъ жены, зачѣмъ вдова будетъ оставаться цѣломудренною, если

мы на то только и рождены, чтобы жить поскотски? Или какой для меня будетъ вредъ, если съ моею женою будетъ совокупляться другой? Ибо какъ дѣло зубовъ жевать и пережеванное отправлять въ желудокъ, и не дѣлаетъ преступленія тотъ, кто дастъ женѣ моей хлѣба: такъ если дѣло родотворныхъ органовъ въ томъ, чтобы постоянно пользоваться своею природою, то пусть силы другаго восполняютъ мою слабость, и сладострастiе со всякимъ встрѣчнымъ пусть тушить, такъ сказать, распаленную похоть жены моей. Чего же хочеть апостоль, убѣждая къ воздержанiю, если оно противно природѣ? Чего хочеть самъ Господь, который учить о различii между евнухами? Да, апостоль, который призываетъ насъ къ своему цѣломудрiю, долженъ терпѣливо выслушать: зачѣмъ ты носишь родотворный членъ, о Павелъ? зачѣмъ отличаешься отъ женскаго пола бородою, волосами, и различнымъ устройствомъ органовъ? зачѣмъ у тебя не вздутые сосцы, не расширенныя почки, не узкая грудь? зачѣмъ у тебя грубѣе голосъ, жестче выговоръ, гуще брови? Напрасно у тебя всѣ эти свойства мужчинъ, если ты не пользуешься объятiями женщинъ. Я вынужденъ былъ сказать что-нибудь и стать неразумнымъ, но вы вынудили меня, чтобы я осмѣлился высказать это. Господь нашъ и Спаситель, который, сый въ образѣ Божіемъ, удостоилъ принять зракъ раба, послушавъ бывъ Отцу даже до смерти, смерти же крестной,—какую имѣлъ необходимость родиться въ этихъ членахъ, которыми не имѣлъ пользоваться? Онъ конечно и обрѣзался для того, чтобы показать свой полъ. Зачѣмъ Онъ любовiю къ себѣ оскотилъ Юанновъ—апостола и Крестителя, которымъ опредѣлилъ родиться мужчинами? Итакъ мы, которые вѣруемъ во Христа, должны слѣдовать и примѣрамъ Христа. И хотя мы знали Его во плоти, но уже не знали Его по плоти. Конечно въ воскресенiи природа тѣль будетъ таже, какую теперь пользуемся, хотя прославленная. Ибо и Спа-

ситель послѣ ада настолько имѣлъ то самое тѣло, въ которомъ былъ и распятъ, что показывалъ и руки прободенныя гвоздями и рану въ боку. Далѣе, если Онъ вошелъ чрезъ запертыя двери, чего не допускаетъ природа человѣческихъ тѣлъ, то поэтому мы отрицаемъ, что и Петръ и Господь имѣли истинныя тѣла, такъ какъ они ходили по водамъ, что противно природѣ. «Въ воскресеніи мертвыхъ не женятся, ни посягаютъ, но будутъ подобны ангеламъ» (Матѣ. 22, 30) Чѣмъ другіе будутъ въ послѣдствіи на небесахъ, тѣмъ дѣвственники начали быть на землѣ. Если намъ обѣщается уподобленіе ангеламъ (а между ангелами нѣтъ различія пола), то или мы будемъ безъ пола, какъ ангелы, или, что несомнѣнно подтверждается, воскресши въ особомъ полѣ, не будемъ имѣть половыхъ отношеній.

Но затѣмъ мы ведемъ дѣло аргументами и возраженіями противника хотимъ отражать искусными отвѣтами? *Древняя мимодоша, се быма вся нова* (2 Кор. 5, 17). Пробѣгу помыслямъ апостоловъ и какъ къ свидѣтельствамъ Соломона и присовокупилъ краткія толкованья для легкости пониманія, такъ и теперь изложу наставленія въ христіанскомъ цѣломудріи и воздержаніи, и изъ многихъ свидѣтельствъ сдѣлаю какъ бы одно цѣлое, чтобы въ немъ и ничего не опустить относящагося къ цѣломудрію, и вмѣстѣ избѣжать утомительности отъ излишней растянутости. Апостоль Павель между прочимъ пишетъ къ Римлянамъ: *Кій убо тогда имѣте плодъ, о нихъ же нынѣ стыдитесь; кончина бо оныхъ смерть. Нынѣ же сеобождшеся отъ грѣха, порабоуиши же Богови, имате плодъ саизъ во святыню, кончину же жизньъ вѣчную* (Рим. 6, 21. 22). Думаю, что и конецъ брака есть смерть; а плодъ святыни, который относится или къ дѣвству или къ воздержанію, вознаграждается жизнью вѣчною. И потомъ: *тѣмъже братія моя, и вы умросте закону тѣломъ Христовымъ, во еже быти вамъ*

многу, воставшему изъ мертвыхъ, да плодъ принесемъ Богови. Егда бо бѣхомъ во плоти, страсти грѣховныя, яже закономъ, дѣйствоваху со удыхъ нашихъ, во еже плодъ творити смерти. Нынѣ же упразднихомся отъ закона, имже держимъ бѣхомъ, яко работати намъ во обновленіи духа, а не въ ветхости писъмене (Рим. 7, 4 и слѣд.). Егда, говорить, бѣхомъ во плоти, и не въ обновленіи духа, а въ ветхости писъмене, дѣлали то, что относилось къ плоти и приносили плоды для смерти. А теперь, такъ какъ мы умерли закону, чрезъ тѣло Христово, то должны приносить плоды Богу, чтобы принадлежать Тому, Который воскресъ изъ мертвыхъ. И въ другомъ мѣстѣ, сказавши напередъ: *вѣмъ, яко законъ духовенъ есть* (Рим. 7, 14), и послѣ пространнаго разсужденія о насиліи плоти, что она часто побуждаетъ насъ дѣлать, чего не хотимъ, въ концѣ прибавилъ: *окаяненъ азъ человекъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея; благодать Божія Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ* (тамъ-же 24). И опять: *тѣмъ же убо самъ азъ умою моимъ работаю закону Божию, плотию же закону грѣховному* (тамъ же 25). И еще: *Ни едино убо осужденіе сущимъ о Христвъ Іисусъ, не по плоти ходящимъ. Законъ бо Духа во Христвъ Іисусъ свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (Рим. 8, 1. 2). И далѣе яснѣе учитъ, что христіане ходятъ не по плоти а по духу, говоря: *Сущи бо по плоти, плотская мудрствуютъ; а иже по духу, духовная. Мудрованіе бо плотское, смерть есть; а мудрованіе духовное, животъ и миръ. Зане мудрованіе плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покарается, ниже бо можетъ. Сущи же во плоти Богу угодити не могутъ. Вы же нынѣ во плоти, но въ духъ, если только Духъ Божій живетъ въ васъ, и прочее до извѣстнаго мѣста, гдѣ говорить: *тѣмъ же убо, братіе, должны есмы не по плоти, еже по плоти**

жити. Аще бо по плоти живете, имате умерети; аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляетъ, живи будете. Елицы бо Духомъ Божиимъ водятся, сіи суть сынове Божіи (Рим. 8, 5—14). Если мудрость плоти есть вражда на Бога, и сущіе во плоти не могутъ угодить Богу: то думаю, что несущіе обязанности супружескія любятъ мудрость плоти и суть во плоти. Отвлекая отъ ней и привлекая къ духу, апостолъ говоритъ потомъ: *молю убо васъ, братіе, милосердіемъ Божиимъ, представите тѣла ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше. И не сообразуйтесь вѣку сему, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ, что есть воля Божія благая, и благоугодная, и совершенная. Глаголю бо благодатію давшееся мнѣ, всякому сущему въ васъ не мудрствовати наче, еже подобаетъ мудрствовати; но мудрствовати въ цѣломудрїи, — не въ трезвости, какъ читается это неправильно въ латинскихъ кодексахъ, но мудрствовати, говоритъ, въ цѣломудрїи: потому что по гречески стоитъ ἐν τῷ σωφρονεῖν (Рим. 12, 1—3). Рассмотримъ мысль апостола. Преобразуйтесь, говоритъ онъ, обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ, что есть воля Божія благая, и благоугодная, и совершенная. Смыслъ сказаннаго такой. Дозволяетъ Богъ бракъ, дозволяетъ второй бракъ, и когда окажется необходимымъ, предпочитаетъ прелюбодѣянїю и третїй бракъ; но мы, которые должны представить свои тѣла жертвою живою, святою, угодною Богу, разумнымъ служеніемъ нашимъ, — мы должны обращать свое вниманіе не на то, что Богъ дозволяетъ, но на то, чего Онъ хочетъ, дабы узнавать, чтѣ въ отношенїи къ волѣ Божїей хорошо, благоугодно и совершенно. Итакъ, что дозволяетъ Онъ, не есть ни хорошо, ни благоугодно, ни совершенно. И приводитъ причины, почему совѣтуетъ это: *вѣдѣюще время, яко часъ уже намъ отъ сна востати. Нынѣ бо ближай-**

шее намъ спасеніе, нежели егда въровахомъ. Ноцъ убо прейде, и день приближися. И въ концѣ: облечытеся Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и плоти угодія не творите въ похоти (Римл. 13, 11. 12. 14). Иное — воля Божія, иное — снисхожденіе. Почему и въ посланіи Коринѳянамъ говоритъ: *азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ, яко младенцемъ о Христѣ. Млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ; ибо не уможасте, но ниже еще можете нынѣ. Еще бо плотстии есте* (1 Кор. 3, 1—3). Кто душевенъ, и не принимаетъ того, что отъ Духа Божія (потому что оно безуміе для него, и не можетъ онъ разумѣть: такъ какъ о томъ слѣдуетъ судить духовно), тотъ питается не брашномъ совершенной чистоты, но грубымъ молокомъ брака. Какъ чрезъ человѣка смерть, такъ чрезъ человѣка же и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ всѣ мы умираемъ, такъ во Христѣ всѣ живаемъ. Служили мы въ Законѣ древнему Адаму: послужимъ въ Евангеліи Адаму новому. Ибо первый человѣкъ Адамъ сотворенъ въ душу живую, а послѣдній Адамъ въ духъ животворящій. *Первый человѣкъ отъ земли перстный; второй человѣкъ Господь съ небесе. Яковъ перстный, таковы и перстни; и яковъ небесный, таковы и небесни. И якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго. Сіе же глаголю, братіе, яко плоть и кровь царствія Божія наследити не могутъ, ниже тлѣніе нетлѣнія наследствуетъ* (1 Кор. 15, 47—50). Это такъ ясно, какъ яснѣе изложено быть не можетъ. *Плоть и кровь, говоритъ онъ, царствія Божія наследити не могутъ, ниже тлѣніе нетлѣнія.* Если тлѣніе относится ко всякому совокупленію, а нетлѣніе есть принадлежность чистоты: то бракъ не можетъ наследовать награды цѣломудрія. *Вѣлы бо, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога и мамы, храмину нерукотсо-*

ренну, вѣчну на небесахъ. О семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе. Ибо желаемъ выйти изъ тѣла и жить со Христомъ; тѣмже и тщимся, въ тѣлѣ ли, или внѣ тѣла, благоугодни Богу быти (2 Кор. 5, 1 и слѣд.). А чтобы указать полнѣе, какими желаетъ намъ быть, онъ учитъ въ другомъ мѣстѣ, говоря: *обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представи Христови (2 Кор. 2).* Еслибы ты захотѣлъ относить это ко всей церкви, и въ числѣ обрученныхъ разумѣть здѣсь и замужнихъ и второбрачныхъ, и вдовъ, и дѣвъ: и тогда это будетъ въ нашу пользу. Ибо приглашая всѣхъ къ цѣломудрію и наградѣ дѣвства, онъ показываетъ, что дѣвство выше во всѣхъ отношеніяхъ. И снова къ Галатамъ говорить: *отъ дѣла закона не оправдится всяка плоть (Гал. 2, 16).* Къ дѣламъ закона принадлежитъ и бракъ; почему въ немъ и подвергаются пошению не имѣющіе сыновей. Если онъ допускается и въ Евангеліи: то иное дѣло уступка немощи, а иное—обѣтованіе наградъ за добродѣтели.

Скажу и я своимъ брачнымъ ходатаямъ, которые послѣ цѣломудренной жизни и долговременнаго воздержанія начинаютъ имѣть похоть къ совокупленію и заигрываютъ по подобію скотовъ: и вы такъ несмыслены, что начавши духомъ, нынѣ скончаваете плотию (Гал. 3, 3)? и допустили вы это потерпѣть себѣ безъ всякой причины? Когда апостоль ослабляетъ нѣкоторымъ узы воздержанія и опускаетъ узду бѣгущимъ, онъ дѣлаетъ это ради немощи плоти. Пиша противъ этого, онъ говоритъ: *духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте. Плоть бо похотствуетъ на духа, духъ же на плоть. (Гал. 5, 16. 17).* Нѣтъ необходимости говорить теперь о дѣлахъ плоти: это было бы длинно, и желающій легко можетъ почерпнуть (*относящееся къ сему*) изъ посланія апостола. Скажу только о духѣ, коего плоды суть любовь, радость, миръ, великодушіе, благосклонность,

доброта, вѣра, кротость, воздержаніе. Всѣ добродѣтели духовныя держить и покрываетъ, какъ твердѣйшій фундаментъ и высшая точка кресты, воздержаніе. Что противорѣчить этому, не есть законъ. *А иже Христови суть, плоть распяши со страстми и похотми. Аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ* (Гал. 5, 24. 25). Зачѣмъ, распявши со Христомъ плоть и ея страсти и похоти, мы снова хотимъ дѣлать то, что принадлежитъ плоти? *Еже бо аще съѣтъ челоуѣкъ, тожде и пожнетъ. Сяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе; а съяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. 6, 7. 8). Полагаю, что имѣющій жену, пока обращается къ ней (чтобы не некушалъ его сатана), съѣтъ въ плоть, а не въ духъ. А кто съѣтъ въ плоть (говору не я, но апостолъ), тотъ пожнетъ истлѣніе. Избралъ насъ во Христѣ Богъ Отецъ прежде созданія міра, да будемъ святы и непророчны предъ лицемъ Его. Ходили мы въ похотяхъ плоти, творя волю ея и волю помысленій, и были чадами гнѣва, какъ и остальные люди. Нынѣ же Онъ совоскресилъ насъ и снесадилъ на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ, да отложимъ по первому житію ветхаго челоуѣка, тлѣющаго изъ-за привязанности къ заблужденію, и да прострется на насъ оное блаженіе, которое такъ заканчиваетъ таинственное посланіе къ Ефесеямъ: *благодать со всеми вами, любящими Господа въ истинѣ* (Ефес. 6, 24). *Житіе наше на небесахъ есть; отъонудуже и спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа, иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы его* (Филип. 3, 20. 21). Тому, что истинно, что цѣломудренно, что праведно, что относится къ чистотѣ, тому предадимъ себя, тому послѣдуемъ. Христосъ въ тѣлѣ своемъ примирилъ насъ Богу Отцу смертію, представилъ насъ святыми и непорочными и безупречными предъ Нимъ, въ Немъ и обрѣзаны мы обрѣзаніемъ не рукотвореннымъ, въ отложеніе тѣла плоти, по

обрѣзаніемъ Христовымъ, спогребшисъ ему въ крещеніи, въ которомъ и совоскресли. Итакъ, если мы совоскресли со Христомъ,—будемъ искать вышняго, идѣже есть Христось, одесную Бога сѣдѣй,—будемъ мудрствовать о вышнемъ, а не о томъ, что на землѣ. Ибо мы умерли, и жизнь наша сокрыта со Христомъ въ Богѣ. Ибо, когда явится Христось, жизнь наша, тогда явимся съ Нимъ и мы въ славѣ (Колос. 2, 12; 3, 1 и дал.). Никто, воинствуя Богу, не вдается въ мірскія дѣла, чтобы быть угоднымъ избравшему его (2 Тим. 2, 4). *Явися бо благодать Бога Спасителя всѣмъ человекомъ, научающая насъ, да отвергшемся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ* (Тит. 2, 11. 12).

У меня недостало бы времени, еслибы я захотѣлъ привести изъ апостола всѣ заповѣди, касающіяся чистоты. Это о нихъ говоритъ Господь апостоламъ: *еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ. Егда же придетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. 16, 12. 13). Тотчасъ послѣ креста Христова, въ Дѣянїяхъ апостольскихъ, одинъ домъ Филиппа евангелиста произвелъ четверицу дочерей дѣвъ, чтобы въ Кесарїи, гдѣ въ лицѣ Корнелїя сотника освящена была церковь изъ язычниковъ, представить примѣры и дѣвъ отроковиць. И хотя Господь сказалъ въ Евангелїи: *законъ и пророки до Іоанна*, но объ этихъ говорится, что онѣ, послѣ Іоанна (Дѣян. 21, 9). Ибо сіявшїя блескомъ дѣвства, онѣ не могли подлежать закону ветхаго завѣта. Перейдемъ къ Іакову, который назывался братомъ Господнимъ: онъ былъ такъ святъ, такъ праведенъ и постоянно дѣвственъ, что іудейскїй историкъ Іосифъ представляетъ разрушеніе Іерусалима слѣдствїемъ убїйства его ¹⁾.

¹⁾ Свидѣтельства этого объ Іаковѣ въ дошедшихъ до насъ книгахъ Іосифа Флавїя не встрѣчается. Но въ древнее время его читалъ и

Этотъ первый епископъ іерусалимской церкви, составившейся изъ вѣрующихъ іудеевъ, къ которому предпринималъ путешествіе Павелъ съ Титомъ и Варнавою, говорить въ своемъ посланіи: не обманывайтесь *братія моя возлюбленная*. *Всякое даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходящій отъ Отца свѣтовъ, у него же нѣтъ прелмненія или преложенія стъни. Восхотѣвъ бо породи насъ словомъ истины, во еже быти намъ начатокъ созданіемъ его* (Іак. 1, 16—18). Дѣвственникъ учитъ таинственнымъ образомъ дѣвству. Всякій совершенный даръ нисходитъ свыше, гдѣ нѣтъ брака, и нисходитъ не отъ кого либо, но отъ Отца свѣтовъ, который говоритъ апостоламъ: *вы есте свѣтъ міру* (Мат. 5, 14). У Него нѣтъ различія между іудеемъ и язычникомъ, и сѣнь, лежавшая на законѣ, не закрываетъ увѣровавшихъ изъ язычниковъ; но Онъ родилъ насъ словомъ, и словомъ—истины: ибо сѣнь, образъ, нѣкій видъ только истины, прешли въ законѣ,—родилъ, да будемъ начатокъ твореній Его. И какъ самъ будучи перворожденнымъ изъ мертвыхъ, воскресилъ въ себѣ всѣхъ мертвыхъ: такъ самъ же будучи дѣвственникомъ, освятилъ въ своемъ дѣвствѣ начатокъ своихъ дѣвственниковъ. Посмотримъ, что думаетъ о призваніи язычниковъ и Петръ. *Благословенъ, говоритъ онъ, Богъ и отецъ Господа нашего Іисуса Христа, иже по мнозій своей милости породей насъ во упованіе жизни воскресеніемъ Іисусъ Христовымъ отъ мертвыхъ, въ наслѣдіе нетлѣнно и нескверно и неувядаемо, соблюдаемо на небестхъ васъ ради, иже силою Божіею соблюдаемы есте чрезъ вѣру, во спасеніе готовое явитися во время послѣднее* (1 Петр. 1, 3—5). Тамъ, гдѣ проповѣдуется наслѣдіе нетлѣнное, непорочное, неувядаемое, уготованное на небесахъ, соблюдаемое на послѣднее время, и надежда

Оригенъ (кн. 1 и 2 противъ Цельса, и на Матѣ. бес. 13) и Евсевій въ своей исторіи.

жизни вѣчной, когда не будутъ ни жениться, ни посягать, тамъ иными словами изображаются преимущества дѣвства. Ибо тому же учитъ онъ и въ дальнѣйшихъ словахъ: *Тѣмъ же, препоясавше чресла помысленія вашего, трезвящеся совершеннѣ, уповайте на приносимую вамъ благодать откровеніемъ Іисусъ Христовымъ. Яко чада послушанія не сообразуйтеся съ первыми невѣденія вашего похотнѣмъ, но, по званію въ Святому, и сами святы во всемъ житіи будите. Зане писано есть: святы будите, яко азъ святъ есмь.—Яко не истлѣннымъ серебромъ или золотомъ искуплены вы, но драгоцѣнною кровію агнца непорочна Іисуса Христа,--да очиститъ души наши въ послушаніе истины, будучи порождены не отъ совокупленія тлѣннаго, но отъ нетлѣнія, словомъ живаго Бога и пребывающа во вѣки, и яко каменіе живо, да созиждемъ въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны Христомъ Господомъ нашимъ (1 Петр. 1, 13 и дал.; 2, 5). Ибо мы родъ избранъ, царское освященіе, языкъ святъ, люди пріобрѣтенія. Христосъ умеръ за насъ плотію. Вооружимся тою же жизнію, какъ и Христосъ: зане пострадавъ плотію, преста отъ грѣха, во еже не ктому человѣческому похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время. Довлѣетъ бо намъ мимомедшее время житія, ходивымъ въ нечистотахъ, въ похотехъ и другихъ порокахъ (1 Петр. 4, 1—3). Великія и драгоцѣнныя даровалъ Онъ намъ обѣтованія дѣвства, да чрезъ оное содѣлаемъ божественнаго причастницы естества, отбѣгше, яже въ міръ, похотныя тли (2 Петр. 1, 4). Въсть Господь блгочестивыя отъ напасти избавляти, неправедники же на день судный для мученія блгости, наиниче же во сльдѣ плотскія похоти скверненія ходящія, и о господствѣ нерадщія, наглыхъ и дерзкихъ. Ибо сіи яко скоти неразумны, склонны къ чреву и похоти, хуляще во истлѣннѣ*

своемъ истлѣютъ, пріемлюще мзду неправедну, сласть мяюще неправду, скверну и порокъ, и кромѣ похотей, ни о чемъ другомъ не думаютъ. Очи они имѣютъ полныя прелюбодѣнія и ненасытной похоти, и прельщаютъ души, не утвердившіяся въ любви Христовой. Говорятъ слова надменные, и ненаученыхъ легко уловляютъ въ плотскія похоти, свободу имъ обѣщавающе, сами раби суще тлѣнія Ибо какою кто побѣжденъ бываетъ страстію, той и работенъ есть. *Аще бо отбѣгше сквернъ міра познаніемъ Спаса нашего Иисуса Христа, снова побѣждаемы бывають тѣмъ же, чѣмъ были побѣждены прежде, быша имъ послѣдняя горша первыхъ* Лучше бо бѣ имъ не познати пути правды, нежели познавшимъ возвратитися вспять, и оставить святую заповѣдь, преданную имъ. *Случися бо имъ истинная притча: песь возвращающа на свою блевотину, и свинія обмывшаяся въ грязи болотной* (2 Петр. 2, 9—22). Я не хотѣлъ излагать всего мѣста втораго посланія Петрова, а показалъ только, что пророчествомъ Духа Святаго были возвѣщены и учителя и ересь настоящаго времени. Наконецъ онъ указываетъ на нихъ же яснѣе, говоря: *яко пріидутъ въ послѣднія дни обольщающіе ругатели, по своимъ похотехъ ходящее.* и прочее (2 Петр. 3, 3).

Апостольская рѣчь изобразила Ювиніана, говорящаго напыщенно, произносящаго слова надменная, обѣщающаго свободу на небесахъ, въ то время, когда самъ онъ рабъ пороковъ и невоздержанія,—песь, возвращающійся на свою блевотину. Хотя же и выдаетъ себя за монаха, но если послѣ грязной тунки, и босыхъ ногъ, ржаного хлѣба и воды для питья заботится объ опрятныхъ одеждахъ, ивжаною кожѣ, сладкомъ винѣ и изысканно приготовленныхъ мясахъ, о нравахъ Апиція и Паксама, о баняхъ, кухняхъ и трактирахъ: то очевидно, что онъ небу предпочитаетъ землю, добродѣтелямъ пороки, Христу чрево, и пурпуровый цвѣтъ

послѣдняго считаетъ царствіемъ небеснымъ. Однакоже этотъ монахъ, пригожій, толстый, щеголеватый, набѣленный, и выступающій всегда женихомъ, пусть женится для доказательства, что дѣвство равно браку; а если не женится, то напрасно вооружается противъ насъ на словахъ, будучи согласенъ съ нами на дѣлѣ. Согласно съ тѣмъ же говоритъ и Іоаннъ: *не любите міра, ни яже въ мірѣ. Аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отца въ немъ. Яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть. И міръ преходитъ, и похоть его. А творяи солю Божію, пребываетъ во вѣки* (1 Іоан. 2, 15—17). *Заповѣдь нову пишу вамъ, еже есть постинъ во Христѣ и въ васъ: яко тма мимоходитъ, и свѣтъ уже сіяетъ* (тамъ же ст. 8). И еще: *возлюбленніи, нынѣ чада Божія есмы, и не у явися, что будемъ. Въмы же, яко егда явится, подобни ему будемъ: ибо узримъ его, яко же есть. И всякъ имѣяи надежду сію на нѣ, очищаетъ себе, яко же онъ чистъ есть.* И въ томъ совершенство нашей любви, если мы имѣемъ дерзновеніе на день суда, дабы какъ Онъ есть, такъ и мы были въ мірѣ семъ (1 Іоан, 3, 23. 17). Нѣчто похожее указываетъ и посланіе Іуды; *ненавидяще и яже отъ плоти оскверненную ризу* (Іуд. ст. 23). Станемъ читать Апокалипсисъ Іоанна, и встрѣтимъ тамъ Агнца на горѣ Сіонъ, и съ нимъ сто сорокъ четыре тысячи отмѣченныхъ, имѣющихъ имя его и имя Отца его, написанное на челахъ ихъ, которые поютъ пѣснь новую, и никто не можетъ пѣть эту пѣснь, кромѣ нихъ, искупленныхъ съ земли. Они тѣ, которые не осквернились съ женщинами, ибо пребыли дѣвственниками. Они идутъ за Агнцемъ, куда бы онъ ни пошелъ: ибо куплены отъ людей, какъ первенцы Богу и Агнцу, и во устахъ ихъ не обрѣтется леть, и безъ порока они (Апок. 14, 1—5). Отъ каждаго изъ колѣнъ, исключая колѣна Да-

нова, которое замѣняется колѣномъ Левіи (*Манассин?*), полагается по двѣнадцати тысячъ дѣвственниковъ, не осквернившихся съ женщинами. А чтобы мы не подумали, что рѣчь идетъ о не имѣвшихъ дѣла съ блудницами, — тотчасъ же прибавляетъ: ибо пребыли дѣвственниками. Этимъ показываетъ онъ, что всѣ, не бывшіе дѣвственниками, сравнительно съ чистѣйшимъ и ангельскимъ цѣломудріемъ и съ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, осквернены. Это они поютъ пѣснь новую, которую не можетъ пѣть никто, кромѣ дѣвственника. Они-то первенцы Бога и Агнца, и безъ порока. Если дѣвственники суть первенцы Божіи: то вдовы и воздерживающіяся въ брачномъ состояніи будутъ уже послѣ первенцовъ, т. е. во второй и третьей степени, и развращенный народъ не прежде можетъ спастись, какъ принесши Богу такія жертвы цѣломудрія и примирившись этими чистѣйшими жертвами съ непорочнымъ Агнцемъ. Было бы безъ конца изъяснять евангельское таинство десяти дѣвъ, пяти мудрыхъ и пяти юродивыхъ. Скажу въ настоящемъ случаѣ только то, что какъ одно дѣвство безъ другихъ дѣлъ не спасаетъ, такъ и всѣ дѣла безъ дѣвства, чистоты, воздержанія, цѣломудрія, не совершенны. Въ этомъ отношеніи насъ нисколько не можетъ затруднить противопоставляемое противникомъ возраженіе, что Господь былъ въ Канѣ Галилейской и праздновалъ брачное торжество, превративъ воду въ вино. Я дамъ самый короткій отвѣтъ, что Онъ, который былъ обрѣзанъ въ восьмой день и за котораго въ день очищенія были принесены пара горлицъ и два птенца голубиныхъ, до страданій своихъ одобрялъ, между прочимъ, обычай іудеевъ, чтобы не подать имъ законнаго повода убить себя, какъ разрушающаго законъ и осуждающаго природу. Впрочемъ, и это ради насъ же. Ибо, пришедши на бракъ разъ только, Онъ учитъ и жениться только одинъ разъ. И это могло бы повредить дѣвству въ томъ только с учаѣ,

если бы мы не ставили брака ниже дѣвства, а цѣломудріе вдовства на третьей ступени. Въ настоящее же время, когда еретики принялись осуждать супружество и презирать Божіе созданіе, мы охотно выслушиваемъ похвальные отзывы о бракѣ. Ибо церковь супружества не осуждаетъ, но даетъ ему не первое мѣсто, и не отвергаетъ его, но благоразумно употребляетъ, зная, какъ мы выше сказали, что въ большомъ домѣ есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные, и одни изъ нихъ въ честь, другіе не въ честь, и что очистившій себя будетъ сосу-домъ почтеннымъ и на всякое потребное благое дѣло уго-тованнымъ.

Мы представили весьма достаточно примѣровъ христіанскаго цѣломудрія и ангельскаго дѣвства изъ божественныхъ книгъ. Но изъ объясненій противника я увидѣлъ, что онъ призываетъ насъ на судъ мірской мудрости, утверждая, будто міръ никогда не одобрялъ этого рода жизни, и наша религія ввела новый догматъ, противный природѣ. Поэтому я пробѣгу коротко повѣствованія греческія, латинскія и варварскія, и покажу, что дѣвство всегда считалось верхомъ цѣломудрія. Басни говорятъ о дѣвѣ Аталантѣ Калидоніи, проводившей все время на охотѣ и въ лѣсахъ, что она любила не вздутое чрево женское и не мерзость зачатій, а подвижную и чистую доблесть. Знаменитый поэтъ ¹⁾ описалъ также Гарпалію, дѣву еракійскую, и Камиллу, царицу вольсковъ. Турнь, къ которому послѣдняя пришла на помощь, желая восхвалить ее, не нашелся сказать ничего большаго, какъ только назвать ее дѣвою: *о дѣва краса Ита-лин* ²⁾! Пишутъ также, что извѣстная Халхіакусъ Леонъ, всегдашняя дѣвственница, добровольною смертію освободила

¹⁾ Виргилій Энеид. 1.

²⁾ Тамъ же кн. 11.

отечество отъ моровой язвы, а кровь дѣвы Ифигеніи умило-
 стивила противные вѣтры. А что сказать о сивиллахъ, Ерио-
 реѣ, Куманѣ и осьми другихъ (ибо Варронъ полагаетъ, что
 ихъ было десять), которыхъ дѣвство было отличіемъ, а на-
 градою дѣвства—способность предсказанія?—Если на эолій-
 скомъ нарѣчій сивилла называется *Ἐοιβούλη*: то справедливо
 пишется, что *соестьт Божій* извѣстенъ одному дѣвству.
 Равнымъ образомъ читаемъ, что Кассандра и Хризея, пред-
 сказательницы Аполлона и Юноны, были дѣвами. Суще-
 ствовали безчисленныя жрицы Діаны Таврической и Весты.
 Одна изъ нихъ, Минуція, по подозрѣнію въ блудодѣянніи,
 была зарыта въ землю живою: наказаніе, полагаю, несправед-
 ливое, еслибы нарушеніе дѣвства не считалось великимъ пре-
 ступленіемъ. Какимъ почетомъ окружалъ всегда дѣвъ народъ
 римскій, съ полною ясностію видно изъ того, что консулы,
 императоры, вѣзжавшіе на торжественныхъ колесницахъ, съ
 трофеями одержанной побѣды надъ народами, и всякихъ степе-
 ней сановники, обыкновенно, уступали имъ дорогу. Клавдія, ве-
 стальская дѣва, когда подпала подозрѣнію въ блудодѣянніи, и
 между тѣмъ остановился на мели въ Тибрѣ истуканъ Цибелы,
 въ доказательство своего цѣломудрія, какъ говорятъ, повела
 на поясѣ корабль, котораго не могли стащить тысячи людей.
 Лучше, однакоже, было бы поступлено съ нею, говоритъ дядя
 по отцу поэта Лукана (*т. е. Сенека наставникъ Нерона*),
 еслибы случившееся служило просто къ украшенію несомнѣн-
 наго цѣломудрія, а не къ защитѣ подвергнувшагося сомнѣ-
 нію. И неудивительно это въ отношеніи къ людямъ: потому
 что заблужденіе языческое измыслило даже дѣвъ богинь,—
 Минерву и Діану, и между двѣнадцатю созвѣздіями небе-
 сными, которыми, какъ думаютъ, вращается міръ, помѣстили
 Дѣву. Браку нанесено большое оскорбленіе, какъ скоро жену
 и мужа не втиснули даже и между скорпіонами и кентав-
 рами, раками, рыбами и козерогамъ. Тридцать тирановъ афин-

скихъ, умертвивъ на пиру Фидона, приказали явиться къ нимъ дочерямъ его дѣвамъ, обнажиться по обычаю блудницъ, и плясать съ безстыдными тѣлодвиженіями на полу, обогрѣнномъ отцовскою кровію. На короткое время онѣ скрыли скорбь; но когда увидѣли пирующихъ пьяными, вышли будто для естественной потребности, и обнявшись взаимно, бросились въ колодезь, чтобы смертью спасти дѣвство. Дѣва дочь Демаціона, главы ареопагитовъ, услышавъ о гибели жениха Леосеена, возбуждавшаго войну ламійскую, умертвила себя, утверждая, что хотя она и осталась непорочна тѣломъ, тѣмъ не менѣе, еслибы ее принудили взять другаго, взяла бы его какъ втораго (*мужа*): потому что уже сочеталась въ душѣ бракомъ съ первымъ. Спартане и мессенцы долгое время были въ такой дружбѣ между собою, что для совершенія нѣкоторыхъ священныхъ обрядовъ посылали взаимно другъ къ другу дѣвъ. Когда же въ одно время мессенцы покусились обезчестить пятьдесятъ лакедемонскихъ дѣвъ, изъ такого количества ихъ ни одна не согласилась на блудъ, и всѣ съ величайшею охотою умерли за цѣломудріе. Изъ-за этого возникла жестокая и весьма продолжительная война, и спустя много времени Мамерція была разрушена. Аристоклидъ, тиранъ Орхомена, полюбилъ дѣву стимфальскую; но когда отецъ ея былъ убитъ, она убѣжала въ храмъ Діаны, ухватилась за статую ея, и такъ какъ не могла быть оторвана силою, была заколота на томъ же мѣстѣ. По случаю ея убійства вся Аркадія была поражена скорбію до такой степени, что начала общенародную войну и отмстила убійство дѣвы. Когда лакедемоняне были побѣждены и однажды ночью совершали праздникъ, называемый Гіацинтіею, Аристоменъ мессенскій, мужъ правдивѣйшій, похитилъ изъ участвовавшихъ въ праздникѣ хоровъ пятнадцать дѣвъ, и съ усиленною скоростію уходя всю ночь, перешолъ границы спартанскія. Но когда спутники его хотѣли изнасиловать

ихъ, онъ сперва, сколько могъ, увѣщавалъ не дѣлать этого, и наконецъ умертвилъ нѣкоторыхъ неповиновавшихся; при чемъ страхъ обуздалъ остальныхъ. Дѣвицы были потомъ выкуплены родственниками; но видя Аристомена состоящимъ подъ судомъ за убійство, до тѣхъ поръ не возвратились въ отечество, пока, припавъ къ ногамъ судей, не увидѣли защитника своего цѣломудрія освобожденнымъ. Какими словами можно восхвалить дочерей Скедаза въ Левктрахъ Веотійскихъ, о которыхъ сохранился рассказъ, что въ отсутствіе отца онѣ приняли, какъ гостей, двухъ проѣзжавшихъ юношей. Эти, предавшись слишкомъ вину, изнасиловали ночью дѣвъ; а послѣдняя, не желая пережить утраченное цѣломудріе, умерла отъ взаимно нанесенныхъ ранъ. Было бы несправедливостію умолчать и о Локридскихъ дѣвахъ, которыя, по обычаю, почти въ продолженіи тысячи лѣтъ посылались въ Иліонъ, и между тѣмъ ни одна не подала никакого повода къ дурной молвѣ и сплетнямъ о нарушеніи цѣломудрія. Кто въ силахъ обойти въ молчаніи семь дѣвъ милезійскихъ, которыя, во время всеобщаго опустошенія въ нашествіе галловъ, чтобы не потерпѣть отъ враговъ чего либо неприличнаго, искали спасенія отъ безчестія въ смерти, оставляя всѣмъ дѣвамъ свой примѣръ заботиться въ чистотѣ душевной болѣе о цѣломудріи, чѣмъ о жизни. Никаноръ, побѣдивъ и разрушивъ Фивы, былъ побѣжденъ любовью къ одной плѣнной дѣвѣ. Домогаясь супружества съ нею и добровольныхъ объятій, т. е. чтобы плѣнница сама пожелала этого, онъ убѣдился, что для цѣломудренныхъ душъ дѣвство дороже царства: плачущій и рыдающій любовникъ увидѣлъ въ своей власти собственноручно убитую. Греческіе писатели рассказываютъ и о другой Фивской дѣвѣ, изнасилованной врагомъ македоняниномъ, что она на нѣсколько времени скрыла свою скорбь, а потомъ удавила нарушителя дѣвства своего, во время его сна, и умертвила мечемъ саму себя, потому что

не хотѣла ни жить послѣ потери чистоты, ни умереть прежде, чѣмъ отмститъ за себя.

У гимнософистовъ Индія передается за дѣйствительное событіе мнѣніе, что Будду, установителя ихъ вѣры, родила изъ бока своего дѣва. И неудивительно, что такъ думаютъ варвары, если ученѣйшая Греція вообразила, что Минерва родилась изъ головы Юпитера, а Бахусъ изъ лядвеи его. Равнымъ образомъ Спевзинъ, сынъ Платоновой сестры, Клеархъ въ похвалѣ Платону и Анаксилидъ во второй книгѣ философіи рассказываютъ, будто Перикція, мать Платона, была приведена въ мечтательное состояніе Аполлономъ, и думаютъ, что глава мудрости могъ явиться не иначе, какъ путемъ рожденія отъ дѣвы. И Тимей пишетъ о дѣвѣ дочери Пифагора, что она управляла хоромъ дѣвъ и наставляла ихъ въ правилахъ чистоты. О Діодорѣ Сократикѣ рассказываютъ, что онъ имѣлъ пять дочерей діалектиковъ, прославившихся цѣломудріемъ, о которыхъ подробнѣйшую исторію пишетъ и Филопъ, учитель Карнеадскій. А чтобы римское могущество не ставило намъ въ укоръ рожденіе Господа Спасителя отъ Дѣвы, *напомнимъ*, что основатели города и народа его считаются рожденными отъ Троянской дѣвы и Марса.

Это сказалъ я, пробѣгая различныя исторіи и притомъ наскоро, о дѣвахъ мірскихъ. Перейду къ женщинамъ замужнимъ, которыя не хотѣли переживать умершихъ или убитыхъ мужей, чтобы не быть вынужденными вступить во второе сожителство, и которыя удивительнымъ образомъ любили единственныхъ мужей; мы должны знать, что второбрачіе не одобрялось даже у язычниковъ. Дидона, сестра Пигмаліона, собравъ большое количество золота и серебра, отплыла въ Африку и основала тамъ городъ Карфагенъ; когда же ливійскій царь Ярба искалъ супружества съ нею, она на нѣкоторое время отложила бракъ, пока не построила городъ. А скоро затѣмъ, построивъ костеръ въ честь бывшего

супруга Сихей, лучше пожелала сгорѣть, чѣмъ выйти замужъ. Честная женщина основала Каррагентъ, и со славою честности же покончила этотъ городъ свое существованіе. Когда городъ былъ взятъ и зажженъ, жена Гасдрубала, увидѣвъ, что она должна быть взята въ плѣнъ римлянами, схватила въ объ руки маленькихъ сыновей и вбѣжала въ подожженный домъ свой.

А что сказать о женѣ Ницерата, которая, не допуская оскорбленія мужу, умыслила сама себѣ смерть, чтобы не послужить удовлетворенію похоти тѣхъ двадцати тирановъ, поставленныхъ Лизандромъ надъ побѣжденными аѳинянами? Говорятъ, что и Артемиза, жена Мавзола, была знаменита своимъ цѣломудріемъ. Она была царицею Каріи и предметомъ похвалъ благородныхъ поэтовъ и историковъ; но приобрѣла особенную славу тѣмъ, что умершаго мужа всегда любила какъ живаго и воздвигла такой удивительной величины надгробный памятникъ, что и до сего времени всѣ драгоценные надгробные памятники называются, по имени его, мавзолеями. Тевта, царица иллирійцевъ, долгое время управлявшая храбрѣйшими мужами и часто поражавшая римлянъ, считалась вмѣстѣ съ тѣмъ и чудомъ чистоты. Индійцы, какъ и всѣ почти варвары, имѣютъ по многу женъ. У нихъ есть законъ, по которому самая любимая изъ женъ сожигается вмѣстѣ съ умершимъ мужемъ. Онѣ, поэтому, спорятъ между собою за любовь мужа, и споряція видятъ для себя высшее торжество и доказательство чистоты въ томъ, чтобы быть признанною достойною смерти. Послѣ чего побѣдительница въ обыкновенной одеждѣ и украшеніи ложится подлѣ трупа, обнимаетъ его и покрываетъ поцѣлуями, пренебрегая подложенный огонь изъ-за славы цѣломудрія. Думаю, что умирающая такъ не желаетъ втораго брака. Извѣстный Алкивіадъ сократикъ, когда аѳиняне были побѣждены, убѣждалъ къ Фарнабазу. Послѣдній, принявъ плату отъ предводителя ла-

Гедемонянъ Лизандра, велѣлъ умертвить его. Когда у умерщвленнаго была отсѣчена голова и послана Лизандру въ доказательство исполненнаго убійства,—остальная часть тѣла лежала непогребенною. И вотъ только наложница, вопреки запрещенію жесточайшаго врага, на чужбинѣ и въ виду угрожающей опасности, совершила обрядъ погребенія, будучи готова умереть за того умершаго, кого любила живаго. Пусть знаменитыя жены, по крайней мѣрѣ жены христіанскія, подражаютъ вѣрности наложницы, и исполняютъ на свободѣ то, что соблюла плѣнница.

Стратонъ, царекъ Сидонскій, хотѣлъ собственноручно умертвить себя, чтобы не быть предметомъ посмѣшища для приближавшихся персовъ, договоромъ съ которыми онъ пренебрегъ изъ за союза съ царемъ египетскимъ, но удержался по трусости, и осматривая со всѣхъ сторонъ схваченный мечъ, со страхомъ ожидалъ прихода враговъ. Увидѣвъ, что онъ съ минуты на минуту долженъ быть схваченъ, жена вырвала мечъ и пронзила ему бокъ; а когда трупъ былъ по обычаю приготовленъ къ погребенію, она упала на него, умертвивъ саму себя, чтобы послѣ дѣвственнаго союза не быть вынужденною къ совокупленію съ другимъ. Ксенофонтъ въ описаніи дѣтства Кира Старшаго говоритъ, что, убивъ мужа Абрадота, страстно любившая его жена Пантея усѣлась подлѣ истерзаннаго тѣла, и поразивъ грудь залила своею кровью раны мужа. Жена, которую мужъ безъ вѣдома ея показалъ нагою своему другу, считала справедливымъ убить царя. Она полагала, что онъ не любилъ ее, если могъ показать ее и другому. Радогунда, дочь Дарія, послѣ смерти мужа, убила кормилицу, которая убѣждала ее вступить во второй бракъ. Басни рассказываютъ объ Альцестѣ, умершей добровольно за Адмета, и цѣломудріе Пенелопы служить предметомъ стиховъ Гомера. Воспѣваютъ поэты и Лаодамію, которая не хотѣла пережить убитаго подъ Троею Протезилая.

Перейду къ женщинамъ римскимъ и прежде другихъ укажу на Лукрецію, которая, не желая пережить нарушенное цѣломудріе, загладила кровью безчестіе тѣла. Дуилій, первый торжествовавшій въ Римѣ побѣду въ морскомъ сраженіи, вступилъ въ бракъ съ дѣвою Вилією, отличавшеюся такимъ цѣломудріемъ, что она служила примѣромъ даже въ тотъ вѣкъ, когда нескромность была уродствомъ, а не порокомъ. Будучи уже старикомъ и съ дрожащимъ тѣломъ, онъ во время одной ссоры услышалъ укоръ, что у него воняетъ изо рта, и возвратился домой опечаленный. На вопросъ женѣ, почему она никогда не посовѣтовала ему излечиться отъ этого недостатка, послѣдняя отвѣчала: я сдѣлала бы это, если бы не думала, что у всѣхъ мужей также пахнетъ изо рта. Скромная и благородная женщина во всякомъ случаѣ заслуживаетъ похвалу, не знала ли о недостаткѣ мужа или терпѣливо переносила его, равно какъ и за то, что мужъ узналъ о своемъ тѣлесномъ недостаткѣ, вслѣдствіе не брезгливости жены, а злословія врага. Навѣрное этого не можетъ сказать вышедшая замужъ за втораго мужа. Когда Марцію, младшую дочь Катона, спрашивали, почему, потерявъ мужа, она не выходитъ замужъ снова, она отвѣчала, что не находитъ такого мужа, который желалъ бы болѣе ее, чѣмъ того, что принадлежитъ ей. Этими словами она показала, что въ женахъ обыкновенно цѣнятъ болѣе богатство, чѣмъ цѣломудріе, и что многіе женятся не по любви, а по расчету. Хорошо, дѣйствительно, бракъ, который устраивается по жадности къ деньгамъ... Она же, когда оплакивала мужа и благородныя жены спрашивали, какой день будетъ послѣднимъ днемъ ея траура, отвѣчала: тотъ же что и жизни. Полагаю, что стремившаяся такъ къ отсутствующему мужу не думала о второмъ супружествѣ. Брутъ женился на Порціѣ дѣвѣ, а Катонъ на Марціѣ не дѣвѣ. Но Марція переходила отъ Гортензія къ Катону и обратно, и

Марція могла жить безъ Катона; Порція же не могла жить безъ Брута. Это потому, что женщины болѣе привязываются къ единственнѣмъ мужьямъ, и незнаніе ничего другаго скрѣпляетъ союзъ дружественнымъ спихожденіемъ. Когда родственникъ увѣщавалъ Аннію выйти замужъ за втораго мужа (такъ какъ она была и молода и хороша лицомъ), она отвѣчала: никогда не сдѣлаю я этого. Если найду я мужа добраго, — буду бояться потерять, чего я не хочу; а если злаго, — что за необходимость, послѣ добраго, терпѣть злаго? Когда при младшей Порці хвалили нѣкоторую благоправную женщину, имѣвшую втораго мужа, она отвѣчала: счастливая и цѣломудренная благородная женщина никогда болѣе одного раза не выйдетъ замужъ. Старшая Марцелла на вопросъ матери: радуется ли она, что вышла замужъ, отвѣчала: такъ сильно, что болѣе не хочу. Валерія, сестра Мессалъ, лишившись мужа Сервія, не хотѣла выходить замужъ ни за кого. Когда спрашивали ее, почему она такъ дѣлаетъ, отвѣчала, что для ней всегда живъ ея мужъ Сервій.

Чувствую, что въ этомъ спискѣ женщинъ я сказалъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько допускаетъ обычай приведенія примѣровъ, и ученый читатель можетъ съ полнымъ основаніемъ упрекнуть въ этомъ меня. Но что будешь дѣлать, когда женщины нашего времени выставляютъ мнѣ на видъ авторитетъ апостола, и еще до погребенія перваго мужа напѣваютъ на память заповѣди о второбрачїи? Если онѣ пренебрегаютъ цѣломудренною христіанскою вѣрностію, — пусть поучатся чистотѣ по крайней мѣрѣ у язычниковъ. Предлагаемъ драгоценную книгу о бракѣ Теофраста, въ которой онъ изслѣдуетъ, можетъ ли жениться мужъ мудрый. Опредѣлилъ, что мудрый можетъ тогда вступить въ бракъ, если жена будетъ красива, благоправна, честныхъ родителей, а самъ будетъ здоровъ и богатъ, онъ тотчасъ прибавляетъ: «но все это рѣдко встрѣчается совмѣстно въ бракѣ. Итакъ

мудрому не слѣдуетъ жениться. Прежде всего это препятствовало бы занятіемъ философіею; никто не можетъ одинаково служить книгамъ и женѣ. Для потребностей женѣ необходимо многое: драгоценныя одежды, золото, дорогіе камни, деньги, служанки, различная рухлядь, носилки и позолоченныя колесницы. Затѣмъ, по цѣлымъ ночамъ болтливыя жалобы: такая-то является въ общество лучше убранною; къ другой всѣ относятся съ уваженіемъ; я, бѣдненькая, въ презрѣніи въ обществѣ женщинъ. Затѣмъ смотрѣль на сосѣдку? о чемъ говорилъ съ служаночкою? что принесъ, возвращаясь съ форума? Ни друга не можемъ имѣть мы, ни пріятеля. Въ любви къ другому подозрѣваютъ ненависть къ себѣ. Если бы въ какомъ либо городѣ былъ ученѣйшій наставникъ,—жены оставить нельзя, нельзя пойти съ котомкою. Бѣднаго кормить трудно; жить съ богатымъ—мученіе. Прибавь, что въ отношеніи къ женѣ нѣтъ выбора, а долженъ бываешь имѣть, какую случится. Сердита ли она, глупа ли, непристойна, надменна, зловонна, имѣетъ ли другой какой недостатокъ, обо всемъ этомъ узнаемъ послѣ брака. Лошадь, осель, быкъ, самая дешевая вещь, равно какъ одежды, костюлы, деревянный стулъ, глиняный кувшинчикъ покупаются не прежде, чѣмъ испробуются; только жена не подлежитъ осмотру, чтобы не опротивѣла прежде, чѣмъ возьмутъ ее. Требуется всегда смотрѣть въ лицо ей и хвалить красоту: если посмотришь на другую, подумаетъ, что она не правится тебѣ. Требуется звать ее госпожею, праздновать день ея рожденія, клясться ея здоровьемъ, чтобы выражать этимъ желаніе долго жить ей; почитай, потомъ, ея кормилицу и няньку, довѣреннаго раба и пріемыша, красиваго лакея и завитаго управляющаго, и осужденнаго на долгую и безопасную похоть евнуха, подъ именами которыхъ укрываются прелюбодѣи. Кого бы она ни полюбила, долженъ любить поневолѣ. Уступишь ей управленіе цѣлымъ домомъ,—самъ долженъ будешь

служить ей. Оставишь что нибудь въ собственномъ распоряженіи, — подумаетъ, что не имѣешь къ ней довѣрія, а затѣмъ появятся ненависть и ссоры, и если скоро не одумаешься, устроить отраву. Впустишь старухъ, гадалщиковъ, предсказателей, торговцевъ драгоценными камнями и шелковыми тканями, — опасайся за цѣломудріе; не допустишь ихъ, — оскорбишь подозрѣніемъ. Да и что пользы въ самомъ тщательномъ стереженіи, если жену распутную уберечь нельзя, а цѣломудренную стеречь не слѣдуетъ? Плохой страхъ — принужденіе къ чистотѣ; и истинно цѣломудренною слѣдуетъ называть ту, которая можетъ грѣшить, если захочетъ. Въ красавицу скоро влюбляются; гадкая сама легко воспламеняется страстію. Трудно устеречь то, что многіе любятъ. Досадно владѣть тѣмъ, чего никто не считаетъ стоящимъ имѣть, но все же меньшее несчастье имѣть безобразную, чѣмъ беречь красивую. Ничто не безопасно, къ чему устремлены желанія всего люда. Одинъ соблазняетъ красотою, другой умомъ, иной шутливостію, этотъ пріятнымъ обхожденіемъ. Такъ или иначе, въ то или другое время, но побѣда одерживается, какъ скоро нападеніе чинится всячески. А что касается женитьбы ради домашняго хозяйства, утѣшенія въ болѣзни, избѣжанія одиночества: то гораздо лучше хозяйничаетъ вѣрный рабъ, повинующійся волѣ господина и исполняющій распоряженія его, чѣмъ жена, которая на столько считаетъ себя госпожею, на сколько поступаетъ вопреки волѣ мужа, т. е. поступаетъ какъ ей угодно, а не какъ велитъ ей. Ухаживать же за больнымъ лучше могутъ друзья и сѣдѣтства выросшіе въ домѣ слуги, обязанные благодареніями, чѣмъ та, которая ставитъ намъ въ счетъ свои слезы, продаетъ за надежду наслѣдства услуги, соединенныя съ начотнею, и распространяя безпокойство, возмущаетъ душу больнаго отчаяніемъ. А заболѣла сама, — болѣй съ нею и не отходи никогда отъ постели ея. Если же жена будетъ доб-

рая и милая (а такая птица рѣдкая),—страдаемъ, когда она мучится родами, терзаемъ, когда находится въ опасности. А одинокимъ мудрый никогда быть не можетъ. Общество его составляютъ всѣ, какіе есть, какіе когда либо будутъ добрые люди, и свободно думою онъ переносится, куда захочетъ. Чего не можетъ обнять тѣломъ, обнимаетъ мыслию. И если въ людяхъ будетъ недостатокъ, говорить съ Богомъ. Когда онъ будетъ одинокъ, онъ будетъ менѣ всего одинокъ. Далѣе, жениться ради дѣтей, чтобы не погнѣло наше имя, или чтобы имѣть опору въ старости и были у насъ надежные наслѣдники,—верхъ глупости. Что толку для насъ, отходящихъ изъ міра, если другой будетъ называться нашимъ пменемъ, когда и сынъ не всегда поддерживаеъ имя отца, и есть безсчетное множество людей, носящихъ тоже имя? Или какая опора для старости воспитывать въ домѣ того, кто, можетъ случиться, умереть прежде тебя или окажется человѣкомъ развратнѣйшаго поведенія? А, пожалуй, когда войдетъ въ зрѣлыя лѣта, найдетъ еще, что ты умираешь не скоро? Лучшіе же и надежнѣйшіе наслѣдники—друзья и люди близкіе, которыхъ любишь разсудительно, чѣмъ тѣ, которыхъ принужденъ имѣть наслѣдниками, хочешь или не хочешь. Хотя для наслѣдства будетъ надежнѣе, если ты, пока еще живъ, хорошо воспользуешься своимъ имуществомъ, чѣмъ оставить нажитое трудомъ твоимъ на употребленіе неизвѣстное».

Кого изъ христіанъ, житіе коихъ на небесахъ, которые говорятъ ежедневно: желаю *разрѣшиться и со Христомъ быти* (Филип. 1, 23), не заставитъ покраснѣть Теофрастъ этими и подобными разсужденіями? Ужели, въ самомъ дѣлѣ, пожелаетъ наслѣдника человѣка сонаслѣдникъ Христовъ? И будетъ желать онъ дѣтей, и будетъ утѣшаться поколѣніемъ внуковъ, которые могутъ сдѣлаться жертвою антихриста, когда читаемъ, что Моисей и Самуилъ предпочитали другихъ

своимъ дѣтямъ, и не считали дѣтьми тѣхъ, которые оказывались неугодными Господу? Когда Гартій просилъ Цицерона, послѣ развода съ Теренціею, жениться на сестрѣ его, тотъ отказалъ на-отрѣзъ, говоря, что онъ не можетъ въ одинаковой мѣрѣ заниматься женою и философіею. А та, между тѣмъ, превосходная и усвоившая отъ Туллія мудрость супруга, вышла за мужъ за врага его Саллюстія, за третьяго Мессалу Карвина, и какъ бы скатилась внизъ по нѣкоторымъ ступенямъ краснорѣчія. Сократъ имѣлъ двухъ женъ, Ксантиппу и Миро, внуку Аристида. Такъ какъ онѣ часто ссорились между собою, а онъ имѣлъ обыкновеніе подсмѣиваться, что онѣ спорятъ изъ за него, человѣка безобразнѣйшаго, съ вздернутымъ носомъ, лысою головою, волосатыми плечами и кривыми ногами: то онѣ обратили наконецъ ярость свою на него, и злобно побивъ и обративъ въ бѣгство, долго преслѣдовали его. Въ другой разъ, за противорѣчіе во время нескончаемаго ругательства Ксантиппы, стоявшей на возвышенномъ мѣстѣ, облитый нечистою водою, онъ, отерши голову, отвѣтилъ только: я такъ и зналъ, что вслѣдъ за этимъ громомъ пойдетъ дождь. Жена Л. Силлы Фелпса (если бы онъ не былъ женатъ) ¹⁾, Метелла, была открыто распутною; объ этомъ всѣ говорили въ Аѳинахъ, но Силла (потому что о своей бѣдѣ мы узнаемъ послѣ всѣхъ) не зналъ, и услышалъ о своей семейной тайнѣ въ первый разъ только въ ссорѣ съ врагами. Кн. Помпей узналъ о распутствѣ жены своей Муціи, которую окружали понтійскіе евнухи и митридатовскіе отряды, отъ сотоварища по походу, когда другіе думали, что онъ, зная, терпѣлъ это: и печальная вѣсть смутила побѣдителя міра. М. Катонъ Цензоръ былъ женатъ на Акторіѣ Павлѣ, женщинѣ изъ низкаго состоянія, пьяной, необузданной и никто тому не повѣритъ) гордой въ отно-

¹⁾ Феликсъ — Felix — счастливый.

шеніи къ Катону. Говорю это для того, чтобы кто нибудь не подумалъ, будто, женившись на бѣдной, онъ достаточно обезпечить тѣмъ согласіе. Филиппа, царя Македонскаго, противъ котораго направлены Демосѣеновы филиппики, выгнала сердитая жена, когда онъ входилъ по обычаю въ спальню; выгнанный, онъ промолчалъ, и успокоивалъ свое огорченіе стихомъ трагическимъ. Риторъ Горгіасъ читалъ на Олимпійскихъ играхъ грекамъ, находившимся въ то время въ ссорахъ между собою, прекрасную книгу о согласіи. Врагъ его Меланей сказалъ ему: проповѣдуетъ намъ о согласіи тотъ, кто въ одномъ домѣ не въ силахъ согласить троихъ, себя, жену и служанку. Дѣйствительно, жена его завидовала красотѣ служанки и мучила честнѣйшаго мужа ежедневными ссорами. Всѣ трагедіи Еврипида состоятъ изъ злословія противъ женщинъ. Почему и Герміона говоритъ: *обольстили меня совѣты злыхъ женщинъ*. Въ Лептисѣ, городѣ полуварварскомъ и лежащемъ въ пустынѣ, существуетъ обычай, по которому невѣстка на другой же день проситъ у свекрови въ заемъ горшка, а та рѣшительно отказываетъ. Изъ этого увидишь справедливость извѣстнаго изреченія Теренція, которому онъ нарочно придалъ двусмысленность: *что значитъ это: всѣ свекрови ненавидятъ невѣстокъ* ¹⁾? Читаемъ объ одномъ благородномъ римлянѣнѣ разсказъ такого рода: когда друзья порицали его за то, что онъ развелся съ красивою, честною и богатою женою, онъ протянулъ ногу и сказалъ имъ: «и этотъ башмакъ, который видите вы, представляется вамъ новымъ и красивымъ; но никто кромѣ меня не знаетъ, гдѣ онъ жметъ меня». Геродотъ сказалъ, что женщина стыдлива пока одѣта. И нашъ комикъ считаетъ сча-

¹⁾ *Quid est hoc: omnis socrus oderunt nurus?* выраженіе, дѣйствительно, двусмысленное, допускающее двойное толкованіе: или что *всѣ свекрови ненавидятъ невѣстокъ*, или наоборотъ—*всѣ невѣстки ненавидятъ свекровей*.

стливымъ того, кто никогда не женился. А что сказать о Пасифаѣ, Клитемнестрѣ и Ерифилѣ, изъ коихъ первая, пресытившись удовольствіями, потому что была женою царя, захотѣла, какъ говорятъ, совокушенія съ быкомъ; другая убила мужа изъ любви къ прелюбодѣю; а третья предала Амфіарая, и спасенію мужа предпочла золотое ожерелье! Споры изъ-за женъ и наложницъ даютъ содержаніе трагедіямъ, разрушаютъ дома, города и царства;—руки родителей вооружаются на дѣтей, устраиваются непотребныя пиршества и изъ-за одной жонки ведутъ десятилѣтнюю войну Европа и Азія. О нѣкоторыхъ читаемъ, что, разведшись на другой день послѣ брака, онѣ тотчасъ выходили замужъ. Оба мужья заслуживаютъ одинаковаго осужденія, какъ тотъ, которому слишкомъ скоро перестала нравиться, такъ и другой, которому слишкомъ скоро понравилась. Епикуръ, защитникъ сладострастія, (хотя ученикъ его Митродоръ имѣлъ женою Леонтію) говоритъ, что мудрому рѣдко слѣдуетъ вступать въ бракъ. потому что съ супружествомъ соединено множество неудобствъ. — Какъ богатство, почести, тѣлесное здорье и прочее, называемое нами безразличнымъ, не есть, ни добро, ни зло, но занимая, такъ сказать, средину, бываетъ добромъ или зломъ, смотря по употребленію и исходу: такъ на рубежѣ добра и зла стоятъ и жены; оказаться же въ такомъ положеніи, чтобы не знать, назвать ли что добромъ или зломъ, мудрому мужу тяжело. Хризиппъ смѣшонъ, когда предписываетъ мудрому жениться, чтобы не обезчестить Юпитера Гамелія и Генетлія (*т. е. свадебнаго и родильнаго*). Ибо въ такомъ случаѣ бракъ не былъ бы обязателенъ для латинянъ, потому что послѣдніе не имѣютъ Юпитера Нупціального (*т. е. брачнаго*). Еслибы имена боговъ, какъ думаетъ онъ, служили предначертаніемъ для жизни человѣческой,—тотъ уже оскорблялъ бы Юпитера Статора (*стоятеля*), кто доставлялъ бы себѣ удовольствіе сидѣть.

Аристотель, Плутархъ и нашъ Сенека написали о бракѣ книги, изъ которыхъ мы кое-что привели выше,—приводимъ и нижеслѣдующее. Любовь къ красивой наружности—забвене разума, и близка къ безумію; это—порокъ постыдный и рѣшительно несогласный съ здравымъ смысломъ. Она разстраиваетъ предпріятія, доводитъ до безсилія возвышенныя и благородныя души, отъ великихъ мыслей отвлекаетъ къ пустымъ; дѣлаетъ непрестанно жалующимися, гнѣвливыми, дерзкими, грубо-властолюбивыми, рабски-льстивыми, бесполезными для всѣхъ, и въ концѣ концовъ—для самой любви. Ибо, старая ненасытимымъ желаніемъ наслажденія, онъ (влюбленный) теряетъ множество времени въ подозрѣніяхъ, слезахъ, жалобахъ,—возбуждаетъ ненависть къ себѣ, а въ заключеніе обращаетъ свою ненависть на себя же самого. Полное изслѣдованіе любви изложено у Платона (*въ Федръ*); и всѣ невыгоды ея Лизій объясняетъ тѣмъ, что она водится не разсудкомъ, а страстью, и является самымъ несноснымъ стражемъ женской красоты. Сенека между прочимъ рассказываетъ, что онъ зналъ одного пользовавшагося извѣстностію человѣка, который, собираясь итти въ публичное мѣсто, перевязывалъ грудь женщиною повязкою и не могъ провести безъ ней ни одной минуты; мужъ и жена не нѣли ничего, къ чему не касались губы обоихъ; дѣлали затѣмъ и другія не меньшія пелѣпости, въ которыхъ проявлялась безразсудная сила пламенной страсти. Хотя начало любви и почтенно, но чрезмѣрность ея безобразна. То обстоятельство, что кто-либо безумствуетъ изъ-за почтенной причины, не дѣлаетъ разницы. Почему и Ксипъ говоритъ въ изреченіяхъ: тотъ прелюбодѣй, кто является слишкомъ пламеннымъ любовникомъ въ отношеніи къ женѣ своей. Ибо въ отношеніи къ чужой женѣ постыдна всякая любовь, въ отношеніи же къ своей—чрезмѣрная. Мужъ мудрый долженъ любить супругу съ разсудкомъ, а не со страстью. Онъ управляетъ страст-

ными движеніями, а не увлекается ими съ опрометчивостію къ совокупленію. Нѣтъ ничего гнуснѣе—любить жену какъ прелюбодѣйку. И дѣйствительно, пусть говорящіе, что они женились и родятъ дѣтей ради республики и рода человѣческаго, подражаютъ по крайней мѣрѣ скотамъ, и послѣ того какъ сдѣлаютъ женъ беременными, не теряютъ сыновей; пусть ведутъ себя въ отношеніи къ женамъ не какъ любовники, а какъ мужья. Супружества нѣкоторыхъ соотвѣтствовали прелюбодѣянію; и, какая несообразность, цѣломудрія потребуютъ отъ нихъ тѣ сами, которые отняли его. Отъ того пересыщеніе скоро и разрываетъ этого рода браки. Какъ только минуетъ прелесть страсти, — что было желательно, потеряетъ цѣну. Нечего и говорить, замѣчаетъ Сенека, о мужьяхъ бѣдныхъ, большая часть которыхъ приняли имя мужей, чтобы не подпасть подъ дѣйствіе законовъ, изданныхъ противъ холостяковъ. Какъ можетъ имѣть нравственное вліяніе, предписывать цѣломудріе, поддерживать почтеніе къ себѣ какъ къ мужу тотъ, кто женился? Мнѣніе ученѣйшаго мужа таково: прежде всего должно хранить цѣломудріе; съ потерей его падаетъ всякая добродѣтель. Въ немъ верхъ добродѣтелей женскихъ. Оно служитъ одобреніемъ для бѣдной, возвышаетъ богатую, выкупаетъ безобразіе некрасивой, разукрашиваетъ красавицу; великую услугу оказываетъ оно предкамъ крови, которыхъ не портитъ воровски внесеннымъ потомствомъ; оказываетъ услугу дѣтямъ, которыя не будутъ вынуждены ни краснѣть за мать, ни сомнѣваться въ отцѣ; но главнымъ образомъ оказываетъ услугу самой женщинѣ, которую предохраняетъ отъ безчестія со стороны чужаго тѣла. Въ состояніи плѣна нѣтъ большаго несчастія, какъ быть влекомою для удовлетворенія чужой похоти. Мужей дѣлаетъ знаменитыми консульство; краспорѣчіе увѣковѣчиваетъ ихъ имя; военная слава и тріумфъ сообщастъ знатность и мужамъ низкаго происхожденія. Много есть такого,

что дѣлають знаменитыми умы превосходные. Женская добродѣтель собственно есть цѣломудріе. Оно уравнило Лукрецію Бруту, а, пожалуй, поставило выше его: потому что Брутъ научился не переносить рабства отъ женщины. Оно уравнило Корнелію съ Гракхомъ и Порцію съ другимъ Брутомъ. Та-наквилла извѣстнѣе своего мужа. Того между множествомъ именъ царей затаила древность; а эту рѣдкая между женщинами добродѣтель поставила слишкомъ высоко, чтобы могло коснуться ея забвеніе всего ряда вѣковъ. Итакъ пусть замужнія женщины подражаютъ Теонѣ, Клеобулинѣ, Горгунтѣ, Тимокліи, Клавдіямъ и Корниліямъ; и хотя находятъ у апостола дозволеніе дурнымъ женщинамъ вступать во второй бракъ, пусть узнають изъ чтенія, что прежде чѣмъ вѣра наша возсіяла въ мірѣ, единобрачныя всегда пользовались почетомъ между женщинами; руками ихъ обыкновенно совершились жертвоприношенія Фортунѣ женской, не было жреца двоебрачнаго, ни фламипа—двоеженца; и аѳинскіе гіерофанты и до настоящаго времени холостятъ себя отваромъ цикуты, и, по причисленіи къ сословію жрецовъ, перестаютъ быть мужчинами.

Книга вторая.

Второе положеніе состоитъ въ томъ, что крещенные не могутъ быть искушаемы діаволомъ. А дабы не показалось, что онъ сказалъ глупость, прибавляетъ: «а которые будутъ подвергаться искушеніямъ, показываютъ этимъ, что крещены водою только, а не духомъ, какъ читаемъ о Симонѣ волхвѣ. Почему и Іоаннъ говоритъ: *всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творитъ, яко стѣмя его въ немъ пребываетъ; и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть. Сего ради явлена суть чада Божія и чада діаволя* (1 Іоан. 3, 9. 10). И въ концѣ посланія: *всякъ рожденный отъ Бога*

не согрѣшаемъ; но рожденіе Божіе блюдетъ его, и лукавый не прикасается ему (Іоан. 5, 18)».

Дѣйствительно, возраженіе сильное, и осталось бы не разрѣшеннымъ, если бы не служило къ рѣшенію его свидѣтельство самаго же Іоанна. Ибо онъ тотчасъ же прибавляетъ: *чадца, храните себе отъ требъ идольскихъ (1 Іоан. 5, 21)*. Если всякъ рожденный отъ Бога не грѣшитъ и не можетъ быть искушаемъ отъ діавола: то зачѣмъ онъ предписываетъ беречься отъ искушенія? И еще въ томъ же посланіи: *аще речемъ, яко грѣхи не имамы, себе прельщаемъ, и истинны нѣсть въ насъ. Аще исповѣдаемъ грѣхи наши, спренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наши, и очиститъ насъ отъ всякія неправды. Аще речемъ, яко не согрѣшихомъ, лжа творимъ его, и слово его нѣсть въ насъ (1 Іоан. 1, 8—10)*. Полагаю, что Іоаннъ писалъ будучи крещенъ самъ и къ крещенымъ, и что всякій грѣхъ отъ діавола есть. Онъ исповѣдуетъ себя грѣшникомъ и выражаетъ надежду на оставленіе грѣховъ послѣ крещенія, а Іовиніанъ мой говоритъ: *не прикоснися ко мнѣ яко чистъ есмь (Исаи 65, 5)*. Итакъ чтоже? Апостоль противорѣчитъ себѣ? Нисколько. Въ томъ же самомъ мѣстѣ онъ тотчасъ поясняетъ, для чего сказалъ это: *чадца моя, сія пишу вамъ, да не согрѣшаете. Но аще кто согрѣшитъ, ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа праведника. И той очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ; не о нашихъ же точію, но и о всего міра. И о семъ разумѣемъ, яко познахомъ его, аще заповѣди его соблюдаемъ. Глаголюй, яко познахъ его, и заповѣди его не соблюдаетъ, ложъ есть, и въ семъ истинны нѣсть. А иже аще соблюдаетъ слово его, поистинъ въ семъ любви Божіа совершенна есть. О семъ разумѣемъ, яко въ немъ есмь. Глаголюй въ немъ пребывать, долженъ есть, яко же онъ ходилъ есть, и сей такожде да ходитъ (1 Іоан. 2, 1—6)*. Для того, говоритъ, пишу

вамъ, чадца мои: *всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творитъ*, чтобы вы не грѣшили, и знали, что до тѣхъ поръ будете пребывать въ рожденіи Господнемъ, пока не согрѣшите. И притомъ, твердо пребывающіе въ рожденіи Господнемъ не могутъ грѣшить. Ибо *кое общеніе святу ко тмѣ*, Христу и Велиару (2 Кор. 6, 14)? Какъ день и ночь не могутъ смѣшиваться: такъ не могутъ смѣшиваться и правда съ неправдою, грѣхъ съ добрыми дѣлами, Христосъ съ антихристомъ. Если принимаемъ подъ кровь сердца своего Христа, то изгоняемъ оттуда діавола. Если согрѣшимъ, и чрезъ двери грѣха войдетъ діаволь, — Христосъ тотчасъ же удаляется. Почему и Давидъ, согрѣшивъ, говоритъ: *воздаждь ми радость спасенія твоего* (Псал. 50, 14), т. е. радость, потерянную вслѣдствіе грѣха. *Глаголай, яко познахъ его, и заповѣди его не соблюдаетъ, ложь есть, и съ семъ истинны нѣсть* Истинною называется Христосъ: *азъ есмь путь и животъ и истина* (Іоан. 14, 6). Напрасно хвалимся тѣмъ, чьихъ заповѣдей не соблюдаемъ. Знающему доброе, и не дѣлающему его, грѣшно. *Якоже тѣло безъ духа мертво есть, тако и тѣра безъ дѣлъ мертва есть*. Не будемъ считать за дѣло великое своего знанія, что Богъ есть единъ, потому что и бѣсы вѣрують и трепещуть. *Глаголай съ немъ пребывати, долженъ есть, якоже онъ ходилъ есть, и сей такожде да ходитъ*. Пусть противникъ нашъ выбираетъ одно изъ двухъ, что хочетъ: мы предоставляемъ ему это. Пребываетъ ли онъ во Христѣ, или не пребываетъ? Если пребываетъ, такъ пусть и ходитъ, какъ Христосъ. Если же обѣщаніе уподобляться добродѣтелямъ Господа было дано безразсудно, — онъ не пребываетъ во Христѣ, потому что не ходитъ какъ Христосъ. Онъ (Христосъ) грѣха не сотвори, ни обрѣтесе лесь во устѣхъ Его; Онъ укоряемъ противу не укоряше (1 Петр. 2, 22. 23), и яко овча предъ лицемъ стригущаго его не отверзалъ усть своихъ (Исаи

53, 7); къ Нему пришелъ князь міра сего, и не нашелъ въ Немъ ничего; Его, не сотворившаго грѣха, Богъ по насъ грѣхъ сотвори (2 Кор, 5, 21). А мы, по послаанію Іакова, много *согрѣшаемъ вси* (Іак. 3, 2), и никто не чистъ отъ грѣховъ, аще и единъ день житія его: *ибо кто похвалится чисто имѣти сердце? или кто дерзнетъ реущи чиста себе быти отъ грѣховъ* (Прит. 20, 9)? И повинны мы по подобію преступленія Адамова (Рим. 5, 14). Почему и Давидъ говоритъ: *се бо въ беззаконіихъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Пс. 50, 7). И блаженный Іовъ: *аще буду праседенъ, уста моя нечестія изрекутъ; аще же буду ненороченъ, стропотенъ буду. И аще очищуся снѣгомъ и измыюся руками чистыми, довольно въ сквернѣ омочилъ мя еси, возмушася же мною одежда моя* (Іов. 9, 20. 30. 31). Но чтобы мы не отчаялись совершенно, полагая, что послѣ грѣховъ, содѣлываемыхъ по крещеніи, не можемъ спастись, тотчасъ же смягчаетъ это: *и аще кто согрѣшитъ, ходатая илммы ко Отцу, Іисуса Христа праведника, и той очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ; не о нашихъ же только, но и о всего міра.* Это говоритъ онъ вѣрующимъ послѣ крещенія, и общаетъ ходатая о грѣхахъ ихъ въ лицѣ Господа. И не говоритъ: аще *согрѣшите* въ чемъ, ходатая *имѣете* ко Отцу Христа, и той есть очищеніе о грѣсѣхъ *вашихъ*, чтобы не разумѣлъ ты подъ такими получившихъ крещеніе не съ полною вѣрою; но говоритъ: *ходатая илммы ко Отцу Іисуса Христа, и той есть очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ;* и не только о грѣсѣхъ Іоанна и тѣхъ, но и всего міра. Подъ цѣлымъ же міромъ разумѣются и апостолы и всѣ вѣрующіе. Изъ чего видно со всею ясностію, что послѣ крещенія возможно грѣшить. Ибо въ ходатаѣ Іисусѣ Христѣ мы не имѣли бы нужды, еслибы грѣшитель было нельзя.

Апостоль Петръ, которому было сказано: *измолвенный не требуетъ* быть измытому снова (Іоан. 13, 10); и ты

если Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою (Матѳ. 16, 18), отречея (Христа), устрашенный служанкою. И самъ Господь говоритъ: *Симоне, Симоне, се сатана проситъ насъ, дабы съялъ, яко пшеницу. Азъ же молюся о тебѣ, да не оскудѣетъ въра твоя* (Лук. 22, 31. 32). И въ томъ же (?) мѣстѣ: *бдите и молитесь, да не спидите въ насъ: духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. 26, 41). Отвѣтишь, что это сказано до креста; но и послѣ креста мы говоримъ въ молитвѣ Господней: *и остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ; и не введи насъ въ искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго* (Матѳ. 6, 12. 13). Если бы мы не грѣшили послѣ крещенія: то зачѣмъ бы намъ молиться объ оставленіи грѣховъ, которые уже оставлены намъ въ крещеніи? Зачѣмъ молимся, чтобы не были введены въ искушеніе и чтобы были избавлены отъ лукаваго, если діаволь не можетъ уже искушать крещенныхъ? Иное дѣло, еслибы молитва эта относилась къ оглашеннымъ, и не была прилична вѣрнымъ и христіанамъ. Павелъ, сосудъ избранный, укрощаетъ свое тѣло и порабощаетъ, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ окажется осужденнымъ (1 Кор. 9, 27). *И дадеся ми*, говоритъ онъ, *пакостникъ плоти ангелъ сатанинъ, который заушаетъ меня* (2 Кор. 12, 7). И Коринѳянамъ говоритъ: *боюся же, да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Кор. 11, 3). И въ другомъ мѣстѣ: *ему же аще что даровахъ, васъ ради, о мизъ Христовъ, да не обидими будемъ отъ сатаны; не не разумѣваемъ бо умысленій его* (2 Кор. 2, 10. 11). И еще: *искушеніе насъ не достигже, точію челоуѣческое. Выренъ же Богъ, иже не оставитъ насъ искуститися паче, еже можете; но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмоуци вамъ понести* (1 Кор.

10, 13). И *лнййся стояти, да блюдется, да не падеть* (тамже ст. 12). И къ Галатамъ: *течасте добръ: кто вамъ собранн не покаратися истинь* (Гал. 5, 7)? И въ другомъ мѣстѣ: *тѣмже хотѣхомъ прийти къ вамъ, азъ ꙗко Павелъ единою и дважды, и собранн намъ сатана* (1 Солун. 2, 18). И къ супругамъ: *и пакн вкупѣ собиращеся, да не искушнеть васъ сатана несоздержаніемъ вашимъ* (1 Кор. 7, 5). И еще: *глаголю же, духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте. Плоть бо похотствуетъ на духа, духъ же на плоть; сія же другъ другу противятся, да не яже хотите, сія творите* (Гал. 5, 16. 17).

Составленные изъ того и другой, мы по необходимости должны терпѣть взаимную борьбу той и другой субстанціи. И къ Ефесеямъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ начальамъ, и ко властемъ, и къ правителямъ оной тмы, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. 6, 12). А иѣкто полагаетъ, что мы послѣ крещенія должны быть беззаботны и спать? Равно и въ посланіи къ Евреямъ: *не-озможно бо просвѣщенныхъ единою, и вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бышихъ Духа святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка, и отпадшихъ, пакн обновляти съ покаяніе, второе распинающихъ Сына Божія себѣ, и обливающихъ* (Евр. 6, 4—6). Нельзя, конечно, отрицать, что просвѣщенные, вкусившіе дара небеснаго, едѣлавшіеся причастниками Духа Святаго, вкусившіе добраго Божія глагола, получили крещеніе. Если же получившіе крещеніе не могутъ грѣшнть, то какимъ образомъ апостоль говоритъ въ данномъ случаѣ: *и отпадшихъ*? Но чтобы Монтанъ и Новагъ, утверждающіе, что нельзя обновляти въ покаяніе второе распинающихъ Сына Божія себѣ и обливающихъ, не нашли этого мѣста благопріятнымъ для себя, онъ далѣе устраняетъ такое заблужденіе, и говоритъ: *надѣмся же о сасѣ, возлюбленнн, лучшнхъ, и придер-*

жающаго спасенія, аще и тако глаголетъ. Не обидливъ бо Богъ, забыти дѣла вашего и труда любви, юже покажете (о имя его, послуживше святымъ и служаще (Евр. 6, 9. 10). И дѣйствительно, со стороны Бога было бы великою несправедливостію, если бы Онъ только грѣхи наказывалъ, а добрыхъ дѣлъ не принималъ во вниманіе. Я сказалъ такъ, говорить апостоль, чтобы отвлечь васъ отъ грѣховъ и страхомъ безнадежности сдѣлать болѣе осторожными. Но надѣюсь, что вы лучше и ближе ко спасенію. Ибо правдѣ Божіей несовѣстно забывать дѣла добрыхъ и служеніе, которое вы показали ради Его имени и показываете въ отношеніи къ святымъ, а помнить только грѣхи. И апостоль Іаковъ, зная, что получившіе крещеніе могутъ подвергаться искушеніямъ и падать по собственной волѣ, говорить: *блаженъ мужъ, юже претерпитъ искушеніе; зане искушенъ бывъ приметъ вѣнецъ жизни, его же обѣща Богъ любящимъ его* (Іак. 1, 12). А чтобы мы не пришли къ мысли, что по примѣру книги Бытія, гдѣ повѣствуется объ искушеніи Богомъ Авраама, и насъ искушаетъ Богъ, онъ говоритъ: *никтоже искушаемъ да глаголетъ, яко отъ Бога искушаемъ естъ. Ибо Богъ естъ угрожателъ злымъ, не искушаетъ же той никогоже. Кійждо же искушается онъ своея похоти влекомъ и преллцаемъ. Тижже похоть зичении раждаетъ грѣхъ; грѣхъ же содѣланъ раждаетъ смерть* (Іак. 1, 13—15). Богъ создалъ насъ съ свободою волею; ни къ добродѣтелямъ, ни къ порокамъ не влечетъ насъ необходимость. Иначе, гдѣ была бы необходимость, тамъ не было бы мѣста вѣнцу. Какъ въ добрыхъ дѣлахъ совершитель естъ Богъ, ибо достигнуть конца мы можемъ при содѣйствіи ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго и помогающаго Бога: тамъ въ дѣлахъ злыхъ и въ грѣхахъ наши сѣмена—побужденія, а совершеніе—дѣло діавола. Какъ только увидитъ онъ, что на основаніи Христовомъ мы строимъ сѣно,

дерево, солому, то и подкладывает огонь. Будемъ поэтому созидать золото, серебро, камни драгоцѣнные, и онъ не осмѣлится трогать, хотя и въ этомъ разѣ не будетъ вполнѣ вѣрнымъ и безопаснымъ. Ибо левъ сидитъ въ засадѣ и въ скрытомъ мѣстѣ, чтобы умертвить невиннаго. *И сосуды скудельники искушаютъ нещъ*, мужей же праведныхъ испытаніе бѣдствій (Сирах. 27, 6). И въ другомъ мѣстѣ пишется: *чадо, аще приступаеши работати Богу, уготови себя во искушеніе* (Сир. 2, 1). Снова Іаковъ говоритъ тоже самое: *бывайте творцы слова, а не точію слышатели. Аще кто есть слышатель слова, а не творецъ, таковый угодобися мужу смотрящему лице бытія своего въ зеркаль. Усмотри бо себе и отъиде, и абие забуде, каковъ бѣ* (Іак. 1, 22—24). Напрасно онъ увѣщавалъ бы соединять съ вѣрою дѣла, если бы послѣ крещенія нельзя было грѣшить. *Иже сесь законъ соблюдетъ*, говоритъ онъ, *согрѣшитъ же со единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. 2, 10). Кто изъ насъ безъ грѣха? *Затвори Богъ всѣхъ* подъ грѣхомъ, *да всѣхъ помилуе* (Рим. 11, 32). ∴ Петръ говоритъ: *вѣсть Господь благочестивыя отъ ненасти избасяти*. И о ложныхъ учителяхъ: *сіи суть источницы безводни и мглы* вихрями приводимы въ движеніе, *и мже мракъ темный блюдется. Прегордая бо суеты вѣщающе, прельщаютъ въ скверны плотскія похоти* только что убѣгшихъ и возвратившихся къ заблужденію (2 Петр. 9, 17. 18). Не находишь ли, что рѣчь апостольская описываетъ новую невѣжественную крамолу? Открываютъ они какъ бы источники знанія; общаются—хоть и не имѣютъ его—дождь ученія, будто облака пророческія, которыхъ коснулась истина Божія, и возбуждаются вихрями демоновъ и пороковъ. Говорятъ они величественное, и вся рѣчь ихъ—гордость: *нечистъ же предъ Богомъ всякъ сысокосердый* (Притч. 16, 5). Едва лишь убѣжавшіе отъ грѣховъ пусть-де возвращаются къ своему заблужденію; и

совѣтуютъ, при невоздержаніи, наслажденіе пищею и мисами. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не пріятно слышать: будемъ ѣсть и пить, и царствовать вѣчно? Мудрыхъ и благоразумныхъ называютъ они развращенными: слушаютъ же охотнѣе людей сладкихъ въ рѣчахъ. Апостоль Іоаннъ, а вѣрнѣе—въ лицѣ Іоанна Спасителя, пиша къ ангелу ефесской церкви: говоритъ: *вѣмъ твоя дѣла, и трудъ твой, и терпѣніе твое, и яко за имя мое трудился еси. Но имамъ на тя, яко любовь твою первую оставилъ еси. Помяни убо, откуда спалъ еси, и покайся, и первая дѣла сотвори. Аще же ни, гряду тебя, и двину свѣтилникъ твой отъ мѣста своего, аще не покаешия* (Апок. 2, 2—5). Подобнымъ же образомъ онъ призываетъ къ покаянію и другія церкви: Смирну, Пергамъ, Фіатиръ, Сарды, Филаделфію, Лаодикію, и грозитъ имъ, если не возвратятся къ дѣламъ прежнимъ. И говоритъ онъ, что въ Сардахъ имѣеть немногихъ, которые не осквернили ризъ своихъ и ходити имутъ съ нимъ въ бѣлыхъ, яко достойни суть. Когда же говоритъ онъ которой либо изъ нихъ: *помяни, откуда спалъ еси; или: се имать диаволъ васъ всаждати въ темницу, да искуситея; или: вѣмъ гдѣ живете, идѣже престолъ сатанинъ; или: помяни, како пріялъ еси и слышалъ еси, и соблюдай и покайся*, и прочее: то говоритъ также и всякому, кто увѣривалъ и получилъ крещеніе, но, ставъ было твердо, палъ чрезъ грѣхъ.

Изъ ветхаго завѣта я приведу примѣровъ немного; потому что во всѣхъ случаяхъ, когда этотъ завѣтъ имъ не благопріятствуетъ, они говорятъ обыкновенно: *законъ и пророцы до Іоанна* (Матѣ. 11, 13). Кому, впрочемъ, неизвѣстно, что при другомъ божественномъ домостроительствѣ всѣ святые, хотя и въ противоположномъ направленіи, совершали тѣже заслуги, какія совершаютъ теперь христіане? Какъ прежде Авраамъ благоугождалъ въ супружескомъ состояніи,

такъ нынѣ благоугождаютъ дѣвы, сохраняя постоянную чистоту. Тотъ служилъ Закону и своему времени; а мы служимъ Евангелію и нашему времени, *съ нижже концы вѣкъ достигнуша* (1 Кор. 10, 11). Давидъ, избранный по сердцу Божию, исполнившій всю волю Его и говорившій въ одномъ псалмѣ: *суди ми Господи, яко азъ незлобою моею ходихъ, и на Господа уповая не изнемогу. Испуши мя Господи, и испытай мя, разжи утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 12), подвергается потомъ искушенію отъ діавола, и по согрѣшеніи раскаяваясь, говорить: *помилуй мя Боже по великій милости твоей* (Пс. 50, 1). Онъ выражаетъ желаніе, чтобы великій грѣхъ былъ заглаженъ великимъ милосердіемъ. Соломонъ, возлюбленный Господа, коему Богъ открывался двукратно, уклонился отъ любви къ Богу вслѣдствіе любви къ женщинамъ. Книга дней (*Паралипоменонъ*) повѣствуетъ, что нечестивѣйшій царь Манассія послѣ плѣна вавилонскаго былъ возстановленъ въ первоначальное достоинство. И Іосія, мужъ святой, убитъ царемъ египетскимъ на полѣ Магеддонскомъ. Равнымъ образомъ Іисусъ сынъ Іоседековъ, іерей великій, хотя и служилъ прообразомъ Спасителя, который понесъ грѣхи наши и совокупилъ себѣ изъ народовъ иноплемennую церковь, однако въ Писаніи представляется одѣтымъ въ гнусныя ризы, при чемъ діаволъ стоитъ одесную его; а потомъ возвращаются ему одежды свѣтлыя (Зах. 3, 1—5). Было бы излишнимъ говорить о Моисеѣ и Ааронѣ, какъ при водѣ пререканія они оскорбили Бога и не вошли въ землю обѣтованную (Числ. 20, 10—12), послѣ того какъ Іовъ упоминаетъ, что могутъ грѣшить и ангелы и всякое твореніе, говоря: *что бо? еда чистъ будетъ человекъ предъ Богомъ? Или въ дѣлахъ своихъ безъ порока мужъ? Аще рабомъ своимъ не вѣруетъ, и во ангелехъ своихъ стропотитъ что усмотрѣть: то кольми наче живущіе въ брениыхъ храминахъ, отъ нихъ же и мы сами отъ тогожде брнія семы* (Іов.

4, 17—19). *Искушеніе* есть *житіе* челоуѣка на земли (Іов. 7, 1). Палъ и Люциферъ (*сезтоноссезъ*), посылавшій (*святъ*) на всѣ племена. И онъ, воспитанный въ раю сладости между двѣнадцатью камнями, будучи уязвленъ, низошелъ отъ горы Господней въ преисподнюю. Почему и Спаситель говоритъ въ Евангеліи: *видѣхъ сатану яко молнію съ небесе свдши* (Лук. 10, 18). Если на небѣ паденіе, то не гораздо ли болѣе на землѣ? И хотя палъ Люциферъ (онъ же послѣ паденія—змій древній), *крѣпость его ни чреслъхъ, и сила его ни путь чрева. Осѣляютъ надъ нимъ дрессеса велики, и спитъ при рогозѣ и тростіи и ситовіи.* Онъ есть *царь всѣмъ живущимъ въ водахъ*, т. е. тамъ, гдѣ похоть, сладострастіе, осѣмененіе, орошеніе брачное. Ибо *кто открьметъ лице облеченія его? И дери лица его кто отверзетъ? Гитаются имъ языцы, и раздѣляютъ его финикійстїи народи* (Іова гл. 40 и 41). А чтобы читающій не подумалъ про себя, что разумѣются только племена финикійскія и народы эііопскіе, употребляющіе въ пищу дракона, тотчасъ же ведется рѣчь о тѣхъ, которые переплываютъ море вѣка сего и спѣшатъ въ пристань спасенія: и на корабляхъ рыбарей голова его *стоитъ аки наковальня неподвижна: смылетъ желѣзо аки плевы, мѣдь же аки древо гнило. Всяко же злато морское подъ нимъ яко же бреніе.* Заставляетъ кнѣзь бездну, какъ сосудъ мѣдный: *мнитъ море яко мироварницу, и тартаръ бездны яко же пльнника. Все высокое зритъ* (Іова гл. 41). И думается, что Ювиніанъ мой можетъ легко изнемочь подъ его тяжестью. Но къ чему говорю я о мужахъ святыхъ и объ ангелахъ, которые, будучи твореніями Божиими, могутъ всячески подвергаться грѣху? Онъ дерзнулъ искушать Сына Божія, и, будучи отраженъ первымъ и вторымъ знаменитымъ изреченіемъ послѣдняго, тѣмъ не менѣе поднимаетъ голову; когда же получилъ рану въ третій разъ, отступилъ на время, скорѣе

откладывая, чѣмъ прекращая вовсе искушеніе. И большее, что думаемъ мы о крещеніи, это—какъ отпускаятъ оно прежніе грѣхи, такъ на будущее время предохранить не можетъ, если крещенные не будутъ со всякимъ береженьемъ сохранять свое сердце.

Доходимъ наконецъ до пищи, и встрѣчаемся съ затрудненіями, представляемыми третьимъ положеніемъ: «Все сотворено для того, чтобы служить на употребленіе смертныхъ. И какъ человѣкъ, животное разумное, какъ бы нѣкій обитатель и владѣтель міра, подчиняется Богу и поклоняется своему Творцу, такъ и всѣ животныя сотворены или на пищу людямъ, или на одежду, или для вспахиванія земли, или для перевозки земныхъ произведеній, или для перевозки самаго человѣка; отъ того и называются они *животныя*, что помогаютъ (*juvent*). *Что есть человѣкъ*, говоритъ Давидъ, *яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко постыщаси его? Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ, славою и честию вѣнчалъ еси его, и поставилъ еси его надъ дѣлы руку твою. Вся покорилъ еси подъ нозъ его, овцы и солы вся, еще же и скоты польскія, птицы небесныя, и рыбы морскія, преходящія стези морскія* (Псал. 8, 5—9). Пусть, говоритъ, волъ будетъ созданъ для оранья, лошадь для сидѣнья, собака для храненья, козы для молока, овцы для шерсти. Какая польза отъ свиньи кромѣ мясной пищи? Зачѣмъ дикія козы, олени, серны, дикіе кабаны, зайцы, и подобнаго рода дичь? Зачѣмъ гуси дикіе и домашніе? На что утки, для чего винноградникъ? На что рябчикъ, на что галгара, на что дроздъ? Зачѣмъ по домамъ бѣгаетъ туда и сюда курица? Все это было бы сотворено Богомъ напрасно, еслибы не употреблялось въ пищу. Впрочемъ, въ доказательствахъ нѣтъ и нужды, когда Писаніе яснѣйшимъ образомъ учитъ (Быт. 9), что намъ дано въ снѣдь всякое движущееся, наравнѣ съ землемъ травнымъ; и апостоль въсклицаетъ: *если*

чиста чистымъ (Римл. 14, 20), и ничтоже отлетьно, со благодареніемъ приемлемо (1 Тим. 4, 4), и что появятся въ послѣднія времена возбраняющіе жениться и питаться брашнами, яже Богъ сотвори въ снѣденіе (тамъ же ст. 1—3). Самъ Господь былъ названъ фарисеями винопійцею и ядцею, сопирвателемъ мытарей и грѣшниковъ: потому что не отказался отъ обѣда Закхея и ходилъ на брачныя пиршества. Другое, впрочемъ, дѣло, если вы по глупой спорливости говорите, что онъ ходилъ на постный обѣдъ и по обычаю лжеучителей говорилъ: это я ѣмъ, этого не ѣмъ; не хочу пить вина, потому что изъ воды сотворилъ его. Во образъ крови своей Онъ предложилъ не воду, а вино. По воскресеніи вкушаетъ рыбу и сотъ медовый, а не сочевницу, орѣхи и похлебку. Апостоль Петръ не ждетъ по іудейскому обычаю звѣзды, а всходитъ на горницу, чтобы пообѣдать въ шестомъ часу. Павелъ на кораблѣ преломляетъ хлѣбъ, а не фиги. Тимофею, больному желудкомъ, совѣтуетъ пить вино, а не грушевый квасъ. Любуются своимъ воздержаніемъ отъ пищи, какъ будто и языческое суевѣріе не соблюдало *castum*¹⁾, въ честь матери боговъ и Изиды».

Итакъ пойду по слѣдамъ изложеннаго положенія, и прежде чѣмъ обращусь къ Писаніямъ и научу изъ нихъ, что посты приятны Богу и воздержаніе угодно Ему, аргументамъ философскимъ я противопоставлю аргументы же. Я докажу, что мы не слѣдуемъ ученію Емпедокла и Пивагора, которые думаютъ, что въ виду *μετεμφύωσις* не должно ѣсть ничего движущагося и живущаго, и подрубывающихъ ель и дубъ считаютъ виновными въ такомъ же преступленіи, въ какомъ виновны отцеубійцы и отравители; но по-

¹⁾ *Castum*—постъ въ честь Изиды и Цибелы, соединявшійся съ воздержаніемъ отъ хлѣба. Свидѣтельство о немъ у *Тертуліана de Iejun. cap. 16; Арнобія lib. V.*

читаемъ своего Создателя, который все сотворилъ на пользу людямъ. Какъ волю сотворенъ для ораньи, лошадь для сидѣнья, собаки для охраненья, козы для молока, овцы для шерсти: также точно свиньи и олени, дикія козы и зайцы, и прочее: но все это не непосредственно создано для ѣды, но на другое употребленіе человѣческое. Ибо, если все, что движется и живетъ, было создано для употребленія въ пищу и предназначено для услажденія горла: то пусть отвѣтятъ мнѣ, для чего сотворены слоны, зачѣмъ львы, медвѣди, леопарды, волки; для чего ехидны, скорпіоны, клопы, комары, блохи; зачѣмъ коршунъ, орелъ, воронъ, ястребъ; къ чему киты, дельфины, тюлени и мелкія ракушки? Кто изъ насъ ѣстъ когда нибудь льва, или ехидну, или коршуна, или аиста, или червей, пресмыкающихся по берегамъ? Поэтому, какъ эти имѣютъ свое особое назначеніе, такъ можемъ сказать тоже и о другихъ звѣрихъ, рыбахъ и птицахъ, созданныхъ не на пищу, а для врачевства. Медики знаютъ, въ сколькихъ случаяхъ пригодно мясо ехидны, изъ котораго готовится теріакъ. Кусочки слоновой кости употребляются въ различныхъ лекарствахъ. Желчь гіены возстановляетъ зрѣніе, пометъ ея и падалъ собачья лечить раны. А что можетъ показаться удивительнымъ читателю, Галенъ ἐν ἀπλοῖς учить, въ сколькихъ случаяхъ при леченіи приносить пользу человѣческой навозъ. Естествоиспытатели говорятъ, что кожа змѣи, которую она сбрасываетъ съ себя, удивительнымъ образомъ утишаетъ боль въ ухахъ. Что кажется незнающимъ до такой степени бесполезнымъ, какъ клопы? Если вопьется шывка, она тотчасъ отпадаетъ, какъ только услышитъ курево клопа; прикладываніемъ его облегчается запоръ мочи. Какую пользу приносятъ жиръ свиной, гусей, куръ и фазановъ, показываютъ всѣ медицинскія книги; если будешь читать ихъ, увидишь, что коршунъ представляетъ столько же врачебныхъ средствъ, сколько

членовъ. Навозъ павлина утишаетъ боль подагры. Если бы моею задачею было разсуждать о леченіи тѣла, я сказала бы, въ какихъ болѣзняхъ пригодны журавли, аисты, желчь орла, кровь ястреба, страфокамилъ, лягушки, хамелеоны, пометъ и мясо ласточки. Желаящій пусть читаетъ Аристотеля и Теофраста, разсуждающихъ объ этомъ въ прозѣ, Марцелла Сидета и нашего Флавія—въ гекзаметрахъ; равно—Плинія второго, Diosкорида и другихъ, какъ естествоиспытателей, такъ и медиковъ, которые изъ всякой травы, изъ всякаго камня, изъ всякаго животнаго, какъ пресмыкающагося, такъ пернатаго и плавающаго извлекаютъ пользу для своего искусства. Итакъ, если ты скажешь мнѣ: для чего сотворена свинья? я, какъ дѣлаютъ это обыкновенно дѣти въ спорѣ, тотчасъ же отвѣчу тебѣ: а для чего ехидны, для чего скорпионы? Не сочти Бога творцемъ излишняго потому, что есть много звѣрей и птицъ, которыхъ не принимаетъ твоя глотка. Но чтобы это не показалось болѣе дѣломъ спорливости и задорливости, чѣмъ истиною, выслушай, что свиньи, дикіе кабаны, олени и другія животныя сотворены для того, чтобы имѣли пищу воины, атлеты, корабельщики, риторы, рудокопы и прочіе, занятые тяжелыми работами, которымъ необходима крѣпость тѣлесная, которые носятъ оружіе и фуражъ, кулаками и пятами сокрушаютъ другъ другу члены, работаютъ веслами, которымъ нужна сильная грудь для того, чтобы говорить и кричать, которые разрушаютъ горы и спятъ подъ безоблачнымъ небомъ и подъ дождями. Впрочемъ, наша религія воспитываетъ не πύλττν ¹⁾, не атлета, не корабельщиковъ, не воинъ, не землекоповъ, но послѣдователя мудрости, который посвятилъ себя богопоклоненію и знаетъ, для чего сотворенъ онъ, для чего обращается въ мірѣ, изъ котораго спѣ-

¹⁾ т. е. бойца.

шить выйти. Почему и апостоль говоритъ: *егда немощную, тогда силенъ есмь* (2 Кор. 12, 10). *И аще внѣшній нашъ человекъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляетъ по вся дни* (2 Кор. 4, 16). *И желаю разрѣшиться и со Христомъ быти* (Филип. 1, 23). *И плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. 13, 14). Развѣ всѣмъ заповѣдано не имѣть двухъ одеждъ, ни хлѣба въ котомкѣ, ни мѣди въ поясѣ, ни посоха въ рукѣ, ни башмака на ногахъ,—продать все, чѣмъ владѣють, отдать бѣднымъ и слѣдовать за Іисусомъ (Матѣ. гл. 10, и Марк. 6)? Нѣтъ, тѣмъ только, которые хотятъ быть совершенными. Іоаннъ Креститель иную заповѣдь даетъ воинамъ, иную мытарямъ. Господь же говоритъ въ Евангеліи хвалившемуся, что исполнилъ все предписанное закономъ: *аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ мене* (Матѣ. 19, 21). Чтобы не показалось, будто Онъ налагаетъ великую тяжесть на нежелающаго, Онъ оставилъ это на собственную волю слушающаго, говоря: *аще хочещи совершенъ быти*. Почему и я скажу тебѣ: если хочешь быти совершеннымъ, то лучше откармливай душу, чѣмъ тѣло. Если же ты маленькій ребенокъ и поварскіе супы доставляютъ тебѣ наслажденіе,—нигто не вырываетъ изъ твоего рта сытныхъ обѣдовъ. Ъшь и пей, а если нравится тебѣ, то вставая весело вмѣстѣ съ Израилемъ, и пой: *да ямы и нѣмъ, утро бо умремъ* (Исаіи 22, 13). Пусть ѣсть и пьетъ, кто послѣ пищи ждетъ кончины, кто говоритъ съ Епикуромъ: послѣ смерти нѣтъ ничего, и сама смерть ничто. Мы вѣримъ Павлу, гремящему: *брани чреву, и чрево браниномъ. Богъ же и сіе и сія упріздитъ* (1 Кор. 6, 13).

Это небольшое мы привели изъ Писаній для того, чтобы показать согласіе наше съ ученіемъ философовъ. Впрочемъ, кому неизвѣстно, что каждый народъ обыкновенно питается

не тѣмъ, что указано общимъ естественнымъ закономъ, а тѣмъ, что есть у него въ изобиліи? Напримѣръ, арабы и сарацины, и вся пустынная варварская страна живетъ молокомъ и мясомъ верблюдовъ: потому что животное этого рода, при тамошнемъ климатѣ и бесплодности странъ, рождается у нихъ и кормится. Питаться мясомъ свинымъ они считаютъ нечестивымъ. Это потому, что свиньи, которыя кормятся желудями, каштанами, корнями папоротниковъ и ячменемъ, у нихъ встрѣчаются рѣдко, или даже не встрѣчаются вовсе; а если бы и встрѣтились, не имѣютъ пищи, о которой мы выше сказали. Напротивъ и вѣрные народы, если побуждаешь ихъ ѣсть ословъ и верблюдовъ, считаютъ, что накормить ихъ мясомъ этихъ животныхъ тоже, что принудить ѣсть волка или ворона. Въ Понтѣ и Фригійи отецъ семейства считаетъ большимъ прибыткомъ въ хозяйствѣ бѣлыхъ и жирныхъ червей, которые имѣютъ черненькую головку и рождаются въ древесной червоточинѣ. И какъ у насъ считаются лакомствомъ рябчигъ и виннограднигъ, муллюсъ и скаръ: такъ у нихъ составляетъ роскошь ѣсть ζ λ φ γοι. Народы Востока и Ливіи имѣютъ обычай питаться саранчею, такъ какъ по пустынѣ и жаркимъ бесплоднымъ пространствамъ встрѣчаются цѣлыя тучи ихъ. Дѣйствительность этого доказываетъ и Іоаннъ Креститель. Предложи съѣсть саранчу фригійцу и жителю Понта, онъ сочтетъ это сквернымъ. Заставъ сирійца, африканца и араба глотать понтійскихъ червей, онъ посмотритъ на нихъ съ такимъ же презрѣніемъ, какъ на мухъ, стоногъ и ящерицъ. А между тѣмъ сирійцы имѣютъ обычай употреблять въ пищу и земноводныхъ крокодиловъ, и африканцы даже зеленыхъ ящерицъ. Въ Египтѣ и Палестинѣ, по причинѣ рѣдкости воловъ, никто не ѣсть корову, но мясо быковъ, воловъ и телятъ употребляютъ въ пищу. А въ нашей области считаютъ за преступленіе ѣсть телятъ. Почему и императоръ Валентъ

обнародовалъ недавно на Востокѣ законъ, запрещающій употреблять всякому въ пищу телячье мясо, въ виду пользы для земледѣлія и для исправленія вреднѣйшаго обычая іудѣйствующаго народа, который, вмѣсто откормленнаго скота и сосуновъ (*порослятъ*), пожираетъ телятъ. Номады, троглодиты, скифы и новые варвары—гунны ѣдятъ полусырое мясо. Затѣмъ, рыбоѣды, народъ, кочующій по берегу Краснаго моря, раскладываютъ рыбу по горячимъ отъ солнечнаго зноя камнямъ, и питаются только этого рода пищею. Сарматы, квады, вандалы и другіе безчисленные народы ѣдятъ съ наслажденіемъ мясо лошадей и лисиць. Что сказать о другихъ народахъ, когда, будучи мальчикомъ, я самъ видѣлъ въ Галліи, что аттикоты, народъ британскій, питается человѣческимъ мясомъ, и когда встрѣчаютъ въ лѣсахъ стада свиней, крупнаго и мелкаго скота, то имѣютъ обычай отрѣзывать задницы у пастуховъ и женщинъ и титъки, и ихъ только считаютъ лакомою пищею? Племя скоттовъ не имѣетъ собственныхъ женъ; оно будто читало политику Платона и какъ бы слѣдуетъ примѣру Катона: потому что у нихъ нѣтъ никакой собственной жены, но они распутствуютъ, какъ кому похочется. Персы, мидяне, индійцы и эѳіопы, составляющіе царства немалыя и равныя имперіи римской, совокупляются съ матерями и бабками, дочерьми и внучками. Мессагеты и дервиги считаютъ несчастнѣйшими тѣхъ, которые умираютъ отъ болѣзней, и когда родители, родственники и ближніе достигаютъ старости, зарѣзавъ, пожираютъ ихъ, находя болѣе правильнымъ съѣсть ихъ самимъ, чѣмъ предоставить это червямъ. Тибарены вѣшаютъ на висѣлицы стариковъ, которыхъ любили. Гирканы выбрасываютъ птицамъ и собакамъ полуживыхъ, каспіи—тѣмъ же животнымъ мертвыхъ. Скионы закапываютъ живыми съ костями умершихъ тѣхъ, кого эти умершіе любили. Бактры выбрасываютъ стариковъ собакамъ, которыхъ содержатъ для этой собственно цѣли.

Когда Стасаноръ, префектъ Александра, хотѣлъ уничтожить это, то едва не потерялъ провинцію. Принудь египтянина питаться овечьимъ молокомъ; заставь, если можешь, пелусіота съѣсть луковицу. Въ Египтѣ каждый почти городъ поклоняется особымъ звѣрямъ и уродамъ, и чему поклоняется, то считаетъ неприкосновеннымъ и святымъ. Почему и самые города заимствуютъ у нихъ названія отъ именъ животныхъ: Леонто, Кино, Лико, Бузирисъ, Тмуисъ, что въ переводѣ значитъ *козелъ*. А чтобы знать, какихъ боговъ всегда принималъ Египетъ,—то еще недавно городъ ихъ былъ названъ по имени любовника Адриана Антипоемъ. Итакъ, ты ясно видишь, что не только въ пищу, но и въ погребеніи, и въ бракѣ, и во всемъ образѣ жизни каждый народъ руководится собственнымъ обычаемъ и свойствомъ, и чему научился, то считаетъ закономъ естественнымъ. Положимъ, что мясная пища есть общая принадлежность всѣхъ народовъ, и тамъ то позволительно, что гдѣ родится. Но какое значеніе имѣетъ это для насъ, коихъ житіе на небесѣхъ, — которые, стоя выше Пифагора и Еммедокла, и всѣхъ послѣдователей мудрости, считаемъ себя обязанными не тому, отъ кого родились, по тому, къ кому возрождены, которые плоть свою, непокорную и увлекающуюся возбужденіями похотей, подчиняемъ собѣ воздержаніемъ? Яденіе мяса, питье вина, пресыщеніе чрева—разсадникъ похоти. Почему и комигъ говоритъ: «безъ Цереры и Бахуса зябнетъ Венера».

Пороки входятъ въ душу посредствомъ пяти чувствъ, какъ бы чрезъ нѣкоторыя окна. Вражеское войско не можетъ овладѣть митрополіею и замкомъ ума прежде, чѣмъ ворвется въ ворота его. Душу ослабляютъ ихъ возмущенія, и она плѣняется зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ, осязаніемъ. Доставляютъ ли кому удовольствіе игры въ циркъ, или борьба атлетовъ, или подвижность комедіантовъ, красота женщинъ, блескъ драгоценныхъ камней, одежды, ме-

талловъ и прочихъ вещей того же рода, — свобода души похищена чрезъ окна глазъ, и исполняется извѣстное пророческое изреченіе: вошла смерть чрезъ окна ваши (Іер. 21). Затѣмъ, слухъ прельщается различными звуками органа и переливами голосовъ; и все, что ни входитъ посредствомъ ушей изъ стиховъ поэтовъ и комедіантовъ, тонкихъ шутокъ и пѣсень мимовъ, ослабляетъ мужество душевное. Что пріятность запаха, благовоніе куреній, ормутъ, мохъ цифа, энанѳа, и кожаца переходящей мыши приличны развратнымъ и любовникамъ, съ этимъ не согласится только развратный. Далѣе, кому неизвѣстно, что страсть къ пищѣ есть мать жадности и держитъ на землѣ душу, какъ бы обремененную кандалами? Изъ-за короткаго удовольствія аппетита обходить земли и моря, и цѣлую жизнь потѣмъ мы надъ работою, чтобы прошло чрезъ нашу глотку сладкое вино и драгоценная пища. Ощущеніе же чужихъ тѣлъ и пламенная страсть къ женщинамъ представляютъ собою сосѣдство съ безуміемъ. Ради этого чувства мы желаемъ, гнѣваемся, приходимъ въ восторгъ, завидуемъ, ревнуемъ, предаемся заботамъ, и когда желаніе наше исполнится, послѣ нѣкотораго раскаянія мы воспламеняемся снова, добиваемся того же, что совершивши раскаяваемся попрежнему. Итакъ, когда чрезъ эти ворота достигнуть до замка ума нашего какъ бы нѣкоторые полки возмущеній, — гдѣ окажется свобода, гдѣ мужество его, гдѣ помышленіе о Богѣ, особенно — когда ощущеніе рисуется ему и прошлымъ наслажденіямъ, и напоминаніемъ пороковъ побуждаетъ душу сочувствовать имъ и нѣкоторымъ образомъ совершать то, чего она не дѣлаетъ въ данную минуту?

По этимъ побужденіямъ многіе изъ философовъ оставили многолюдство городовъ и подгороднія помѣстья, гдѣ орошаемое поле, вѣтви и листья деревьевъ, шелестъ птицъ, гладкая поверхность источника, журчащій потокъ и мно-

жество приманокъ для глазъ и ушей,—оставили для того, чтобы роскошь и изобиліе всего не ослабили мужества души и не осквернили ея цѣломудрія. Ибо бесполезно имѣть часто передъ глазами то, чѣмъ нѣкогда былъ увлеченъ, и подвергать себя испытанію тѣмъ, лишеніе чего переносишь съ трудомъ. И пифагорейцы избѣгали многлюдства этого рода и жили обыкновенно въ уединеніи и мѣстахъ пустынныхъ. Равнымъ образомъ платоники и стоики проводили время въ рощахъ и портикахъ храмовъ, чтобы подъ вліяніемъ святости величественнаго мѣста не думать ни о чемъ, кромѣ добродѣтели. Да и самъ Платонъ хотя былъ богатъ и ложи его Діогенъ попиралъ грязными ногами, чтобы имѣть возможность предаться философіи, избралъ Академію, помѣстье, далекое отъ города, и не только пустынное, но и заразительное; это для того, чтобы леченіе и частое повтореніе болѣзней уничтожало стремленіе къ сладострастію, и чтобы ученики его не находили удовольствія ни въ чемъ, кромѣ того, чему учились. О нѣкоторыхъ читаемъ, что они выкололи себѣ глаза, чтобы зрѣніе не отвлекало ихъ философскаго созерцанія. Поэтому и извѣстный Кратесъ Фивскій, выбросивъ въ море немалое количество золота, сказалъ: идите ко дну дурныя пожеланія: я топлю васъ, чтобы вы не утопили меня самого. Тотъ самъ обольщаетъ себя, кто полагаетъ, что можетъ и наслаждаться изобиліемъ пищи и питья, и предаваться мудрости, т. е. жить наслажденіями и не подвергаться порочнымъ наслажденіямъ. Если мы, находясь далеко отъ этого, часто увлекаемся приманками природы, и принуждены бываемъ желать того, чего не имѣемъ въ изобиліи: то какимъ образомъ будемъ считать себя свободными, когда будемъ окружены сѣтями удовольствій? Наша мысль занята бываетъ тѣмъ, что видитъ, слышитъ, обоняетъ, вкушаетъ, къ чему прикасается, и стремится къ тому предмету, пріятность котораго увлекаетъ ее. Потому что видитъ умъ, и

слышитъ умъ, и что мы не можемъ ни слышать ничего, ни видѣть, если въ томъ, что видимъ и слышимъ, не участвуетъ наша мысль,—изреченіе древнее. Трудно, даже вовсе невозможно, утопая въ наслажденіяхъ и удовольствіяхъ, думать не о томъ, чѣмъ заняты; и напрасно притворяются нѣкоторые, будто они пользуются удовольствіями, сохраняя вѣру, цѣломудріе и непорочность душевную, когда противно природѣ—наслаждаться избыткомъ удовольствій безъ удовольствія. Въ видахъ предостереженія отъ этого и апостоль сказалъ: а сластолюбивая *жиси умерла* (1 Тим. 5, 6).

Чувства тѣлесныя представляютъ собою какъ бы коней, бѣгущихъ безотчетно, а душа, по подобію возницы, обуздываетъ бѣгущихъ удилами. И какъ кони безъ правящаго ими низвергаются въ пропасть: такъ и тѣло безъ водительства и управленія со стороны души влечется къ собственной гибели. Другое сравненіе души и тѣла дѣлается философами: они говорятъ, что тѣло — дитя, а душа—педагогъ. Почему и историкъ ¹⁾ говоритъ: *въ души мы имѣемъ власть, въ тѣлѣ служебное орудіе. Одно намъ обще съ богами, другое — съ животными*. Итакъ, если благоразуміе педагога не будетъ управлять пороками юноши и отрока, то все усилія и стремленія его направятся къ сладострастію. Мы можемъ жить безъ четырехъ чувствъ, т. е. безъ зрѣнія, слуха, обонянія и осязанія. Но безъ вкуса и пици человѣческое тѣло существовать не можетъ. Поэтому должно стараться принимать пищу такую и въ такомъ количествѣ, чтобы она не обременяла тѣла и не подавляла свободы души; потому что приходится и ѣсть, и прогуливаться, и спать, и переваривать, а когда жилы надуются, борются съ похотливыми возбужденіями. Невоздержная вещь вино, и *укоризненно питство* (Прит. 20, 1). Всякій, вдающійся въ это, не будетъ

¹⁾ Саллюстій in *Catilin.* cap. 1.

мудрымъ. Не будемъ принимать и такую пищу, которая или съ трудомъ переваривается, или, будучи употреблена, вызываетъ съ нашей стороны сожалѣніе, какъ пріобрѣтенная съ большимъ трудомъ и потерянная. Приготовление овощей, плодовъ и гороху и удобнѣе, и не нуждается въ искусствѣ и издержкахъ поварскихъ; кромѣ того, пища этого рода легко переносится человѣческимъ тѣломъ, и будучи принята въ умѣренномъ количествѣ (поелику ѣстся не съ жадностію, какъ не имѣющая свойствъ раздражать аппетитъ), удобно переваривается желудкомъ. Ибо никто однимъ или двумя кушаньями, и притомъ—простыми, не отяготитъ себя до вздутія брюха, которое бываетъ слѣдствіемъ разнообразія мяса и лакомства, когда блюда дымятся различными запахами, и, по утоленіи голода, волокутъ къ себѣ будто плѣнныхъ. Отсюда отъ чрезмѣрнаго насыщенія происходятъ болѣзни; и многіе невоздержность аппетита излечиваютъ рвотою;—что неблагопрістойно вложили, выкладываютъ еще неблагопрістойнѣе.

Гиппократъ въ Афоризмахъ учитъ, что толстыя и жирныя тѣла, достигшія полной мѣры возрастанія, подвергаются параличу и самымъ опаснымъ родамъ болѣзней, если не будутъ уменьшены немедленнымъ кровопусканіемъ; поэтому убавленіе ихъ необходимо, чтобы они имѣли, во что могли бы расти. Ибо природа тѣлъ не можетъ оставаться въ одномъ состояніи, но должна или возрастать или уменьшаться постоянно, и животное не можетъ жить, если не будетъ способно къ возрастанію. Поэтому же и ученѣйшій мужъ Галень, толкователь Гиппократа, въ увѣщаніи медицинскомъ говоритъ, что атлеты, которыхъ жизнь и искусство состоятъ въ обжорствѣ, не могутъ ни долго жить, ни быть здоровыми; и ихъ души дотога погружены въ чрезмѣрное количество крови и въ жиръ, будто въ грязь, что они не могутъ мыслить ни о чемъ свѣтломъ, ни о чемъ небесномъ, а только

о мясахъ, объ отрыжкѣ, о прозорливости желудка. Діогенъ утверждаетъ, что тираны и разрушители городовъ, войны съ врагами и войны гражданскія появляются не изъ-за простой пищи, состоящей изъ овощей и плодовъ, но изъ-за мясъ и кушаній лакомыхъ. И что особенно удивительно, защитникъ чувственнаго удовольствія Эпикуръ наполнилъ всѣ свои книги толками объ овощахъ и плодахъ, и говоритъ, что слѣдуетъ жить простою пищею: потому что мяса и кушанья изысканныя готовятся съ великими хлопотами и несчастіями, и пріобрѣтеніе ихъ соединяется съ большимъ мученіемъ, чѣмъ употребленіе съ удовольствіемъ. Тѣла же наши нуждаются только въ пищѣ и питьѣ. Гдѣ есть вода и хлѣбъ и прочее тому подобное, тамъ природа удовлетворена. Что будетъ сверхъ того, то относится не къ необходимой потребности жизни, а къ порочному плотскому удовольствію. Питье и вода должны утолять не страсть къ наслажденію, а жажду и голодъ. Питающіеся мясомъ нуждаются и въ немясной пищѣ. А употребляющіе простую пищу не чувствуютъ необходимости въ мясѣ. Не можемъ мы посвятить себя и мудрости, если будемъ помышлять объ изобиліи стола, которое требуетъ чрезвычайнаго труда и заботливости. Необходимыя требованія природы скоро выполняются: холодъ и голодъ могутъ быть устранены простою одеждою и пищею. Почему и апостолъ говоритъ: *имѣюще тишу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8). Пріятность и разнообразіе пищи—поощреніе къ корыстолюбію. Когда бываешь доволенъ малымъ, высокое наслажденіе для души составляетъ имѣть міръ подъ ногами и все его могущество; пиршества, сладострастіе, изъ-за которыхъ собираются богатства, замѣнять простою пищею и уравнивать грубѣйшею туникою. Устрани невоздержность въ пищѣ и сладострастіе, и никто не станетъ искать богатства, котораго употребленіе или въ чревѣ, или подъ чревомъ. Кто болѣетъ, тотъ не иначе воз-

становляетъ здоровье, какъ только легкою пищею и умѣреннымъ образомъ жизни, что называется *λεπτὴ διαίτα*. Итакъ, какою пищею здоровье восстанавливается, тою можетъ оно и сохраняться; пусть никто не думаетъ, что овощи производятъ болѣзни. Правда, овощи не сообщать силъ извѣстнаго Милона кротонскаго ¹⁾, которыя рождаются отъ мяса и поддерживаются ими; но зачѣмъ мужу мудрому и Христову философу имѣть такую крѣпость, которая необходима атлетамъ и воинамъ, которая, еслибы онъ имѣлъ ее, склоняла бы его къ порокамъ? Мясо считаютъ нужнымъ для здоровья тѣхъ, которые хотятъ злоупотреблять сладострастіемъ, и погружившись въ грязь похотей, горятъ постоянною страстью къ совокупленію. Христіанину необходимо здоровье безъ чрезмѣрныхъ силъ. Насъ не должно смущать и то, что послѣдователи этого образа жизни рѣдки: потому что рѣдки и друзья добрые и вѣрные, скромные и воздержные, и добродѣтель всегда рѣдка. Читай о воздержаніи Фабриція, о бѣдности Курія, и даже въ такомъ большомъ городѣ едва найдешь немногихъ, которымъ можешь подражать. Не безпокойся, если перестанешь ѣсть мясо: искусство, которому учились птицеловы и охотники, не окажется напраснымъ.

Читаемъ, что нѣкоторые больные ломомъ въ суставахъ и подагрою, выздоравливали, когда вслѣдствіе конфискаціи имущества принуждены были довольствоваться простымъ столомъ и бѣдною пищею. Ибо они освобождались отъ заботъ по управленію домомъ и лишались роскошнаго стола, что сокрушаетъ и тѣло и душу. Гораций ²⁾ смѣется надъ

¹⁾ О силѣ этого Милона рассказываютъ, что на Олимпійскихъ играхъ онъ несъ быка цѣлую стадію, потомъ ударомъ кулака убилъ его и сожралъ всего въ одинъ день. См. Галепа вышеприведенное сочиненіе, которое озаглавляется собственно: *προπρέπτικος λόγος πρὸς τὰς τέχνας*, и Плинія кн. VII. гл. 20.

²⁾ *Epist. 2, ad Lollium.*

страстью къ пищѣ, которая будучи съѣдена, оставляетъ раскаяніе: *презираи удовольствія; вредно удовольствіе, купленное горемъ*. И въ насмѣшку надъ людьми, преданными чувственнымъ удовольствіямъ, описавъ себя, какъ онъ растолстѣлъ и разжирѣлъ въ пріятнѣйшей деревнѣ, шутитъ въ слѣдующихъ стихахъ: *хочешь смѣяться, -- посмотри на меня, тучнаго и лоснящагося, съ хорошо выхоленную кожею борова изъ стада Епикура*. Но и при употребленіи самой простой пищи слѣдуетъ избѣгать пресыщенія. Ибо ничто не обременяетъ такъ души, какъ брюхо полное и разгоряченное, поворачивающееся изъ стороны въ сторону и облегчающееся испусканіемъ вѣтровъ чрезъ отрыжку или трескъ. Какой то постъ, или какое то обновленіе послѣ поста, когда мы занимаемся перевариваніемъ еще вчерашней пищи и горло наше служитъ мѣстомъ, гдѣ готовится матеріалъ для клоаковъ. Ища хвалы продолжительнѣйшаго поста, мы пожираемъ столько, что едва въ состояніи бываетъ переварить ночь другаго дня. Итакъ, не столько постомъ слѣдуетъ назвать это, сколько похмѣльемъ, смраднымъ и тяжелымъ пищевареніемъ.

Диксархъ въ книгахъ о древностяхъ и въ описаніи Греціи рассказываетъ, что въ царствованіе Сатурна, т. е. въ золотой вѣкъ, когда земля все производила въ изобиліи, никто не ѣлъ мяса, но все питались плодами и яблоками, которыя давала земля безъ обработки. Ксенофонтъ, описывая въ осми книгахъ жизнь Кира, царя персовъ, утверждаетъ, что они употребляютъ въ пищу ячную крупу, крессъ, соль и ржаной хлѣбъ. О столѣ и умѣренности лакедемонянъ свидѣлствуютъ какъ вышеписанный Ксенофонтъ и Теофрастъ, такъ и все почти греческіе писатели. Стоикъ Херемонъ, мужъ ученѣйшій, рассказываетъ о древнихъ египетскихъ жрецахъ, что, отложивъ всякія мірскія занятія и заботы, они постоянно пребывали въ храмѣ, и занимались созерцаніемъ

природы вещей, положенія и теченія звѣздъ; никогда не общались съ женами; съ тѣхъ поръ, какъ посвящали себя божественному служенію, никогда не видѣлись съ родными и ближними, и даже съ дѣтьми; отъ мяса и вина всегда воздерживались, какъ ради тонкости чувства и по причинѣ головокруженія, которому подвергались отъ малаго количества пищи, такъ особенно по причинѣ страстныхъ влеченій, которыя рождаются отъ этого рода пищи и питья. Хлѣбъ употребляли въ пищу изрѣдка, чтобы не обременять желудокъ. А когда случалось ѣсть его, употребляли вмѣстѣ съ нимъ въ пищу толченый иссопъ, чтобы при помощи его переварить сравнительно тяжелую пищу. Масло кушали только съ овощами, но и то въ маломъ количествѣ, для устраненія позыва на рвоту, и для смягченія жесткости вкуса. Что скажу я, замѣчаетъ онъ, о пернатыхъ, когда они удалялись отъ яицъ и молока, какъ отъ мяса. Объ одномъ они говорили, что то жидкое мясо, о другомъ—что то кровь, измѣнившая цвѣтъ. Постель ихъ была плетеная изъ листьевъ пальмы, которую они называютъ *baias*: вмѣсто подушечки подъ голову они ставили на землѣ скамеечку, покачую и скошенную на одну сторону, проводя въ воздержаніи отъ пищи по два и по три дня. Тѣлесныя влаги, которыя рождаются отъ недѣятельности и пребыванія въ одномъ мѣстѣ, они изсушали чрезвычайно умѣренностію образа жизни.

Іосифъ, во второй исторіи плѣна іудейскаго, въ восемнадцатой книгѣ Древностей и въ двухъ книгахъ противъ Аппіона, описываетъ три іудейскія секты: фарисеевъ, саддукеевъ и ессеевъ. Изъ нихъ онъ превозноситъ послѣднихъ чрезвычайными похвалами за то, что они всегда воздерживались отъ женъ, вина и мяса и ежедневный постъ обратили въ природу. О жизни ихъ издалъ особую книгу и ученѣйшій мужъ Филонъ. Неантъ Цизическій и Асклепиадъ

Кипрскій писали, что въ тотъ вѣкъ, когда на Востокѣ царствовалъ Пигмалеонъ, мясо въ пищу не употреблялось. Евбуль, изложившій исторію Митры во многихъ книгахъ, рассказываетъ, что у персовъ есть три рода маговъ, изъ коихъ первые, самые ученые и краснорѣчивые, не употребляютъ въ пищу ничего, кромѣ муки и овощей. Въ Элевзисѣ считается обычнымъ воздерживаться отъ птицъ, рыбъ и нѣкоторыхъ плодовъ. Гардесанъ, мужъ вавилонскій, раздѣлялъ индійцевъ гимнософистовъ на двѣ секты, изъ коихъ одну называлъ брахманами, другую саманеями: они соблюдаютъ такое воздержаніе, что питаются только плодами деревьевъ, растущихъ у рѣки Ганга, или общенародною пищею изъ риса или муки; и когда царь приходитъ къ нимъ, то творитъ имъ поклоненіе, и полагаетъ, что миръ его области зависитъ отъ ихъ молитвъ. Еврипидъ рассказываетъ, что оракулы Юпитера на островѣ Критѣ воздерживаются не только отъ мяса, но и отъ вареной пищи. Философъ Ксенократъ писалъ, что изъ законовъ Триптолема у афинянъ осталось только три заповѣди въ храмѣ Элевзинскомъ: должно почитать родителей; должно чтить боговъ, не должно ѣсть мяса. Орфей въ своихъ стихахъ высказываетъ рѣшительное отвращеніе отъ мяса. Привелъ бы я къ стыду нашему свидѣтельства о воздержаніи Пифагора, Сократа, Антисѣна и другихъ, если бы это не было слишкомъ длинно и не нуждалось въ особомъ сочиненіи. Это тотъ Антисѣнъ, о которомъ рассказываютъ, что, со славою преподавши реторику и услышавши Сократа, сказалъ своимъ ученикамъ: ступайте, и ищите учителя: потому что я уже нашелъ. И продавъ тотчасъ же, что имѣлъ и раздавъ всенародно, онъ не оставилъ себѣ ничего, кромѣ маленькаго плаща. Свидѣтелями его бѣдности и труда служатъ Ксенофонтъ въ Симпосіонѣ и безчисленные его книги, изъ коихъ одиѣ написаны имъ въ философскомъ, другія въ реторическомъ родѣ. Его-то по-

слѣдователемъ былъ оный знаменитѣйшій Діогенъ, болѣе могущественный, чѣмъ царь Александръ, и побѣдитель природы человѣческой. Когда Антисоенъ не принималъ никого изъ учениковъ и не могъ отогнать отъ себя упорствовавшего Діогена, то грозилъ ему наконецъ, если не отойдетъ, дубиною. Рассказываютъ, что этотъ подставилъ ему голову, и сказалъ: не найдется такой крѣпкой палки, которая могла бы принудить меня отстать отъ тебя. Сатиръ, написавшій исторіи знаменитыхъ мужей, повѣствуетъ, что Діогенъ ради холода носилъ двойной небольшой плащъ; вмѣсто шкана имѣлъ суму; носилъ съ собою по причинѣ слабости тѣла дубину, которою, будучи уже старикомъ, обыкновенно, поддерживалъ свои члены, и на данный часъ выпрашивая у кого либо и получая пищу, былъ вообще называемъ ἡμερόβιος. Жилъ же онъ во входахъ воротъ и подъ городскими портиками. А когда поварачивался въ бочкѣ, шутя говорилъ, что имѣть домъ подвижной и перемѣняющійся вмѣстѣ съ временами (года) Потому что въ холодную пору онъ поварачивалъ отверстіе бочки на югъ, въ жаркую на сѣверъ и куда бы ни склонялось солнце, соотвѣтственно тому поварачивалъ дворецъ Діогенъ. Имѣя глиняный сосудъ для питья, онъ увидѣлъ однажды, что мальчикъ пилъ вогнутою рукою; рассказываютъ, что онъ разбилъ его о землю, говоря: не зналъ я, что и природа имѣетъ стаканъ. Добродѣтель и воздержаніе его показываетъ самая его смерть. Когда, будучи уже старикомъ, шелъ онъ на Олимпійскія игры, праздновавшіяся при большомъ стеченіи народа греческаго: то, какъ рассказываютъ, будучи на пути схваченъ лихорадкою, легъ на краю дороги; и когда друзья хотѣли поднять его на рабочее животное или на повозку, онъ не согласился, но переходя подъ тѣнь дерева, сказалъ: «отойдите, и ступайте, куда задумали; эта ночь покажетъ меня или побѣдителемъ или побѣжденнымъ. Если я одержу побѣду надъ лихорад-

кою, то приду на игры; если лихорадка меня побѣдитъ, сойду въ преисподнюю». И тамъ, задушенный въ продолженіе ночи, онъ говорилъ, что не столько умираетъ, сколько смертью изгоняетъ лихорадку. Я представилъ примѣръ одного только философа, чтобы наши красавчики, наши мясистые, громадными ногами едва отгѣняющіе слѣды,—которыхъ рѣчи въ кулакахъ, а силлогизмы въ пяткахъ, которые или не знаютъ апостольскаго убожества и суровости креста, или презираютъ ихъ,—чтобы они подражали по крайней мѣрѣ умѣренности язычниковъ.

Это говорилъ я о сужденіяхъ и примѣрахъ философовъ. Теперь, переходя къ началу рода человѣческаго, т. е. въ свою область, я покажу, что въ первый разъ Адамъ получилъ въ раю заповѣдь, вкушая все плоды, воздерживаться отъ одного дерева. Райское блаженство не могло состояться безъ воздержанія въ пищѣ. Пока онъ постился, былъ въ раю; вкусилъ, и былъ изгнанъ; когда же былъ изгнанъ, немедленно женился. Тощій въ раю, онъ былъ дѣвственникомъ, сытый на землѣ—соединяется бракомъ. Впрочемъ и изгнанный онъ не тотчасъ же получилъ дозволеніе питаться мясомъ; но въ пищу ему назначаются только яблоки древесные, плоды посѣвовъ и овощи травныя, чтобы и будучи въ ссылке изъ рая, онъ питался не мясомъ, котораго въ раю не было, но подобіемъ плодовъ райскихъ. Впослѣдствіи же Богъ, видя, что сердце человѣческое прилежно помышляетъ на злая отъ юности и что духъ Его не могъ пребывать на *(человѣчествѣ)* сихъ, зане были плоть, осудилъ на потопъ дѣла плоти, и для испытанія прозорливости людей, далъ имъ позволеніе ѣсть мясо, чтобы, видя все себѣ дозволеннымъ, они позволеннаго не особенно желали, чтобы заповѣдь не обращалась въ поводъ къ преступленію. Впрочемъ и тогда постъ былъ отчасти заповѣданъ. Ибо какъ скоро одни *(животныя)* считаются чистыми, другія нечи-

стыми, и въ ковчегъ Ноевъ вводятся нечистыхъ по два, а чистыхъ число нечетное (и во всякомъ случаѣ употребленіе въ пищу нечистыхъ было устранено: потому что иначе названіе нечистыми не имѣло бы основанія): то постъ отчасти былъ установленъ, такъ какъ въ исключеніи нѣкоторыхъ заключалось наставленіе о воздержаніи вообще. Изъ-за чего потерялъ первородство свое Исавъ? Не изъ-за пищи ли? И нетерпѣнія удовлетворить аппетитъ онъ не могъ искупить слезами. Изгнанный изъ Египта и имѣвшій быть введеннымъ въ землю текущую медомъ и млекою, наредъ израильскій требуетъ египетскихъ мясъ, дынь и прочаго. *О дабы, говоритъ онъ, быхомъ измерли мы узвени отъ Господа въ земли египетскыи, егда съдяхомъ надъ котлы мясными* (Исх. 16, 3). И еще: *кто ны питаетъ мясы? Помянухомъ рыбы, яже лдохомъ въ земли египетскыи туне, и огурцы, и дыни, и чеснокъ, и лукъ, и другое. Нынѣ же душа наша изсохла, ничтоже точію манна предъ очима нашими* (Числ. 11, 4—6). Пренебрегая ангельскою пищею, они вздыхаютъ о мясахъ египетскихъ. Моисей, въ продолженіи сорока дней и ночей не ѣвшій, говоритъ съ Богомъ на горѣ Синаѣ, доказывая еще тогда, что не о хлѣбѣ единомъ живетъ человекъ, но о всякомъ глаголѣ Божіемъ; а народъ, сытый, дѣлаетъ идоловъ. Тотъ, съ пустымъ желудкомъ, получаетъ законъ, писанный перстомъ Божіимъ; а этотъ, садясь ѣсть и пить, и вставая играть, переливаетъ золото въ тельца и египетскаго быка предпочитаетъ величію Господнему. Подвигъ столькихъ дней погибаетъ отъ пресыщенія одного часа. Моисей смѣло разбиваетъ скрижали: ибо онъ зналъ, что пьяные не могутъ слушать словъ Божіихъ. Утучнѣлъ, и сдѣлался жиренъ, и расширѣлъ, и сталъ ляться возлюбленный, *и остави Бога, сотворшаго его, и отступи отъ Бога Спаса своего* (Втор. 32, 15). Почему въ томъ же Второзаконіи заповѣдуется: когда будешь ѣсть

и пить, и построишь прекрасные дома, умножатся овцы и волы твои, и серебро и золото, да не вознесется сердце твое и забудеши Господа Бога твоего (Втор. 8, 12—14). И вот ѿль народъ и утучнѣло его сердце, чтобы не видѣть глазами, не слышать ушами и не уразумѣвать сердцемъ: и насытившійся и разжирѣвшій народъ не могъ вынести лица Моисея постящагося, а по еврейскому подлиннику—отъ собесѣдованія съ Богомъ рогатаго. Почему и Господь и Спаситель нашъ, преобразившись на горѣ, показалъ съ собою во славѣ Моисея и Илію не ради безразличія дѣвства и брака, какъ думаютъ нѣкоторые, а ради сообщества въ постѣ. Впрочемъ Моисей и Илія собственно были образомъ закона и пророковъ, какъ это ясно свидѣтельствуется евангельское Писаніе: *глаголаста исходъ его, егоже хотяше скончати во Иерусалимѣ* (Лук. 9, 31). Ибо законъ и пророки говорятъ о страданіяхъ Господа, а не о дѣвствѣ и бракѣ. Если же по спорливости будутъ говорить, что въ лицѣ Моисея поставленъ на видъ бракъ, а въ лицѣ Іліи дѣвство,—пусть выслушаютъ краткое замѣчаніе, что Моисей умеръ и погребенъ, а Ілія взятъ на огненной колесницѣ, сталъ безсмертнымъ прежде чѣмъ умеръ. Да и вторичное написаніе скрижалей (Моисей) не могъ испросить безъ поста. Что было потеряно пьянствомъ, то найдено воздержаніемъ. Откуда видно, что мы чрезъ постъ можемъ снова войти въ рай, изъ котораго были изгнаны за насыщеніе. Въ Исходѣ говорится о сраженіи противъ Амалика при молитвѣ Моисея и постѣ всего народа, продолжавшемся до самаго вечера (Исх. 17). Іисусъ сынъ Навинъ предислалъ солнцу и лунѣ; и войско побѣдителя продолжало постъ болѣе чѣмъ на одинъ день (Нав. гл. 10). Саулъ, какъ пишется въ книгѣ Царей, говоритъ: *проклятъ, иже ясти будетъ хлѣбъ даже до сечера, дондеже отъмцу врагомъ моимъ. И не вкусити муже вси хлѣба, и вся земля*

объядише (1 Цар. 14, 24. 25). И обязательность разъ обѣщаннаго Господу поста была такова, что Іоанаванъ, виновникъ побѣды, былъ обличенъ жребіемъ, не могъ отклонить грѣха невѣденія, воздвигъ противъ себя руку отца, и едва спасся благодаря просьбамъ народа. Илія, приготовившись сорокодневнымъ постомъ, видитъ Бога на горѣ Хоривъ и слышитъ отъ Него: *что ты здѣсь Іліе* (3 Цар 19, 9)? Гораздо дружественнѣе этотъ голосъ, чѣмъ извѣстный въ книгѣ Бытія: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. 3. 9)? Тотъ приводилъ въ ужасъ сытаго и погубившаго себя, а этотъ обращался съ ласкою къ постящемуся рабу. Самуиль, собравши народъ въ Масфатъ, укрѣпилъ его назначеннымъ тамъ постомъ и сдѣлалъ его сильнѣе враговъ. Слезы, вретиче и униженный образъ жизни царя Езекии сокрушили, низложили и побѣдили нападеніе ассиріянь и могущество Сеннахирима (Исаи гл. 37). А городъ Ниневія скорбнымъ постомъ отклонилъ угрожающій гнѣвъ Господень; умилиствовали бы его и Содомъ и Гоморра, еслибы захотѣли принести покаяніе и соединить съ покаяніемъ слезы, вспомошествоуемыя постомъ. Нечестивѣйшій царь Ахавъ постомъ и вретичемъ достигъ того, что избѣжалъ приговора Божія, и ниспроверженіе дома его отложено было ко днямъ потомства его. Анна жена Елкана удостоилась наполнить сыномъ чрево, которое было пусто отъ (*неупотребленія*) пищи. Угрожаетъ опасность волхвамъ въ Вавилонѣ, избиваются всѣ толкователи (сновъ), ворожеи и гадатели. Даніиль и три отрока удостоиваются чрезъ постъ откровенія; и вскормленные шелушными плодами оказываются красивѣе и разумнѣе тѣхъ, которые питались мясами отъ стола царскаго (Дан. 1 и 2). Потомъ пишется, что Даніиль постился въ продолженіи трехъ седмиць; вкуснаго хлѣба онъ не ѣлъ, мясо и вино не входили въ уста его, масломъ онъ не умащалъ себя. И пришелъ къ нему ангель съ словами: *Даніиль, ты человекъ достойный сожалѣнія*

(Дан. 9, 23). Но явившійся достойнымъ Божіаго сожалѣнія, послѣ поста былъ во рву страшень для львовъ. Что за прекрасная вещь, которая Бога умилостивляетъ, львовъ укрощаетъ, демоновъ устрашаетъ! И посылается къ нему Аввакумъ съ обѣдомъ, который несъ онъ жнецамъ (хотя этого мы не нашли въ еврейскихъ спискахъ). Такого столоваго прислужника удостоилась седмица, проведенная безъ пиши (Дан. 14). Давидъ, когда угрожала ему опасность отъ сына, совершилъ послѣ прелюбодѣянія *ἐξομολόγησιν* въ пещлѣ и постѣ, говоря: *Зане пепелъ яко хлѣбъ ядохъ, и питіе мое съ плачелъ растворяхъ* (Пс. 101, 10). И *колѣна моя изнемогоста отъ поста* (Пс. 108, 24). И дѣйствительно, услышалъ тогда же отъ Павана: *Господь отъя* отъ тебя это *согрѣшеніе* (2 Цар. 12, 13). Самсонъ и Самуилъ не пили вина и сикеры. Ибо они были сыновьями обѣта, и зачаты чрезъ воздержаніе и постъ. Ааронъ и другіе священники, имѣя войти во храмъ, не пили ничего, что могло опьянять, да не умрутъ (Исх. 10, 9). Откуда мы заключаемъ, что служащіе въ церкви въ нетрезвомъ видѣ заслуживаютъ смерти. Почему Израилю дѣлается упрекъ: *напаясте* назореевъ моихъ *виномъ* (Амос. 2, 12). Ионадавъ, сынъ Рихава, заповѣдалъ своимъ сыновьямъ не пить вина до вѣка. Когда Іеремія принесъ имъ вино, чтобы они пили, а они пить не захотѣли, Господь сказаъ чрезъ пророка: *поелику повиновались вы заповѣди Ионадава отца вашего, не оскудѣетъ мужъ отъ сыновъ Ионадавлихъ, сына Рихавля стояй предъ лицемъ моимъ вся дни* (Іер. гл. 35). Въ преддверіи Евангелія вводится единомужная Анна, дочь Фануилова, всегда пребывающая въ постѣ; и Господа дѣвственника зачинаетъ продолжительная чистота и продолжительный постъ. Предтеча Его и провозвѣстникъ Іоаннъ питается агридами и дикимъ медомъ, а не мясомъ: этою пищею полагается основаніе пустынножительству и колыбели монаховъ. Да и самъ Господь освятилъ свое кре-

щеніе сорокадневнымъ постомъ, и научилъ, что стрѣлы демонскія не могутъ быть побѣждаемы ничѣмъ кромѣ молитвы и поста. Корнелій сотникъ удостоился получить Духа Святаго до крещенія чрезъ милостыни и частые посты. Апостоль Павелъ послѣ голода и жажды и другихъ своихъ трудовъ, послѣ опасностей отъ разбойниковъ, кораблекрушеній, одиночества, исчисляеть и частые посты. А ученику Тимоѳею, страдавшему желудкомъ и переносившему очень многія болѣзни, совѣтуетъ умѣренное употребленіе вина: *кому не ній соды*, говоритъ онъ (1 Тим. 5, 23). Но кому говорить: *кому не ній воды*, тотъ очевидно прежде пилъ воду. И этой уступки онъ не сдѣлалъ бы, еслибы того не требовали частые недуги и болѣзнь желудка.

Правда, что апостоль укоряетъ тѣхъ, которые запрещали бракъ и повелѣвали воздерживаться отъ пищи, которую *Богъ сотвори въ смѣденіе съ благодареніемъ* (1 Тим. гл. 4), дѣлаетъ указаніе на Маркіана, Таціана и другихъ еретиковъ, которые назначаютъ постоянное воздержаніе, оскверняя, презирая и дѣлая омерзительными произведенія Творца. Но мы хвалимъ всякое твореніе Божіе; и предпочитаемъ (*только*) судошавость тучности, воздержаніе роскоши, постъ сытости. Ибо *мужъ въ трудѣхъ труждается себѣ, и изнуждаетъ погибель свою* (Притч 16, 26). И *отъ дней Іоанни Крестителя* (постника и дѣвственника) *царствіе небесное съ нуждею воспріемлетъ, и нуждницы восхвѣщаютъ е* (Матѣ. 11, 12). Мы боимся, чтобы пришествіе вѣчнаго судіи не застало насъ, какъ во дни потопа и разрушенія Содомы и Гоморры, ядущими и піющими, жениющимися и выходящими замужъ. Ибо и потопъ, и огонь съ небесъ одинаково застали пресыщеніе и браки, которыя истребили. И неудивительно, если апостоль повелѣваетъ покупать и вкушать все, что продается на рынокѣ (1 Кор. гл. 10), когда для идолослужителей еще, такъ сказать, и въ

храмахъ идольскихъ какъ бы питающихся идоложертвеннымъ, высшимъ воздержаніемъ было только неяденіе языческихъ яствъ (1 Кор. гл. 10). Если онъ говоритъ Римлянамъ: *ядый не ядущаго да не укоряетъ и неядый ядущаго да не осуждаетъ* (Рим. 14, 3), то не утверждаетъ равнаго значенія поста и пресыщенія, но говоритъ противъ тѣхъ, кои, увѣровавъ во Христа, еще іудействовали, и увѣровавшихъ изъ язычниковъ увѣщаетъ, чтобы своею пищею они не соблазнили ихъ, бывшихъ еще слишкомъ слабыми въ вѣрѣ. Наконецъ и въ дальнѣйшихъ словахъ говоритъ тоже самое. *Въмз и извѣщенъ есмь о Христѣ Исусѣ, яко ничтоже скверно само собою, точію помышляющему что скверно быти, оному скверно есть. Аще бо брашна ради братъ твой скорбитъ, уже не по любви ходиши. Не брашною твоимъ того погубляй, за негоже Христосъ умре. Да не хулится збо саше благое. Ньсть бо царствіе Божіе брашно и питіе.* (Рим. 14, 14 и слѣд.). И чтобы кто не подумалъ, что это говорится о постахъ, а не іудейскомъ суевѣріи, онъ тамъ же рассуждаетъ: *овъ отрываетъ ясти вся, а изнемогаяй зелія ястъ* (тамъ же ст 2). И еще: *овъ рассуждаетъ день чрезъ день, овъ же судитъ на всякъ день; кійжедо своею мыслію да извѣствуется. Мудрствуяй день Господеви мудрствуетъ, и не мудрствуяй день, Господеви не мудрствуетъ. Ядый Господеви ястъ: благодаритъ бо Бога. И не ядый Господеви не ястъ, и благодаритъ Бога.* Ибо бывшимъ еще нетвердыми въ вѣрѣ и считавшимъ одни мяса чистыми, а другія нечистыми и признававшимъ нѣкоторое различіе между однимъ и другимъ днемъ, думавшимъ напимѣръ, что суббота, новомѣсячія и праздники кущей святѣе чѣмъ прочіе дни, повелѣвается ѣсть овощи, которыя употребляются въ пищу всѣми безразлично; болѣе же твердые въ вѣрѣ признавали всѣ мяса и всѣ дни одинаковыми.

А что онъ осмѣлился высказать, что Господа называли фарисеи ядцею и винопійцею, потому что Онъ и ходилъ на брачныя пиршества и не пренебрегалъ сообществомъ съ грѣшниками, то я думаю, что онъ это дѣлаетъ въ нашу пользу. Это тотъ Господь—какъ полагаешь ты ядца,—Который освятилъ сорокадневный постъ христіанъ, Который называетъ блаженными алчущихъ и жаждущихъ, Который говоритъ, что Онъ имѣеть брашно не такое, какое разумѣли ученики, но которое во вѣки не погибнетъ, Который запрещаетъ думать о завтрашнемъ днѣ, о Которомъ хотя говорится, что Онъ алкалъ и жаждалъ, и ходилъ часто на пиршества, но о Которомъ, исключая тайнства, которое предложилъ въ образъ своего страданія и удостовѣренія въ истинѣ своего тѣла, не пишется, что услаждалъ гортань или чрево. Это тотъ Господь, Который повѣствуетъ, что облакавшійся въ порфиру богачъ за пиршества находится во адѣ, а о бѣдномъ Лазарѣ говоритъ, что за голодъ онъ въ лонѣ Авраамовомъ, Который повелѣваетъ намазать голову и умывать лицо, когда постимся, чтобы поститься не для славы человѣческой, но для Господа,—Который хотя по воскресеніи и снѣдаетъ часть рыбы печеной и сотъ, но не по причинѣ голода и не для услажденія гортани, но для доказательства истинности своего тѣла. Ибо всякій разъ, когда Онъ воскрешалъ мертвago, приказывалъ дать ему ѣсть, чтобы воскресеніе не казалось призракомъ; по этой причинѣ и о Лазарѣ написано, что по воскресеніи онъ раздѣлил трапезу съ Господомъ. И этимъ мы говоримъ не то, что будто отрицаемъ употребленіе въ числѣ явствъ рыбы и прочаго (если угодно будетъ), но то, въ какой степени предпочитаемъ браку дѣвство и пресыщенію и мясамъ постъ и духъ. А если Петръ въ шестомъ часу восходитъ въ горницу обѣдать, то случайная потребность удовлетворить голодъ не даетъ основанія къ осужденію постовъ. Ибо такъ какъ и Господь подобнымъ же образомъ въ

шестомъ часу утомившись сѣлъ при колодезѣ Самарянки и захотѣлъ пить, то неужели поэтому всѣ, хотятъ ли или не хотятъ, должны пить въ это время? Могло же случиться, что была или суббота или воскресенье, и послѣ двухдневнаго и трехдневнаго поста въ шестомъ часу взалкалъ; ибо я никогда не повѣрилъ бы, что апостоль, если бы наганунѣ ужиналъ и насытился трапезою, на другой день въ полдень захотѣлъ ѣсть. Если и ужиналъ накануне и на слѣдующій день до обѣда захотѣлъ ѣсть, то не думаю, что напился до сыта такъ скоро захотѣвшій ѣсть. Далѣе, если Богъ говоритъ чрезъ Исаю, что не такой постъ Онъ избралъ, говоря: *во дни пощений вашихъ обрѣтаете воли ваши и вся подручная ваша томите; аще въ судьхъ и сварьхъ поститесь и бѣте пясьми смиреннаго, не сицеваго поста Азъ избрахъ* (Ис. 58, 3 и слѣд.) и учить, какой постъ Онъ избралъ: *раздробляй амушумъ хлѣбъ твой и нищія безкровныя введи въ домъ твой: аще сидиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъхъ племени твоего не презри* (тамъ же ст. 7); то этимъ Онъ не отвергъ поста, но показалъ, какого Онъ хочетъ: ибо не угодно Богу и постное чрево, которое волнуютъ сеоры, насилія и похоти. Если Богъ не хочетъ поста, то какимъ образомъ въ книгѣ Левить Онъ повелѣваетъ, чтобы въ седьмой мѣсяцъ, въ десятый день мѣсяца, весь народъ постился до вечера, такъ что кто не изнурить души своей, долженъ умереть и быть потребленъ изъ народа своего? Почему доселѣ остаются въ пустынѣ гробы похотѣнія, гдѣ палъ народъ преданный мясамъ, и чувственный народъ, по словамъ Писанія, до холеры рвалъ крастелями? Почему человекъ Божій (3 Цар. гл. 13), по пророчеству коего иссохла рука царя Іеровоама, вкусивъ пищи вопреки повелѣнію Божію, былъ тотчасъ же пораженъ, и левъ, который стерегъ ослицу, не тронувъ ее, не пощадилъ пророка, подкрѣпившагося обѣдомъ? Тотъ, который при постѣ

творилъ чудеса, вкусивъ пищи тотчасъ наказывается за пресыщеніе. Но и Іоилъ взываетъ: *освятите постъ, проповѣдуйте цѣльбу* (Іоил. 1, 14), чтобы показать, что постъ освящается другими дѣлами, и освященный постъ служить къ исцѣленію отъ грѣховъ. А какъ для истиннаго дѣвства не служить нареканіемъ то, что дѣвы слѣдуютъ діаволу, такъ и истиннымъ постами—*castum* (*время поста*) Изиды и Цибелы и всегдашнее воздержаніе отъ нѣкоторыхъ яствъ, особенно когда у нихъ воздержаніе отъ хлѣба вознаграждается обжорствомъ мясною пищею. И какъ знаменіямъ, которыя творилъ Моисей, подражали знаменія Египтянъ, но не были истинными, ибо жезлъ Моисеевъ пожиралъ жезлы волхвовъ: такъ всѣмъ тѣмъ, что по соревнованію съ Богомъ дѣлаютъ діаволъ, обличается не ложь нашей вѣры, а нерадѣніе наше, которые не хотимъ дѣлать того, что не признаютъ добрымъ даже люди міра.

«Четвертое возраженіе, которое есть и послѣднее,—то, что есть два разряда—овець и козлищъ, одинъ праведниковъ, другой грѣшниковъ: одни стоятъ одесную, другіе ошуюю, и праведники слышатъ: *приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. 25, 34), а грѣшникамъ говорится: *отыдите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (тамъ же 41);—что доброе дерево не можетъ творить плодовъ худыхъ, ни худое добрыхъ, почему и Спаситель говоритъ іудеямъ: *вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хотите творити* (Іоан. 8, 43). Представляетъ (Ювиніанъ) десять дѣвъ юродивыхъ и мудрыхъ, что пять не имѣвшія елея остались внѣ, а другія пять, приготовившія себѣ свѣтъ добрыхъ дѣлъ, вошли въ покой съ женихомъ. Восходитъ къ потону и говоритъ: тѣ, которые были съ Ноемъ праведны, тѣ были спасены, а грѣшники всѣ вообще погибли. Въ Содомѣ и Гоморрѣ, исключая двухъ

степней—добрыхъ и нечестивыхъ, не встрѣчается никакого различія. Кто праведенъ, тотъ исторгается, кто грѣшникъ, поглощается однимъ и тѣмъ же пожаромъ. Одно спасеніе избавленнымъ, одна гибель остающимся. И что отъ правосудія не должно быть ни малѣйшаго уклоненія, доказательствомъ служить жена Лотова. А если, говоритъ, мнѣ возражаешь, зачѣмъ праведникъ будетъ подвигаться въ мирѣ или среди гоненій, если нѣтъ въ этомъ никакого преимущества и большихъ наградъ, то знай, что это онъ дѣлаетъ не для того, чтобы заслужить что нибудь большее, но для того, чтобы не потерять того, что приобрѣлъ. Въ Египтѣ также всѣ грѣшники равно испытываютъ десять казней, и одинаковая тма покрываетъ и господина и раба, знатнаго и незнатнаго, царя и простой народъ. А для святыхъ Божиихъ и народа израильскаго былъ одинаковый свѣтъ. И въ Черномъ морѣ праведные равно переходятъ, грѣшники равно погибаютъ. Шестьсотъ тысячъ людей, исключая пола и возраста неспособнаго къ войнѣ, равно погибаютъ въ пустынѣ, и двое, бывшіе равными въ праведности, равно избавляются. Въ продолженіи сорока лѣтъ весь Израиль одинаково подвигается и умираетъ. Гоморъ манны служить одинаковою для всѣхъ мѣрою пищи; одежды одинаково не изнашиваются, волосы равно не увеличиваются, борода не растетъ у всѣхъ вообще; обувь одинаково сохраняется у всѣхъ. Не обжигались ноги; пища въ устахъ всѣхъ имѣла одинаковый вкусъ. Къ одному стану шли съ равнымъ подвигомъ и наградою. Каждый еврей имѣетъ одну и ту же пасху, одинъ и тотъ же праздникъ кущей, одинаковую субботу, одинаковыя новомѣсячія. Въ седьмой годъ отпущенія безъ различія лицъ дѣлается отпущеніе и въ юбилейный годъ всѣмъ слагаются всѣ долги и продавшій возвращается къ прежнему имѣнію».

А евангельскую притчу о сѣятелѣ, въ которой на землѣ доброй произрастаетъ плодъ во сто, шестьдесятъ и трид-

цать кратъ, и напротивъ на землѣ худой показывается троякое различіе въ безплодіи, раздѣляетъ оны на два разряда—добрый земли и худой. И какъ апостоломъ за оставленіе дѣтей и женъ обѣщается въ одномъ Евангеліи сторичное, а въ другомъ седмичное воздаяніе и въ будущемъ жизнь вѣчную (Матѳ. гл. 19; Марк. 10; Луки 18), и нѣтъ никакого различія между сторичнымъ и седмичнымъ: такъ и въ этомъ мѣстѣ, гдѣ говорится о плодородіи этой земли, число не составляетъ различія, особенно когда и евангелистъ Маркъ ставитъ числа наоборотъ—тридцать, шестьдесятъ и сто. Господь говоритъ: *ядый мою плоть и пійяй мою кровь во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ* (Іоан. 6, 55). Слѣдовательно, какъ Христосъ пребываетъ въ насъ безъ всякаго различія степеней, такъ и мы во Христѣ пребываемъ безъ степеней. *Аще кто любитъ мя, слово мое соблюдетъ: и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему придетъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). Кто праведенъ, того любить; кого любить, къ тому приходятъ Отецъ и Сынъ и обитаютъ въ его жилищѣ: а гдѣ есть такой обитатель, тамъ, думаю, нѣтъ ни въ чемъ недостатка для гостя. А если говорить: *въ дому Отца моего обители многи суть* (Іоан. 14, 2), то указываетъ не на различныя обители въ царствіи небесномъ, но на число церквей во всемъ мірѣ, такъ какъ церковь пребываетъ единою въ седми церквахъ. *Иду, говорить, приготовить вамъ мѣсто* (тамъ же 2), не мѣста. Если это обѣщаніе принадлежитъ собственно двѣнадцати апостоламъ, то значить Павелъ исключенъ изъ этого мѣста, и сосудъ избранный будетъ признанъ излишнимъ и недостойнымъ. Іоаннъ и Іаковъ не получили просимаго, посланку просили больше другихъ, и однако достоинство ихъ не уменьшено, ибо они были равны прочимъ апостоламъ. *Има не вѣстие, яко тѣлеса ваша храмъ Святаго Духа есть* (1 Кор. 3, 16; 6, 19); *храмъ*, говорить, есть, а не храмы,

чтобы показать, что Богъ равно обитаетъ во всѣхъ. *Не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ, ради въ мя: яко же ты, Отче, во мнѣ и азъ въ тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ. Славу, юже далъ еси мнѣ, дахъ имъ и я возлюбилъ ихъ, яко же мене возлюбилъ еси* (Іоан 17, 20 и слѣд.). И какъ мы, Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, есмы единъ Богъ, такъ и единъ народъ да будетъ въ нихъ, то есть какъ бы дѣти возлюбленные, причастные божественному естеству. Невѣста, сестра, мать, и какія бы ни измыслилъ названія, всѣ—собраніе одной церкви, которая никогда не бываетъ безъ жениха, брата, сына. Одну имѣетъ вѣру и не блудитъ въ различіи догматовъ, и не разрывается ересями. Пребываетъ дѣвственницею. Куда ни пойдетъ Агнецъ, слѣдуетъ за Нимъ: одна знаетъ пѣснь Христову.

«А если, говоритъ, возразишь мнѣ: *звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славу*, то услышишь, что звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ—значить: духовные отличаются отъ плотскихъ. Мы равно любимъ всѣ члены; ни глаза не предпочитаемъ пальцу, ни пальца уху, но при потерѣ одного, страдаютъ всѣ члены. Одинаково входимъ въ міръ сей, и одинаково выходимъ изъ него. Одинъ Адамъ перстный, другой—небесный. Кто будетъ въ перстномъ, тотъ будетъ ошуюю и погибнетъ, кто въ небесномъ,—одезную и спасется. Кто скажетъ брату безумный и рака, повиненъ будетъ гееннѣ. И кто будетъ челоуѣкоубійцею и прелюбодѣемъ, подобнымъ образомъ будетъ отосланъ въ геенну. Во время гоненія сожигается ли кто, удушается, обезглавливается, убѣжитъ ли изъ отечества или умретъ въ темничномъ заключеніи,—хотя различные роды подвиговъ, но вѣнецъ побѣды одинъ. Между тѣмъ братомъ, который всегда былъ съ отцемъ и который впоследствии раскаявшись возвратился, нѣтъ никакого различія. Трудившимся съ перваго часа, и съ третьяго, и съ

шестаго, и съ девятаго, и съ одинадцатаго дается равно одинъ динарій, и что наиболѣе удивительно награжденіе начинается съ тѣхъ, кои менѣе потрудились въ виноградникѣ».

Этими и подобными свидѣтельствами божественныхъ Писаній, которыя ловкій совопросникъ наклоняетъ въ пользу своего превратнаго мнѣнія, кто не искусится даже изъ избранныхъ Божіихъ? И что апостолъ Іоаннъ говоритъ, что явилось много антихристовъ (1 Іоан. гл. 2), то это есть истинная проповѣдь антихриста, которая между самимъ Іоанномъ и послѣднимъ кающимся не полагаетъ никакого различія. При этомъ дивлюсь я, какъ этотъ извивающійся змѣй и Протей нашъ чудно измѣняется въ разныя формы. Ибо являющійся еникурейцемъ относительно совокупленія и пресыщенія, въ отношеніи къ воздаянію за заслуги вдругъ дѣлается стоикомъ. Іерусалимъ перемѣняетъ на Цитіумъ, Іудею на Кипръ, Христа на Зенона. Если ни малѣйше нельзя уклоняться отъ добродѣтелей и всѣ грѣхи равны, если одинаково виновенъ и тотъ, кто проголодавшись похитилъ хлѣбъ, и тотъ, кто убилъ человѣка: то и ты виновенъ въ самыхъ великихъ преступленіяхъ. Совершенно иное дѣло, если ты говоришь, что у тебя нѣтъ и малѣйшихъ грѣховъ, и тогда какъ всѣ апостолы и пророки и святые, согласно съ тѣмъ, что я изложилъ во второмъ возражаніи, сокрушаются въ сознаніи своей грѣховности, ты одинъ величаешься праведностію. Прежде ты былъ босый; теперь не только обутъ, но и наряденъ. Тогда ты одѣвался въ косматую туніку, въ черное исподнее платье, былъ грязенъ и бѣденъ и волочилъ мозольныя отъ работы руки; теперь ты ходишь разряженнымъ въ полотняныя и шелковые тгани и въ атребатское и лаодикійское платье. Румянятся щеки, лосиѣетъ кожа, волоса на затылкѣ и на лбу прибраны въ кружокъ; полиѣетъ животъ, поднимаются плечи, толстѣетъ шея и изъ жирныхъ скулъ едва процѣживаются невнятные

слова. Конечно при такомъ разнообразіи пищи и бесѣды необходимо, здѣсь или тамъ быть грѣху. Не говорю, что въ пищѣ и одеждахъ—грѣхъ, но что разнообразіе и перемѣна на худшее весьма близки къ порицанію; а что порицается, то далеко отъ добродѣтели; что далеко отъ добродѣтели, то переходитъ въ область порока; что признается порочнымъ, то соединяется съ грѣхомъ; а что есть грѣхъ, то, согласно съ твоимъ мнѣніемъ, оказывается ошуюю въ разрядѣ козлищъ. Итакъ или возвратись къ прежнему состоянію, чтобы ты могъ быть овцею одесную; или, если прежній образъ мыслей ты измѣнилъ незаконнымъ раскаяніемъ, то волею-неволею, хотъ и бороду обрѣешь, будешь въ числѣ козлищъ.

Но какая польза называть криваго кривымъ и показывать непостоянство обвинителя, когда нужно опровергнуть рядъ возраженій? Что есть овцы и козлища одесную и ошуюю, что есть разрядъ праведниковъ и грѣшниковъ, этого мы не отрицаемъ. Что доброе дерево не творитъ плодовъ худыхъ, ни худое добрыхъ, никто не сомнѣвается. Также и мы раздѣляемъ десять дѣвъ мудрыхъ и юродивыхъ на добрыхъ и злыхъ. Что во время потопа праведные спасены, а грѣшники потоплены водами—это и намъ не безызвѣстно. Что въ Содомѣ и Гоморрѣ праведные изъяты, а нечестивые истреблены огнемъ, это очевидно для всѣхъ. Знаемъ и то, что Египеть былъ пораженъ десятью казнями, а Израиль остался невредимымъ. Что въ Черномъ морѣ праведные перешли, а Фараонъ съ войскомъ потопленъ—объ этомъ даже въ школахъ поютъ дѣти. Что шестьсотъ тысячъ пало въ пустынѣ за невѣріе и только двое вошли въ землю обѣтованія, объ этомъ учить Писаніе, равно какъ и о прочемъ, что, даже до дѣлателей виноградника, представилъ ты относительно двухъ разрядовъ добрыхъ и злыхъ. Но каково то, что ты утверждаешь, будто, тогда какъ между добрыми и злыми есть раздѣленіе, между самими добрыми или, напро-

тивъ, злыми нѣтъ никакого различія и нѣтъ никакой разницы въ скотѣ -- хорошій ли баранъ кто или плохая овца, имѣютъ ли они шерсть перваго или втораго сорта, паршивый ли скотъ и больной, или здоровый и рѣзвый,—особенно когда Іезекіиль своимъ пророческимъ авторитетомъ указываетъ на овецъ разумныхъ и на различіе между однимъ и другимъ скотомъ, говоря: *се азъ разсужду между овцею и овцею, и овномъ и козломъ и между овчатамъ сильнымъ и овчатамъ немощнымъ. Ребрами и плечами вашими тръжете и рогами вашими бодосте и всякое немощное пхасте, дондеже изгнасте я вонъ* (Іезек. 34, 17. 20). И чтобы мы знали, какой это скотъ, тотчасъ прибавилъ: «вы же, стада мои и овцы паствы моей,—люди». Слѣдовательно одно и то же будетъ и Павелъ и тотъ покаявшійся, который преспалъ съ женою отца, потому что былъ принятъ въ церковь послѣ покаянія, и такъ какъ вмѣстѣ съ Павломъ онъ одесную, то и онъ просіяетъ одинаковою съ апостоломъ славою? И какимъ образомъ на полѣ до жатвы въ кончину міра растутъ вмѣстѣ и плевелы и пшеница? Съ какою цѣлю въ мрежи Христовой и сѣти евангельской содержатся рыбы добрыя и злыя? Почему въ прообразѣ церкви—ковчегѣ Ноевомъ существуютъ различныя животныя, и по различію достоинствъ различныя отдѣленія? Почему предстала царица одесную Господа въ ризахъ позлащенныхъ, облеченная въ разнообразіе? Почему Іосифъ, во образъ Христа, имѣлъ разноцвѣтную туннику? Почему апостоль говоритъ къ Римлянамъ: *коемуждо яко же Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры? Яко же бо во единомъ тѣлеси мнозиуды и мамы,уды же вси не тожде имутъ дѣланіе: такожде мнози едино тѣло есмы во Христѣ, а по единому другъ другууды. Имуще же дарованія по благодати данный намъ различны: аще пророчество, по мѣрѣ вѣры: аще ли служеніе, въ служеніе: аще учий, въ ученіе: аще утѣшаній*

во утѣшеніе: подавай, въ простотѣ: предстоай, со тща-
ніемъ и пр. (Рим. 12, 3 и слѣд.). И въ другомъ мѣстѣ:
овъ убо разсуждаетъ день чрезъ день, овъ же судитъ на
всякъ день: кійждо своею мыслию да извѣствуется (Рим.
14, 5) и къ Коринѣянамъ: азъ насадихъ, Аполлосъ напои,
Богъ же возрасти. Тѣмже ни насаждаай есть что, ни
напаяай, но возвращаай Богъ. Насаждаай же и напаяай
едино суть; кійждо же свою мзду приметъ по своему
труду. Богу бо есмы споспѣшницы: Божіе стяжаніе,
Божіе зданіе есте (1 Кор. 3, 6 и слѣд.). И опять: по
благодати Божіей данный мнѣ яко премудръ архитек-
тонъ основаніе положихъ, имъ же назидаетъ. Основанія
бо много никтоже можетъ положить паче лежащаго,
еже есть Іисусъ Христосъ. Аще ли кто назидаетъ на
основаніи семъ злато, серебро, каменіе честное, дрова,
сѣно, тростіе: кождо дѣло явлено будетъ: день бо явитъ,
зане огнемъ открывається: и кождо дѣло, яково же
есть, огонь искуситъ. И его же аще дѣло пребудетъ, еже
назда, мзду приметъ. А егоже дѣло сгоритъ, оцѣтит-
ся: самъ же спасется такожде яко же огнемъ (тамъ же
10 ст. и слѣд.). Если тотъ, дѣло коего сгорѣло и погбло,
и кто потерпѣлъ ущербъ отъ труда своего, хотя потеряетъ
награду за трудъ свой, но самъ спасется, однако не безъ
испытанія огнемъ: то тотъ, дѣло коего, назданное имъ,
останется, спасется безъ испытанія огнемъ, и между однимъ
и другимъ спасеніемъ конечно будетъ нѣкоторое различіе.
Также въ другомъ мѣстѣ; тако насъ да непуцетъ чело-
вѣкъ яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Бо-
жіихъ. А еже прочее ищется въ строителяхъ, да въренъ
кто обрящется (1 Кор. 4, 1. 2). Хочешь ли узнать, что
между однимъ строителемъ и другимъ есть большое разли-
чіе,—не говорю о добрыхъ и злыхъ, но изъ самыхъ до-
брыхъ, стоящихъ одесную? Послушай слѣдующее: не вѣсте

ли, яко дѣлающіе священная отъ святилища ядятъ; и служащій олтарю со олтаремъ дѣлаются; тако и Господь повелѣ, проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити. Азъ же ни едино сотворихъ отъ сихъ; не писихъ же сія, да тако будетъ о мнѣ: добре бо мнѣ наче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ. Аще бо благовѣствую, нѣсть ми похвалы: нужди бо ми належитъ: горе же мнѣ есть, аще не благовѣствую. Аще убо волею сіе творю, мзду имамъ: аще же неволею, строе-ніе ми есть предано. Бая убо ми есть мзда; да благо-вѣствуй безъ мзды положу благовѣстіе Хрестово, со еже не творити ми по области моей въ благовѣствованіи. Свободенъ бо сый отъ всѣхъ, всѣмъ себе поработихъ, да мѣжайшыя приобрящу. (1 Кор. 9, 13 и слѣд.) Неужели ты можешь сказать, что грѣшатъ тѣ, кои живутъ отъ благо-вѣстія и получаютъ часть изъ жертвоприношеній? Конечно нѣтъ, ибо Господь опредѣлилъ, чтобы проповѣдующіе Еван-геліе жили отъ Евангелія, а апостоль, который не поль-зуется этимъ дозволеніемъ, но трудится своими руками, чтобы не обременить кого либо, и день и ночь работаетъ и служитъ находящимся съ нимъ, конечно для того это дѣ-лаеть, чтобы трудясь болѣе, получить нѣсколько болѣе и награды.

Пойдемъ къ остальному. *Раздѣленія дарованій суть, а тойжде духъ: и раздѣленія служеній суть, а тойжде есть Богъ дѣйствующій вся во всѣхъ. Комуждо же дается явленіе духа на пользу* (1 Кор. 12, 4 и слѣд.). И опять: *яко же тѣло едино есть и уды имать многи, вси же уды единого тѣла, мнози суще, едино суть тѣло: тако и Христосъ* (тамъ же ст. 12). Но чтобы ты не сказалъ, что въ одномъ тѣлѣ различные члены имѣютъ одинаковое значеніе, тотчасъ изображаетъ степени церковныя и говоритъ: *о.зыхъ убо положи Богъ въ церкви первыи апостоловъ, второе*

пророковъ, третіе учителей, потомъ же силы, также дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, роды языковъ. Еда вси апостолы; еда вси пророцы; еда вси учителя; еда вси силы; еда вси дарованія имуть исцѣленій; еда вси языки глаголютъ; еда вси сказуютъ; ревнуйте же дарованій большихъ, и еще по превосходенію путь вамъ показую (тамъ же ст. 28 и слѣд.). И по пространномъ разсужденіи о добродѣтеляхъ любви, присовокупилъ: *еще же пророчества упряднятся: еще ли языцы умолкнутъ: еще разумъ испряднится.* Отъ чисти бо разумываемъ, и отъ чисти пророчествуемъ: *егда же придетъ совершенное, тогда еже отчисти, упряднится* (1 Кор. 13, 8—10) И въ дальнѣйшемъ: *нынѣ же пребываютъ вѣра, надежда, любви, три сія: больши же сихъ любви* (ст. 13). *Держитесь любви, ревнуйте же духовнымъ, паче же да пророчествуете* (1 Кор. 14, 1). И опять: *хощу же всѣхъ васъ глаголати языки, паче же да прорицаете: болій бо пророчествуай, нежели глаголай языки* (ст. 5). И еще: *благодарю Бога моего, паче всѣхъ васъ языки глаголя* (ст. 18). Гдѣ есть различныя дары, и гдѣ одинъ больше, другой меньше и всѣ называются духовными, тамъ хотя и всѣ овцы и стоятъ одесную, но между одною и другою овцою есть нѣкоторое различіе. Хотя по смиренію апостоль Павелъ и говорить: *азъ есмь мній апостоловъ: иже нѣсмь достоинъ нарецися апостолъ, зане гонихъ церковъ Божію.* *Благодатию же Божію есмь, еже есмь: и благодарю Его, яже во мнѣ, не тща бысть, но паче всѣхъ ихъ потрудихся: не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 9. 10), однако въ томъ, что смиряется, показываетъ, что апостолы могутъ быть одни меньшими, другіе большими, и конечно Богъ не неправосуденъ, чтобы забыть его, называемаго сосудомъ избраннымъ и больше всѣхъ потрудившагоси, и за неодинаковую заслугу воздать одина-

ковую мзду. Отсюда читаемъ: *якоже о Адамъ вси умираютъ такожде о Христъ вси оживутъ. кійждо же въ своемъ чинѣ* (1 Кор 15, 22). Если каждый воскреснетъ въ своемъ чинѣ, то безъ сомнѣнія награды воскресающихъ различны. *Не всяка плоть также плоть: но ина убо плоть чловѣкомъ, ина же плоть скотомъ, ина же рыбамъ, ина же птицамъ. И тѣлеса небесная, и тѣлеса земная: но ина убо небеснымъ слава, и ина земнымъ. Ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ; звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу. Такожде и воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор, 35, 39 и слѣд.). Ты, ученый толкователь, изъяснилъ это въ томъ смыслѣ, что духовные отличаются отъ плотскихъ. Слѣдовательно на небесахъ будутъ и духовные и плотскіе, и уже не только овцы, но и козлища твои войдутъ въ царство небесное. *Звѣзда, говорить, отъ звѣзды разнствуетъ во славу: не овцы и козлища, но овцы и овцы, то есть звѣзда и звѣзда. Наконецъ, ина, говорить, слава солнцу, и ина слава лунѣ.* Чтобы не утверждалъ ты, что звѣзда и звѣзда означаютъ всю совокупность чловѣческаго рода, поставилъ солнце и луну, которыя ты конечно не будешь считать въ числѣ козлищъ. *Такожде, говорить, будетъ и воскресеніе мертвыхъ, что праведные просіяютъ блескомъ солнечнымъ, слѣдующіе за ними по степенн будутъ сіять свѣтомъ луны, такъ что одинъ будетъ утреннею звѣздою, другой Арктуромъ, иной Оріономъ, а тотъ Мазуроомъ и другими звѣздами, освященные названія которыхъ содержатся въ книгѣ Юва. *Встѣмъ бо, говорить, явится намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кійждо яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла* (2 Кор. 5, 10). И чтобы ты какъ нибудь не сказалъ, что на судилище Христова являются добрые, что бы воспріять доброе, злые—злое, въ томъ же посланіи учить: *стѣй скудостію, скудостію и пожнетъ: а**

ствій о благословеніи, о благословеніи и поженеть (2 Кор. 9, 6). Конечно и тотъ, кто менѣе и тотъ, кто болѣе сѣть принадлежатъ къ правой сторонѣ; и хотя посѣвъ одного рода, тѣмъ не менѣе по мѣрѣ и числу они различаются. Тотъ же Павелъ пишетъ къ Ефесеямъ: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ церковію многообразная премудрость Божія* (Еф. 3, 10). Видишь, что въ различныхъ подвигахъ церкви возвѣщается различная и многообразная благодать Божія? И въ томъ же посланіи: *единому же комуждо нисъ дадеся благодать но мѣра дарованія Христова* (Еф. 4, 7) не потому, что мѣра Христова различна, но благодати Его вливается столько, сколько мы въ состояніи вмѣстить.

Итакъ напрасно представляешь овецъ и козлищъ, пнятъ и пнятъ дѣвъ, египтянъ и израильтянъ, и прочее подобное, ибо воздаяніе не въ настоящемъ, а въ будущемъ. Поэтому и день суда обѣщается въ кончину вѣка, потому что теперь нѣтъ суда. Ибо неосновательно называется этотъ день послѣднимъ днемъ суда, если Богъ судитъ теперь. Теперь мы плывемъ по морю, подвизаемся, ратоборствуемъ, чтобы наконецъ достигнуть пристани, получить вѣнецъ, торжествовать. А ты превратно и извортливо жизнь настоящаго вѣка представляешь въ доказательство жизни будущаго, когда безъ сомнѣнія здѣсь несправедливость, а тамъ правосудіе, пока не войдемъ въ святилище Божіе и не постигнемъ послѣднихъ судебъ той и другой жизни. Развѣ иначе умираетъ святой и иначе грѣшникъ? У плывущихъ по одному морю не тоже ли безвѣтріе и не таже ли буря? Развѣ не одинаково убивается разбойникъ и мученикъ? Развѣ иначе родятся дѣти отъ блуда и развратницъ, и иначе отъ чистыхъ браковъ? Конечно Господь и разбойники распяты были по одинаковому суду. Если одинъ и тотъ же судъ и сего и будущаго вѣка, то тѣ, кои здѣсь одинаково распяты, и въ

будущемъ получать подобное. Павелъ и заключившіе его въ узы вмѣстѣ плывутъ, вмѣстѣ выдерживаютъ бурю, вмѣстѣ, по разрушеніи корабля волнами, выходятъ на берегъ. Не можешь отвергнуть, что заслуги заключеннаго и заключившихъ различны: какимъ же образомъ апостоль и солдаты одинаково терпятъ кораблекрушеніе? Послѣ апостоль рассказываетъ объ откровеніи и говоритъ, что бывшіе въ кораблѣ дарованы ему отъ Господа. Неужели тотъ, кому даруются и тѣ, которые даруются, одинаковы по заслугамъ? Десять святыхъ могутъ исторгнуть городъ отъ гибели. Лотъ съ своими дочерями былъ изъятъ изъ пожара: избавились бы и зятья, если бы захотѣли выйти. И конечно большая разница между Лотомъ и его зятьями. Избавляется Сегоръ, одинъ изъ пяти городовъ, и этотъ городъ, который имѣлъ одинаковыя заслуги и подлежалъ одинаковому приговору, какому Содомъ и Гоморра, Адама и Севоимъ, избавляется по молитвамъ святаго. Вотъ различныя заслуги Лота и Сегора, и однако они равно избавляются отъ пожара. Разбойники, которые въ отсутствіе Давида опустошили Сикелегъ и женъ и дѣтей взяли въ добычу, на третій день умерщвляются на полѣ, а четыреста человѣкъ убѣгаютъ на верблюдахъ. Скажи, что было какое-нибудь различіе между убитыми и тѣми, которые могли убѣжать. Читаемъ въ Евангеліи, что башня Силоамская упала на восемнадцать человѣкъ и заваливши ихъ убила. Конечно, согласно съ мыслию Господа, это были не одни грѣшники, но наказаны для устрашенія прочихъ, чтобы по наказаніи порочнаго, неразумный сталъ умнѣе. Если одинаково наказаніе всѣхъ грѣшниковъ, то несправедливо одинъ умерщвляется и смертію одного вразумляется другой.

Ты возражаешь мнѣ, что у всѣхъ израильтянъ были одинаковыя гоморъ манны и одна мѣра, и одежда и волосы, и борода и обувь, какъ будто и мы не одинаково прини-

маемъ тѣло Христово. Одинаково освященіе въ таинствахъ и господина и раба, благороднаго и неблагороднаго, царя и воина, хотя, сообразно съ заслугами воспріемлющихъ, то, что само по себѣ одинаково, бываетъ различно. Ибо *уже иже ястъ и пїетъ недостойнъ, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни* (1 Кор. 11, 27). Неужели потому, что и Іуда пьетъ отъ той же чаши, отъ которой и другіе апостолы, онъ удостоится одинаковой награды съ прочими? Если не хочешь принимать въ соображеніе таинство, всѣ мы конечно равно живемъ, дышемъ однимъ воздухомъ, одною влагою орошаемся, одною пищею питаемся. Если съѣстные продукты искусствомъ поваровъ измѣняются на лучшее и отъ приправъ производится нѣчто болѣе пріятное, то такого рода кушанья удовлетворяютъ не природѣ, а сластолюбію. Одинаково мы чувствуемъ голодъ, одинаково чувствуемъ холодъ: равно корчимся отъ стужи, расслабѣваемъ отъ жаровъ и тепла. И самое солнце и луна и весь хоръ звѣздъ и дожди и міръ равно для насъ совершаютъ свое теченіе, и по Евангелію одинаковыми дождями орошаемся всѣ — добрые и злые, праведные и неправедные. Если настоящія явленія суть образы будущихъ, то и солнце правды равно взойдетъ для праведниковъ и грѣшниковъ, нечестивыхъ и святыхъ, христіанъ и іудеевъ и язычниковъ, когда св. Писаніе говоритъ: «а боящимся Господа взойдетъ солнце правды» (Малах. гл. 1). Если взойдетъ для боящихся, то для небоящихся и ложныхъ пророковъ зайдетъ. Овцы, стояція одесную, вводятся въ царство небесное, козлища низвергаются въ адъ. Притча эта изображаетъ не различіе заслугъ между овцами или, напротивъ, между козлищами, но дѣлаетъ различіе только между овцами и козлами. Ибо не всему учатъ всѣ мѣста (Писанія), но каждое подобіе относится къ тому, чему оно уподобляется. Тагъ и десять дѣвъ служатъ образомъ не всего рода человѣческаго, а только заботливыхъ и лѣнивыхъ, изъ

коихъ одни постоянно ожидаютъ пришествія Господня, другіе, предаваясь сну и безпечности, не помышляютъ о будущемъ судѣ. Поэтому и въ концѣ притчи говоритъ: *бдите, яко не вѣсте дне не часа* (Матѳ. 26, 13). Если въ потопѣ Ной спасенъ, а весь міръ погибъ, то все были плотію и поэтому погибли. Или признай, что не одинаковы были заслуги сыновей Ноевыхъ и Ноя, ради котораго избавлены были сыновья его,—или и проклятаго Хама ставъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ и отца его, такъ какъ онъ вмѣстѣ былъ спасенъ отъ потопа. Въ страданіи Христовомъ все уклонились, вмѣстѣ непотребны стали и не было, кто дѣлалъ бы благое, не было до одного. Осмѣлишься ли сказать по этому, что Петръ и прочіе апостолы, которые разбѣжались, въ такой же мѣрѣ отреклись отъ Христа, какъ Каіафа и фарисеи и народъ, кричавшіе: *распи, распи Его?* И чтобъ не говорить объ апостолахъ, неужели Анна и Каіафа и Іуда предатель покажутся тебѣ виновными въ такомъ же преступленіи, какъ и Пилатъ, который противъ воли вынужденъ былъ произнести приговоръ надъ Господомъ? Чѣмъ выше было достоинство Іуды, тѣмъ больше его преступленіе, а чѣмъ больше преступленіе, тѣмъ больше и наказаніе, ибо *судъ жесточайшій преимущественно бываетъ* (Прем. 6, 5). Худое дерево не производитъ добрыхъ плодовъ, ни хорошее худыхъ. Если это такъ, то отвѣть мнѣ, какимъ образомъ Павелъ, бывший деревомъ злымъ, гнавшій церковь Христову, впоследствии сотворилъ плоды добрые, а Іуда, бывший деревомъ добрымъ, творившій чудеса съ апостолами, впоследствии превратился въ предателя, сотворилъ плоды злые? Слѣдовательно потолику ни хорошее дерево не производитъ худыхъ плодовъ, ни злое добрыхъ, потолику остается въ своей доброкачественности или злокачественности. Далѣе, что каждый еврей равно совершаетъ пасху и въ седьмой годъ дѣлается свободнымъ, а въ юбилейный, т. е. пятидесятый, годъ все владѣ-

ніе переходить къ владѣльцамъ,—это говорится не о настоящемъ, а о будущемъ, потому что мы, состоящіе въ рабствѣ въ теченіи шести дней вѣка сего, въ седьмой день, въ истинную и вѣчную субботу, будемъ свободны, если однако будемъ желать быть свободными, пока еще рабствуемъ въ мірѣ семь. А если не будемъ желать, проколото будетъ ухо у насъ во свидѣтельство непокорности и съ женою и дѣтьми нашими, коихъ мы предпочли свободѣ, то есть съ плотію и дѣлами ея, будемъ въ тяжкомъ рабствѣ.

А притча о сѣятелѣ, которая представляетъ съ той и другой стороны плоды троякаго рода, и то, что, по апостолу, на основаніи Христовомъ одинъ созидаетъ золото, серебро, камни драгоценныя, другой—дрова, сѣно, соломѣ, равно какъ и то, что въ домѣ великомъ есть различныя сосуды—это ясно до очевидности и хотѣтъ противорѣчить этому свойственно только самому явному безстыдству. Однако, чтобы не восторгался онъ въ своей лжи и не представлялъ примѣръ апостоловъ для перетолкованія сотаго, шестидесятаго и тридцатаго чисель, пусть онъ знаетъ, что у Матѳея и Марка апостоламъ, оставившимъ все свое, обѣтовано сторичное (возмездіе), а въ Евангеліи Луки гораздо большее, т. е. *πολὺ πλεῖονα*, и рѣшительно ни въ одномъ Евангеліи не написано вмѣсто *ста семь*,—и что онъ оказывается виновнымъ или въ искаженіи, или въ невѣжествѣ;—что не служить къ невыгодѣ нашей, если въ одномъ Евангеліи счетъ начинается со ста, а въ другомъ съ тридцати, такъ какъ все Писаніе, особенно ветхое, прежде поставляетъ меньшее число и такимъ образомъ постепенно восходитъ къ большому. Напримѣръ оно говоритъ, что такой-то былъ лѣтъ пяти и семидесяти и ста, хотя напередъ поставлены пять и семьдесятъ не могли быть больше, чѣмъ сто. Если не принимаешь различія числа въ добрую сторону,—ста, шестидесяти и тридцати, то не будешь принимать различія и въ худую сторону и одинъ

и тотъ же будетъ недостатокъ сѣмени упавшаго и при до-
рогѣ, и на камнѣ, и въ терніе. Если же и тѣ и эти три рода,
въ добрую ли или худую сторону, равнозначительны, то было
неразумно вмѣсто двухъ родовъ перечислить шесть видовъ,
особенно когда у Матѳея и у Луки Спаситель, по изложе-
ніи притчи, всегда присовокуплялъ: *имѣяй уши слышати,
да слышитѣ* (Матѳ. 11, 15; 13, 9; Марк. 4, 9; Лук. 8. 18;
14, 35). Напрасно призываетъ къ таинственному разумѣнію
тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, что заключало бы въ себѣ сокровенное.

А что ты думаешь, что если Отецъ и Сынъ творить
обитель у вѣрующихъ, а гдѣ обитаетъ Христосъ, тамъ не
можетъ быть ничего недостающаго, то я думаю, что иначе
Христосъ обиталъ въ коринѳянахъ, иначе въ ефесянахъ,
т. е. иначе въ тѣхъ, коихъ апостолъ Павелъ упрекалъ во
многихъ грѣхахъ, и иначе въ тѣхъ, коимъ излагалъ отъ
вѣка невѣдомыя таинства; иначе въ Титѣ и Тимоѳеѣ, и
иначе въ Павлѣ. Въ числѣ рожденныхъ женами не возсталъ
большій Іоанна Крестителя. А гдѣ называется большій, тамъ
необходимо есть другіе меньшіе: *мнѣй съ царствіи небе-
сномъ болій его есть*. Итакъ видишь, что на небесахъ есть
большій, также и между ангелами и между невидимыми тва-
рями есть многообразное и безконечное различіе. Почему
апостолы говорятъ: *Господи приложи намъ вѣру* (Луки
18, 5), если для всѣхъ одинаковая мѣра? И Господь—уче-
нику: *милосѣре почти усумнился еси* (Матѳ. 14, 31)? И
у Іереміи о будущемъ царствіи читаемъ: *се дніе грядутъ,
глаголетъ Господь, и завѣщаню дому Израилеву и дому
Іудину заветъ новъ, не по завету, его же завѣщанъ
отцемъ ихъ* (Іер. 31, 31. 32). И немного послѣ: дамъ за-
конъ мой въ утробахъ ихъ и въ сердцахъ ихъ напишу его
*и буду имъ въ Бога и тѣмъ будутъ ми въ люди. И не
научитъ кійждо ближняго своего и кійждо брата своего:
познай Господа, яко вси познаютъ мя отъ мала до ве-*

ликаго ихъ (тамъ же ст. 33, 34). Изъ контекста этого мѣста очевидно, что пророкъ изображаетъ будущее царство Христова, и на какомъ же основаніи будетъ тамъ меньшій и большій, если всѣ будутъ равны? Конечно на томъ, по которому и въ Евангеліи говорится: «кто научить и сотворить, тотъ наречется большимъ въ царствіи небесномъ; а кто научить и не сотворить, будетъ меньшимъ» (Матѳ. 5, 19). Спаситель на обѣдѣ наставляетъ занимать низшее мѣсто, чтобы, когда придетъ старшій, не быть со стыдомъ удалену съ высшаго мѣста (Лук. 14). Если мы не можемъ падать, но только укрѣпляемся чрезъ покаяніе, то что значить оная лѣстница въ Веѳилѣ, по которой нисходятъ и восходятъ ангелы, сходящіе съ неба на землю? Конечно они стояли одесную между овцами, пока они были тамъ. Ангелы нисходятъ съ неба, и Іовиніанъ не опасается за ихъ владѣнія!

А кто можетъ удержаться отъ смѣха на то, что многія обители у Отца онъ признаетъ церквами, разсѣянными во всемъ мірѣ, когда Писаніе, по Евангелію Іоанна, очевиднѣйшимъ образомъ учитъ, что у Господа была рѣчь не о числѣ церквей, а о небесныхъ обителяхъ, о вѣчныхъ скиніяхъ, которыхъ желалъ пророкъ? *Въ дому*, говоритъ Онъ, *Отца моего обители многи сущи: аще ли же ни, реклъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю мѣсто вамъ, пакы прииду и поиму вы къ себѣ, да идѣже есмь азъ и вы будете* (Іоан. 14, 2. 3). Мѣсто и обители, которыя, говоритъ Христосъ, Онъ уготовляетъ апостоламъ, конечно находятся въ дому Отца, т. е. въ царствѣ небесномъ, а не на землѣ, на которой въ настоящее время Онъ оставилъ апостоловъ. Вмѣстѣ съ этимъ нужно обращать вниманіе и на смыслъ Писанія: сказалъ бы, говоритъ, вамъ, что иду и уготовлю вамъ мѣсто, если бы у Отца не было многихъ обителей, т. е. если бы каждый изъ васъ не по

милости Божіей, а собственными дѣлами не приготовилъ себѣ мѣста; и потому не Мое дѣло уготовлять, а ваше, ибо и Іудѣ не принесло никакой пользы приготовленное мѣсто, которое онъ потерялъ своимъ преступленіемъ. Примѣнительно къ такому смыслу нужно понимать и то, что говорится сынамъ Зеведеевымъ, изъ коихъ одинъ желалъ сидѣть ошуюю, а другой одесную: *чашу убо мою испieta и крещеніемъ, имъ же азъ крещаяся, имате креститися: а еже състи одесную мене и ошуюю мене, нѣсть мое дати, но имъ же уготавася отъ Отца моего* (Матѹ. 20, 23). Дать—дѣло не Сына: какъ же уготовать—дѣло Отца? Уготованы, говорить, на небѣ различныя и весьма многія обители для весьма многихъ и различныхъ добродѣтелей, которыя (обители) получаютъ не лица, а дѣла. Итакъ напрасно вы просите отъ Меня того, что въ вашей власти,—того, что Отецъ Мой уготовилъ тѣмъ, которые возвысятся до такой славы достойными оной добродѣтелями. Что говорить далѣе: *наки прииду и поиму вы къ себѣ, да идѣже есмь азъ и вы будете* (Іоан. 14, 3), говорить собственно апостоламъ, о которыхъ и въ другомъ мѣстѣ написано: *яко же ты, Отче, во мнѣ и азъ въ тебѣ, да и ти въ насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21), которые увѣровали, которые совершенны, которые могутъ сказать: *часть моя Господь* (Пс. 27, 26). А если нѣтъ весьма многихъ обителей, то какимъ образомъ въ ветхомъ завѣтѣ и въ новомъ иное мѣсто занимаетъ первосвященникъ, иное священники, иное левиты, иное придверники, иные служители церковныя? И въ книгѣ Іезекіиля, гдѣ изображается устройство будущей церкви и небснаго Іерусалима, священники согрѣшившіе низводятся въ служителей и придверниковъ и хотя они находятся въ храмѣ Божіемъ, то есть одесную, однако — не между лучшими, а между меньшими овцами. И въ той рѣкѣ, которая выходитъ изъ храма и напаяетъ соленое море и все оживотворяетъ,

изображаются многіе роды рыбъ. Почему въ царствѣ небесномъ есть Архангелы, Ангелы, Престола, Господства, Силы, Херувимы и Серафимы и всякое имя именуемое не только въ настоящемъ вѣкѣ, но и въ будущемъ? Различіе въ именахъ не имѣетъ основанія, если нѣтъ различія въ заслугахъ. Архангелъ есть конечно (начальникъ) другихъ меньшихъ ангеловъ. Архангелы и Силы и Господства имѣютъ другихъ (духовъ), надъ которыми проявляютъ свою власть и надъ коими, какъ подчиненными, господствуютъ. Таковъ-то порядокъ на небесахъ въ управленіи божественномъ, чтобы по обычаю не смѣлся и не издѣвался онъ надъ нами, если бы мы указали на императора, префектовъ и графовъ, и трибуновъ и центуріоновъ и строевыхъ и на прочіе военные разряды.

А что онъ указалъ на слова: *или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ святыя Духа* есть (1 Кор. 6, 19), то это неосновательно, такъ какъ божественное Писаніе обыкновенно называетъ и единичное во множественномъ числѣ и множественное въ единственномъ; однакоже пусть онъ знаетъ, что и въ самомъ храмѣ есть много помѣщеній, есть внѣшній дворъ, есть внутренній, есть притворъ, есть святилище, есть святое святыхъ. Есть и кухни въ храмѣ, есть и погреба, есть и мѣсто для тисковъ, и кладовыя для сосудовъ. Такъ и въ храмѣ тѣла нашего есть различныя заслуги. Богъ обитаетъ не равно во всѣхъ, не одною мѣрою вливается всѣмъ. Отнимается отъ духа Моисея, и дается семидесяти пресвитерамъ. Думаю, что иное обиліе воды въ рѣкѣ, и иное въ ручьяхъ. Сугубый духъ Иліи дается Елисею: поэтому сугубая благодать сотворила и большія чудеса. Тотъ живой воскресилъ мертваго, а этотъ мертвый мертваго; тотъ вымогилъ голодъ народу, а этотъ къ осажденному городу въ одинъ день привелъ враждебныя (для нещрітелей) войска. Пусть сказанное: *или не вѣсте,*

яко тѣлеса ваши храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа есть (1 Кор. 6, 19) онъ сказалъ о всей церкви вѣрующихъ, которые, одинаково соединенные, составляютъ единое тѣло Христово. Только при этомъ дѣлается различіе въ тѣлѣ,—кто достоинъ ногъ Христа, кто главы; кто око Его, кто руки. На это указываютъ и двѣ женщины въ Евангеліи—кающаяся и святая, изъ коихъ одна держитъ ноги (Господа), другая главу, хотя нѣкоторые думаютъ, что это была одна женщина, и что та, которая прежде начала съ ногъ, та же самая достигла главы. Но и то, что онъ возразилъ: *не о сихъ молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ мнѣ, да вси едино будутъ, яко же ты, Отче, во мнѣ и азъ въ тебѣ, да и тѣмъ въ насъ едино будутъ*, и что весь народъ христіанскій есть едино въ Богѣ какъ сыны возлюбленнѣйшіе, причастные божественнаго естества, то мы уже выше сказали, а теперь нужно это изложить подробнѣе,—что мы едино во Отцѣ и Сынѣ не по природѣ, а по благодати. Ибо не тойже субстанціи (какъ обыкновенно говорятъ манихеи) душа человѣческая и Богъ. Но, *возлюбилъ еси*, говоритъ, *ихъ, якоже мене возлюбилъ еси*. Итакъ видишь, что если мы принимаемся въ общеніе природы Его, то это дѣло не природы, а благодати, и потому насъ любить Отецъ, что возлюбилъ Сына, и члены пользуются любовью только въ тѣлѣ. *Елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ: Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его, иже не отъ крови, не отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родимся* (Іоан. 1. 12). Слово стало плотію, чтобы мы отъ плоти переходили въ Слово. Ни Слово не перестало быть, чѣмъ было, ни человѣкъ не потерялъ того бытія, въ какомъ рожденъ. Возвеличена слава безъ перемѣны природы. Хочешь ли знать, какимъ образомъ мы дѣлаемся едино съ Христомъ? Пусть наставитъ тебя Самъ устроитель сего. *Ядый мою плоть и*

нїей мою кровь во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ. Якоже посла мя живой Отецъ, и азъ живу Отца ради: и той живъ будетъ мене ради. Сей есть хлѣбъ сшедый съ небесе (Іоан. 6, 55 и слѣд.). Но и Іоаннъ евангелистъ, который почерпалъ мудрость отъ персей Христовыхъ, соотвѣтствуетъ этимъ же словамъ, говоря: *О семъ разумѣмъ, яко въ немъ пребысамъ и той въ насъ, яко отъ Духа своего далъ есть намъ. Иже аще иновѣсть, яко Исусъ есть Сынъ Божїй, Богъ въ немъ пребысаетъ и той въ Бозъ* (Іоан. 4, 13. 15). Если вѣруешь во Христа, какъ и апостолъ увѣровали, дѣлаешься едино съ ними тѣло во Христѣ. А если недѣпо усвоятъ вѣру ихъ и дѣла тебѣ, который такой вѣры и дѣлъ не имѣешь, то ты не будешь, въ состоянїи имѣть тоже мѣсто.

Далѣе, что ты говоришь, что невѣста, сестра, мать и всѣ такія названія относятся къ одной церкви и этими именами обозначаются всѣ вѣрующіе, это служить противъ тебя. Ибо если въ церкви одинъ разрядъ и она не имѣетъ многихъ членовъ въ одномъ тѣлѣ, то почему нужно называться ей невѣстою, сестрою или матерію, какъ не по тому, что для однихъ она невѣста, для другихъ сестра, для иныхъ мать? Хотя и всѣ стоятъ одесную, но одинъ стоитъ какъ женихъ, другой какъ братъ, третїй какъ сынъ. *Чадца, говоритъ, моя, илиже наки болѣзную дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19). Неужели ты думаешь, что одинакова заслуга и тѣхъ, которые раждаются и того, который раждаетъ? Потому-то и глупо вздумалъ ты утверждать, что мы всѣ члены равно любимъ, и не предпочитаемъ ни глаза пальцу, ни руку уху, но при потерѣ каждаго изъ членовъ бываетъ общая болѣзнь,—глупо, когда апостолъ учить къ Коринтянамъ, что одни члены болѣе почетны, другїе болѣе скромны и тѣ, кои болѣе скромны, окружаются большею честїю, а которые честны сами къ себѣ, не нуж-

даются въ нашей заботливости (1 Кор. 12, 22. 23). Неужели ты ставишь въ одномъ разрядѣ и считаешь одинаковаго достоинства ротъ и желудокъ, глаза и проходы, которыми низвергается пометъ и урина? «Свѣтильникъ», говорить, «тѣла твоего есть глазъ твой. Если глазъ будетъ слѣпъ, все тѣло во тмѣ» (Лук. 11, 34). Если отрѣжешь палець, конецъ уха, то хотя бываетъ боль, но не такой вредъ, не такое съ болью безобразіе, какое бываетъ, если выколешь глаза, вырвешь ноздри, разсѣчешь губы. Безъ однихъ членовъ можемъ жить, безъ другихъ совершенно не можемъ. Есть грѣхи легкіе, есть тяжкіе. Иное дѣло быть должну десять тысячъ талантовъ, иное дѣло—квадрантъ. Мы будемъ повинны и за праздное слово и за прелюбодѣяніе; но не одно и тоже быть пристыженными и терпѣть мученія, краснѣть и долгое время страдать. Думаешь, я говорю свое? Послушай апостола Іоанна: «кто знаетъ, что братъ его согрѣшаетъ грѣхомъ не къ смерти, пусть просить, и дастъ ему жизнь, согрѣшающему не къ смерти. А кто согрѣшитъ къ смерти, кто будетъ молиться за него?» (1 Іоан. 5, 16). Видишь, что если молятся за грѣхи меньшіе, то получаемъ прощеніе; если за большіе, то исполненіе прошенія трудно и что между одними и другими грѣхами есть большое различіе. Поэтому и о народѣ Израильскомъ, такъ какъ онъ согрѣшилъ къ смерти, говорится Іереміи: *не молися о людехъ сихъ и не проси еже помилованымъ быти имъ и не моли, ниже приступай ко мнѣ о нихъ, яко не услышу тя* (Іерем. 7, 16). А если всѣ одинаково и входимъ въ міръ, и выходимъ изъ міра, и это есть предъуказаніе будущаго: то слѣдуетъ, что всѣ мы, и праведники и грѣшники, одинаковы будемъ предъ Богомъ, такъ какъ теперь одинаково и родимся и умираемъ. Если ты настаиваешь, что два Адама—одинъ земной, другой небесный, и бывшіе въ земномъ стоятъ ошуюю и бывшіе въ небесномъ—одесную:

то отвѣтъ мнѣ, если я спрошу тебя о двухъ братьяхъ. Исавъ былъ въ земномъ (Адамъ), или въ небесномъ? Никто не сомнѣвается, что ты отвѣтишь, что онъ былъ въ земномъ. Иаковъ былъ въ какомъ? Скажешь конечно въ небесномъ. Какимъ же образомъ онъ былъ въ небесномъ, когда еще не пришелъ Христосъ во плоти, который называется вторымъ и небеснымъ Адамомъ? Итакъ ты или всѣхъ жившихъ до воплощенія Христова долженъ будешь считать въ первомъ Адамъ и поэтому и праведные будутъ въ земномъ человѣкѣ и опую между твоими козлищами, или если нечестиво тамъ же ставишь Исаака, гдѣ Измаила, тамъ же Иакова, гдѣ Исава, тамъ же святыхъ, гдѣ грѣшниковъ: то послѣдняго Адама нужно будетъ считать съ того времени, когда Христосъ родился отъ Дѣвы и аргументъ двухъ Адамовъ не послужитъ въ пользу твоимъ овцамъ и козлищамъ, потому что мы отвергаемъ, будто въ первомъ Адамъ были и овцы и козлища, и въ одномъ и томъ же человѣкѣ одни стояли одесную, другіе опую. *Ибо царствова смерть отъ Адама даже до Моисея и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адамова* (Рим. 5, 14).

А касательно того, что ты усиливаешься доказать, будто злословіе и убійство, ракъ и прелюбодѣяніе, и слово праздное и нечестіе наказываются одинаково,—уже и выше тебѣ данъ отвѣтъ и теперь отвѣчу. Или скажи, что ты не грѣшникъ, чтобы не быть повиннымъ гееннѣ, или если будешь грѣшникомъ, то и за легкій проступокъ будешь отвесенъ въ адъ. *Уста, говоритъ, лжущія, убиваютъ душу* (Прем. Солом. 1, 11). Подозрѣваю, что когда-нибудь ты, какъ человѣкъ, солгалъ, ибо *всякъ человекъ ложь* (Пе. 111), и одинъ Богъ истиненъ, и оправдится въ словахъ своихъ и побѣдитъ, когда будетъ судить (Пе. 30). Итакъ или ты не долженъ быть человекомъ, чтобы не быть лживымъ, или, если, какъ человекъ, ты лживъ; то будешь терпѣть мученія съ отцеубій-

цами и прелюбодѣями. Ибо нѣтъ никакого различія между грѣхами, и не столько благодарны будутъ тебѣ тѣ, коихъ ты поднимаешь съ низу въ верхъ, сколько будутъ недовольны тѣ, коихъ за легкой и обыкновенный грѣхъ ты низвергъ во тму кромѣшную. А если во время гоненія и удушаемый и обезглавливаемый и бѣжавшій (изъ отечества) и умершій въ темничномъ заключеніи при различныхъ родахъ подвига получаетъ одинаковый вѣнецъ побѣды, то и это служить въ нашу пользу. Ибо въ мученикѣ увѣнчивается произволеніе, изъ котораго рождается самая смерть. Мое дѣло противопоставить себя ярости язычниковъ и не отречься отъ Господа; а то уже въ ихъ волѣ—обезглавить ли меня, или сожечь, или заключить въ тюрьму, или употребить различные роды казней. Если же убѣгу и умру въ пустынѣ, не одинаковъ будетъ вѣнецъ умирающаго, потому что не одинаково Христосъ причиною смерти. А что говоришь ты, будто нѣтъ рѣшительно никакого различія мѣжду тѣмъ братомъ, который всегда былъ съ отцемъ, и тѣмъ, который послѣ, раскаявшись, былъ принять имъ, то къ этому, если хочешь, присоединяю, что и одна драхма, потерянная и найденная, была присоединена къ прочимъ, и что одна овца, которую добрый пастырь, оставивъ девяносто девять овецъ, отыскалъ и привелъ, исполнила сторицное число. Но иное дѣло быть кающимся и слезами умолять о прощеніи, и иное быть всегда съ отцемъ. Поэтому чрезъ Іезекііля возвращенной овцѣ и блудному нѣкогда сыну пастырь и отецъ говоритъ: *и возставлю азъ завѣтъ мой съ тобою о утѣси яко азъ Господь: яко да помянеши и усрамишися и не будетъ тебѣ ктолу отверсти устѣ твоихъ отъ лица безчестія твоего, егда многотивъ буду тебѣ по вѣмъ елика сотворила еси* (Іезек. 16, 62). Для того, чтобы кающіеся получали нисколько не менѣе справедливое воздаяніе, для нихъ достаточно, вмѣсто всякаго наказанія, одного стыда. «И вспомняете о путяхъ вашихъ

злѣйшихъ, и о всѣхъ преступленіяхъ, которыми были осквернены, и себѣ самимъ въ глазахъ вашихъ будете отвратительны во всѣхъ нечестіяхъ вашихъ, какія вы сдѣлали; и узнаете, что я Господь, когда благословлю васъ ради имени моего, и не по путямъ вашимъ злымъ, ни по беззаконіямъ вашимъ злѣйшимъ» (такъ же). Обличается и сынъ отцемъ за то, что завидуетъ спасенію брата и что, тогда какъ ангелы радуются на небѣ, онъ мучится завистію. Впрочемъ сравненіе двухъ братьевъ, добраго и блуднаго, относится не къ заслугамъ всего рода человѣческаго, но къ лицамъ или іудея и христіанина, или святыхъ и кающихся. Объ этой притчѣ я посвятилъ нѣкую книжицу епископу Дамасу, когда онъ еще былъ живъ.

Далѣе, если дѣлателямъ перваго часа и третьяго, и шестаго, и девятаго дается одинъ динарій, и награда начинается съ тѣхъ, которые позднѣе стали трудиться въ виноградникѣ: то и здѣсь изображаются люди не одного времени и одного вѣка, но представляются тайны различныхъ призваній отъ начала міра до конца. Въ первый часъ призванъ Авель и Сноѣ, въ третій Энохъ и Ной; въ шестой Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ; въ девятый Моисей и пророки; въ одиннадцатый народъ язычниковъ: ему первому дается награда, поелику, увѣровавъ въ распятаго Господа, трудностію вѣры онъ заслужилъ величіе наградъ: многіе цари и пророки хотѣли видѣть, что мы видимъ, и не видѣли. А одинъ динарій есть не одинаковая награда, но одинаковая жизнь и одинаковое освобожденіе отъ геены. Впрочемъ какъ при державномъ прощеніи выпускаются изъ тюрьмы виновные въ различныхъ преступленіяхъ и каждый по своей работѣ или занятіямъ своимъ достигаетъ того или другаго состоянія въ жизни: такъ и динарій, какъ прощеніе истиннаго Владыки, чрезъ крещеніе всѣхъ выводитъ изъ темницы. Уже дѣло нашего

труда, по различію добродѣтелей, приготовить себѣ различныя награды.

До сихъ поръ мы по частямъ отвѣчали на вопросы. Дальнѣйшая рѣчь будетъ общимъ отвѣтомъ на все. Господь говоритъ ученикамъ своимъ: «кто изъ васъ хочетъ быть большимъ, пусть будетъ меньшимъ всѣхъ (Матѳ. 20, 20). Если на небѣ всѣ будемъ равны, то напрасно здѣсь смиряемся, чтобы тамъ быть большими. Изъ двухъ должниковъ въ пятьсотъ динаріевъ и въ пятьдесятъ, тотъ, кому больше оставляется, больше любитъ. Поэтому и Спаситель говоритъ: *отпускаются грѣси ея мнози, яко возлюби много, а емуже мало оставляется, меньше любитъ* (Лук. 7, 47). Кто меньше любитъ и кому меньше оставляется, тотъ конечно будетъ на низшей степени. Домовладыка, отъѣзжая, отдалъ имѣніе рабамъ своимъ, одному пять талантовъ, другому два, третьему одинъ, каждому по силамъ его (Лук. гл. 19). Иѣчто подобное изображается и въ другомъ Евангеліи, что человекъ благородный, отправляясь въ страну далекую съ тѣмъ, чтобы получить себѣ царство и возвратиться, призвалъ десять рабовъ и далъ имъ каждому по литрѣ; изъ нихъ одинъ прибрѣлъ десять литръ, другой пять, каждый по силамъ своимъ, и въ вознагражденіе получили или десять или пять городовъ. Далѣе одинъ, палучившій одинъ талантъ или одну литру, закопалъ полученное или спряталъ въ платкѣ и сберегалъ до возвращенія господина. Во первыхъ нужно обратить вниманіе на то, что если праведные трудятся не въ надеждѣ на награду, какъ хочетъ нашъ Зенонъ, а только для того, чтобы не потерять полученнаго, то закопавшій литру или талантъ, чтобы не потерять полученнаго, не согрѣшилъ, и болѣе достойна похвалы осторожность сберегающаго, чѣмъ напрасный трудъ тѣхъ, которые трудились безъ надежды на вознагражденіе. Потомъ—что этотъ самый талантъ, отнимаемый отъ боязливаго или лѣниваго раба, дается не тому,

который сдѣлалъ меньшее приращеніе, а тому, который сдѣлалъ большее, т. е. который поставленъ былъ надъ десятью городами. Если число не составляетъ разряда, то почему сказалъ: »далъ каждому по силамъ его»? Если пять и десять талантовъ составляютъ одинаковое приращеніе: то почему сдѣлавшему меньшее приращеніе дается не десять, а сдѣлавшему большее не пять городовъ? А что Господь не довольствуется тѣмъ, что мы имѣемъ, а всегда желаемъ большаго, это Онъ самъ показываетъ говоря: *почто не вдалъ еси моего сребра купцамъ и азъ пришедъ съ лихвою истязалъ быхъ е.* (Лук. 19, 23). Зная это, и апостоль Павелъ забываетъ прошедшее и стремится къ тому, что впереди, т. е. постоянно совершенствуется, и не хранитъ тщательно въ платкѣ благодати, которую получилъ, но, завистливый купецъ, обновляется со дня на день и считаетъ себя умяляющимся, если постоянно не будетъ возрастать. Въ законѣ говорится о шести городахъ убѣжища для тѣхъ, кои противъ воли совершили человѣкоубійство, и города эти—священническіе. Можно спросить, между козлищами ли твоими помѣстишь ты этихъ убѣжавшихъ, или между нашими овцами? Если бы они были козлищами, то они умерщвлялись бы, какъ прочіе человѣкоубійцы и не входили бы въ города служителей Божіихъ. Если назовешь ихъ овцами, то конечно они не будутъ такими овцами, которыя могли бы пастись на полной свободѣ, безъ всякаго опасенія волковъ. Такимъ образомъ для тебя будетъ ясно, что хотя они—овцы, но заблудившія, одесную, но не стоятъ, а бѣгутъ, пока не умретъ Іерей великій и, сошедши во адъ, не освободитъ души бѣжавшихъ. Сынамъ Израиля встрѣчаются на пути Гаваонитяне, и тогда какъ другіе народы были истреблены, эти обращаются въ дровосѣковъ и водоносцевъ (Ис. Нав. гл. 9), и имѣютъ такую заслугу предъ Богомъ, что за несправедливость къ нимъ истреблено поколѣніе Саула. Между кѣмъ

поставили ихъ? Между козлищами? но они не истреблены, и по суду Господа избавляются. Между овцами? Но Писаніе божественное говоритъ, что они не имѣютъ заслуги равной съ израильтянами. Итакъ видишь, что хотя они стоятъ одесную, но гораздо на низшей степени. Между Давидомъ, мужемъ святымъ, и Сауломъ, царемъ нечестивымъ, въ срединѣ былъ Іонафанъ. Его мы не можемъ поставить ни между козлищами, потому что онъ былъ достоинъ любви пророка, ни между лучшими овцами, чтобы не уравниять его съ Давидомъ, особенно такъ какъ и онъ былъ убитъ. Итакъ онъ будетъ между овцами, но въ низшемъ разрядѣ. И какъ между Давидомъ и Іонафаномъ, такъ и между одною и другою овцою ты вынужденъ будешь допустить разности. *Рабъ сдѣлавшій волю господина своего и не уготовавъ, ни сотворивъ по воли его, бѣенъ будетъ много; не сдѣлавшій же и не сдѣлавшій достойнаго, ударами будетъ наказанъ многими.* Ибо всякому, кому много дано, много и взыщется отъ него, и кому много ввѣряется, много потребуется отъ него (Лук. 12, 47. 48). Вотъ одному и другому рабу дается болѣе или менѣе и по количеству ввѣреннаго и неисполненнаго опредѣляется и число ударовъ.

Вся земля іудейская и изображеніе колѣнъ есть образъ будущей церкви на небесахъ. Прочитаетъ Иисуса Навина, прочитаемъ послѣднія главы Іезекіила, и мы увидимъ, что то, что въ одной книгѣ какъ бы исторически изображается на землѣ, въ другой духовно обѣщается на небесахъ (Иис. Нав. гл. 13; Іезек. 40, 48). Что значитъ въ описаніи храма семь и восемь ступеней? Что также значитъ, что въ Псалтири послѣ буквъ сто восемнадцатаго псалма, въ которыхъ мы научаемся таинственной азбукѣ, чрезъ пятнадцать ступеней мы достигаемъ туда, что можемъ воспѣвать: *се нынѣ благословите Господа вси раби Господни, столпци въ храмъ Господни, во дворѣхъ дому Бога нашего* (Пс. 133, 1).

Почему два съ половиною колѣна живутъ за Іорданомъ, гдѣ много скота, а прочіе девять съ половиною или выгоняютъ прежнихъ жителей съ ихъ мѣсть, или живутъ съ ними? Почему колѣно Левіино не получаетъ поземельной части, а Господь часть его есть, и изъ самыхъ левитовъ и священниковъ въ Святое Святыхъ, гдѣ находятся херувимы и очистилице, входитъ одинъ первосвященникъ? Почему прочіе священники употребляютъ только льняныя одежды, и не носятъ одежды изъ золота, гіацинта, червленя, пурпура и виссона? Левиты и священники низшей степени получаютъ (въ свое вѣдѣніе) повозки и быковъ, высшаго разряда носить на раменахъ своихъ кивотъ Господень. Если уничтожаешь ты чинъ скинии, храма, церкви, если, какъ говорятъ въ народѣ, одинаковая энкома ¹⁾, опредѣляетъ годность къ военной службѣ всѣхъ находящихся одесную, то ничто епископы, напрасно пресвитеры, безъ нужды діаконы. Зачѣмъ пребываютъ (въ своемъ обѣтѣ) дѣвственницы? для чего подвизаются вдовы? Зачѣмъ воздерживаются замужня? Будемъ грѣшить всѣ; послѣ покаянія мы будемъ тоже, что апостолы.

Но мы уже стали видѣть землю съ моря, и послѣ встающихъ горами пучинъ и бушующихъ волнъ и послѣ того какъ корабль то поднимался вверхъ, то низвергался внизъ, намъ, утомленнымъ и ослабѣвшимъ, открывается пристань. Сказали мы о брачныхъ, вдовахъ, дѣвственницахъ. Вдовству предпочли мы дѣвство, вдовство предпочли браку. Изложено *περιχρησῆ* апостола о томъ, какъ нужно разсуждать объ этихъ вопросахъ, данъ отвѣтъ на каждое изъ возраженій. Выступила на сцену и свѣтская литература—показано, какія были дѣвственницы, какія единомужныя, и напротивъ какія непріятности соединяются иногда съ брачнымъ союзомъ.

¹⁾ Энкома (енкома или incoma) мѣрка роста, которою опредѣлялась годность къ военной службѣ рекрутовъ.

Перешли ко второму отдѣленію, въ которомъ онъ отрицаетъ, что принявшіе крещеніе съ полною вѣрою могутъ затѣмъ грѣшнить, и показали, что, исключая Бога, вся тварь подъ грѣхомъ,—не потому, что всѣ согрѣшили, но потому, что могутъ грѣшнить, и паденіе подобныхъ есть устрашеніе для стоящихъ. Въ третьихъ перешли къ постамъ и такъ какъ возраженіе противника было двойкаго рода, поелику онъ то прибѣгалъ къ философамъ, то къ доказательствамъ изъ божественныхъ Писаній, то и мы отвѣтили на то и другое возраженіе. Въ четвертомъ, т. е. въ послѣднемъ отдѣленіи онъ раздѣлялъ овецъ и козлищъ, правую и лѣвую сторону, праведниковъ и грѣшниковъ на два разряда, желая доказать, что между однимъ и другимъ праведникомъ, однимъ и другимъ грѣшникомъ нѣтъ никакого различія. Чтобы доказать это, онъ подбиралъ неподходящія свидѣтельства изъ Писаній какъ бы соотвѣтствующія его мысли. На это возраженіе мы отвѣтили ему и доказательствами и свидѣтельствами Писаній и старинное мнѣніе Зенона опровергли на основаніи какъ общаго смысла, такъ и божественнаго чтенія.

Теперь остается намъ поговорить съ нашимъ Еликуромъ, что нѣжится въ садахъ своихъ съ мальчиками и дѣвushками. Нравятся тебѣ толстые, лоснящіеся, набѣленные. Прибавь къ этому, если угодно, по Сократовской ироніи, всѣхъ свиней и собакъ, и поелику любишь мясо, то и коршуновъ, орловъ, ястребовъ и филиновъ. Насъ нисколько не устрашитъ Аристиппово разнообразіе. Кого ни увижу красивыхъ, разряженныхъ, съ прибранными волосами, съ нарумяпеными щеками,—всѣ такіе изъ твоего стада, всѣ хрюкаютъ вмѣстѣ съ твоими свиньями. Изъ нашего стада—унылые, блѣдные, бѣдно одѣтые и тѣ, которые, какъ странники міра сего, если не говорятъ словами, то говорятъ образомъ жизни и поведеніемъ: *убы мнѣ яко притиельствіе мое продолжися: вселихся въ селеніи Кидарскими* (Пс. 119,

5), то есть во тмѣ міра сего, ибо свѣтъ во тмѣ свѣтитса и тма его не обняла. Сынъ Божій училъ въ Іудеѣ, и Ему послѣдовали двѣнадцать только апостоловъ. «Точило», говоритъ, «топталъ я одинъ, и изъ народовъ нѣтъ мужа со мною» (Ис. 63, 3). Во время страданія Онъ остался одинъ и поколебалась даже Петрова вѣрность къ Нему, а фарисейскому ученію рукоплескалъ весь народъ, говоря: *распи, распи Его; не имамы царя, токмо кесаря* (Іоанн. 19, 6. 15); то есть мы идемъ въ слѣдъ пороковъ, а не добродѣтелей, Епикура, а не Христа, Іовиніана, а не апостола Павла. Что многіе сочувствуютъ твоему мнѣнію, это—признакъ распущенности, ибо не столько одобряютъ то, что говоришь ты, сколько угождаютъ своимъ порокамъ. На уличныхъ перекресткахъ ежедневно фокусникъ-паяцъ бьетъ по задѣ глупцовъ и, когда они будутъ кусаться, гладкою палкою вышибаетъ имъ зубы, и однакоже развѣ нѣтъ людей, которые всегда могутъ привлекаться этимъ? А ты считаешь великою мудростію, если бѣжить за тобою много свиней, которыхъ ты откармливаешь на пищу гееннѣ? Послѣ твоей проповѣди и бань, гдѣ моются вмѣстѣ мущины и женщины, все нетерпѣніе, которое сначала прикрывало распаленную похоть какъ бы одеждами скромности, обнажено и выставлено наружу и что прежде было скрыто, теперь стало явно. Ты показалъ такихъ учениковъ, но не сдѣлалъ. Твое ученіе сдѣлало то, что грѣхи не имѣютъ даже покаянія. Дѣвицы твои, которыхъ ты съ очень умною мыслию, коей никто никогда и не читалъ и не слыхалъ, вразумилъ изъ апостола, что *лучше есть женитса, нежели разжигатса*, тайныхъ блудниковъ обратили въ явныхъ мужей. Не увѣщевалъ къ этому апостоль, не училъ такъ сосудъ избранный. Виргилиевское мнѣніе таково:

„Называетъ супружествомъ (coniugium), этимъ именемъ прикрываетъ вину“.
(Aeneid. I. IV).

Почти исполнилось четыреста лѣтъ, какъ проповѣдь о Христѣ свѣтитъ въ мірѣ. Съ того времени безчисленныя ереси разрывали хитонъ Его, и почти всякое заблужденіе распространялось на языкѣ халдейскомъ, сирскомъ и греческомъ. Черезъ столько лѣтъ, Василидъ, учитель разврата и гнуснѣйшихъ похотей, преобразился въ Іовиніана такъ, какъ будто въ Евфорба ¹⁾, такъ что даже и на латинскомъ языкѣ проповѣдывалъ свою ересь. Неужели во всемъ мірѣ не было провинціи, которая приняла бы проповѣдь разврата и въ которую проникъ бы этотъ извивающійся змѣй, кромѣ той, которую наздало ученіе Петра на камень—Христѣ? Знамя креста и строгость проповѣди разрушили храмы идоловъ: теперь напротивъ сладострастіе родотрорнаго уда, чрева и горла пытается сокрушить силу креста. Поэтому Богъ говоритъ чрезъ Исаію: «народъ мой, тѣ, которые ублажаютъ васъ, обольщаютъ васъ, и стези ногъ вашихъ развращаютъ» (Ис. 13, 14) и чрезъ Іеремію: «бѣгите изъ среды Вавилона и храните каждый душу свою и не вѣрьте ложнымъ пророкамъ, которые говорятъ: миръ, миръ, и нѣтъ мира, которые постоянно вопіютъ: храмъ Господень» (Іер. 51, 6). «Пророки твои видѣли о тебѣ видѣнія ложныя и неразумныя, не открыли нечестія твоего, чтобы призвать тебя къ покаянію; они пожираютъ народъ Божій какъ пищу хлѣба, Бога не призвали». Іеремія, возвѣщавшій плѣнъ, народомъ побить камнями. Ананія, сынъ Азура, въ настоящемъ ломалъ деревянное ярмо, и на будущее время приготовлялъ желѣзное.

Ложные пророки всегда обѣщаютъ пріятное, и нѣсколько правятся. Истина горька и проповѣдующіе ее исполняются горечи. Ибо пасха Господня празднуется на опрѣснокахъ

¹⁾ Іеронимъ указываетъ здѣсь на ученіе Пифагора о переселеніи душъ, и то мнѣніе, будто въ него, Пифагора, переселилась душа Евфорба, убитаго при Троѣ.

истины и чистоты и вкушается съ горькими травами (Исх. гл. 12). Подлинно прекрасная рѣчь и пусть послушаетъ ее невѣста Христова среди дѣвственницъ и вдовъ и безбрачныхъ (coelibes)—откуда произошло и самое имя это, потому что достойны неба (coeli) воздерживающіеся отъ совокупленія:—«Рѣдко поститесь, чаще посягайте, потому что не можете исполнять дѣла брака, если не будете употреблять вина, мяса и лакомствъ. Для сладострастія нужны силы. Не бойтесь блуда. Кто однажды крестился во Христа, тотъ не можетъ падать: ибо для удовлетворенія страсти у него есть утѣшеніе въ бракѣ. И если и падете, то покаяніе восстановитъ васъ и вы, которые въ крещеніи были лицемѣрами, въ покаяніи будете твердыми въ вѣрѣ. И не смущайтесь, думая, что между праведникомъ и кающимся есть какое-нибудь различіе и что низшая степень хотя даетъ прощеніе, но отнимаетъ вѣнецъ. Ибо воздаяніе одинаково. Кто будетъ стоять одесную, тотъ войдетъ въ царство небесное». Въ слѣдствіе такихъ совѣтовъ твои свинопасы богаче нашихъ пастырей, и козлы таскаютъ за собою множество козъ. *Кони женонеистови сотворишася* (Іерем. 5, 8); тотчасъ, какъ увидятъ женщинъ, начинаютъ ржать и свою похотливость—о стыдъ!—тѣшатъ доказательствами изъ Писаній. И самыя женщины, жалкія и не достойныя сожалѣнія, распѣвая слова своего учителя: чего, какъ не сѣмени хочеть Богъ?—потеряли не только цѣломудріе, но и приличіе, и съ бдѣльшею дерзостію защищаютъ похоть, чѣмъ предаются ей. Кромѣ того есть у тебя въ войскѣ много рекрутовъ, много конницы и запасныхъ солдатъ,—толстыхъ, прибранныхъ, лоснящихся, бирючей, которые могутъ защищать тебя и кулаками и пятами. Встрѣчаясь съ тобою, сторонятся благородные и богатые цѣлуютъ тебѣ голову. Потому что если бы ты не явился, пьяницы и обжоры не могли бы войти въ рай. Сильный доблестію или лучше пороками, въ лагерь своемъ ты имѣ-

ещь и амазоногъ, которыя открытыми грудями и обнаженными голеними и колѣнами вызываютъ выступающихъ противъ нихъ мужчинъ на состязаніе въ похотяхъ. И поелику ты богатый хозяинъ, то въ твоихъ птичникахъ воспитываются не горлицы, а удоды, которые облетаютъ всѣ притоны смраднаго разврата. Брани меня, ругай меня, взводи на меня какіе угодно пороки, обличай въ развратѣ и сластолюбіи. Тѣмъ больше ты будешь любить меня, если я буду такимъ, потому что я буду изъ твоего стада.

Но обращусь и къ тебѣ, который написанное на челѣ богохульство изгладилъ исповѣданіемъ Христа. Городъ могущественный, городъ—владыка міра, городъ восхваленный голосомъ апостола (Рим. гл. 1), истолкуй ты свое наименованіе. Римъ (Roma) есть или имя *силы* погречески, или *высоты* поеврейски. Сохраняй то, чѣмъ ты называешься; да сотворитъ тебя добродѣтель высокимъ, а не порокъ униженнымъ. Имѣя примѣръ въ Невевіи, ты можешь чрезъ покаяніе избѣжать того проклятія, какимъ тебѣ грозилъ Спаситель въ Апокалипсисѣ (гл. 17 и 18). Берегись имени Ювиніана, которое произошло отъ идола (Iove — Юпитера). Капитолій въ заустѣннѣ, храмы и церемоніи Юпитера пали. Зачѣмъ будутъ сохраняться у тебя его имя и его пороки? Еще при царяхъ и при Нумѣ Помпиліи предки твои съ большею охотою принимали воздержность Пинеагора, чѣмъ при консулахъ распушенность Епикура.

Книга противъ Вигилянціа ¹⁾.

Много чудовищъ раждалось на свѣтѣ. Читаемъ о центаврахъ и сиренахъ, совахъ и вынахъ. (Ис. гл. 13 и 35).

¹⁾ Вигилянцій, родомъ изъ Аквитаніи, священникъ, по свидѣтельству Иеронима, мало образованный, училъ, что 1) не должно почитать

Іовъ въ таинственной рѣчи изображаетъ левіаѳана и бегемота (Іова гл. 3 и 40). Басни поэтовъ рассказываютъ о церберѣ и стимфалидахъ, о вепрѣ еримантскомъ и львѣ немейскомъ, химерѣ и многоголовой гидрѣ. Виргилій описываетъ Кикуса (Эн. кн. 8). Извѣстенъ трехголовый Геріонъ испанскій. Одна Галлія не имѣла чудовищъ, но всегда была богата мужами сильными и умнѣйшими. Вдругъ явился Вигилианцій, или, вѣрнѣе, Дормитанцій ¹⁾, который нечистымъ духомъ враждуетъ противъ духа Христова, отрицаетъ почитаніе гробовъ мучениковъ, говоритъ, что слѣдуетъ осуждать бдѣнія, что, исключая пасхи, никогда не слѣдуетъ пѣть аллилуія, что воздержаніе есть ересь, что цѣломудріе—разсадникъ разврата. И какъ Евфорбъ, какъ рассказываютъ, возродился въ Пивагорѣ, такъ въ немъ воскресло лжеученіе Ювиніана, такъ что мы принуждены отвѣчать на внушенія діавола какъ у перваго такъ и у втораго. Ему по справедливости говорится: *стѣмя злое, уготови чада твоя на убіеніе грѣхами отца твоего* (Ис. 14). Осужденный авторитетомъ римской церкви,

мучениковъ и ихъ мощи и совершать бдѣнія въ церквахъ на останкахъ ихъ; 2) что молитвы святыхъ не приносятъ намъ пользы; 3) что нѣкоторые церковные обычаи, особенно возженіе свѣчей на литургіи или при чтеніи Евангелія суть языческія суевѣрія, и что не должно пѣть аллилуія никогда, кромѣ пасхи; 4) что каждый можетъ пользоваться богатствомъ и что отреченіе отъ предметовъ міра не есть добродѣтель, поэтому монашескую нищету и пустынножителство называлъ праздностію и постыднымъ бѣгствомъ, и не одобрялъ, а иногда и запрещалъ обычаи посылать милостыни въ Іерусалимъ; наконецъ 5) училъ, что всѣ клирики, не исключая и епископовъ, должны вступать въ бракъ и называлъ безбрачіе ересью и цѣломудріе разсадникомъ разврата. — На каждое изъ этихъ лжеученій отвѣчаетъ Іеронимъ въ этой книгѣ, которую, какъ говоритъ онъ, онъ продиктовалъ въ теченіе одной ночи. Книга написана въ 406 году.

¹⁾ Vigilantius—бодрствующій. Іеронимъ иронически переименовываетъ его и называетъ Dormitantius—спящій, совлывый.

за колхидскими птицами и свиными мясами онъ не столько испустилъ, сколько изbleвалъ духъ. Этотъ Калагуританскій трактирщикъ, — по имени мѣстечка наоборотъ — нѣмой Квинтиліанъ, — примѣшиваетъ воду къ вину и, сообразно съ прежнимъ своимъ художествомъ, старается примѣшать къ каеволической вѣрѣ ядъ своего невѣрія, унижить дѣвство, возбудить ненависть къ цѣломудрію, на пирушкахъ людей мірскихъ проповѣдывать противъ постовъ святыхъ; и философствуя за чашами и лакомясь пирогами, онъ услаждается мелодією псалмовъ, такъ что только за пирушками удостоиваетъ послушать пѣсни Давида и Асафа и сыновъ Хоревыхъ. Не будучи въ силахъ удержаться, чтобы не терзаться духомъ объ этомъ болѣе съ горестію, чѣмъ со смѣхомъ, я не могу остаться глухимъ къ этому оскорбленію апостоловъ и мучениковъ.

О стыдъ! Говорятъ, у него есть епископы, раздѣляющіе его преступленіе, если только можно назвать епископами тѣхъ, кои рукополагаютъ діаконовъ не иначе, какъ только если они прежде женятся, не довѣряя цѣломудрію никого изъ небрачныхъ, даже доказывая, какъ свято живутъ тѣ, которые всѣми подозрѣваются въ дурномъ — и не иначе раздаютъ таинства Христовы, какъ только если увидятъ чреватыхъ женъ клириковъ и дѣтей плачущихъ на рукахъ матерей. Что будутъ дѣлать церкви Востока, что церкви Египта и престола апостольскаго, которыя принимаютъ клириковъ или дѣвственниковъ, или воздерживающихся, или такихъ, которые, если будутъ имѣть женъ, то перестаютъ быть мужьями¹⁾? Вотъ чему училъ Дормитанцій, ослабляя узду похоти и своими

¹⁾ Читая это и подобныя свидѣтельства бл. Іеронима, не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ ревностнѣйшимъ защитникомъ дѣвства и врагомъ супружеской жизни — иногда до крайности. Быть можетъ и недостаточное знакомство съ восточною церковію было причиною этого несогласнаго съ исторією показанія Іеронима.

увѣщаніями естественный пылъ плоти, который разгорается преимущественно въ юности, усугубляя или лучше удовлетворяя совокупленіемъ съ женщинами, такъ, чтобы не было ничего, чѣмъ бы мы отличались отъ свиней, чѣмъ бы различались отъ безсловесныхъ животныхъ, чѣмъ бы отъ лошадей, о которыхъ написано: *кони же неистовни сотсоришася, кійждо къ женѣ искренняго своего ржаше* (Іер. 5, 8). Это тоже, что говоритъ Духъ Святый чрезъ Давида: *не будите яко конь и мекъ, имже нѣсть разума* (Пс. 31, 9). И опять о Дормитанціи и сообщникахъ его: *браздами и уздою челюсти ихъ востягнеши, не приближающихся къ тебѣ* (тамъ же).

Но уже пора, представляя его собственныя слова, постараться отвѣтить на каждое изъ его положеній. Не можетъ случиться, что опять злонамѣренный толкователь скажетъ, что я выдумалъ матерію, чтобы отвѣчать на нее риторическою декламациею, подобно той, о которой я писалъ въ Галлію, относительно которой разногласили между собою мать и дочь. Виновники этого разсужденьица моего—святые пресвитеры Рипарій и Дезидерій, которые пишутъ, что ихъ приходы, сосѣдніе съ его приходомъ, заражены его ученіемъ, и прислали чрезъ брата Сисинія книги, которыя изbleвалъ онъ во снѣ, упившись. И увѣряютъ они, что нашлись нѣкоторые, которые, потворствуя своимъ порокамъ, сочувствуютъ его богохульствамъ. Хотя онъ невѣжда и необразованный и въ выраженіяхъ и по свѣдѣніямъ и по языку, и даже не можетъ защищать и истиннаго; но для людей мірскихъ и женщинъ обремененныхъ грѣхами, всегда учащихъ и никогда не достигающихъ въ познаніе истины, я отвѣчу на его бредни однимъ разсужденьемъ, чтобы не показаться пренебрегающимъ посланіемъ святыхъ мужей, которые просили меня сдѣлать это.

Поистинѣ соотвѣтствуетъ онъ своему роду,—такъ что

происшедшій отъ сѣмени разбойниковъ и бродягъ, которыхъ (Конс. Страб. кн. 5) Помпей, по усмиреніи Испаніи, спѣша съ триумфомъ возвратиться, согналъ съ горъ Пиринейскихъ и собралъ въ одинъ городъ, отчего городъ и получилъ имя Конвенъ¹⁾—онъ до сихъ поръ разбойничаетъ противъ церкви Божіей, и сходя съ Вектонскихъ, Арребакскихъ и Целтиберійскихъ горъ, нападаетъ на церкви галльскія, и носитъ не знамя креста, но знакъ діавола. Тотъ же Помпей сдѣлалъ это и въ странахъ Востока, чтобы, побѣдивъ киликійскихъ и исаврійскихъ пиратовъ и разбойниковъ между Киликією и Исаврією, построить городъ своего имени. Но этотъ городъ до сихъ поръ сохраняетъ учрежденія предковъ и не явилось въ немъ никакого Дормитанція. Галліи терпятъ своего природнаго врага и допускаютъ возсѣдать въ церкви челоуѣку тронутому головою и нуждающемуся въ узахъ Гиппократа, челоуѣку, который между прочими богохульными словами говоритъ: «Что за необходимость тебѣ не только чествовать такимъ благоговѣніемъ, но и поклоняться тому, не знаю чему, что считаешь ты въ маленькомъ носимомъ съ собою сосудѣ?» И опять въ той-же книгѣ: «зачѣмъ съ поклоне-ніемъ лобзаешь прахъ, обернутый въ полотенце»? И далѣе: «мы видимъ, что примѣнительно къ обряду языческому, подъ предлогомъ благочестія, введено въ церквахъ, еще при свѣтѣ солнечномъ, зажигать множество свѣчей; вездѣ также съ лобзаніемъ поклоняются порошку, не знаю какому, въ маленькомъ драгоценномъ сосудѣ обвернутому въ полотенце. Большую честь оказываютъ такіе люди блаженнѣйшимъ мученикамъ, которыхъ, думаютъ они, нужно освѣщать, тогда какъ ихъ освѣщаетъ Агнецъ, сѣдящій на престолѣ со всеѣмъ блистаніемъ своего величія».

¹⁾ Conventae—пришельцы съ разныхъ мѣстъ.

Ибо кто, о безумная голова, когда нибудь поклонялся мученикамъ (какъ Богу, *martires adoravit*), кто челоуѣка считалъ Богомъ? Когда Павелъ и Барнава Ликаонцами были признаны за Юпитера и Меркурія (Дѣян. 14), и когда имъ хотѣли принести жертву, не растерзали ли они одежды свои и не сказали ли, что они люди?—не потому, что они не были лучше давно умершихъ людей Юпитера и Меркурія, но для того, чтобы по языческому заблужденію не была воздана имъ честь, принадлежащая Богу. Это читаемъ и о Петрѣ, который Корнилія, хогѣвшаго поклониться ему, поднялъ рукою и сказалъ: *востани, и азъ самъ челоуѣкъ есмь* (Дѣян. 10, 25). Кромѣ того ты осмѣливаешься сказать: «то, невѣдомо что, что почитаешь ты въ маленькомъ носимомъ съ собою сосудѣ». Хочу знать, что это такое «невѣдомо что»? Скажи яснѣе, чтобы богохульствовать съ полною свободою: «порошокъ невѣдомо какой въ маленькомъ драгоценномъ сосудѣ, обвернутый въ полотенце». Онъ жалѣеть, что останки мучениковъ покрываются драгоценнымъ покровомъ, а не обертываются въ тряпки или рубище, или не выбрасываются въ навозную кучу, чтобы воздавалось поклоненіе одному пьяному и сонному Вигилянцію. Итакъ мы богохульцы, если входимъ въ базилики апостоловъ? Богохулецъ былъ императоръ Константинъ I, перенесшій въ Константинополь святаго мощи Андрея, Луки и Тимофея, при которыхъ демоны рыкаютъ и живущіе въ Вигилянціѣ сознаются, что они чувствуютъ присутствіе ихъ? Не слѣдуетъ ли считать богохульцемъ и нынѣшняго Августа Аркадія, который, спустя долгое время, мощи блаженнаго Самуила изъ Іудеи перенесъ во Фракію? Не только богохульцами, но и дураками не слѣдуетъ ли считать всѣхъ епископовъ, которые ничтожнѣйшую вещь и разложившійся прахъ носили въ шелкѣ и золотомъ сосудѣ? Не глупъ ли народъ всѣхъ церквей, встрѣтившій святаго мощи и принявшій съ такою радостію, какъ будто

онъ видѣлъ дѣйствительно присутствующаго и живаго пророка,—когда отъ Палестины до Халкидона прибывали толпы народа и однимъ голосомъ пѣли славословія Христу? Вѣдь они поклонялись Самуилу, а не Христу, пророкомъ и левитомъ коего былъ Самуиль. Ты считаешь его мертвымъ, и поэтому богохульствуешь. Прочитай Евангеліе: *Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Икова, нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (Мѡ, гл. 12). Итакъ если они живы, то не заключаются въ почетной, по твоему мнѣнію, темницѣ.

Ибо ты говоришь, что души апостоловъ и мучениковъ возсѣдаютъ или на лонѣ Авраамовомъ, или въ мѣстѣ прохладенія или подъ жертвенникомъ Божиимъ и не могутъ обнаруживать свое присутствіе при своихъ гробницахъ и гдѣ захотятъ: они-де сенаторскаго достоинства и поэтому заключаются не въ смраднѣйшей темницѣ между челоуѣкоубійцами, но въ свободномъ и почетномъ заключеніи на островахъ счастливыхъ и въ елисейскихъ поляхъ. Ты будешь полагать законы Богу? ты будешь налагать узы на апостоловъ, чтобы до дня суда содержались въ заключеніи и не были съ своимъ Господомъ тѣ, о которыхъ написано: *послѣдуютъ Агнию, а може еще поидетъ* (Апок. 14, 4)? Если Агнецъ вездѣ, то нужно думать, что и они, пребывающіе съ Агнцемъ, также вездѣ. И тогда какъ діаволъ и демоны блуждаютъ по всему міру и съ чрезвычайною быстротою вездѣ появляются, неужели мученики, по пролитіи ихъ крови, могутъ быть заключены подъ крышкою гроба и не могутъ выйти оттуда? Ты говоришь въ своей книжкѣ, что пока мы живы мы можемъ молиться другъ за друга, а послѣ смерти ничья молитва за другаго не можетъ быть услышана, особенно потому, что мученики, молившіе объ отмщеніи за свою кровь, не могли испросить этого (Апок. 6, 9). Если апостолы и мученики, будучи еще соединены съ тѣломъ, когда еще должны заботиться о себѣ, могутъ

молиться за другихъ: то не тѣмъ ли болѣе послѣ вѣнцовъ побѣдъ и триумфовъ? Одинъ человекъ Моисей спрашиваетъ у Бога прощеніе шестистамъ тысячъ способныхъ носить оружіе (Исх. гл. 32; Дѣян. гл. 7); и Стефанъ, подражатель Господу своему и первый мученикъ во Христѣ, молитъ о прощеніи гонителей; неужели послѣ того, какъ они станутъ быть со Христомъ, они будутъ имѣть меньше силы? Апостоль Павелъ говоритъ, что ему дарованы двѣсти семьдесятъ шесть душъ, бывшихъ съ нимъ на кораблѣ: неужели онъ, послѣ того какъ разрѣшившись будетъ со Христомъ, сомкнетъ уста и не будетъ въ состояніи вымолвить слова за тѣхъ, кои во всемъ мірѣ увѣровали его Евангелію? И неужели лучше будетъ живая собака Вигилянцій, чѣмъ этотъ левъ умершій (Екклес. гл. 9)? Я справедливо могъ бы привести это изъ Екклесіаста, если бы признавалъ Павла умершимъ по духу. Наконецъ святые не называются умершими, но усопшими. Поэтому и Лазарь, имѣвшій воскреснуть, называется уснувшимъ (Іоан. гл. 11). И апостоль запрещаетъ Фессалоникійцамъ скорбѣть объ усопшихъ. Ты бодрствуя спишь и сонный пишешь, и выставляешь мнѣ апокрифическую книгу, которая, подъ именемъ Ездры, читается тобою и тебѣ подобными, въ которой написано, что послѣ смерти никто за другихъ не смѣетъ молиться. Книги этой я никогда не читалъ, ибо какая надобность брать въ руки то, чего не принимаетъ церковь? Быть можетъ ты укажешь мнѣ на Бальзама, и Барбела, и на «Сокровище» Манеса, и на смѣшное имя Левсибора,—такъ какъ ты живешь при подошвѣ Пиринеевъ и, сродный съ Іверією, слѣдуешь невѣроятнымъ выдумкамъ Василида, древнѣйшаго еретика и его невѣжественнаго ученія, и представляешь то, что осуждается авторитетомъ всего міра. Ибо въ своемъ комментарий, какъ бы говоря въ свою пользу, ты берешь изъ Соломона свидѣтельство, котораго Соломонъ вовсе не писалъ, такъ что, имѣя

другаго Ездру, ты имѣшь и другаго Соломона: если тебѣ нравится, то прочитай вымышленныя откровенія всѣхъ патріарховъ и пророковъ ¹⁾, и, изучивши ихъ, разсказывай за женскими станками, или предложи для чтенія въ своихъ трактирахъ, чтобы этимъ вздоромъ удобнѣе привлекать къ пьянству невѣжественную чернь.

А свѣчи возжигаемъ не при ясномъ свѣтѣ, какъ ты напрасно клеветашь, но для того, чтобы этимъ средствомъ умѣрить темноту ночи и бодрствовать до свѣта, чтобы не спать съ тобою слѣпыми во тмѣ. Если нѣкоторые по невѣдѣнію (*imperitiam*) и простотѣ мірскихъ людей или особенно благочестивыхъ женщинъ, о которыхъ истинно сказано: *свидѣтельствую яко ревность Божию имутъ, но не по разуму* (Рим. 10, 9)—дѣлаютъ это изъ-за почитанія къ мученикамъ, то что ты теряешь чрезъ это? Когда-то и апостолы переговаривались, что тратится муро, но были обличены Господомъ (Матѳ. гл. 26; Марк. гл. 14). Ибо ни Христосъ не нуждался въ мурѣ, ни мучениги не нуждаются въ свѣтѣ свѣчей: однако же та женщина сдѣлала это въ честь Христа и доброе чувство ея намѣренія пріемлется. И тѣ, кои возжигаютъ свѣчи, имѣютъ награду по вѣрѣ своей, по слову апостола: «каждый въ своемъ чувствѣ да преизбыточествуетъ» (Рим. 14, 5). Идолопоклонниками ты называешь такихъ людей? Не отрицаю, что всѣ мы, вѣрующіе во Христа, пришли отъ заблужденія идолопоклонства. Ибо мы не раждаемся христіанами, а возраждаемся. И поелику нѣкогда мы почитали идоловъ, то неужели теперь мы не должны почитать Бога, чтобы не показалось, что мы чтимъ Его одинаковымъ почитаніемъ съ идолами? То дѣлалось идо-

¹⁾ Быть можетъ Иеронимъ разумѣетъ здѣсь книгу подъ названіемъ *патріарха*, указываемую въ синопсисѣ Аѳанасія и въ правилѣ патріарха константинопольскаго Никифора.

ламъ, и потому должно быть отстранено; это дѣлается мученикамъ, и поэтому должно быть принято. Ибо и безъ мощей мучениковъ, по всѣмъ церквамъ востока, когда слѣдуетъ читать Евангеліе, возжигаются свѣтильники, даже при свѣтѣ солнечноиъ,—конечно не для прогнанія темноты, но въ знакъ радости. Поэтому и оныя евангельскія дѣвы всегда имѣютъ зажженными свѣтильники свои (Матѣ. гл. 25). И апостоламъ говорится: *да будутъ чресла ваша препоясаны и свѣтильницы горящія* (Лук. 12, 35). И объ Іоаннѣ Крестителѣ: *онъ бы свѣтильникомъ свѣтъ и горя* (Іоан. 5, 35),—чтобы подь образомъ свѣта вещественнаго представлялся тотъ свѣтъ, о которомъ въ Псалтири читаемъ: *свѣтильникомъ ногами моими законъ твой и свѣтъ стезямъ моимъ* (Пс. 118. 105).

Итакъ худо дѣлаетъ римскій епископъ, который по нашему на досточтимыхъ костяхъ, а по твоему на ничтожномъ прахѣ умершихъ людей Петра и Павла приноситъ Господу жертвы, и гробницы ихъ считаетъ алтарями Христовыми? И не только одного города, но и всего міра заблуждаются епископы, которые, презирая корчемника Вигиланція, входятъ въ базилики усопшихъ. гдѣ лежитъ обвернутый въ полотенце ничтожнѣйшій прахъ и пепель, невѣдомо какой, такъ что сѣверный, онъ оскверняетъ все, и какъ гробы фарисейскіе совнѣ побѣлены, тогда какъ внутри, по твоему, все нечисто, воняетъ и смердитъ? И потомъ, изрыгая изъ ямы сердца своего мерзкую грязь, осмѣливается говорить: «Слѣдовательно души мучениковъ любятъ свои бранные останки и летаютъ около нихъ, и всегда присутствуютъ при нихъ, чтобы въ случаѣ, если придетъ какой-нибудь грѣшникъ, отсутствуя не лишиться возможности услышать его»? О чудовище, достойное быть выброшеннымъ на конецъ земли! Смѣешься надъ мощами мучениковъ и съ основателемъ этой ереси Евноміемъ взводишь клевету на церкви

Христовы, и не страшишься такого сообщества, чтобы противъ насъ говорить тоже, что онъ говоритъ противъ церкви? Ибо всѣ послѣдователи его не входятъ въ базилики апостоловъ и мучениковъ, чтобы, то есть, почитать мертваго Евномія, книги коего они признаютъ болѣе авторитетными, чѣмъ Евангелія и въ немъ вѣрують видѣть свѣтъ истины, подобно тому какъ другія ереси доказываютъ, что параклитъ явился въ Монтанѣ, и говорятъ, что Манесъ былъ самъ параклитъ. Противъ твоей ереси, которая издавна возстаетъ противъ церкви (чтобы и въ этомъ ты не хвалился какъ изобрѣтатель новаго злодѣянія), Тертуллианъ, мужъ ученѣйшій, пишетъ замѣчательную книгу, которой даетъ весьма правильное названіе *Scorpiacum*, потому что чрезъ большую рану изливаетъ ядъ свой въ тѣло церкви эта ересь, которая въ древности называлась кайнитскою ересью, и давно умершая и даже погребенная, теперь воскрешена Дормитанціемъ. Удивляюсь, какъ ты не говоришь, что вовсе не слѣдуетъ искать мученичества, ибо Богъ, который не требуетъ крови возловъ и тельцовъ, тѣмъ болѣе не требуетъ крови людей. Сказалъ ли ты это, или даже если и не сказалъ, тебя можно считать сказавшимъ это. Ибо доказывая, что должно презирать мощи мучениковъ, ты запрещаешь проливать кровь, которая недостойна никакого почитанія.

О бдѣніяхъ и всенощныхъ, часто совершаемыхъ въ базиликахъ мучениковъ, я кратко говорилъ въ другомъ письмѣ, писанномъ два года назадъ святому Рипарію пресвитеру. А если ты думаешь, что потому не слѣдуетъ допускать ихъ, чтобы не казаться часто совершающими пасху: то поѣтому и въ день воскресный не должны быть приносимы жертвы Христу, чтобы не совершать часто пасхи воскресенія Господня и не имѣть не одну, а много пасхъ. А злоупотребленіе юношей и низкихъ женщинъ, часто замѣчаемая ночью, не должны вмѣняться благочестивымъ людямъ, потому что

и на бдѣніяхъ пасхальныхъ нѣчто подобное часто замѣчается, и однако вина немногихъ не служить къ униженію благочестиваго дѣла,—немногихъ, которые и безъ бдѣній могутъ грѣшить въ своихъ или въ чужихъ домахъ. Вѣры апостоловъ не разрушило предательство Іуды. Поэтому и нашихъ бдѣній не разрушатъ дурныя бдѣнія другихъ; даже болѣе—вынуждаются совершать бдѣнія для цѣломудрія тѣ, кои спятъ для похоти. Ибо что хорошо, если дѣлается однажды, то не можетъ быть худо, если дѣлается чаще, или если какого либо преступленія слѣдуетъ избѣгать, то не потому оно преступно, что дѣлается часто, но потому, что дѣлается хотя бы когда нибудь. Итакъ не будемъ совершать бдѣній во дни пасхи, чтобы не выполнялись долго неудовлетворяемые похоти блудниковъ, чтобы жена не находила случая ко грѣху, не могла быть незапертою на ключъ мужа.

Не могу прослѣдить всего, что содержитъ въ себѣ посланіе святыхъ пресвитеровъ; только нѣчто представлю изъ его книжечекъ. Приводитъ онъ доказательства противъ знаменій и чудесъ, совершающихся въ базиликахъ мучениковъ и говорить, что они полезны для невѣрующихъ, а не для увѣровавшихъ,—какъ будто теперь вопросъ о томъ, для кого они совершаются, а не о томъ, какою силою совершаются. Пусть знаменія совершаются для невѣрныхъ, съ тѣмъ, чтобы, они хотѣвшіе вѣровать слову и ученію, были приведены къ вѣрѣ знаменіями, и Господь творилъ знаменія для невѣрующихъ; но изъ того, что они были невѣрующіе, не слѣдуетъ унижать знаменій, напротивъ они должны быть достойны большаго удивленія, такъ какъ были столь сильны, что поражали и возбуждали къ вѣрѣ умы. Итакъ я не хочу, чтобы ты говорилъ мнѣ, что знаменія служатъ для невѣрующихъ, но отвѣчай мнѣ на то, какимъ образомъ въ ничтожиѣшемъ прахѣ и пеплѣ, невѣдомо какомъ, оказывается такое присутствіе знаменій и силъ. Знаю, знаю, несчастнѣй-

шій изъ смертныхъ, о чемъ ты безпокоишься, чего боишься. Тотъ духъ нечистый, который побуждаетъ тебя писать это, часто былъ мучимъ этимъ ничтожнѣйшимъ прахомъ, даже и въ настоящее время испытываетъ мученія, а тотъ, который въ тебѣ повидимому терпитъ пораженіе, въ другихъ исповѣдуются. Быть можетъ впрочемъ ты, по обычаю язычниковъ и нечестивцевъ, Порфирія и Евномія, выдумываешь, что это чары демоновъ и что демоны не дѣйствительно вопятъ, а только притворно показываютъ свои мученія. Даю совѣтъ,—ходи ты въ базилики мучениковъ и когда нибудь очистишься: тамъ найдешь многихъ сообщниковъ своихъ, и будешь сожженъ не свѣчами мучениковъ, которыя тебѣ не нравятся, а невидимымъ пламенемъ, и тогда признаешь то, что теперь отрицаешь, и ты говорящій въ Вигиланціи, открыто провозгласишь свое имя, что ты или Меркурій по жадности и деньгамъ, или, по Акфитріону Плавта, Ноктурнъ, во время сна котораго Юпитеръ двѣ ночи провелъ въ прелюбодѣйствѣ съ Алкменою, чтобы родился великой силы Геркулесъ или навѣрно отецъ Бахусъ по пьянству и висящей съ плечъ чашѣ, съ всегда краснымъ лицомъ, пѣною на губахъ и необузданными ругательствами.

Потому, когда и въ этой провинціи внезапное землетрясеніе среди ночи всѣхъ пробудило отъ сна, ты благодарумнѣйшій и мудрѣйшій изъ смертныхъ, молился нагой и представлялъ намъ Адама и Еву изъ рая: только они, когда раскрылись у нихъ глаза, устыдились, увиди себя нагими и студныя члены покрыли древесными листьями, а ты, нагой и одеждою и вѣрою, пораженный внезапнымъ ужасомъ, и имѣя нѣчто отъ ночнаго ошьяненія, выставлялъ очамъ святыхъ студную часть тѣла и показывалъ свой умъ. Таковыхъ-то противниковъ имѣеть церковь; таковые-то воители ратуютъ противъ крови мучениковъ, таковые-то ораторы

гремятъ противъ апостоловъ, или лучше такія-то бѣшенныя собаки лаютъ противъ учениковъ Христовыхъ.

Сознаюсь въ своемъ страхѣ, чтобы онъ какъ нибудь не происходилъ отъ суетвѣрія. Когда я буду разсерженъ или подумаю что-нибудь злое въ умѣ своемъ и оболъстить меня ночное видѣнiе, тогда я не осмѣливаюсь войти въ базилики: такъ я весь трепещу и тѣломъ и духомъ. Ты можетъ быть смѣешься и подшучиваешь надъ этимъ, какъ бреднями женщинъ. Не стыжусь за вѣру подобную вѣрѣ тѣхъ, которыя первыя увидѣли воскресшаго Господа, которыя посылаются къ апостоламъ, которыя въ матери Господа Спасителя поручаются святымъ апостоламъ. Ты изрыгай блевотину вмѣстѣ съ людьми міра, а я буду поститься съ женщинами, или лучше съ благочестивыми мужчинами, которые цѣломудріе предпочитаютъ лицу и, имѣя блѣдныя отъ воздержанія уста, показываютъ Христово цѣломудріе.

Ты, мнѣ кажется, скорбишь и о томъ, какъ бы, въ случаѣ усиленія у Галловъ воздержности, трезвости и поста, твои трактиры не лишились доходовъ и какъ бы тебѣ не потерять возможности цѣлую ночь отправлять бдѣнія діаволу и пьяныя пирушки. Кромѣ того тѣмъ же письмомъ донесено мнѣ, что вопреки ученію апостола Павла, даже Петра, Іоанна и Іакова, которые дали Павлу правыя руки общенія и повелѣли имъ, чтобы они помнили о бдѣнныхъ,—ты запрещаешь посылать въ Іерусалимъ въ пользу святыхъ нѣкоторыя пособія на ихъ нужды. Конечно, если я буду отвѣчать на это, то ты тотчасъ залаешь, что я защищаю свое собственное дѣло, такъ какъ ты съ такою щедростію наградила всѣхъ, что, еслибы ты не прибылъ въ Іерусалимъ и не роздалъ денегъ своихъ или своихъ патроновъ, то мы всѣ погибли бы съ голода. Я говорю то, что говоритъ апостоль Павелъ почти во всѣхъ своихъ посланіяхъ и внушаетъ церквамъ изъ язычниковъ, что во едину отъ субботъ, то

есть въ день воскресный, всѣ должны приносить (пожертвованія), которыя бы препровождались въ Іерусалимъ на нужды святыхъ или чрезъ его учениковъ или чрезъ тѣхъ, кого сами назначать и, если удобно будетъ, или самъ отправить или доставить, что собрано. И въ Дѣянїяхъ апостольскихъ говоритъ Феликсу правителю: *по лѣтъхъ же многихъ приидохъ (во Іерусалимъ) сотворити милостыни со языкъ мой и приношенія, съ нихъ же обрѣтоша мя очищенна въ церкви* (Дѣян. 24, 17). Неужели въ другой части земли и въ церквахъ, которыя, только что рождающіяся, наставлялъ своею вѣрою, онъ не могъ раздѣлить того, что получилъ отъ другихъ? Но онъ желалъ дать бѣднымъ святыхъ мѣсть, бѣднымъ, которые, оставивъ свои имѣнія ради Христа, всѣмъ помышленіемъ обратились къ служенію Христу. Длинно было бы, если бы я захотѣлъ теперь изъ всѣхъ посланій его раскрывать всѣ свидѣтельства, въ которыхъ ведетъ рѣчь и всѣмъ умомъ побуждаетъ къ тому, чтобы пособія посылались вѣрующимъ въ Іерусалимъ и ко святымъ мѣстамъ, не на корыстолюбіе, а на вспомошествованіе, не для собиранія богатства, а для поддержанія слабости тѣла и для избѣжанія холода и голода. Въ Іудеѣ даже до сегодня сохраняется то обыкновеніе, не только у насъ, но и у евреевъ, что поучающіеся въ законѣ Господнемъ день и ночь и не имѣющіе на землѣ отца кромѣ Бога, пользуются приношеніями синагогъ и всего міра; то есть по равномѣрности, не такъ, чтобы однимъ облегченіе, а другимъ тягость, но чтобы избытокъ однихъ восполнялъ недостаточность другихъ (1 Кор. 8, 13. 14).

Ты отвѣтишь, что каждый можетъ дѣлать это въ отечествѣ своемъ, и что не будетъ недостатка въ бѣдныхъ, которые могли бы поддерживаться пособіями церкви. И мы не отрицаемъ, что пособія должно подавать всѣмъ бѣднымъ, даже іудеямъ и самарянамъ, если будетъ такая щедрость. Но апо-

столя учить, что хотя всѣмъ должно творить милостыню, но въ особенности приснымъ въ вѣрѣ (Гал. гл. 6), о которыхъ и Спаситель въ Евангеліи говорилъ: *сотворите себѣ други отъ маломы неправды, да приимутъ вы въ вѣчныя крѣпы* (Лук. 16, 9). Неужели тѣ нищіе, подъ рубищами и грязью тѣла которыхъ господствуетъ необузданная похоть, могутъ имѣть вѣчныя обители, — тѣ бѣдные, которые не имѣютъ ни настоящихъ, ни будущихъ обителей? Ибо называются блаженными не просто нищіе, но нищіе духомъ, о которыхъ написано: *блаженъ разумваяй на нища и убога, въ день мотъ избавитъ его Господь* (Пс. 40, 1). Для вспомошествованія нищимъ толпы нуженъ не разумъ, а милостыня. Въ святыхъ нищихъ есть блаженство разума: нужно давать тому, который стыдится принимать, и когда возьметъ, скорбять, пожинаетъ тѣлесное, а сѣетъ духовное. А что онъ доказываетъ, будто лучше дѣлаютъ тѣ, кои пользуются своимъ имѣніемъ и понемногу раздаютъ бѣднымъ плоды своихъ стяжаній, чѣмъ тѣ, кои, продавъ свое имѣніе, заразъ жертвуютъ все, то на это будетъ отвѣтъ ему не отъ меня, а отъ Господа: *ище хоцеша совершенъ быти, иди, продай все, что имѣешь и даждь нищимъ и гряди въ слѣдъ мене*. Говорить Онъ тому, кто хочетъ быть совершеннымъ и кто съ апостолами оставляетъ отца, корабль и сѣти. Та ступень, которую ты хвалишь, есть вторая или третья; ее принимаемъ и мы, зная однакоже, что первое должно предпочитать второму и третьему.

И монаховъ ты не долженъ застрачивать въ ихъ подвигъ своимъ ехиднымъ языкомъ и свирѣпыми нападеніями, — монаховъ, о которыхъ ты разглагольствуешь и говоришь: если всѣ заключать себя и будутъ въ пустынь, то кто будетъ служить въ церквахъ, кто будетъ приобрѣтать для Бога людей міра, кто будетъ обращать грѣшниковъ въ добродѣтели? Ибо, по такому разсужденію, если всѣ вмѣстѣ

съ тобою будутъ глупы, то кто будетъ уменъ? И дѣвста нельзя будетъ одобрять. Ибо если все будутъ дѣвственниками, то не будетъ брака, погибнетъ родъ человѣческій, дѣти не будутъ плакать въ колыбеляхъ, повивальныя бабки безъ заработковъ будутъ ниществовать, и въ сильнѣйшемъ ознобѣ одинокій и скорченный будетъ бодрствовать на постели своей Дормитанцій: добродѣтель рѣдка и не многими взыскуется. И о еслибы все были такими, каковы немногіе, о которыхъ говорится: *мнози суть звани, мало же избранныхъ* (Мат. 20, 16; 22 14): тогда пусть были бы темницы. А обязанность монаха не учить, а плакать; онъ оплакиваетъ или себя или міръ и со страхомъ ожидаетъ пришествія Господня, зная слабость свою и бранный сосудъ, который носить, онъ боится преткнуться, чтобы не ударить и не сокрушить его и чтобы онъ не разбился. Поэтому онъ и избѣгаетъ взгляда женщинъ особенно молодыхъ и настолько заботится о чистотѣ, что боится и того, что безопасно.

Зачѣмъ, слажешь ты, идешь въ пустыню? Да затѣмъ, чтобы не слышать, не видѣть тебя, затѣмъ, чтобы не возбуждаться твоимъ неистовствомъ, чтобы не терпѣть твоихъ нападений, чтобы не плѣнилъ меня глазъ блудницы, чтобы прекрасная наружность не влекла къ преступнымъ объятіямъ. Отвѣтишь: это значитъ не воинствовать, а бѣжать. Стой въ строю, сопротивляйся во всеоружіи врагамъ, чтобы послѣ побѣды получить вѣнецъ. Я сознаюсь съ своей слабости. Не хочу ратовать въ надеждѣ побѣды, чтобы не потерять когда-нибудь побѣды. Если убѣгу, то избѣгу меча; если буду стоять, то мнѣ нужно или побѣдить или пасть. А какая необходимость оставлять вѣрное и гнаться за невѣрнымъ? Нужно избѣгать смерти щитомъ ли, или ногами. Ты, ратующій, можешь и быть побѣжденнымъ и побѣдить. Я, когда убѣгу, не побѣждаю чрезъ то, что убѣгаю; но я затѣмъ убѣгаю, чтобы не быть побѣжденнымъ. Нисколько не

безопасно спать подлѣ змѣи. Можетъ случиться, что она меня не укуситъ, но можетъ случиться, что когда-нибудь меня и укуситъ. Называемъ матерями, сестрами и дочерьми, и не стыдимся святія имена омрачать своими пороками. Что дѣлаеть монахъ въ женскихъ келліяхъ? Что значать уединенныи и частыи бесѣды и глаза, избѣгающіе посредниковъ? Святая любовь не имѣеть нетерпимости. Что сказали о похоти, то можемъ отнести и къ корыстолюбію и ко всѣмъ порокамъ, которые отчуждаются пустынею. Поэтому-то мы и уклоняемся отъ городского многлюдства, чтобы не имѣть побужденій дѣлать то, что побуждаетъ дѣлать не столько природа, сколько свободная воля.

Вотъ что, какъ я сказалъ, по просьбѣ святыхъ пресвитеровъ, я продиктовалъ за одинъ ночной пріемъ, такъ какъ братъ Сисиній очень спѣшилъ и торопился отправиться въ Египеть для вспомошествованія святымъ: въ противномъ случаѣ предметъ разсужденія, вызвавшій болѣе негодованіе, чѣмъ обиліе доказательствъ, былъ бы явно униженъ. А если Дормитанцій опять будетъ бодрствовать въ ругательствахъ на меня и тѣми же богохульными устами, какими онъ хулилъ апостоловъ и мучениковъ, вздумаетъ ругать и меня, то для него я пободрствую не на короткое только разсужденіе, но на цѣлую ночь—для него и сообщниковъ его, или лучше учениковъ и учителей, которые, если не видятъ вздутые животы женъ, мужей ихъ считаютъ недостойными служенія Христу.

Книга противъ Іоанна Іерусалимскаго. къ Паммахію ¹⁾.

Если, по апостолу Павлу, мы не можемъ молиться о томъ, что чувствуемъ, и слово не выражаетъ мысли соб-

¹⁾ О поводахъ къ написанію этой книги см. „Жизнь и творенія блажен. Іеронима“. Труды Киев. Дух. Акад. 1863 г. стр. СХХV и слѣд.

ственнаго ума; то не тѣмъ ли болѣе трудно судить объ умѣ другаго и слѣдить и уяснить основаніе словъ и выраженій? Природа человѣческая склонна къ снисхожденію и въ чужомъ грѣхѣ каждый снисходитъ къ своему (грѣху). И такъ если упрекнешь въ погрѣшностяхъ языка, то онъ назоветъ это простотою, если будешь обличать въ хитрости, будетъ признаваться въ неискusstвѣ, чтобы избѣгнуть подозрѣнія въ злонамѣренности. И такимъ образомъ ты, обличающій, окажешься клеветникомъ, а онъ, обличаемый, будетъ признанъ не еретикомъ, а невѣждою. Ты знаешь, Паммахій, знаешь, что я приступилъ къ этому труду не изъ-за вражды, не изъ-за желанія славы, а вызванъ твоимъ письмомъ по ревности къ вѣрѣ, что я хочу, если возможно, чтобы все тоже самое мудрствовали, и что меня нельзя упрекнуть въ нетерпѣливости и раздражительности, если я говорю спустя три года. Наконецъ я рѣшился бы оставаться въ прежнемъ молчаніи, если бы ты не сказалъ, что Апологію, о которой я теперь вознамѣрился писать, возмущены умы многихъ и мнѣніе колеблется на ту и на другую сторону.

Итакъ да удалится Повакъ, не подающій руки согрѣшающимъ, да будетъ пораженъ Монтанъ съ безумными женщинами, низвергающій въ пропасть падшихъ, чтобы они не возставали. Всякій день согрѣшаемъ все, и въ чемъ-нибудь надаемъ. Такъ, снисходительные къ себѣ, мы не сдерживаемъ жестокости къ другимъ: даже болѣе, просимъ, добиваемся, умоляемъ, чтобы другой или искренно извинялъ наши проступки или открыто защищалъ чужіе. Не хочу я двусмысленности въ словахъ, не хочу, чтобы мнѣ говорили то, что можетъ быть понято и иначе. Съ откровеннымъ лицомъ будемъ созерцать слову Божию (2 Кор. 3, 18). Когда-то и Израильскій народъ храмалъ на обѣ ноги. Но *Илія*, что значить: *силный Господа*, сказалъ: *доколѣ вы храмлете на обѣ плесни ваши; аще есть Господь Богъ, идите*

вслѣдъ его: аще же Ваалъ есть, то идите за нимъ (3 Цар. 18, 20). И самъ Господь объ іудеяхъ: *сынове чуждѣи обещаша ми, сынове чуждѣи обетшаша, и охраниша отъ стезь своихъ* (Пс. 17, 45. 46). Конечно, если на него не можетъ падать никакого подозрѣнія въ ереси (чего желаю и чему вѣрю), то зачѣмъ не моими словами передаетъ онъ мысль мою? Что онъ называетъ простотою, то я толкую злонамѣренностію. Онъ хочетъ убѣдить меня, что онъ чисто вѣруетъ; пусть же и говоритъ чисто. И если бы было двусмысленно одно слово, или одна мысль, если бы двѣ, если бы три,—я простилъ бы невѣдѣнію и не трактовалъ бы какъ вѣрное и несомнѣнное то, что или темно или сомнительно. А теперь какая это простота какъ бы ходить по театральному, въ всячемъ положеніи по яйцамъ и игламъ,—когда всюду сомнительное, всюду подозрительное? Думаешь, онъ пишетъ не изложеніе вѣры, а фигуральное возраженіе. Чего онъ теперь доискивается, это мы давно учили въ школахъ. Онъ сражается противъ насъ нашимъ оружіемъ. Даже если онъ и хорошо вѣруетъ и осмотрительно и осторожно говоритъ, то меня наводитъ на подозрѣніе излишняя осторожность. *Иже ходитъ просто, ходитъ надѣясь* (Притч. 10, 9). Глупо напрасно терпѣть безчестіе. На него возводится вина, которой онъ не сознаетъ за собою. Пусть же онъ твердо отвергнетъ обвиненіе, которое все держится на словѣ, и не стѣняясь уличить врага своего (св. Елифанія). Пусть онъ защищается съ такою же смѣлостію, съ какою тотъ обвиняетъ его. И когда выскажетъ все, что захочетъ, что предположить, что свободно отъ подозрѣній, тогда, если клевета продолжается, властною рукою пусть привлечетъ къ суду. Я не хочу, чтобы кто бы то нибыло терпѣливо сносилъ подозрѣніе въ ереси, дабы незнающіе его невинности, если онъ будетъ молчать, скромность его не сочли за сознаніе,

хотя излишне требовать личнаго присутвія и насиловать молчаніе того, чьи письма имѣешь у себя.

Знаемъ всё, что онъ писалъ тебѣ, въ чемъ тебя обличалъ, въ чемъ (какъ ты желаешь) клеветалъ на тебя. Отвѣчай на все, прослѣди все его посланіе, не опуская ни одного пункта, ни іоты клеветы. Ибо если поведешь дѣло небрежно и (какъ я вѣрю твоей клятвѣ) случайно опустишь что нибудь, онъ тотчасъ закричитъ и скажетъ: здѣсь, здѣсь ты въ моихъ рукахъ, здѣсь сущность всегда дѣла. Не одинаково слушаютъ враги и друзья. Врагъ ищетъ узла и въ тростникѣ, другъ и кривое считаетъ прямымъ. Свѣтская литература, которую ты совершенно пренебрегъ, занятый священными книгами, говоритъ, что сужденія любовниковъ слѣпы. Никогда не хвались сужденіемъ друзей. Истинно то свидѣтельство, которое произносится враждебнымъ голосомъ. Иначе, если скажетъ за тебя другъ, то его сочтутъ не свидѣтелемъ или судьей, а пристрастнымъ къ тебѣ. Такъ или подобнымъ образомъ скажутъ враги твои, которые тебѣ пожалуй и не повѣрятъ и захотятъ посмѣяться надъ тобою. Впрочемъ я, котораго ты никогда намѣренно не оскорбилъ, ими котораго ты всегда вынужденно пускалъ на вѣтеръ въ своихъ посланіяхъ, я даю совѣтъ или открыто исповѣдать вѣру церкви или сказать, какъ ты вѣруешь. Ибо то мудрое различіе и взвѣшиваніе словъ можетъ ввести въ заблужденіе неучепыхъ. Осторожный слушатель и читатель скоро замѣтитъ ковы, и ясно обнаружитъ подкопы, которыми подрывается истина. И аріане, которыхъ ты очень хорошо знаешь, изъ-за скандализирующаго имени долгое время притворялись, что они осуждаютъ *ὁμοούσιον* и ядъ заблужденія подмазывали медомъ словъ. Но наконецъ извивающійся змѣй обнаружилъ себя и вредоносная глава, прикрывавшаяся кольцами тѣла, поражена мечемъ духовнымъ. Церковь, какъ ты знаешь, принимаетъ кающихся, и подавляемая многочислен-

ностію согрѣшающихъ, заботясь о заблудшихъ паствахъ, прощаетъ раны пастырей. Гь старой и въ новой ереси теперь соблюдается тотъ же обычай, что иное слышитъ народъ, иное проповѣдуютъ пастыри.

И во-первыхъ, прежде чѣмъ въ этой книгѣ излагать съ толкованіями письмо твое, которое ты писалъ къ епископу Теофилу, мнѣ нужно посудиться съ тобою. Что это за гордость такая—не отвѣчать о вѣрѣ вопрошающимъ, такое множество братій и лики монаховъ, не сообщающихся съ тобою въ Палестинѣ, считать какъ бы открытыми врагами? Сынъ Божій за одну заблудную овцу, оставивъ въ горахъ девяносто девять, претерпѣлъ заушенія, крестъ, бичеванія, и, снисходя слабой грѣшницѣ, взялъ ее на рамена свои и принесъ на небо. А ты, блаженнѣйшій папа и гордый предстоятель, то единственно богатый, единственно мудрый, единственно благородный и образованный, — какъ ты съ нахмуреннымъ челомъ и косыми глазами презираешь своихъ сослужителей и искупленныхъ кровію Господа? То ли это, чему ты научился отъ апостола заповѣдующаго: *готови трисно къ отвѣту всякому вопрошающему съ словесе о вашемъ упосаніи* (1 Петр. 3, 15)? Выдумывай, будто мы ищемъ повода и подъ предлогомъ вѣры сѣемъ раздоры, производимъ расколъ, возбуждаемъ распри. Отними поводъ у ищущихъ поводъ, чтобы, удовлетворивъ касательно вѣры и развязавъ всѣ узлы, какіе сплетаются противъ тебя, всѣмъ ясно показать, что споръ не о догматахъ, а о посвященіи. Развѣ, быть можетъ, ты съ благоразумною цѣлью молчишь на вопросы о вѣрѣ—для того, чтобы не показаться еретикомъ, отвѣтивъ на вопросы. Люди не должны отрекаться отъ всѣхъ проступковъ, въ коихъ обвиняютъ ихъ, чтобы послѣ отреченія не оказаться виновными. Также презираешь и мірянъ, діаконівъ и пресвитеровъ, потому что можешь (какъ хвалишься и гордишься) въ одинъ часъ сдѣлать тысячу

клириковъ. У тебя есть папа Елифаній, который тебя явно въ посланномъ тебѣ письмѣ называетъ еретикомъ. Конечно ты не больше его ни по лѣтамъ, ни по уму, ни по заслугамъ жизни, ни по общему уваженію. Если спрашиваешь о лѣтахъ, то ты юноша пишешь къ старцу; если объ умѣ, то — не такъ образованный къ ученому, хотя твои друзья доказываютъ, что ты краснорѣчивѣ Демосѳена, остроумнѣ Хризиппа, мудрѣ Платона, и тебя самого быть можетъ убѣдили въ этомъ. А о жизни и вѣрѣ ничего больше не скажу, чтобы не показалось, что я оскорбляю тебя. Въ то время, когда всѣмъ востокомъ (исключая папы Аѳанасія и Павлина), владѣла ересь аріанъ и евноміанъ, когда ты не сообщался съ западными, изгнанными въ ссылку между востокомъ и западомъ, исповѣдниками, его, еще пресвитера монастыря, и Евтихій выслушивалъ и въ послѣдствіи, когда онъ былъ епископомъ Кипрскимъ, не беспокоилъ и Валентъ. Ибо онъ всегда пользовался такимъ уваженіемъ, что царившіе еретики считали для себя безчестіемъ, если бы они етали преслѣдовать такого мужа. Итакъ пиши къ нему. Отвѣчай на его посланіе; пусть и другіе знаютъ твои стремленія, краснорѣчіе, умъ, чтобы не казаться себѣ самому единственно умнымъ. Зачѣмъ, вызванный однимъ, ты обращаешь оружіе въ другую сторону? Тебя спрашивали въ Палестинѣ, а ты отвѣчаешь Египту. Когда другіе болятъ глазами, ты мажешь глаза не болящимъ. Если ты другому говоришь съ цѣлію угодить намъ, то это довольно гордо, если говоришь иное, а не то, чего мы требуемъ, то это довольно излишне.

Но ты говоришь: мое посланіе одобрилъ александрійскій епископъ. Что одобрилъ? Хорошо сказанное противъ Арія, противъ Фотина, противъ Манихея. Ибо кто тебя въ то время обличалъ въ аріанствѣ? кто тебя теперь обвиняетъ въ заблужденіи Фотина и Манихея? Все это давно обличено и опровергнуто. Ты не былъ такъ глупъ, чтобы защищать

ересь, о которой зналъ, что она не одобряется церковію. Ты зналъ, что если ты это сдѣлаешь, то тотчасъ тебя сдвинуть съ мѣста, и тебѣ жаль было бы удобствъ своего престола. Ты такъ смягчилъ свое мнѣніе, чтобы и простецамъ не быть неугодно и своихъ не оскорбить. Хорошо написалъ ты, но—ничего относящагося къ дѣлу. Откуда зналъ первосвященникъ александрійской церкви, въ чемъ тебя обвиняли, въ чемъ требовали отъ тебя исповѣданія вѣры? Ты долженъ былъ изложить заявленное тебѣ и такимъ образомъ отвѣчать на все порознь. Старинная исторія рассказываетъ: когда нѣкто краснорѣчиво говорилъ и уносился въ потокъ высокопарныхъ фразъ, а дѣла совсѣмъ не касался, то умный слушатель и судья сказалъ: «хорошо, хорошо, но къ чему это столь хорошее»? Неопытные врачи для всѣхъ глазныхъ болѣзней употребляютъ одну примочку. Кто обвиняется во многомъ и, оправдываясь въ обвиненіяхъ, что нибудь опускаетъ, тотъ сознается въ томъ, о чемъ умалчиваетъ. Почему ты не отвѣчалъ на посланіе Епифанія и самъ предложилъ пункты для разрѣшенія? Конечно ты отвѣтилъ въ томъ убѣжденіи, что никто самъ себя сильно не бьетъ. Выбирай изъ двухъ, что хочешь. Тебѣ данъ будетъ выборъ: ты или отвѣтилъ на посланіе Епифанія, или нѣтъ. Если отвѣтилъ, то почему опустилъ самое важное и большую часть изъ того, что противъ тебя говорено было? Если не отвѣтилъ, то гдѣ та Апологія твоя, въ которой ты хвалишься предъ простецами и какъ будто они не знаютъ дѣла, распространишь ее тамъ и здѣсь?

Противъ тебя (какъ сейчасъ покажу) выставлено восемь главъ вопросовъ относительно чаянія вѣры христіанской. Трехъ только ты касаешься, и тѣмъ заканчиваешь. Относительно прочихъ—великое молчаніе. Если бы ты безусловно отвѣтилъ на семь, то я всетаки прицѣнился бы къ тебѣ по одному обвиненію и держался бы за то, о чемъ ты умол-

чалъ. А теперь ты какъ бы волка поймалъ за уши: и удержать не можешь, и выпустить боишься. Даже объ этихъ трехъ обвиненіяхъ говоришь мимоходомъ и кратко, какъ будто съ пренебреженіемъ и безпечностію, какъ бы дѣлая чтонибудь другое и говоришь только о томъ, въ чемъ или нѣтъ никакого, или есть небольшое недоумѣніе. И такимъ образомъ ты выступаешь прикрываясь и прячась, такъ что больше сознаешься молчаніемъ, чѣмъ оправдываешься изложеніемъ мыслей. Кто сейчасъ же не можетъ тебѣ сказать: *еще свѣтъ, уже въ тебѣ тма есть, то тма колыми* (Матѳ. 6, 23)? Если три возраженія, о которыхъ оказалось для тебя возможнымъ сказать что-нибудь, не свободны отъ подозрѣнія и обвиненія, и обличаются какъ написанныя лживо и изворотливо: то что сказать о пяти прочихъ, относительно которыхъ, такъ какъ въ нихъ не давалось никакого повода къ двусмысленнымъ рѣчамъ, и ты не могъ обмануть слушателей—ты предпочелъ совершенно умолчать, чѣмъ прямо, какъ справедливо было, сознаваться?

И во первыхъ о книгѣ *περὶ ἀρχῶν*, гдѣ говоритъ: ибо какъ несообразно говорить, что Сынъ можетъ видѣть Отца, такъ несообразно думать, что Духъ Святой можетъ видѣть Сына. Во вторыхъ, что души заключены въ этомъ тѣлѣ какъ бы въ темницѣ, и прежде чѣмъ человѣкъ былъ въ раю, онѣ пребывали съ разумными тварями на небесахъ. Отсюда, въ послѣдствіи, въ утѣшеніе свое душа говоритъ въ псалмахъ: *прежде даже не смирились, азъ презрѣвшихъ* (118, 67) и: *обратися душе моя въ покой твоей* (114, 7) и еще: *изведи изъ темницы душу мою* (141, 8), и прочее подобное этому. Въ третьихъ, что говоритъ, что и диаволъ и демоны нѣкогда принесутъ покаяніе и въ послѣднее время будутъ царствовать со святыми. Въ четвертыхъ, что ризы кожаныя по его толкованію суть тѣла человѣческія, которыми Адамъ и Ева облечены были по грѣхопаденіи и изгнаніи

изъ рая, и нѣтъ сомнѣнія, что прежде въ раю они были безъ плоти, жилъ и костей. Въ пятыхъ, весьма ясно отрицаетъ воскресеніе плоти съ воссоединеніемъ членовъ и съ поломъ, которымъ мы мужчины отличаемся отъ женщинъ,—отрицаетъ какъ въ объясненіи перваго псалма, такъ и во многихъ другихъ трактатахъ. Въ шестыхъ, что рай такъ аллегоризируетъ, что уничтожаетъ историческую истину, вмѣсто деревьевъ разумъя ангеловъ, вмѣсто рѣкъ небесныя добродѣтели, и тропологическимъ объясненіемъ уничтожаетъ все содержаніе рая. Въ седьмыхъ, что воды, о которыхъ въ Писаніи говорится какъ о превыше-небесныхъ, онъ считаетъ святыми и высшими силами, а воды, которыя надъ землею и подъ землею,—противными и демонскими. Въ восьмыхъ, что въ заключеніе выставляетъ противъ него,—то, что говоритъ, будто образъ и подобіе Божіе, по которому созданъ былъ человѣкъ, потерявъ имъ и послѣ рая не существовалъ въ человѣкѣ.

Вотъ стрѣлы, которыми тебя пронзають, вотъ копья, которыми уязвляють тебя во всей церкви, исключая того, который, припавъ къ ногамъ твоимъ, представляя тебѣ святую сѣдну и отложивъ на время преимущество священства, умоляетъ тебя о твоёмъ спасеніи и говоритъ тебѣ такими словами: «Возлюбленійшій! дай мнѣ и себѣ радость твоего спасенія, какъ написано, отъ рода развращеннаго и отступившаго отъ ереси Оригена и всѣхъ ересей». И ниже: «Изъ за защиты ереси возбуждая противъ меня ненависть, вы разрываете любовь, которую я имѣлъ къ вамъ, настолько, что заставили насъ раскаяваться, зачѣмъ мы имѣли общіе съ вами, которые такъ защищете заблужденія и мнѣнія Оригена». Скажи мнѣ, изрядный совопросникъ, на какія изъ восьми главъ ты отвѣтилъ? Пока умалчиваю о прочихъ. Первое оное богохульство, что ни Сынъ Отца, ни Сына Духъ Святой не можетъ видѣть—какими ты поразилъ стрѣлами? «Вѣруемъ, говоритъ,

что Святая и покланяемая Троица есть одного и тогоже существа и совѣчна, одной и той же славы и божества, анаѳематствуя тѣхъ, кои говорятъ о чемъ нибудь великомъ или маломъ, или неравномъ, или видимомъ въ божествѣ Троицы. Но какъ Отца называемъ безтѣлеснымъ, невидимымъ и вѣчнымъ, такъ безтѣлеснымъ, невидимымъ и вѣчнымъ называемъ Сына и Духа Святаго». Если бы ты этого не говорилъ, то не держался бы церкви; и однако я не жалуюсь, если ты не сказалъ этого прежде, не буду рассказывать, любилъ ли ты тѣхъ, кои проповѣдывали это, съ кѣмъ ты былъ, когда говорящіе это терпѣли ссылку, кто, въ то время когда пресвитеръ Θεона проповѣдывалъ въ церкви, что Духъ Святой есть Богъ, зажалъ уши и съ своими сообщниками бѣжалъ вонъ изъ церкви, чтобы только не слышать этой очистительной жертвы. Не медля, говорить, хочу быть вѣрнымъ, хотя поздно обратившись. Презрѣнный Претекстатъ, который, бывъ назначенъ консуломъ, умеръ, человекъ богохульный и почитатель идоловъ, имѣлъ обыкновеніе въ шутку говорить папѣ Дамасу: сдѣлайте меня епископомъ города Рима, и я сейчасъ сдѣлаюсь христіаниномъ. Зачѣмъ длиною рѣчью и изворотливыми періодами доказываешь мнѣ, что ты не аріанинъ? Или скажи, что тотъ, кто обличается, не говорилъ этого, или если сказалъ это, то осуди за то, что сказалъ. Хочешь знать, какова должна быть ревность право-вѣрующихъ? — послушай апостола: *и еще мы, или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ ноче, еже благовѣстимъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 8). Чтобы ослабить вину, и скрывая имя виновнаго, какъ будто все благополучно, и никто не обвиняется въ богохульствѣ, ты искусною рѣчью излагаешь мнѣ безукоризненную вѣру. Скажи тотчасъ же, пусть такъ и начинается посланіе твое, анаѳема тому, кто дерзнулъ сказать это. Чистая вѣра не терпитъ медлительности. Какъ только появится скорпіонъ, его тотчасъ же

должно растоптать. Давидъ, бывшій по сердцу Господа, говорить: *не ненавиждиша ли тя Господи возненавидѣхъ, и о вразѣхъ твоихъ истаяхъ; совершенною ненавистію возненавидѣхъ я.* (Пс. 137, 21). Если бы я услышалъ такіа слова отъ отца, если бы отъ матери, если бы отъ брата, то растерзалъ бы богохульные уста какъ у бѣшенной собаки и прежде всѣхъ была бы моя рука на нихъ. Тѣ, кои сказали отцу и матери: *не знаемъ васъ,* тѣ исполнили волю Господа. Кто любитъ отца или мать больше Христа, тотъ не достоинъ Его (Матѳ. 10, 37).

Противъ тебя говорятъ, что учитель твой, котораго ты называешь православнымъ, котораго всѣми силами защищаешь, сказалъ: «Сынъ не видитъ Отца, и Сынъ не видитъ Духъ Святой»: и ты мнѣ говоришь «невидимый Отецъ, невидимый Сынъ, невидимый Духъ Святой», какъ будто и ангелы и херувимы и серафимы по природѣ своей не невидимы для глазъ нашихъ. Вотъ Давидъ сомнѣваясь и въ томъ, видитъ ли онъ небеса, говоритъ: *узрю небеса дѣла перств твоихъ* (Псал. 8, 4), увижу, а не вижу. Увижу, когда откровеннымъ лицомъ буду созерцать славу Господа, а теперь отчасти видимъ и отчасти разумѣемъ (1 Кор. 13, 9). Спрашиваютъ, видитъ ли Сынъ Отца,—а ты говоришь: «Отецъ невидимъ». Разсуждаютъ, видитъ ли Сынъ Духъ Святой,—а ты отвѣчаешь: «Сынъ невидимъ». Вопросъ идетъ о томъ, Троица видитъ ли себя взаимно; уши человѣческія не могутъ выносить такого богохульства, а ты говоришь: «Троица невидима». Пускаешься въ другія пѣсни, разглагольствуешь о томъ, о чемъ никто не спрашиваетъ. Слушателя увлекаешь въ другую сторону, чтобы не говорить о томъ, о чемъ спрашиваютъ. Но это говорится излишне. Уступимъ тебѣ, что ты не аріанинъ, даже болѣе, — что ты никогда не былъ имъ. Соглашаемся, что въ изложеніи первой главы противъ тебя нѣтъ никакого подозрѣнія и что

ты говорилъ все чисто, все искренно; съ такою же искренностию и мы говоримъ съ тобою. Развѣ папа Епифаній обвинялъ тебя въ томъ, что ты былъ аріаниномъ? Развѣ онъ укорилъ тебя въ ереси Евномія ἀθεού (безбожнаго) или Арія? Черезъ все посланіе проходитъ жалоба на то, что ты слѣдуешь заблужденіямъ Оригеновскихъ мнѣній и имѣешь нѣкоторыхъ сообщниковъ этой ереси. Зачѣмъ, когда тебя спрашиваютъ объ одномъ, отвѣчаешь другое, и говоришь какъ будто съ дураками,—умалчивая объ обвиненіяхъ, содержащихся въ посланіи, рассказываешь, что ты говорилъ въ церкви въ присутствіи Епифанія? Отъ тебя требуютъ исповѣданія вѣры, а ты, вопреки желанію, предлагаешь свои краснорѣчивѣйшіе трактаты? Прошу тебя, читатель,—помятуя судъ Господень и зная, что ты будешь судимъ по твоему суду, не потворствуй ни мнѣ, ни моему противнику и смотри не на лица состязующихся, но на дѣло. Итакъ будемъ говорить, что начали.

Ты пишешь въ посланіи своемъ, что прежде чѣмъ Павлиніанъ сдѣлался пресвитеромъ, папа Епифаній никогда не сносился съ тобою относительно заблужденія Оригена. Первый сомнительный пунктъ, и я спорю о лицахъ. Онъ говоритъ, что онъ упрекалъ, ты отрицаешь; онъ представляетъ свидѣтелей, ты не хочешь слышать представленныхъ. Онъ упоминаетъ, что было и другое сношеніе; ты отрицаешь и то и другое; онъ посылаетъ тебѣ письмо чрезъ своего клирика, требуетъ отвѣта: ты молчишь, пикнуть не смѣешь, и вызываемый на судъ въ Палестинѣ, говоришь Александріи. Между имъ и тобою, которому хотѣлъ бы я вѣрить, не мое дѣло быть адвокатомъ. Думаю, что противъ такого и столь знаменитаго мужа и ты самъ не осмѣливаешься приписывать себѣ правоту, а ему ложь. Но можетъ быть каждый изъ васъ говоритъ самъ за себя. Тебя самаго вызову свидѣтелемъ противъ тебя. Ибо, если не было никакого

спора о догматахъ, если ты не возмущалъ спокойствія старца, если онъ тебѣ ничего не отвѣчалъ, то какая была надобность тебѣ, человѣку не слишкомъ краснорѣчивому, въ одномъ церковномъ трактатѣ разсуждать о всѣхъ догматахъ: о Троицѣ, о принятіи тѣла Господня, о крестѣ, объ адѣ, о природѣ ангеловъ, о состояніи душъ, о воскресеніи Спасителя и нашемъ—писать о томъ, что можетъ быть ты забывль, безстрашно говорить въ присутствіи всѣхъ и такого и столь великаго мужа, и все сѣять вмѣстѣ на одномъ полѣ, безъ промежутковъ? Гдѣ древніе учителя церкви, которые во многихъ книгахъ едва могли развивать по одному вопросу? Гдѣ сосудъ избранный, труба Евангелія, рыканіе льва нашего, рѣка краснорѣчія христіанскаго, который болѣе удивляется тайнѣ, прежде невѣдомой родамъ, и глубинѣ богатства премудрости и разума Божія, чѣмъ высказываетъ ее (Рим. 2, 33; Кол. 1, 26)? Гдѣ Исаія, указующій Дѣву, который, изнемогая въ одномъ вопросѣ, говоритъ: *родъ же Его кто исповѣсть* (Ис. 53, 8)? Въ наши времена нашелся невеликій человѣчекъ, который однимъ поворотомъ языка яснѣе солнца объясняетъ всѣ вопросы церкви. Если прежде никто не спрашивалъ и все было спокойно, то неразумно захотѣлъ ты подъять столько трудовъ препирательства. Если уже тогда говорилъ ты для удовлетворенія запросовъ касательно вѣры, то причина раздора не въ рукоположеніи пресвитера, который, какъ извѣстно, посвященъ гораздо позже. Ты обманулъ отсутствующихъ, и посланіе твое льститъ чужимъ ушамъ.

Мы были здѣсь, все знаемъ, когда противъ Оригена въ твоей церкви говорилъ папа Епифаній, когда подъ его именемъ бросались стрѣлы въ васъ. Ты и хоръ твой, гримасничая собачьею пастью и ноздрями, почесывая головы, минами говорили, что старикъ-де сумасбродствуетъ. Не приказалъ ли ты, пославъ архидіакона ко гробу Господню,—чтобы разсуждаю-

щій объ этомъ замолчалъ? Какой епископъ когда нибудь давалъ такое приказаніе своему пресвитеру предъ народомъ? Когда отъ мѣста воскресенія вы шли къ мѣсту креста и къ нему собралось множество народа всякаго возраста и пола, принося дѣтей, цѣлуя ноги, хватаясь за одежды его, и когда онъ не могъ итти, но въ одномъ мѣстѣ едва выдерживалъ волны налегающей на него толпы, ты, мучимый завистью, не кричалъ ли тогда на славнаго старца? Ты не постыдился въ глаза сказать ему, что онъ по собственному желанію и нарочито медлилъ. Припомни, пожалуста, тотъ день, когда собравшійся народъ до седьмого часа удерживала одна надежда слушать потомъ Елифанія:—что ты тогда проповѣдывалъ? Конечно съ гнѣвомъ и негодованіемъ говорилъ ты противъ антропоморфитовъ, которые въ невѣжественной простотѣ думаютъ, что Богъ имѣетъ члены, о которыхъ говорится въ божественныхъ книгахъ; но глаза и руки и все тѣло ты обращалъ къ старцу, желая бросить на него подозрѣніе въ глушѣйшей ереси. Послѣ того какъ утомленный, съ засохшими устами, откинувъ назадъ голову и съ дрожащими губами ты замолчалъ и наконецъ исполнилось желаніе всего народа, что сдѣлалъ тебѣ помѣшанный и глухой старикъ? Онъ всталъ, чтобы показать, что онъ будетъ говорить немного, и, сдѣлавъ церкви привѣтствіе словомъ и рукою ¹⁾, сказалъ: «Все, что сказалъ собранію братъ, по возрасту сынъ мой, противъ ереси антропоморфитовъ, сказалъ хорошо и православно, и все это осуждается и моимъ голосомъ. Но требуется, чтобы, какъ мы осуждаемъ эту ересь, такъ осуждали и превратныя мнѣнія Оригена». Думаю, что ты помнишь, какой послѣдовалъ общій смѣхъ, какія восклицанія. Объ этомъ-то ты въ посланіи своемъ говоришь, что онъ про-

¹⁾ Т. е. поднесши руку къ устамъ и потомъ простерши ее къ народу, что было обычнымъ церковнымъ привѣтствіемъ проповѣдника народу.

повѣдывалъ народу, что хотѣлъ и какъ хотѣлъ, иначе: сумасбродствовалъ говорившій въ твоёмъ царствѣ противъ твоего мнѣнія. Что хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Или хвали или брани. Зачѣмъ и здѣсь поступаешь двусмысленно? Если было хорошо проповѣдуемое имъ, зачѣмъ не заявляешь прямо? Если худо, почему не упрекаешь рѣшительно? Но посмотримъ, какъ столпъ истины и вѣры, осмѣливающійся говорить о столь великомъ мужѣ, будто онъ говорилъ народу, что хотѣлъ, — посмотримъ, какъ онъ, благоразумно и скромно, какъ смиренно говорить о себѣ самомъ. «Когда, говоритъ, и мы однажды прежде его, въ слухъ его и всей церкви проповѣдывали и вызывало къ этому рядовое чтеніе (Евангелія), то о вѣрѣ и всѣхъ церковныхъ догматахъ мы сказали то, чему и всегда, благодатію Божіею, непрестанно учили въ церкви и при оглашеніяхъ».

Скажи мнѣ, что это за самоувѣренность, что за надмѣнность? Всѣ философы и ораторы порицаютъ Горгіаса Леонтинскаго за то, что онъ, поставивши публично каедру, осмѣлился обѣщать, что онъ будетъ отвѣчать, о какомъ бы кто ни спросилъ его предметѣ. Съ какою силою и негодованіемъ я упрекалъ бы тебя за твое показаніе, если бы меня не обуздывало почтеніе къ священству и уваженіе къ имени и если бы я не зналъ онаго апостольскаго изреченія: *не вѣдаехъ братіе яко архіерей естъ: писано бо естъ: князю людей твоихъ да не речеши зла* (Дѣян. 23, 5; Исх. 22), — хотя ты самъ умаляешь достоинства твоего имени, когда дѣломъ и словомъ унижаешь отца почти всѣхъ епископовъ и памятникъ древней святости. Ты говоришь, что однажды, когда вызывало рядовое чтеніе, въ слухъ его и всей церкви ты рассуждалъ о вѣрѣ и всѣхъ церковныхъ догматахъ. Теперь можно подивиться Демосѣену, который превосходную рѣчь противъ Эхина обработывалъ, говорятъ, въ теченіе долгаго времени. Напрасно подозрѣваемъ Туллія: потому что

Корнелій Непоть говоритъ, что въ его присутствіи, въ тѣхъ же почти выраженіяхъ, какъ она (рѣчь Демосѳена противъ Эхина) издана, она была сказала (Цицерономъ) въ защиту Корнелія, трибуна злоумышленника. Вотъ нашъ Лизій, вотъ Гракхъ, и—чтобы что нибудь прибавить изъ новѣйшихъ—Квинтъ Атерій, который всегда готовъ былъ говорить, такъ что безъ суфлера не могъ молчать, и о которомъ цезарь Августъ прекрасно сказалъ: «Квинта нашего нужно затормозить».

Кто изъ умныхъ и здоровыхъ головою будетъ увѣрять, что въ одномъ церковномъ трактатѣ онъ сказалъ о цѣли проповѣди и о всѣхъ церковныхъ догматахъ? Прошу тебя указать мнѣ, какое это такое чтеніе, соединяющее въ себѣ всю сущность Писаній, которое дало тебѣ поводъ вдругъ низойти до опасности умопомѣшательства? И если бы тебя не одолѣвалъ потокъ краснорѣчія, тебѣ можно было бы доказать, что ты не могъ заразъ говорить о всѣхъ догматахъ. Но что это? ты одно обѣщаешь, а другое дѣлаешь. У насъ таковъ обычай, что имѣющимъ креститься мы въ теченіи сорока дней публично сообщаемъ святую и поклоняемую Троицу ¹⁾. Если рядовое чтеніе вызвало тебя сказать о всѣхъ догматахъ въ одинъ часъ, то какая надобность раскрывать ученіе въ продолженіе сорока дней? А если ты высказывалъ то, что говорилъ въ теченіе всей четырехдесятиницы, то какимъ образомъ тебя одно чтеніе побудило говорить въ одинъ день о всѣхъ догматахъ? Но и здѣсь онъ говоритъ двусмысленно: потому что можетъ быть, что то, что онъ обыкновенно передавалъ въ церкви имѣющимъ креститься въ теченіи сорока дней,—все это онъ обіялъ по поводу одного чтенія. Ибо одно и тоже краснорѣчіе можетъ выражать какъ немногое во многихъ словахъ, такъ и многое въ немногихъ.

¹⁾ Т. е. символъ вѣры.

Но и то дается понимать, что послѣ того какъ его вызвало одно чтеніе, возгорѣвшись ревностію учительства, онъ никогда не умолкалъ въ теченіе сорока дней, и праздный старикъ, зависѣвшій отъ его устъ, желая узнать неслыханныя вещи, налъ почти сонный. Какъ бы то ни было, все нужно терпѣть; можетъ быть и это наивно высказалъ онъ по своему обычаю.

Изложимъ остальное, гдѣ онъ, послѣ лабиринтовъ извивистаго препирательства, представляетъ не сомнительную, а ясную мысль, и удивительныя разсужденія свои заключаетъ такимъ окончаніемъ: «Когда мы въ присутствіи его высказали это, и ради чести, которую мы ему оказали выше всякой мѣры, онъ самъ вызванъ былъ говорить: то онъ одобрилъ нашу проповѣдь и подивился ей и объявилъ всѣмъ, что это вѣра каѳолическая». Насколько почтенія ты оказалъ ему выше всякой мѣры, это доказываютъ оказанныя ему выше всякой мѣры оскорбленія,—когда чрезъ архидіакона ты приказалъ ему молчать и упрекалъ въ честолюбіи, когда онъ замедлил въ толпѣ народа. Настоящее говорить о прошедшемъ. Онъ съ того времени въ теченіе трехъ лѣтъ держитъ про себя свои обиды, и, оставляя въ сторонѣ личныя непріятности, требуетъ только исправленія въ вѣрѣ. А ты, богатый средствами и которому доставляетъ доходы благочестіе всего міра, туда и сюда рассылаешь тѣхъ весьма важныхъ пословъ своихъ, и покоющагося старца вынуждаешь къ отвѣту. И поистинѣ тому, котораго ты такъ обезчестилъ, было справедливо похвалить твои слова, особенно то, что было сказано безъ приготвленія. А такъ какъ люди обыкновенно иногда хвалятъ то, чему не сочувствуютъ, и чужой глупости удовлетворяютъ не заслуженными похвалами, то онъ не только похвалилъ твои слова, но и подивился имъ, и, чтобы чудо было не малое, всему народу объявилъ, что эти слова православны. Какъ справедливо это сказалъ онъ,—

тому и мы свидѣтели, которые слышали, къ которымъ онъ, смущенный твоими словами, пришелъ, въ отчаяніи говоря, что онъ напрасно вошелъ въ общеніе съ тобою; и когда весь монастырь просилъ его возвратиться къ тебѣ изъ Виелеема, то, уступивъ просьбамъ столь многихъ, такъ возвратился къ тебѣ вечеромъ, что въ полночь убѣждалъ. Это доказываетъ и письмо къ папѣ Сирицію, которое если ты прочитаешь, то увидишь, какъ онъ удивлялся словамъ твоимъ и объявлялъ ихъ каволическими. Но мы занимаемся пустяками и въ длинной рѣчи плетемъ бабьи сказки.

Перейдемъ ко второму вопросу, въ которомъ, какъ будто его ни въ чемъ не упрекали, онъ притворяется безпечнымъ и спокойно спящимъ, чтобы заставить спать читателей. «Но и о прочемъ, относящемся къ вѣрѣ, была у насъ рѣчь, то есть, что творецъ всего видимаго и невидимаго, небесныхъ силъ и земныхъ тварей, есть одинъ и тотъ же Богъ, то есть св. Троица, какъ говоритъ блаженный Давидъ: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Пс. 32, 6), что въ частности показываетъ и твореніе челоуѣка. Ибо Онъ же самый есть Тотъ, Который, взявъ переть отъ земли, образовалъ челоуѣка, и по благодати собственного вдуновенія, даровалъ душу разумную и свободнаго произволенія, — не часть нѣкую своей природы (по миѣнію нѣкоторыхъ, нечестиво проповѣдующихъ это), но собственное свойство. И о святыхъ ангелахъ такъ же вѣрують, по слову божественнаго Писанія, которое говоритъ о Богѣ: *творяй ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный* (Пс. 103, 4), относительно которыхъ вѣровать, что они по природѣ неизмѣняемы, не позволяетъ намъ Писаніе, говоря: *ангелы же, несоблюдивыя своего начальства, но оставившыя свое жилище на судъ великаго дне, узамы вѣчными подѣ мракомъ соблюде* (Іуд. 6), поелику они измѣнились, и мы знаемъ, что изъ собственного

достоинства и славы они болѣе перешли въ разрядъ демоновъ. А что души людей происходятъ изъ паденія ангеловъ или изъ обращенія—этому мы никогда и не вѣровали и не учили (ибо да не будетъ сего!) и исповѣдуемъ, что это чуждо церковнаго проповѣданія».

Мы спрашиваемъ: прежде чѣмъ человѣкъ былъ въ раю и Адамъ образованъ былъ изъ земли, души были ли въ числѣ разумныхъ тварей, имѣли ли собственное состояніе, жили ли, дѣйствовали ли, и раздѣлялись ли на разряды, и справедливо ли ученіе Оригена, который сказалъ, что всѣ разумныя твари, безтѣлесныя и невидимыя, если будутъ нерадивы, мало по малу ниспадають на низшее, и сообразно съ качествами мѣстъ, въ которыя ниспадають, принимаютъ себѣ тѣла, напримѣръ сначала эфирныя, потомъ воздушныя; и когда онѣ достигли ближайшихъ въ землѣ областей, то облечены были болѣе грубыми тѣлами, наконецъ соединены съ человѣческою плотью, и что самые демоны, которые по собственному произволу съ княземъ своимъ діаволомъ отступили отъ служенія Богу, если мало по малу начнутъ исправляться, облакаются человѣческою плотью, такъ что наконецъ покаившись, послѣ воскресенія, тѣмъ же круговращеніемъ, какимъ они перешли въ плоть, возвращаются въ области близкія къ Богу, освободившись даже отъ воздушныхъ и эфирныхъ тѣлъ, и тогда преклонить колѣна Богу все, изъ небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и будетъ Богъ всяческая во всѣхъ?—Итакъ, когда вопросъ идетъ объ этомъ, зачѣмъ ты, опустивъ то, изъ-за чего препираются, выходя изъ арены и мѣста борьбы, останавливаешься на стороннихъ и очень отдаленныхъ вопросахъ?

Ты вѣруешь, что всѣ видимыя твари создалъ одинъ Богъ: это исповѣдуетъ и Аріій, который говоритъ, что все сотворено чрезъ Сына. Если бы тебя обличали въ ереси Маркіона, которая, внося одного Бога благаго, а другаго пра-

восуднаго, учить, что первый есть творецъ невидимаго, а послѣдній видимаго, то ты прямо удовлетворишь бы меня по вопросу подобнаго рода. Ты вѣруешь, что творческое начало всего есть Троица. Это отрицаютъ аріане и полуаріане, богохульствуя, что Духъ св. есть не творецъ, а сотворенное. Но кто тебя въ это время признаетъ аріаниномъ? Ты говоришь, что души человѣческія не суть часть природы Божіей, какъ будто теперь Елифаній назвалъ тебя манихеемъ. Ты гнушаешься тѣхъ, кои учатъ, что души дѣлаются изъ ангеловъ, и говорятъ, что ихъ паденіе есть наша природа. Не извращай того, что знаешь и не выдумывай съ простою, которой ты не имѣешь: Оригенъ никогда не говорилъ, что души дѣлаются изъ ангеловъ, когда онъ учить, что сами ангелы—имя должности, а не природы. Ибо въ книгахъ *περὶ ἀρχῶν* онъ говоритъ, что и ангелы и престолы, и господства, и силы, и владыки міра и тмы, и всякое имя, именуемое не только въ настоящемъ вѣкѣ, но и въ будущемъ,—суть души тѣхъ тѣлъ, которыя приняли или по волѣ или по служенію. Даже самое солнце и луна, и хоръ всѣхъ звѣздъ суть души разумныхъ нѣкогда и безтѣлесныхъ тварей, которыя нынѣ подчиненныя суетѣ, т. е. огненнымъ тѣламъ, которыя мы, неразумные и невѣжды, называемъ свѣтилами міра, освободятся отъ рабства тлѣнію въ свободу славы чадъ Божіихъ. Поэтому и вся тварь совоздыхаетъ и болѣзнуетъ. И апостольскій скорбитъ, говоря: *окаяненъ азъ человекъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего?* Не время теперь писать противъ мнѣнія язычниковъ, и въ частности Платона. Думаю, что мысль ума моего для мудрыхъ изложена за десять почти лѣтъ предъ симъ въ комментаріяхъ на Екклесіастъ и въ объясненіи посланія къ Ефесеямъ.

Я прошу теперь о томъ, чтобы ты, говорящій столь многое и въ одномъ трактатѣ рѣшающій всѣ вопросы, отвѣ-

чалъ требующимъ краткаго и рѣшительнаго мнѣнія. Когда Богъ образовалъ человѣка изъ земли и благодатію собственнаго дуновенія далъ ему душу: то была ли и существовала ли прежде, и гдѣ находилась эта душа, которая впоследствии дарована божественнымъ дуновеніемъ,—или она силою Божіею начала существовать и жить въ шестой день, когда тѣло было образовано изъ земли? Объ этомъ ты умалчиваешь, и, прикидываясь незнающимъ, о чемъ спрашиваютъ, занимаешься сторонними вопросами. Оставляешь нетронутымъ Оригена, и раздражаешься противъ Маркіона, Аполлинарія, Манеса, Арія и нелѣпостей прочихъ еретиковъ. У тебя просятъ руки, а ты протягиваешь ногу; и однако скрытно проводишь мнѣніе, котораго ты держишься. Насъ, простаковъ, удовлетворяешь въ такой степени, чтобы не обидѣть совершенно и своихъ.

Ты говоришь, что изъ ангеловъ дѣлаются болѣе демоны, чѣмъ души, какъ будто и сами демоны по Оригену не суть души воздушнаго тѣла, и изъ демоновъ не могутъ сдѣлаться впоследствии душами человѣческими, если будутъ исправляться. Ты пишешь, что ангелы измѣняемы, и подъ тѣмъ, что благочестиво, вводишь и то, что нечестиво; такъ что чрезъ многіе періоды души дѣлаются не изъ ангеловъ, а изъ тѣхъ названій, въ какія превратились бывшіе прежде ангелами. Хочу уяснить то, что говорю. Представь, что кто нибудь, лишённый за свой проступокъ трибунскаго достоинства, чрезъ всѣ должности придворной военной службы низведенъ до званія рядоваго;—неужели изъ трибуна онъ прямо дѣлается рядовымъ? Нѣтъ, но сначала примницеріемъ, потомъ сенаторомъ ¹⁾, двусотникомъ, сотникомъ, біархомъ ²⁾, цирци-

¹⁾ Примницерій и сенаторъ—военные чины.

²⁾ Біархъ—смотритель надъ съѣстными припасами.

торомъ ³⁾), всадникомъ, наконецъ рядовымъ, и хотя бывший нѣкогда трибуномъ оказывается рядовымъ, однако изъ трибуна онъ сдѣлался не рядовымъ, а примицеріемъ. Оригенъ учитъ, что разумныя твари по лѣстницѣ Іакова нисходятъ мало по малу до низшей ступени, то есть до плоти и крови, и что не можетъ быть, чтобы ктонибудь отъ ста вдругъ ниспалъ къ единицѣ, какъ только если чрезъ всѣ числа, какъ чрезъ ступени лѣстницы, онъ пройдетъ даже до послѣдняго, и столько перемѣнитъ тѣлъ, сколько перемѣнитъ жилищъ отъ неба до земли. Таковы-то ваши хитрости и фокусы, съ которыми вы называете насъ Пелусіотами и безсловесными и душевными людьми, ибо мы не принимаемъ, яже суть духа. Вы, іерусалимляне, даже ангеловъ осмѣиваете. Ваши мистеріи выставляются на показъ, и христіанскимъ ушамъ проповѣдуется догматъ, составленный изъ басней язычниковъ. То, чему ты удивляешься, мы давно отвергли у Платона. А отвергли потому, что приняли неразуміе Христово. Приняли неразуміе Христово потому, что неразумное Божіе мудрѣе человѣкъ есть. Христіане и священники Божіи не стыдятся, какъ будто дѣло идетъ о предметахъ шуточныхъ, прикрываться двусмысленными словами и колебаться въ неопредѣленныхъ мысляхъ, которыми вводится въ заблужденіе болѣе говорящій, чѣмъ слушающій (1 Кор. 1, 25).

Одинъ изъ вашего хора, когда я допытывался, чтобы онъ сказалъ мнѣ—какъ онъ думаетъ о душѣ, существовала ли она прежде тѣла или не существовала,—отвѣчалъ, что существовали вмѣстѣ и дѣло и душа. Зналъ я, что человѣкъ еретикъ прибѣгаетъ въ своихъ словахъ къ уловкамъ. Наконецъ я нашелъ, что онъ говоритъ, что душа съ того времени названа душою, какъ она одушевила тѣло, а прежде называлась или демономъ, или ангеломъ сатаны, или духомъ любодѣянія, или напротивъ—господствомъ, властію;

³⁾ Цирциторъ —обѣздный, дозорный офицеръ.

духомъ правителемъ или вѣстникомъ. Если душа была въ какомъ нибудь званіи и чинѣ и прежде чѣмъ былъ образованъ Адамъ въ раю, и жила, и въ чемъ либо проявляла свою дѣятельность (ибо безтѣлесную и вѣчную душу мы не можемъ мыслить бездѣятельною и оцѣпенѣлою на подобіе соней), то необходимо, чтобы предшествовала какая либо причина, по которой она, бывъ прежде безъ тѣла, потомъ облечена была тѣломъ. И если душѣ свойственно быть безъ тѣла, то слѣдуетъ, что быть въ тѣлѣ противно ея природѣ. Если быть въ тѣлѣ противоестественно, то слѣдовательно воскресеніе тѣла будетъ противоестественно. Но воскресеніе не будетъ противоестественно; слѣдовательно, по вашему мнѣнію, тѣло, которому воскресать противоестественно, не будетъ имѣть души.

Ты говоришь, что душа не есть отъ существа Божія. Хорошо. Ибо ты осуждаешь нечестивѣйшаго Манеса, котораго и называть есть оскверненіе. Ты говоришь, что души не дѣлаются изъ ангеловъ. Нѣсколько успокоиваюсь, хотя знаю, въ какомъ смыслѣ ты сказалъ это. Итакъ, узнавши, что ты отрицаешь, хотимъ знать, чему ты вѣруешь. «Взявъ,— говоришь ты,—персть изъ земли, Богъ образовалъ человѣка и благодатію собственнаго дуновенія даровалъ ему душу разумную и свободной воли,—не часть нѣкую своей природы (по мнѣнію нѣкоторыхъ, которые нечестиво проповѣдуютъ это) но свое свойство». Смотрите, какимъ обходомъ онъ высказываетъ не то, о чемъ мы спрашиваемъ. Мы знаемъ, что Богъ образовалъ человѣка изъ земли, знаемъ, что Онъ вдохнулъ въ лице его, и сталъ человѣкъ въ душу живу, не безъизвѣстно намъ и то, что душа разумна, имѣетъ свободную волю, знаемъ такъ же, что это свойство Божіе. Никто не сомнѣвается, что Манесъ заблуждается, говоря, что она есть существо Божіе. Я теперь спрашиваю о томъ—эта душа, свойство Божіе, душа съ свободною волею и разум-

ная, и не отъ существа Творца, — эта душа, когда сотворена, — въ то ли время, когда изъ персти созданъ человѣкъ и вдунуто въ лице его дыханіе жизни, или существовавшая прежде и бывшая и дѣйствовавшая среди разумныхъ и безтѣлесныхъ тварей, она потомъ была дарована дуновеніемъ Божиимъ? Тутъ ты молчишь, тутъ прикидываешься простецомъ, и подъ словомъ Писанія скрываешь то, чего нѣтъ въ мысли Писанія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ты говоришь о томъ, о чемъ никто не спрашиваетъ, — что она не есть нѣкая часть божественнаго существа (по мнѣнію нѣкоторыхъ, нечестиво проповѣдующихъ это), ты скорѣе долженъ былъ сказать то, о чемъ всѣ спрашиваемъ — что она не есть та, которая была прежде, не та, которую Богъ создалъ прежде, которая долго уже жила между разумными и безтѣлесными и невидимыми тварями. Ничего такого ты не говоришь, выставляешь намъ Манеса и скрываешь Оригена, и какъ малымъ дѣтямъ, когда они просятъ ѣсть, пиянки даютъ какія нибудь игрушки, чтобы отвлечь ихъ мысли, такъ и ты насъ, простаковъ, отклоняешь къ другимъ предметамъ, чтобы, увлекшись новостію другаго лица, мы не просили, чего хотимъ.

Положимъ, ты не говоришь этого, и твоя простота не имѣетъ въ себѣ ничего, о чемъ бы ты умалчивалъ съ хитростію. Такъ зачѣмъ же, начавъ однажды говорить о душѣ и о столь важномъ предметѣ трактовать отъ начала созданія человѣческаго, — зачѣмъ ты, не рѣшивъ вопроса, вдругъ переходишь къ ангеламъ и раздаянію тѣла Господня и, оставивъ на виду столь важный спорный пунктъ, позволяешь намъ въ сомнѣніи подозрѣвать въ тебѣ нечистыя мысли? Если дуновеніе Божіе (чего ты не хочешь, и что теперь оставляешь подъ сомнѣніемъ) есть начало человѣческой души: то откуда получила душу Ева, въ лице которой Богъ не вдыхалъ? Оставляю Еву, которая, въ образъ церкви бывъ

создана изъ ребра мужа, не должна чрезъ столько вѣковъ терпѣть укоризны отъ своихъ потомковъ. Каинъ и Авель, первые изъ первыхъ людей, откуда получили души? Наконецъ весь родъ человѣческій какому началу обязанъ происхожденіемъ душъ? Неужели по передачѣ, подобно безслеснымъ жтвотнымъ, такъ что какъ тѣло отъ тѣла, такъ и душа раждается отъ души? или разумныя тваря, въ слѣдствіе желанія тѣлъ мало по малу ниспавшія до земли, наконецъ были соединены и съ человѣческимъ тѣломъ? Или дѣйствительно (что согласно съ ученіемъ церкви) по словамъ Спасителя: *Отецъ мой досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17) и какъ говоритъ Исаія: *творій духъ чловѣчки въ немъ*, и какъ говорится въ псалмахъ: *создвйи ни единъ сердца ихъ* (Пс. 32, 15)—Богъ постоянно творитъ души, и Тотъ, для Котораго захотѣтъ значить сотворить, не перестаетъ быть и творцомъ? Знаю, что обыкновенно говорите вы противъ этого, и выставляете противъ насъ прелюбодѣнія и кровосмѣшенія: спорить объ этомъ слишкомъ долго и не позволяетъ краткость времени. Тоже самое возраженіе можетъ быть обращено и противъ васъ, и все, что кажется недостойнымъ въ отношеніи къ Творцу настоящаго времени, тоже самое не недостойно и когда Онъ даруетъ душу (Адаму). Рожденіе отъ прелюбодѣнія вина не того, кто родится, но того, кто раждается. Какъ на полѣ грѣшить не земля, которая согрѣваетъ, не сѣмя, которое бросается въ борозды, не влага и теплота, подъ вліяніемъ которыхъ сѣмя даетъ изъ себя растеніе (а напримѣръ воръ и разбойникъ, который обманомъ или силою похищаетъ посѣянное) такъ и при рожденіи людей земля, то есть матка, беретъ то, что дается ей, и принятое согрѣваетъ, согрѣтое облакаетъ плотію, облеченное плотію раздѣляетъ на члены. И среди оныхъ тайныхъ узкихъ проходвъ чрева всегда дѣйствуетъ рука Божія: и одинъ и тотъ

же есть Творецъ и тѣла и души. Не унижай благодати скудѣльника твоего, который слѣпилъ тебя и сдѣлалъ, какъ захотѣлъ. Онъ—Божія сила и Божія премудрость, которая во чревѣ Дѣвы создала себѣ домъ (Евр. 19). Иефѣай, поставленный апостоломъ въ числѣ святыхъ мужей, есть сынъ блудницы. Но внимай, отъ Ревеки и Исаака родился Исаавъ, косматый какъ духомъ, такъ и тѣломъ,—какъ будто добрая пшеница выражается въ куколь и плевелы, ибо причина пороковъ и добродѣтелей заключается не въ сѣменахъ, а въ волѣ раждающагося. Если унижительно родиться въ тѣлахъ человѣческихъ: то какимъ образомъ Исаакъ (Быт. гл. 18) Самсонъ (Суд. 13), Іоаннъ Креститель рождаются по обѣтованію? Понимаешь, что значитъ смѣло и свободно исповѣдывать свою вѣру? Считаю меня неправымъ, я открыто говорю, что думаю. Такъ и ты или свободно признай наше, или твердо говори свое. Не ставь себя въ моемъ строю, чтобы, прикидываясь простакомъ, имѣть возможность, если захочешь, поразить противника твоего съ тыла. Не время теперь писать противъ мнѣній Оригена: это мы посвятимъ, если Христосъ дастъ жизнь, другому труду. Теперь вопросъ въ томъ, отвѣтилъ ли обвиняемый на вопросы, и искрененъ ли и прямъ ли его отвѣтъ.

Отсюда перейдемъ къ пресловутому вопросу о воскресеніи плоти и тѣла, при чемъ я опять прошу тебя, читатель, быть увѣреннымъ, что я говорю, а ты долженъ слушать со страхомъ и судомъ Божиимъ. Ибо я не настолько глупъ, чтобы искать повода къ обвиненію, если въ его изложеніи вѣра чистая и нѣтъ никакого подозрѣнія въ неправомысліи,—не настолько глупъ, чтобы, желая другаго уличить въ неправдѣ, самому быть уличеннымъ въ клеветѣ. Итакъ прочитай о воскресеніи тѣла нижеслѣдующее, и, прочитавъ и одобливъ (потому что я знаю, оно понравится неслѣдующимъ) воздержись отъ сужденія, обожди нѣсколько, и отложи

приговоръ до конца нашего отвѣта, и если тебѣ и послѣ того это будетъ нравиться, тогда укоряй насъ въ клеветѣ. «Исповѣдусь и страданіе Его на крестѣ и смерть, и погребеніе, которое все сохранило, и воскресеніе—истинно, а не мчимо; Онъ, первенецъ изъ мертвыхъ, положенные во гробѣ и воскресенные начатки состава тѣлъ нашихъ возвелъ на небо, въ воскресеніи собственнаго тѣла подавая надежду воскресенія намъ, почему и всѣ мы уповаемъ воскреснуть изъ мертвыхъ такъ же, какъ Онъ воскресъ, — не въ другихъ какихъ либо стороннихъ и чуждыхъ тѣлахъ, которыя являются въ привидѣніи, но какъ Онъ самъ воскресъ въ томъ тѣлѣ, которое было у насъ сокрыто во святомъ гробѣ, такъ и мы уповаемъ воскреснуть въ тѣхъ самыхъ тѣлахъ, которыми мы теперь облечены и въ которыхъ теперь погребаемся, въ томъ же разумѣ и въ такой же видимой формѣ. Ибо, по апостолу, сѣемое въ тлѣніи возстаетъ въ нетлѣніи и сѣемое въ безчестіи, возстанетъ въ славѣ. *Сѣется тѣло душевное, возстанетъ тѣло духовное;* (1 Кор. 15, 42) уча объ этомъ, и Спаситель сказалъ: *сподобльшися въкъ онъ улучити и воскресеніе еже отъ мертвыхъ, ни женятся, ни посягаютъ: ни умрени бо ктому могутъ;* «но будутъ какъ ангелы Божіи, такъ какъ они сыны воскресенія» (Лук. 20, 35. 36).

Опять въ другой части посланія, то есть въ концѣ своихъ разсужденій, чтобы оболъстить уши несвѣдущихъ, славу и величіе воскресенія не ясно изображаетъ въ такихъ двусмысленныхъ выраженіяхъ: «Но не опустили мы и о второмъ славномъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, который придетъ во славу своей судить живыхъ и мертвыхъ: ибо Онъ самъ возбудитъ всѣхъ мертвыхъ и поставитъ предъ свое судилище, и каждому воздастъ сообразно съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ чрезъ тѣло или доброе или злое, то есть или получить награду въ тѣлѣ за то, что жилъ

свято и праведно, или будетъ осужденъ за то, что работалъ похотямъ и неправдамъ». Въ этомъ отдѣленіи мы видимъ доказательство того, что читаемъ въ Евангеліи, — что при концѣ міра, *еще возможно* (Матѳ. 24) соблазнятся и избранные. Неученый народъ слышитъ о мертвыхъ и погребенныхъ, слышитъ о воскресеніи мертвыхъ истинно, а не мнимо, слышитъ, что начатки состава нашихъ тѣлъ въ тѣлѣ Господа возведены на небо, слышитъ, что воскреснутъ не въ стороннихъ и чуждыхъ тѣлахъ, которыя являются въ призракѣ, но какъ Господь воскресъ въ тѣлѣ, которое у насъ лежало во святомъ гробѣ, такъ и мы въ день суда воскреснемъ въ тѣхъ же самыхъ тѣлахъ, которыми облечены и въ которыхъ погребаемся. И чтобы кто не счелъ этого недостаточнымъ, въ послѣдней главѣ прибавляетъ: «И каждому воздастъ сообразно съ тѣмъ, что сдѣлалъ чрезъ тѣло или доброе или злое, то есть или получить награду въ тѣлѣ за то, что жилъ цѣломудренно и праведно, или будетъ осужденъ за то, что работалъ похотямъ и неправдамъ». Слушая это, необразованный народъ въ этомъ трескѣ выражений: мертвые, погребенное тѣло, воскресеніе — не подозрѣваетъ никакой хитрости, никакихъ ковъ. Онъ вѣритъ, что такъ и есть, какъ говорится, потому что уши народа святѣе, чѣмъ душа священника.

Опять и опять прошу тебя, читатель, потерпѣть и поучиться тому, чему и я научился терпѣніемъ; и однако прежде чѣмъ я раскрою драконовъ обликъ, и вкратцѣ изложу мнѣніе Оригена о воскресеніи (потому что, если ты не увидишь яда, то не будешь въ состояніи узнать сильнаго противоядія), тщательно замѣть и внимательно посчитай вотъ что: девять разъ называя воскресеніе *тѣла*, онъ ни разу не сказалъ *плоти*: у тебя должно возникнуть подозрѣніе, что онъ нарочито обходилъ это выраженіе. Оригенъ въ очень многихъ мѣстахъ, и преимущественно въ четвертой книгѣ о

воскресеніи, и въ изложеніи перваго псалма и въ Строма-тахъ говоритъ, что въ церкви держится заблужденіе двоякого рода—наше и еретическое,—«что мы, простецы и плотолюбцы (*philosarcas*), говоримъ, что въ послѣдній день воскреснутъ тѣже кости и кровь и плоть, то есть лицо и члены и остовъ всего тѣла, для того, то есть, чтобы ногами ходить, работать руками, видѣть глазами, ушами слышать, носить ненасытное чрево и желудокъ, переваривающій пищу; а изъ этого слѣдуетъ, что мы, вѣрующіе этому, говоримъ, что намъ нужно будетъ и ѣсть, и пить, и извергать испражненія, испускать влагу, жениться, родить дѣтей. Ибо зачѣмъ родотворные члены, если не будетъ брака? зачѣмъ зубы, если не нужно будетъ жевать пищу? зачѣмъ чрево и пища, если, по апостолу, и то и эта упразднятся, какъ и еще вызываетъ онъ: *плоть и кровь царствія Божія* не наследуютъ, *ниже тлѣніе нетлѣнія* (1 Кор. 15, 50)? Это, утверждаетъ онъ, говоримъ мы, наивные и простаки. «А еретики, въ числѣ которыхъ находятся Маркіонъ, Апеллесъ, Валентинъ, Манесъ—имя безумія ¹⁾—совершенно отрицаютъ воскресеніе и плоти и тѣла, и спасеніе усвояютъ только душѣ и (утверждаютъ что) напрасно мы говоримъ, что мы воскреснемъ по подобію Господа, когда и самъ Господь воскресъ въ призракъ, и не только воскресеніе Его, но и самое рожденіе *τῷ δοχεῖν*, т. е. болѣе мысленно казалось, чѣмъ было ²⁾. А ему (говоритъ онъ) не нравится ни то, ни другое мнѣніе и онъ бѣжитъ какъ отъ нашихъ плотей, такъ и отъ призраковъ еретиковъ, потому что то и другое — противоположныя крайности, когда одни хотятъ быть тѣмъ же, чѣмъ были, а другіе совершенно отрицаютъ воскресеніе тѣла.

¹⁾ Манесъ—имя персидское и значитъ *рабъ*; но Іеронимъ даетъ ему переводъ съ греческаго *μανία*, *блѣзненство*, *безуміе*.

²⁾ *Putative visa magis sit, quam fuerit.*

Есть, говорить оъ, четыре стихіи, извѣстныя и философамъ и врачамъ, изъ которыхъ составлены всѣ вещи и человѣческія тѣла,—земля, вода, воздухъ и огонь. Земля признается въ твердыхъ частяхъ тѣла, воздухъ въ дыханіи, вода во влагѣ, огонь въ теплотѣ. Итакъ, когда душа, по опредѣленію Божию, оставитъ сіе бренное и холодное тѣло, то мало по малу все возвращается къ начальнымъ субстанціямъ: твердыя части тѣла разлагаются въ землю, дыханіе смѣшивается съ воздухомъ, влага возвращается въ вмѣстительство воды, теплота улетаетъ въ воздухъ. И какъ, если бы секретарій ¹⁾ молока или вина ты вылилъ въ море и захотѣлъ опять отдѣлить смѣшанное съ водою, то хотя вылитое вино и молоко не погибло, однако же нельзя отдѣлить отъ воды вылитаго: такъ и субстанція плоти и крови, хотя не погибаетъ въ первичныхъ элементахъ, однако не возвращается въ прежній составъ и не можетъ быть совершенно такою же, какова была». А когда говорится это, то твердые мускулы, жидкая кровь, грубые нервы, переплетенныя жилы, твердыя кости (въ воскресеніи) отрицаются.

«Мы въ иномъ смыслѣ исповѣдуемъ воскресеніе тѣхъ тѣлъ, которыя положены были въ гробахъ и разложились въ прахъ: что тѣло Павла и будетъ Павловымъ и Петра Петровымъ и каждаго будетъ тѣломъ каждаго, ибо несообразно, чтобы души грѣшили въ однихъ тѣлахъ, а мучились въ другихъ, и не свойственно праведному Судіи, чтобы проливали кровь за Христа одни тѣла, а увѣнчивались другія». Кто, слыша это, подумаетъ, что онъ отрицаетъ воскресеніе плоти? «При томъ, говорить онъ, въ каждое сѣмя Создателемъ Богомъ вложена нѣкая основа, которая въ элементахъ сердцевины содержитъ будущіе составы растенія. И какъ въ сѣмени хотя такая громадность дерева, стволъ,

¹⁾ Мѣра жидкостей.

сучья, плоды, листья не замѣтны, но тѣмъ не менѣе существуютъ въ первоосновѣ сѣмени, которую греки называютъ σπερματικόν λόγος, и какъ въ хлѣбномъ зернѣ внутри есть сердцевина или жилка, которая, разложившись въ землѣ, притягиваетъ къ себѣ окружающіе элементы и вырастаетъ въ солому, листья, колосья, и умираетъ одно, а воскресаетъ другое, потому что въ зернѣ пшеничномъ разлагаются не корни, стволъ, листья, колосья, плева: — такъ и въ первоосновѣ человѣческихъ тѣлъ существуютъ нѣкіе изначальные задѣлки (antiqua principia) воскресенія, и въ лонѣ земли согрѣвается какъ бы ἐντερίωνη, то есть сѣмя мертвыхъ. А когда настанетъ день суда и во гласѣ Архангела и послѣдней трубѣ потрясется земля, то сѣмена тотчасъ придутъ въ движеніе и въ мгновеніе ока оживотворятъ умершихъ, но однако же они воскресятъ не тѣже тѣла и не въ тѣхъ формахъ, какія были. Ты хочешь убѣдиться въ истинѣ моихъ словъ — послушай апостола: *но речетъ нѣкто: како востанутъ мертвыи, коимъ же тѣломъ придутъ; безумне, ты еже съеши не тѣло будущее съеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, «виноградника и дерева»* (1 Кор. 15, 36. 37). И такъ какъ о зернѣ пшеничномъ и сѣмени древесномъ мы отчасти уже сказали, то теперь поговоримъ о зернѣ виноградномъ. Зерно это мало, такъ что едва можно держать его двумя пальцами. Гдѣ корни? гдѣ вѣтвистое переплетеніе корней, ствола и вѣтвей? гдѣ тѣнистая листва, гдѣ красивые грозды, производящіе будущія вина? Сухо то, что мы держимъ и едва замѣтно глазу; но отъ этого сухаго зерна, силою Божіею и дѣйствіемъ сокрытаго въ сѣмени начала, полетѣтъ пѣнистое вино. Признаешь ты это за деревомъ, а не признаешь за человѣкомъ: имѣющее погибнуть украшается въ такой степени; имѣющее пребывать не получить снова прежняго униженія. А ты хочешь опять плоти, костей, крови, членовъ, чтобы съ растущими воло-

сами нуждаться въ цирюльникѣ, чтобы носъ производилъ мокроты, чтобы нужно было обрѣзывать наросты ногтей, чтобы чрезъ нижнія части извергались или испражненія или похоти? Если ты представляешь такія нелѣпости, то забываешь и о враждебной какъ бы плоти, въ которой Богу угождать не можемъ, и о воскресеніи мертвыхъ. *Съется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи: съется не въ честь, востаетъ въ славу, съется въ немощи, востаетъ въ силу. Съется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное* (1 Кор. 15, 42—44). Нынѣ мы глазами видимъ, ушами слышимъ, руками дѣйствуемъ, ногами ходимъ. А въ ономъ духовномъ тѣлѣ всецѣло будемъ видѣть, всецѣло будемъ слышать, всецѣло будемъ дѣйствовать, всецѣло будемъ ходить: и преобразить Господь тѣло смиренія нашего въ сообразное тѣлу славы Его. Когда сказалъ: *преобразитъ*, т. е. μετασχηματίσει, то этимъ отрицается разнообразіе членовъ, которыми пользуемся теперь. Иное обѣщается намъ духовное и эфирное тѣло, которое ни осязанію не подлежитъ, ни глазами не усматривается, ни тяжестію не обременяется, и не будетъ измѣняться по различію мѣстъ, въ какихъ оно будетъ находиться. Иначе, если будетъ таже плоть и тѣло, какія были, то опять (будутъ) мужчины и женщины, опять браки, у мужчинъ густыя брови, длинная борода; у женщинъ милостивыя щеки, узкая грудь, для зачатія и рожденія дѣтей—широкіе животъ и чресла. Воскреснутъ даже дѣти, воскреснутъ и старики: одни должны будутъ кормиться грудью, другіе опираться на палки. И пусть не вводитъ въ обманъ васъ, о простецы, воскресеніе Господа, — что Онъ показалъ бокъ и руки, стоялъ на берегу, путешествовалъ съ Клеопою и сказалъ, что Онъ имѣетъ плоть и кости. То тѣло, не рожденное отъ сѣмени мужескаго и похоти плоти, обладаетъ иными преимуществами. Послѣ воскресенія своего Онъ вкусилъ пищу и пилъ, и явился въ одеждѣ, далъ себя осязать,

чтобы сомнѣвающимся апостоламъ внушить вѣру въ воскресеніе. Однакожь Онъ не скрываетъ природы воздушнаго и духовнаго тѣла. Ибо входитъ чрезъ запертыя двери и въ преломленіи хлѣба исчезаетъ изъ глазъ. Слѣдовательно и намъ послѣ воскресенія можно будетъ ѣсть и пить и послѣ пищи извергать испражненія? И гдѣ же будетъ оное обѣтованіе: *подобаетъ смѣртному сему облещися въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53)»?

Вотъ вся причина, почему въ изложеніи своей вѣры, для того, чтобы обмануть слухъ несвѣдущихъ, ты девять разъ называешь тѣло, и ни разу не называешь плоти; потому что люди думаютъ, что ты въ тѣлѣ признаешь и плоть, и что тѣло и плоть одно и тоже. Если одно и тоже, то не означаютъ различнаго. Ибо я знаю, что ты скажешь: я думалъ, что тѣло тоже, что и плоть: я сказалъ просто. Отчего же ты скорѣе не говоришь плоть, чтобы обозначить тѣло и безразлично не употребляешь то плоть, то тѣло, чтобы обозначалось тѣло въ плоти и плоть въ тѣлѣ? Но повѣрь мнѣ, не просто твое умолчаніе. Потому что иное значитъ плоть, и иное — тѣло. Плоть собственно та, которая обтянута кровью, жилами, костями, нервами. Тѣломъ хотя называется и плоть, но иногда обозначается эѳирное или воздушное тѣло, которое не подлежитъ осязанію и зрѣнію, хотя большею частію тѣло видимо и осязаемо. Стѣна есть тѣло, но не плоть; камень есть тѣло, но не называется плотію. Поэтому и апостоль называетъ тѣла небесныя и тѣла земныя. Небесное тѣло—солнца, луны и звѣздъ. Земное—огня, воздуха, воды, земли и прочаго, что безъ души, опредѣляется этими элементами. Видишь ли, что мы понимаемъ ваши тонкости и выводимъ наружу тайны, которыя высказываете вы на ложахъ и между совершенными, и которыхъ внѣ стоящій народъ не удостоивается слышать? Это то, что вы, приложивъ руку къ уху и пощелкивая паль-

цами, осмѣивая говоритѣ: *вся слава дщери цареви внутрь* (Пс. 44, 14, и: *всѣде мя царь въ ложницу свою* (П. П. 1, 3). Ясно, для чего ты сказалъ о воскресеніи тѣла, а не плоти: для того, чтобы мы, простаки, думали, что ты подъ тѣломъ говорилъ о плоти, а тѣ, кои совершенны, разумѣли, что подъ тѣломъ отрицается плоть. Наконецъ апостоль въ посланіи своемъ къ Колоссяамъ, желалъ показать, что тѣло Христова плотяное, а не духовное, воздушное, легкое,—выразительно сказалъ, говоря: *и васъ иногда сущихъ отчужденныхъ и враговъ помыслиемъ въ дѣлѣхъ лукавыхъ примири въ тѣлѣ плоти его смертію его* (Кол. 1, 21. 22). И опять въ томъ же посланіи: *о немже и обрѣзани бысте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ въ совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти* (Кол. 2, 11). Если тѣло означаетъ только плоть и не есть понятіе двусмысленное и не можетъ быть притягиваемо къ различнымъ смысламъ, то онъ совершенно излишне называетъ тѣлесное и плотяное, какъ будто плоть не разумѣется въ тѣлѣ.

Въ символѣ вѣры и надежды нашей, который, бывъ переданъ отъ апостоловъ, не написанъ на бумагѣ и чернилами, но на скрижаляхъ сердца плотяныхъ, послѣ исповѣданія Троицы и единства церкви, все таинство христіанскаго догмата заключается воскресеніемъ плоти. А ты такъ упорствуешь на словѣ и повтореніи тѣла и опять тѣла и въ третій разъ тѣла и даже до девяти разъ тѣла, и ни разу не называешь плотію того, что они (апостолы) всегда называютъ плотію, а не называютъ тѣломъ. Но знай, что мы понимаемъ и то, что тонко привносишь ты и что съ благо-разумною предусмотрительностію скрываешь. Ибо ты доказываешь истину воскресенія тѣми свидѣтельствами, которыми Оригенъ отрицаетъ, и, утверждая невѣрное относительно предметовъ сомнительныхъ, внезапною бурей разрушаешь вѣрный домъ вѣры. «Сѣется», говоритъ, «тѣло душевное, воз-

станеть тѣло духовное. Ибо ни женятся, ни посягаютъ, но будутъ какъ ангелы на небесахъ». Какія другія свидѣтельства взялъ бы ты, если бы отрицалъ воскресеніе? Ты хочешь, какъ говоришь ты, исповѣдывать воскресеніе истинно, а не мнимо. Пощекотавъ уши несвѣдущихъ, что мы воскреснемъ въ тѣхъ же самыхъ тѣлахъ, въ которыхъ умерли и погребены—прибавь лучше и скажи вотъ что: какъ Господь послѣ воскресенія показалъ язвы отъ гвоздей на рукахъ, показалъ рану отъ копія въ боку и, когда апостолы сомнѣвались, такъ какъ думали, что они видятъ призракъ, сказалъ: *осяжите мя и видите, яко духъ плоти и кости не имать, якоже мене видите имуща* (Лук. 24, 39) и собственно Өомъ: «вложи персть твой въ руки мои и руку твою въ бокъ мой и не буди невѣренъ, но вѣренъ» (Іоан. 20, 27), такъ и мы послѣ воскресенія будемъ имѣть тѣже члены, которыми пользуемся теперь, тѣже плоть и кровь и кости, коихъ дѣла осуждаются священными Писаніями, а не природа. Наконецъ въ книгѣ Бытія написано: *не имать Духъ мой пребывать въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3). И апостоль Павелъ о зломъ ученіи и дѣлахъ іудеевъ сказалъ: *не приложихся плоти и крови* (Гал. 1, 16). И святымъ, которые безъ сомнѣнія были во плоти, говоритъ: *вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ*, «если однако Духъ Божій живетъ въ васъ» (Рим. 8, 9). Ибо говоря, что не во плоти тѣ, которые безъ сомнѣнія были во плоти, онъ осуждалъ не естество плоти, а грѣхи.

Истинное исповѣданіе воскресенія то, которое настолько усвоетъ плоти прославленіе, что не уничтожаетъ ея истинности. А что апостоль называетъ *тлѣнное сіе и смертное* (1 Кор. 15), то этимъ онъ указываетъ на то самое тѣло, то есть плоть, которая тогда была предъ глазами. А что присоединяетъ: *облещися въ нетлѣніе и безсмертіе*, то этимъ говоритъ не то, что это облеченіе, т. е. одежда, уничто-

жаеть тѣло, которое оно украшаетъ славою, а то, что бывшее прежде безславнымъ дѣлаеть славнымъ, такъ что, сложивъ худую одежду смертности и нетвердости, мы облакаемся въ золото безсмертія и такъ сказать въ блаженство твердости и силы, желая не совлечься плоти, но переоблечься въ славу, и стремясь переимѣнить жилище наше, которое на небесахъ есть, чтобы смертное потреблено было жизнію. Конечно переоблекается только тотъ, кто прежде былъ облеченъ. И Господь нашъ на горѣ преобразился во славу (Матѣ. 17; Марк. 9) не такъ, что потерялъ руки и ноги и прочіе члены и внезапно сталъ вращаться въ круглой формѣ солнца или шара, но тѣже члены, блистающіе солнечнымъ свѣтомъ, ослѣпили глаза апостоловъ; поэтому и одежды Его измѣнились въ бѣлый цвѣтъ, а не въ воздухъ, чтобы какъ нибудь ты не сталъ утверждать, что и одежды Его были духовныя. *И просвѣтися, говоритъ, лице Его яко солнце* (Матѣ. 17, 2). А если называется лице, то думаю, что были видимы и прочіе члены. Енохъ преложенъ во плоти. Илія взятъ на небо плотскимъ (Быт. 5, 4; 3 Цар. 2): не умершіе, но уже жители рая, они имѣють члены, съ которыми взяты и преложены. Чему мы подражаемъ постомъ, тѣмъ они обладаютъ въ общеніи съ Богомъ. Питаются хлѣбомъ небеснымъ и насыщаются всякимъ словомъ Божиимъ, имѣя того же Господомъ, кого и пищею. Послушай Спасителя говорящаго: «и плоть моя покоится въ упованіи» (Пс. 15, 9) и въ другомъ мѣстѣ: *плоть Его не видѣ истлѣнія* (Дѣян. 2, 30) и опять: *узритъ всяка плоть спасеніе Божіе* (Исх. 40, 3). А ты постоянно унижаешь плоть? Припомни лучше Іезекііля, который, соединяя кости съ костями и выводя ихъ изъ гробовъ ихъ и ставая на ноги, облакаетъ ихъ плотію и жилами и сверху покрываетъ кожею (Іезек. 37).

Да возгремить Іовъ, побѣдитель испытаній, и, оскабливая черепкомъ гной загнившейся плоти, пусть утѣшается въ

своихъ несчастіяхъ надеждою и истиною воскресенія. «Кто»—говорить онъ, «дасть мнѣ, да напишутся рѣчи мои и напечатлѣются въ книгѣ стилемъ желѣзнымъ и на доскѣ свинцовой, или вырѣжутся рѣзцомъ на камнѣ? Ибо я знаю, что Искупитель мой живъ и въ послѣдній день я воскресну отъ земли и опять облечусь кожею моею и во плоти моей увижу Бога: котораго увижу я самъ и глаза мои будутъ видѣть, а не другой. Вложена эта надежда моя въ нѣдрѣ моемъ» (Іов. 19, 23 и слѣд.). Что яснѣе этого пророчества? Никто такъ ясно не говоритъ о воскресеніи послѣ Христа, какъ онъ прежде Христа. Онъ хочетъ, чтобы слова его оставались навсегда и для того, чтобы они не были истреблены ни отъ какой давности, хочетъ, чтобы они были вырѣзаны на свинцовой доскѣ, или рѣзцомъ на камнѣ. Онъ надѣется на воскресеніе, даже знаетъ и видитъ, что живъ Христосъ Искупитель его, и что въ послѣдній день онъ воскреснетъ. Еще не умиралъ Господь, а ратоборець церкви видѣлъ своего Искупителя, воскресающаго отъ преисподнихъ. А то, что присоединяетъ: «и опять облечусь кожею моею и въ плоти моей увижу Бога»—думаю, что говоритъ не какъ любитель плоти, которую видѣлъ гнойною и смердящею, но по вѣрѣ въ воскресеніе онъ презираетъ настоящее, утѣшаясь будущимъ. Говоритъ опять: «облечусь кожею моею». Гдѣ здѣсь земное тѣло? гдѣ воздушное и подобное духу и вѣтру? Безъ сомнѣнія, гдѣ кожа и плоть, гдѣ кости и нервы, и кровь и жилы, тамъ организмъ плоти, тамъ особенность пола. «И въ плоти»—говоритъ — «увижу Бога». Когда всяка плоть узритъ спасеніе Божіе и Іисуса Бога, тогда и я увижу Искупителя и Спасителя и Бога моего. А увижу въ этой самой плоти, которая теперь мучитъ меня, которая теперь истаиваетъ отъ болѣзни. Я потому увижу Бога въ плоти, что всѣ болѣзни мои Онъ исцѣлилъ своимъ воскресеніемъ. Не кажется ли тебѣ, что уже тогда Іовъ писалъ противъ

Оригена, и за истинность плоти, въ которой терпѣлъ мученія, имѣлъ другое препирательство — противъ еретиковъ? Ибо онъ скорбитъ, если онъ напрасно претерпѣлъ столь много, и тогда какъ иная плоть воскреснетъ духовно, эта тѣлесно мучится. Поэтому-то онъ съ усиліемъ и распространеніемъ говоритъ, и замыкаетъ всѣ тайныя извороты открытымъ голосомъ, говоря: «и котораго увижу я самъ и глаза мои будутъ видѣть, а не иной». Если онъ воскреснетъ не въ своемъ полѣ, если не съ тѣми же членами, которые лежали на гноищѣ, если откроетъ для лицезрѣнія Бога не тѣже глаза, которыми тогда видѣлъ червей, то гдѣ же будетъ Іовъ? Отвергаешь то, въ чемъ жилъ Іовъ, и даешь мнѣ пустое слово воскресающаго: если хочешь возобновленія корабля послѣ кораблекрушенія, то какимъ образомъ отрицаешь все, изъ чего строится корабль?

Я смѣло буду говорить, и хотя бы вы терзали мнѣ уста, вырывали волосы, топтали ногами, искали камней іудеевъ, я самымъ открытымъ образомъ буду исповѣдывать вѣру церкви. Безъ плоти и костей, безъ крови и членовъ нельзя разумѣть истины воскресенія. Гдѣ плоть и кости, и кровь, и члены, тамъ необходимо должно быть и различіе пола. Гдѣ различіе пола, тамъ Іоаннъ—Іоаннъ, Марія—Марія. Не бойся брака тѣхъ, кои и до смерти въ полѣ своемъ жили безъ полового отправления. Когда говорится. «въ тотъ день ни женятся, ни замужъ не выходятъ» (Матѳ. 22, 30), то говорится о тѣхъ, которые могутъ жениться, но не женятся. Ибо никто не говоритъ объ ангелахъ: «они ни женятся, ни замужъ не выходятъ». Я никогда не слыхалъ, что на небѣ совершаются браки духовныхъ силъ; но гдѣ есть полъ, тамъ мужчина и женщина. Поэтому и ты, хотя неволью, бывъ вынужденъ истинною, сознался и сказалъ: «или получить награду въ тѣлѣ за то, что жилъ цѣломудренно и праведно, или будетъ осужденъ въ тѣлѣ за то, что

служилъ похотямъ и нечестію». Отбрось тѣло и поставь плоть, — и ты не отвергъь мужчины и женщины. Ибо кто живетъ со славою цѣломудрія, не имѣя пола, чрезъ который могло быть совершенно нецѣломудріе? Ибо кто когда нибудь награждалъ камень за то, что онъ пребылъ дѣвственникомъ? Намъ обѣщается уподобленіе ангеламъ, то есть въ плоти и полѣ нашемъ намъ дано будетъ то блаженство, въ которомъ находятся не имѣющіе плоти и пола ангелы. Мое невѣжество такъ вѣруеть и такъ разумѣеть признаніе пола безъ отпавленій пола, воскресеніе людей и уподобленіе ихъ ангеламъ. И не покажется при этомъ излишнимъ воскресеніе членовъ, которые не будутъ имѣть своихъ отпавленій, — когда и въ этой жизни мы стремимся не исполнять отпавленій членовъ. А уподобленіе ангеламъ не есть превращеніе людей въ ангеловъ, а есть совершенство безсмертія и славы.

А тѣ доказательства отъ дѣтей и младенцевъ, и стариковъ, и пищи, и испражненій, — которыми ты пользуешься противъ церквей, — не твои: они получили начало изъ языческаго источника. Ибо тоже самое говорятъ противъ насъ язычники. Ты, называющій себя христіаниномъ, оставь оружіе язычниковъ. Пусть лучше они научатся у тебя вѣровать въ воскресеніе плоти, чѣмъ ты у нихъ — отвергать. Или, если и ты изъ числа враговъ, то смѣло объяви себя противникомъ, чтобы принять удары язычниковъ. Уступаю тебѣ твоихъ кормилицъ, лишь бы не плакали дѣти, уступаю престарѣлыхъ стариковъ, лишь бы они не корчились отъ зимняго холода. И цирюльники напрасно учились своему ремеслу, зная, что народъ Израильскій въ продолженіе сорока лѣтъ не испытывалъ приращенія ни ногтей, ни волосъ, и, что больше этого, не изнашивалась одежда ихъ и не ветшала обувь ихъ. Енохъ и Илія, о которыхъ мы прежде сказали, въ теченіе столь долгаго времени остаются въ томъ же возрастѣ, въ какомъ были взяты. Имѣютъ они зубы, чрево,

родотворные члены, и однако не нуждаются ни въ нищѣ, ни въ женахъ. Зачѣмъ унижаешь могущество Божіе? Онъ, Который можетъ изъ сердцевины оной и изъ первоосновы вашей, ἐντερῶν, не плоть только производить отъ плоти, но тѣло, и творить изъ одного другое, и воду, т. е. презрѣнную плоть, превращать въ дорогія вина воздушнаго тѣла, — Онъ безъ сомнѣнія можетъ тою же силою, которою изъ ничего сотворилъ все, возстановить существовавшее, потому что возстановить существовавшее малозначительнѣе, чѣмъ создать несуществовавшее. Неужели ты удивляешься, если изъ дѣтей и стариковъ воскресеніе бываетъ съ возрастѣ мужа совершеннаго, когда изъ персти земной безъ всякихъ переходовъ возраста былъ созданъ совершенный человѣкъ? Ребро превращается въ женщину; а въ третьемъ видѣ человѣческаго состоянія презрѣнные и студныя элементы нашего рожденія превращаются въ плоть, связываются въ члены, расходятся въ жилы, отвердѣваютъ въ кости. Хочешь ли послушать и о четвертомъ родѣ человѣческаго рожденія? *Духъ Святый найдетъ на тя и сила Вышняго осянеть тя. Сего ради и рождаемое свято наречется Сынъ Божій* (Лук. 1, 35). Иначе Адамъ, иначе Ева, иначе Авель, иначе человѣкъ Иисусъ Христосъ. И во всѣхъ различныхъ началахъ одна человѣческая природа не различна.

Если бы я хотѣлъ доказывать воскресеніе плоти и всѣхъ членовъ и къ каждому свидѣтельству присоединять изъясненія, то потребовалось бы написать много книгъ; но настоящее сочиненіе этого не требуетъ. Ибо я предположилъ не Оригену отвѣчать на все, а раскрыть мистеріи лживаго отвѣта. Однако, поелику я пространно изложилъ противное мнѣніе, и опасаясь, чтобы, заботясь о разсѣяніи лжи, не оставить читателю соблазнительнаго пункта, я представляю свидѣтельства массою и кратко пробѣгу ихъ, чтобы ратовать противъ ядовитаго изложенія доказательствъ всею тя-

жестію Писаній. Кто не имѣеть брачной одежды и не сохранилъ заповѣди: «да будутъ бѣлы ризы твои всегда», — тотъ связывается по рукамъ и по ногамъ, чтобы не возлежалъ на пиршествѣ, не сидѣлъ на престолѣ, не стоялъ одесную Бога; онъ посылается въ геенну, гдѣ плачь очей и скрежетъ зубовъ (Матѳ. 22). *Власи главы вишей изочтены суть* (Лук. 12, 7). Если волосы, то думаю легче — зубы. А напрасно изочтены, если нѣкогда погибнуть. *Грядетъ часъ, въ онъже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ* (Іоан. 5, 28). Услышать ушами, выйдутъ ногами. Это и Лазарь уже прежде сдѣлалъ. А выйдутъ изъ гробовъ, то есть, мертвые, положенные прежде во гробы, выйдутъ и воскреснутъ изъ могилъ своихъ. «Ибо роса, которая отъ Бога, есть врачевство костямъ ихъ». Тогда исполнится то, что Господь говоритъ чрезъ пророка: *людіе мои, видите въ храмины ваша мало елико елико, дондеже мимоидетъ гнѣвъ мой* (Ис. 26, 20). Храмины означаютъ гробы, изъ которыхъ безъ сомнѣнія изводится то, что было сокрыто въ нихъ. И выйдутъ изъ гробовъ своихъ, какъ молодые кони, освобожденные отъ путъ. Возрадуется сердце ихъ, и кости ихъ какъ солнце заблестятъ: всякая плоть придетъ предъ лице Божіе, и повелитъ Онъ рыбамъ морскимъ и изрыгнуть онѣ кости, которыя пожрали, и сотворитъ составъ къ составу, кость къ кости, и почившіе въ персти земной возстанутъ: одни въ животъ вѣчный, другіе въ укоризну и стыдѣніе вѣчное (Дѣян. 12, 2). Тогда праведные увидятъ наказанія и муки нечестивыхъ: потому что червь ихъ не умретъ и огонь ихъ не угаснетъ и будутъ въ виду всякой плоти (Ис. 66, 24). Итакъ, поколику имѣемъ это упованіе, потолику, насколько обратили мы уды свои въ служеніе нечистотѣ и неправдѣ къ неправдѣ, настолько обратимъ ихъ на служеніе правдѣ къ освященію, чтобы, воскресши изъ мертвыхъ, ходить во обновленіи жизни

(Рим. 6, 19). Какъ и жизнь Господа Іисуса является въ нашемъ смертномъ тѣлѣ, такъ Тотъ, Который воскресилъ Іисуса Христа отъ мертвыхъ, оживить и смертныя тѣла наши ради живущаго въ насъ духа Его (2 Кор. 4, 14). Ибо праведно есть, чтобы въ насъ, которые всегда носили мертвость Христа въ тѣлѣ нашемъ, и жизнь Іисуса явилась въ смертномъ тѣлѣ нашемъ, то есть въ плоти смертной по природѣ и вѣчной по благодати. И Стефанъ видѣлъ Іисуса, стоящаго одесную Отца (Дѣян. 8), и рука Моисея превратилась въ бѣлизну снѣга и потомъ снова обращена въ прежній цвѣтъ (Исх. 4). При томъ и другомъ превращеніи рука оставалась. Оный скудельникъ Іереміи, у котораго сдѣланный имъ сосудъ разбился отъ твердости камней, изъ той же массы и изъ той же глины возстановилъ разбитое (Іер. 18). Но и самое слово *возстаніе* показываетъ, что не иное падаетъ и не иное возстаетъ; а присовокупляемос: *мертвыхъ* указываетъ на ту самую плоть: ибо что въ чловѣкѣ умираетъ, то же самое и оживотворяется. Оный изъязвленный путникъ Іерихонскій всецѣло отводится въ гостиницу и раны грѣховъ исцѣляются безсмертіемъ (Луг. 19).

Отверзлись гробы и въ страданіи Господа, когда солнце скрылось, земля потряслась и многія тѣла святыхъ воскресли и явились въ святомъ градѣ (Мѡ. 27). *Кто сей, говоритъ Ісаія, пришедшій отъ Едома: червлены ризы его отъ Восора: «такъ красивъ онъ въ одеждѣ бѣлой» (Ис. 63, 1).* Едомъ значитъ или *земной*, или *кровизый*; Восоръ — или *плоть*, или *въ печали*. Въ немногихъ словахъ изображаетъ всю тайну воскресенія, то есть истинность плоти и возвышеніе славы. И смыслъ этого такой: кто этотъ восшедшій отъ земли, восшедшій отъ крови (Быт. 49; Ис. 63)? Одежды Его, Который привязалъ къ виноградной лозѣ жребя свое и топталъ точило однихъ, красны отъ вина Восора, то есть отъ плоти или печали міра (Іоан. 16), ибо Онъ побѣдилъ міръ.

Поэтому красны и блестящи одежды Его; поелику Онъ красенъ добротою паче сыновъ чловѣческихъ (Псал. 44) и по причинѣ славы торжествующаго одежды Его перемѣнены на бѣлую ризу; и тогда истинно исполнилось сказанное о плоти Христовой: *кто сія восходящая убѣлена и утверждаема о братъ своемъ*, и написанное въ той же книгѣ: «братъ мой красенъ и бѣлъ» (Пѣснь П. 8, 5. 10). Ему подражаютъ тѣ, кои одеждъ своихъ не осквернили съ женами (Апок. 3), ибо пребыли дѣвственниками, оскопивъ себя царствія ради небеснаго. Итакъ они будутъ въ бѣлыхъ одеждахъ. Въ то время окажется осуществленнымъ на дѣлѣ слово Господа: *да все, еже даде ми Отецъ, не погублю отъ него, но воскресу въ послѣдній день* (Іоан. 6, 39), то есть всего чловѣка, коего всецѣло принялъ въ рожденіи. Тогда овца погибшая и блуждавшая въ преисподней всецѣло будетъ принесена на раменахъ Господа и бывшая грѣховно недужною милосердіемъ Судии получить исцѣленіе (Лук. 15). Тогда увидятъ Его тѣ, кои били, кои кричали: *распни, распни Его* (Іоан. 19, 6). Трижды и трижды будутъ ударять себя въ грудь, они и жены ихъ,—тѣ жены, которымъ Господь, неся крестъ, сказалъ: *дщери іерусалимски, не плачтитеся о Мнѣ, обаче себе плачтите и чадъ вашихъ* (Лук. 23, 28). Тогда исполнится пророчество ангеловъ, которые сказали изумленнымъ апостоламъ: *мужи Галилейстїи, что стоите зряще ни небо? Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде придетъ, имже образомъ видѣте Его идуща на небо* (Дѣян. 1, 11). А каково говорить, что Господь по воскресеніи въ теченіи сорока дней вкушалъ пищу съ апостолами для того, чтобы Его не считали призракомъ, и утверждать, что то самое, что Онъ вкушалъ пищу и казался съ членами,—было призракомъ? Или истинно то, что было видимо, или ложно. Если истинно, то слѣдовательно Онъ истинно вкушалъ пищу и истинно имѣлъ члены. А если ложно,

то какимъ образомъ Онъ хотѣлъ показать ложныя вещи, чтобы доказать истину воскресенія? Ибо никто не доказываетъ истиннаго ложнымъ. Итакъ, скажешь ты, и мы послѣ воскресенія будемъ ѣсть? Не знаю. Ибо этого не написано; если же однако спрашивается объ этомъ, то думаю, что не будемъ ѣсть. Ибо я читалъ, что царствіе Божіе не есть брашно и питіе и общаетъ намъ *ихъ же око не видѣти и ухо не слышити и на сердце человеку не взыдоша* (Рим. 1). Моисей и Ілія постились сорокъ дней и ночей. Природа человѣческая этого не выносить, но что для человѣка невозможно, то не невозможно для Бога. Какъ для того, кто предрекаетъ будущее, безразлично, предвозвѣщаетъ ли онъ будущее за десять или за сто лѣтъ, потому что одинаково знаніе будущаго: такъ и тотъ, кто можетъ поститься и жить сорокъ дней, или, лучше, не можетъ поститься, а живетъ силою Божіею,—будетъ въ состояніи и во вѣки жить безъ пищи и питія. Для чего Господь вкушаетъ согъ? Чтобы доказать воскресеніе, а не для того, чтобы и твоему рту общать медовыя снѣди. Онъ попросилъ рыбы, испеченной на огнѣ, чтобы утвердить сомнѣвающихся апостоловъ, которые не смѣли подойти къ Нему, думая, что они видятъ духъ, а не тѣло (Іоан. 20). Воскрешается дочь архисинагога и принимаетъ пищу, воскресаетъ четверодневный мертвецъ Лазарь и его ведутъ ѣсть (Марк. 5; Іоан. 11),—не потому, что онъ проголодался въ адѣ, а потому, что необычайность событія требовала полнаго удостовѣренія. Какъ показалъ истинныя руки и истинное ребро, такъ истинно вкусилъ пищу съ учениками, истинно шелъ съ Клеопою, истинно говорилъ языкомъ съ людьми, истинно возлежалъ за трапезою, истинными руками взялъ хлѣбъ, преломилъ и далъ имъ. А что внезапно исчезъ изъ глазъ, то это—сила Божія, а не признакъ привидѣнія или призрака. Нѣкогда и до воскресенія, когда Его вывели изъ Назарета, чтобы низвергнуть съ вер-

шины горы, Онъ прошелъ посреди народа, то есть пропалъ изъ рукъ ихъ. Неужели мы можемъ говорить согласно съ Маркіономъ, что рожденіе Его потому было въ призракъ, что Онъ противоестественно исчезъ изъ рукъ, когда Его держали? Развѣ Господу невозможно того, что возможно волхвамъ? Объ Аполлоніи Тіанскомъ написано, что, когда онъ стоялъ въ судѣ предъ Домиціаномъ, то вдругъ сталъ невидимъ. Не приравнивай силы Божіей къ чарамъ волхвовъ, чтобы казалось только существовавшимъ то, чего на самомъ дѣлѣ не было и чтобы признавать, что Господь ѣлъ безъ зубовъ, ходилъ безъ ногъ, преломлялъ хлѣбъ безъ рукъ, говорилъ безъ языка и показывалъ бокъ безъ реберъ.

А какъ, скажешь ты, не узнали Его на пути, если Онъ имѣлъ то самое тѣло, какое имѣлъ прежде? Послушай Писаніе, которое говоритъ: *очи ею держасться, да его не познаета* (Лук. 14, 16) и опять: *онѣма отверзосться очи и познаша его* (ст. 31). Неужели Онъ былъ однимъ, когда былъ неузнаваемъ, и другимъ, когда былъ узнавъ? Конечно, Онъ былъ одинъ и тотъ же. Слѣдовательно и знаніе и неузнаваніе Его зависило отъ глазъ, а не отъ Того, который былъ видимъ, хотя и было Его дѣломъ. Ибо Онъ удерживалъ глаза ихъ, чтобы не узнавали Его. Наконецъ, чтобы ты зналъ, что заблужденіе, оказавшееся здѣсь, происходило не отъ тѣла Господа, а отъ заключенныхъ глазъ, сказалъ: *онѣма отверзосться очи и познаста Его* (Лук. 24, 31). Поэтому и Марія Магдалина, пока не узнавала Іисуса, и живаго искала между мертвыми, считала Его садовникомъ. Узнаетъ—и называетъ Господомъ. Послѣ воскресенія Іисусъ стоялъ на берегу, ученики были на кораблѣ. Тогда какъ другіе не узнавали Его, ученикъ, котораго любилъ Іисусъ, сказалъ Петру: *Господь есть* (Іоан. 21, 7). Ибо дѣвство первое узнаетъ дѣвственное тѣло. Онъ былъ одинъ и тотъ же, но не одинаковымъ казался для всѣхъ. И тотчасъ при-

совокупляется: *ни единъ же смѣяше отъ ученикъ истязати его, ты кто еси, вѣдѣюще яко Господь есть* (Іоанн. 21, 12). Никто не смѣлъ, потому что знали, что Онъ Богъ. Ъли съ обѣдающимъ, потому что видѣли, что Онъ человѣкъ и плоть,—не такъ, чтобы иной былъ Богъ, иной человѣкъ, но одинъ и тотъ же Сынъ Божій познавался какъ человѣкъ, почитался какъ Богъ. Конечно, теперь мнѣ нужно философствовать, что чувства наши обманчивы, и особенно зрѣніе. Нужно вызвать изъ ада какого нибудь Карнеада, чтобы онъ сказалъ истину. Весло въ водѣ кажется-де преломленнымъ, портики издали—дочень малыми, углы башень вдали—круглыми, шеи голубей—измѣняющимися въ цвѣтъ при каждомъ поворотѣ. Когда Рода объявила о Петрѣ и сказала апостоламъ, что онъ освободился отъ великой опасности, то они не вѣрятъ, думаютъ, что это призракъ (Дѣян. 12). Далѣе, что Онъ всшелъ въ запертыя двери, то это было дѣломъ силы Того же, Кто могъ и исчезнуть изъ глазъ. Лицеѣй (какъ разсказываютъ басни) видѣлъ чрезъ стѣну: а Господь не могъ войти чрезъ запертыя двери, какъ только призракомъ? Орлы и коршуны чуютъ трупы изъ-за моря. А Спаситель апостоловъ своихъ не увидитъ иначе, какъ отворивши дверь? Скажи мнѣ, остроумнѣйшій совопросникъ, что болѣе для Бога: повѣсить ли на ничемъ такую громаду земли и утвердить на зыби водъ, или пройти чрезъ запертую дверь, и твари уступить Творцу? То, что больше, ты признаешь, а что меньше, отрицаешь. Петръ съ тяжелымъ и твердымъ тѣломъ ходитъ по водамъ: зыбкая волна не уступаетъ; чуть-чуть сомнѣвается вѣра,—и тотчасъ тѣло уразумѣваетъ свою природу, чтобы мы знали, что не тѣло ходило по водамъ, а вѣра.

Прошу тебя, употребляющаго такіе аргументы противъ воскресенія, говорить со мною искренно. Вѣруешь ли, что Господь истинно воскресъ въ томъ же тѣлѣ, въ которомъ

умеръ, или не вѣруешь? Если вѣруешь, то зачѣмъ представляешь то, чѣмъ воскресеніе отрицается? Если не вѣруешь, зачѣмъ такъ обольщаешь души неопытныхъ, и воскресеніе бросаешь на вѣтеръ какъ пустое слово. Послушай. Недавно нѣкто изъ школы Маркіона сказалъ: горе тому, кто воскреснетъ въ этой плоти и въ этихъ костяхъ. Сочувствующій умъ тотчасъ прибавилъ: «ибо мы спогреблись и совоскресли со Христомъ чрезъ крещеніе» (Рим. 6, 4). Говоришь о воскресеніи души, или—плоти? Я отвѣчалъ: не одной души, но плоти, которая съ душою возраждается въ крещеніи. И какъ погибнетъ та, которая во Христѣ возрождена? Ибо написано: *плоть и кровь царствія Божія не наследуютъ* (1 Кор. 15). Прошу тебя, внимай тому, что говорится: *плоть и кровь царствія Божія не наследуютъ*. Развѣ не воскреснутъ? Нѣтъ, но не наследуютъ. Почему не наследуютъ? Потому что слѣдуетъ: *ниже тлѣніе нетлѣнія наследуетъ*. Итакъ до тѣхъ поръ царства Божія не наследуютъ, пока будутъ только плотію и кровію. А когда тлѣнное облечется въ нетлѣніе и смертное облечется въ безсмертіе (1 Кор. 15, 53) и персть плоти, пережатая въ глиняный сосудъ, сначала отъ сильной тяжести вдавливавшійся въ землю, вопринявъ крылья духа, измѣненные, но не уничтоженные, въ новой славѣ воспаритъ на небо; то тогда исполнится написанное: *пожертва бысть смерть побѣдою: гдѣ прѣ твоя смерть; гдѣ оstenъ твой, смерть* (Ос. 13; 1 Кор. 15, 55).

Въ обратномъ порядкѣ отвѣтили мы о состояніи душъ и воскресеніи, и, оставивши начало посланія, спорили исключительно противъ выдающихся изъ ряда трактатовъ его. Ибо мы сочли за лучшее говорить о предметахъ божественныхъ, чѣмъ о своихъ дрязгахъ. *Аще согрѣшитъ мужъ къ мужеву, помолятся о немъ ко Господу: аще же Господу согрѣшитъ, кто помолится о немъ?* (1 Цар. 2, 25).

Теперь наоборотъ больше всего неумирающею ненавистію преслѣдуемъ нашихъ противниковъ: богохульникамъ протягиваемъ милостивую руку. Пишетъ онъ къ епископу Теофилу апологію, начало которой такое: «Ты, какъ человѣкъ Божій и украшенный апостольскою благодатію, подъемлешь попеченіе о всѣхъ церквахъ, въ особенности о той, которая въ Іерусалимѣ, хотя самъ обремененъ весьма многими заботами о церкви, которая подъ твоимъ управленіемъ». Хвалить лицо, къ лицу пріурочиваетъ начало. Ты, требующій правилъ церковныхъ и пользующійся канонами Никейскаго собора и старающійся употреблять въ свою пользу чужихъ клириковъ, живущихъ съ своими епископами, отвѣчай мнѣ, какимъ образомъ Палестина принадлежитъ александрійскому епископу? Если не ошибаюсь, тамъ (въ канонахъ) опредѣляется то, чтобы митрополію Палестины была Кесарія, а всего Востока—Антіохія. Слѣдовательно ты долженъ былъ относиться или къ Кесарійскому епископу, съ которымъ, независимо отъ твоего общенія, какъ зналъ ты, мы имѣемъ общеніе, или, если нужно было искать суда вдали, посланіе скорѣе должно быть отправлено въ Антіохію. Но я знаю, почему ты не захотѣлъ послать въ Кесарію, почему—въ Антіохію. Ты зналъ, чего тебѣ нужно удалиться, чего избѣгать. Ты предпочелъ обезпокоить занятыя уши, чѣмъ отдать должную честь своему митрополиту. Говорю не то, чтобы кромѣ дружественныхъ отношеній, возбуждающихъ подозрѣніе, я что нибудь упрекалъ въ посольствѣ, а то, что ты долженъ бы былъ очистить себя преимущественно предъ спрашивающими и присутствующими. «Ты послалъ благочестивѣйшаго человѣка Божія, пресвитера Исидора, мужа сильнаго какъ по самой наружности и достоинству вѣшности, такъ и по божественному разуму, послалъ уврачевать даже тѣхъ, которые сильно болѣютъ духомъ, если только они чувствуютъ свою болѣзнь. Человѣкъ Божій послалъ человѣка

Божія». Нѣтъ никакого различія между пресвитеромъ и епископомъ; одинаковое достоинство посылающаго и посланнаго: это довольно неумѣло:—въ пристани, какъ говорится, кораблекрушеніе. Этотъ Исидоръ, твоими похвалами возносимый на небо, въ томъ же самомъ обвиняется въ Александріи, въ чемъ—ты въ Іерусалимѣ; поэтому представляется, что онъ явился не легатомъ, а сообщникомъ. И письмо, написанное его рукою, присланное намъ за три мѣсяца до посольства, заключающее заблужденіе, отдано пресвитеру Винкентію, и доселѣ у него хранится,—письмо, въ которомъ убѣждаетъ предводителя своего воинства, чтобы онъ твердою ногою стоялъ на камнѣ вѣры и не страшился нашихъ бредней. Обѣщаетъ, прежде чѣмъ возникнетъ какое либо подозрѣніе въ посольствѣ, придти въ Іерусалимъ и по прибытіи сокрушить тамъ всѣ подкопы противниковъ. И между прочимъ употребляетъ такія выраженія: «какъ дымъ разсѣвается въ воздухѣ, и воскъ таетъ вблизи огня: такъ разсѣются тѣ, которые, всегда противясь церковной вѣрѣ, теперь усиливаются чрезъ людей простыхъ поколебать эту вѣру».

Спрашиваю тебя, читатель: ищущій это прежде прибытія, кѣмъ тебѣ кажется,—противникомъ или легатомъ? Это тотъ, котораго мы можемъ назвать благочестивѣйшимъ или религіознѣйшимъ и, выражаясь слово въ слово, *богочтецомъ* (θεοσεβέστατον). Это человѣкъ божественнаго разума, столь сильный, съ такимъ достоинствомъ наружности и благоповеденія, что какъ духовный Иппократъ, своимъ присутвіемъ можетъ изцѣлить болѣзнь душъ нашихъ, если только мы захотимъ принять его врачевство. Пусть самъ изцѣлитъ себя такимъ врачевствомъ привыкшій врачевать и другихъ. Для насъ тотъ божественный разумъ есть безуміе предъ Христомъ. Съ радостію мы болѣемъ своимъ невѣжествомъ, лишь бы отъ вашей глазной примочки не научиться смотрѣть нечестиво. «А твоей святинѣ за прекрасное намѣ-

реніе, какъ бы оно уже было осуществлено, молимъ Господа во святыхъ мѣстахъ ночью и днемъ, да дастъ ей совершенную мзду и даруетъ вѣнецъ жизни». Справедливо благодарись, потому что если бы не явился Исидоръ, ты во всей Палестинѣ не нашелъ бы столь вѣрнаго союзника. Если бы онъ не принесъ тебѣ обѣщанной помощи, ты погрязалъ бы въ толпѣ невѣждъ, которая не могла понимать твоей мудрости. Эта самая апологія, о которой теперь рѣчь, написана въ присутствіи и при сильномъ содѣйствіи Исидора, такъ что одинъ и тотъ же былъ и авторъ и доставитель письма.

Итакъ, когда онъ пришелъ сюда и три раза являлся къ намъ и излагалъ врачующія слова какъ божественной мудрости, такъ и своего ума; то ни самъ никому не принесъ пользы, ни ему никто. Онъ, о которомъ говорится, что три раза приходилъ къ намъ, — чтобы въ посѣщеніи сохранить мистическое число, — который передавалъ намъ приказаніе епископа Θεософа, не хотѣлъ передать письмо, присланное намъ отъ него. И когда мы говорили: если ты легать, то дай посланіе о твоёмъ легатствѣ, а если не имѣешь посланія, то какъ докажешь свое посольство?—отвѣчалъ, что хотя онъ и имѣетъ посланіе къ намъ, но онъ глывною обязанъ отъ іерусалимскаго епископа не передавать его намъ. Вотъ опытность легата, который, чтобы устроить примиреніе и отстранить подозрѣніе въ сочувствіи одной сторонѣ, показываетъ себя безпристрастнымъ къ обѣимъ сторонамъ. И такъ какъ онъ явился безъ пластыря и не имѣлъ медицинскихъ инструментовъ, то поэтому и леченіе его не оказало пользы. Іеронимъ и тѣ, кои съ нимъ «и тайно и предъ всѣми очень часто и подъ глывеннымъ свидѣтельствомъ завѣряли его, что они никогда не имѣли относительно насъ никакого подозрѣнія въ вѣрѣ, говоря: какъ въ то время, когда мы имѣли общеніе съ нимъ, такъ точно и теперь мы имѣемъ ту же любовь въ отношеніи вѣры». Смотрите, что дѣлаетъ согла-

сіе въ догматахъ. Чтобы выразить это, Исидоръ является его сообщникомъ и называется человѣкомъ Божиимъ и пресвитеромъ *θεοσεβέστατος* (благочестивѣйшимъ) и мужемъ сильнымъ и священной и почтенной наружности и божественнаго разума и Иппократомъ христіанъ. А я, бѣдненькій, укрываясь въ пустынь, внезапно подрубленный столь великимъ первосвященникомъ, потерялъ имя пресвитера. И однако этотъ Іеронимъ съ толпою лохмотниковъ и грязною массою, что осмѣлился отвѣтить одному молніеносному Исидору? И чтобы какъ нибудь онъ не заупрямился и не подавилъ ихъ своимъ присутствіемъ и массою своего тѣла, не однажды, не трижды, а весьма часто они клялись-де, что они относительно вопроса пункта знаютъ его православнымъ и никогда не подозрѣвали въ ереси. О явная и безстыдная ложь! О свидѣтельство за себя и не порученное Катону! Ибо устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтверждается всякое слово (Втор. 27, 6; Матѳ. 18, 16; 2 Кор. 16, 1). Развѣ когда-нибудь было сказано или было тебѣ когда-нибудь сообщено, что мы входили въ общеніе съ тобою безъ испытанія вѣры? Когда чрезъ ученѣйшаго и христіаннѣйшаго мужа комеса Архелая, бывшаго посредникомъ мира, было назначено мѣсто примиренія, развѣ прежде всего не было потребовано, чтобы вѣра положила основу будущаго согласія? Онъ обѣщаль прибыть. Наступалъ день Пасхи: собралась большая толпа монаховъ: тебя ждали на томъ мѣстѣ; ты не зналъ, что дѣлать. Вдругъ ты увѣдомилъ, что больна, не знаю какая-то женщина, что въ тотъ день ты не можешь явиться. Епископъ не говоритъ ли это, какъ актеръ? Представь, что ты говоришь правду: изъ—за удовольствія одной женщины, чтобы безъ тебя не разболѣлась у ней голова, чтобы она не случала, чтобы не охолодѣлъ у ней желудокъ,—ты пренебрегаешь дѣломъ церкви, не обращаешь вниманія на собраніе столькихъ людей, и христіанъ и монаховъ? Мы не

хотѣли давать повода, ибо видѣли тайную причину твоей отсрочки, и оскорбленіе побѣдили терпѣніемъ. Архелай снова пишетъ, убѣждаетъ побыть другой и третій день, не захочетъ ли онъ явиться. Но онъ занятъ: потому что у женщины не прекращалась рвота, и пока была рвота, онъ со всѣмъ забылъ о насъ. Итакъ чрезъ два мѣсяца является наконецъ ожидавшійся Исидоръ, который услышалъ не свидѣтельство за тебя, какъ ты измышляешь, а причину, почему требовали отъ него отвѣта. Ибо, когда онъ возразилъ намъ: зачѣмъ вы сообщались съ нимъ, если онъ былъ еретикомъ?—онъ услышалъ отъ всѣхъ, что сообщались, не подозрѣвая ничего касательно ереси: а послѣ того какъ обличенный блаженнымъ папою Епифаніемъ какъ словесно, такъ и письменно, онъ не соизволилъ отвѣчать, то отъ того же Епифанія всѣмъ монахамъ пришли предписанія, чтобы безъ разслѣдованія относительно его вѣры никто неосторожно не сообщался съ нимъ. Посланіе на лицо, и касательно этого сомнѣваться нельзя. Вотъ что отвѣтило собраніе братій, а не то, какъ ты доказываешь, что потому ты не еретикъ, что никогда не назывался еретикомъ. Ибо по такому разсужденію не долженъ впредь болѣть тотъ, кто прежде болѣзни былъ здоровъ.

«А когда стали разглагольствовать о рукоположеніи Павлиніана и другихъ бывшихъ съ нимъ, то увидѣли, что ихъ дѣло худо, когда ради любви и согласія уступалось имъ во всемъ, а требовалось только то, чтобы они, хотя и были рукоположены другими вопреки правиламъ, однако чтобы подчинялись церкви Божіей, чтобы не разрывали ее и не учреждали у себя своего собственнаго начальства; поэтому недовольные этимъ, они начали предлагать вопросы о вѣрѣ и возвѣщать всѣмъ, что, еслибы не были обличаемы бывшіе съ пресвитеромъ Іеронимомъ, то они ни въ чемъ не обвиняли бы насъ. А когда ихъ стали обвинять въ заблужденіи

и преступленіи, тогда, будучи совершенно не въ состояніи защититься отъ такихъ обвиненій, прибѣгли къ этому,—не потому, что надѣялись убѣдить насъ, а для того, чтобы по стараться обезчестить наше доброе имя».

Пусть никто не думаетъ, что рѣчь нескладна по винѣ переводчика. Такова она и на греческомъ. Между тѣмъ я радуюсь, что, тогда какъ я слышалъ себя обезглавленнымъ, вдругъ вижу, что мнѣ опять возвращается голова пресвитерства. Говоритъ онъ, что насъ совсѣмъ нельзя убѣдить и боится вступить въ преніе. Если причина раздора заключается не въ разногласіи относительно вѣры, и происходитъ, какъ говоришь, изъ-за посвященія Павлиніана, то какая великая глупость не хотѣть отвѣчать желающимъ дать къ этому поводъ! Исповѣдуй вѣру; но однако отвѣчай на то, въ чемъ тебя обвиняютъ, чтобы для всѣхъ было ясно, что споръ идетъ не о вѣрѣ, а о рукоположеніи. Ибо если, будучи спрошенъ о вѣрѣ, ты будешь молчать, то противникъ можетъ сказать тебѣ: дѣло не въ рукоположеніи, а въ вѣрѣ. Если дѣло въ рукоположеніи, то неразумно дѣлаешь, что молчишь, когда спрашиваютъ о вѣрѣ. Если о вѣрѣ, то неразумно напередъ выставляешь рукоположеніе. Далѣе, что говоришь ты о томъ, что ты требовалъ, чтобы подчинялись церкви Божіей, а не раздѣляли ее и не дѣлали себѣ своего собственнаго начальства,—о комъ ты говоришь это, не совсѣмъ понимаю. Если о мнѣ и о пресвитерѣ Вингентіѣ, то довольно долго ты спалъ, если, проснувшись теперь, чрезъ тридцать лѣтъ, говоришь это. Ибо не за тѣмъ мы оставили славные города—я Антіохію, а онъ Константинополь, чтобы не восхвалять твоихъ проповѣдей народу, но для того, чтобы, въ поляхъ и пустынѣ оплакивая грѣхи юности, преклонить къ себѣ милосердіе Христово. А если у тебя рѣчь о Павлиніанѣ, то ты видишь, что онъ состоитъ въ подчиненіи своему епископу, живетъ въ Кипрѣ,

иногда приходитъ навѣстити насъ,—не какъ твой, а какъ чужой, то есть того, кѣмъ рукоположенъ. И если онъ захочетъ быть здѣсь, и довольный нашею ссылкою жить въ пустынѣ, то чѣмъ онъ тебѣ обязанъ, кромѣ почитанія, которымъ мы обязаны всѣмъ епископамъ? Будь онъ рукоположенъ тобою: ты услышишь отъ него тоже, что отъ меня, ничтожнаго человѣка, слышалъ святой памяти епископъ Павлинъ: «Развѣ я просилъ тебя, чтобы ты рукоположилъ меня? Если ты даешь пресвитерство такъ, что не отнимаешь у насъ монаха, то ты дѣйствуешь по праву. А если под именемъ пресвитера ты отнимаешь у меня то, ради чего я оставилъ міръ: то я имѣю, что всегда имѣлъ: ты не потерпѣлъ никакого ущерба въ рукоположеніи».

«Чтобы не раздѣляли, говорить, ея (церкви) и не дѣлали себѣ собственнаго начальства». Кто раздѣляетъ церковь? Мы ли, всякій домъ которыхъ въ Вилеємѣ пребываетъ въ общеніи съ церковію,—или ты, который или хорошо вѣруешь, но гордо молчишь о вѣрѣ, или худо, и истинно раздѣляешь церковь? Мы раздѣляемъ церковь,—мы, которые за нѣсколько мѣсяцевъ около дней Пятидесятницы, когда по затмѣніи солнца, всѣ трепетали, что вотъ-вотъ придетъ Судья, представили твоимъ пресвитерамъ для крещенія сорокъ человѣкъ различнаго возраста и пола? И дѣйствительно было пять пресвитеровъ въ монастырѣ, которые могли крестить по своему праву, но они не хотѣли ничего дѣлать противъ твоей воли, чтобы не дать тебѣ и этого повода къ молчанію о вѣрѣ. Не ты ли скорѣе раздѣляешь церковь, приказавшій своимъ пресвитерамъ въ Вилеємѣ, чтобы они въ Пасху не сообщали крещенія нашимъ просившимъ его, которыхъ мы послали для крещенія въ Діосполь (*Лидду*) къ исповѣднику и епископу Діонисію? Насъ называютъ раздѣляющими церковь,—насъ, которые внѣ келліекъ нашихъ не имѣемъ мѣста для церкви? Не ты ли раздѣляешь

церковь, который приказываешь клирикамъ своимъ, что, если кто Павлиніана, посвященнаго Елифаніемъ епископомъ, назоветъ пресвитеромъ, то тому долженъ быть воспрещенъ входъ въ церковь? (съ какого времени и до настоящаго дня мы видимъ только вертепъ Господа и, стоя поодаль, вздыхаемъ, когда входятъ сюда еретики!

Мы ли раздѣляемъ церковь, или онъ, который живымъ отказываетъ въ жилищѣ, мертвымъ во гробѣ, который требуетъ изгнанія братій? Кто въ особенности противъ нашихъ вый возбудилъ онаго могущественнѣйшаго звѣря, угрожающаго выямъ всего міра ¹⁾? Кто до сихъ поръ оставляетъ подъ дождемъ кости святыхъ и невинные останки? Такими ласками побуждаетъ насъ къ миру добрый пастырь и обвиняетъ насъ, будто мы учреждаемъ собственное начальство, — мы, которые соединяемся и общеніемъ и любовію со всѣми епископами, держащимися, конечно, правой вѣры. Неужели ты одинъ составляешь церковь, и кто тебя оскорбитъ, тотъ отлучается отъ Христа? Если мы защищаемъ собственное начальство, то покажи, что мы въ твоёмъ округѣ имѣемъ епископа. Что мы не сообщались съ тобою, — это изъ-за вѣры; отвѣть, и тогда будетъ—изъ-за рукоположенія.

«Придумываютъ для себя опору въ другихъ письмахъ, которыя, говорятъ, писалъ имъ Елифаній. Хотя онъ дастъ отчетъ во всемъ случившемся предъ судилищемъ Христовымъ, гдѣ большій и меньшій будетъ судимъ безъ всякаго лицепріятія; однако какъ могутъ они опираться на его письмо, которое онъ, обличенный нами, написалъ о недозволенномъ рукоположеніи Павлиніана и бывшихъ съ нимъ, какъ показываетъ и самое письмо его въ своемъ началѣ»? Спраши-

¹⁾ По мнѣнію нѣкоторыхъ Іеронимъ разумѣетъ здѣсь Руфина, опекуна Аркадія, возбудившаго противъ этого императора Алариха, вождя Готтовъ, съ тѣмъ чтобы самому овладѣть престоломъ.

ваю: что́ это за слѣпота такая, нанесенная, какъ говорится, Киммерійскимъ мракомъ? Говорить, что мы выдумываемъ опоры, и что онъ не имѣеть посланій Епифанія противъ себя, и тотчасъ присовокупляетъ: «какъ могутъ они опираться на его посланіе, которое онъ, обличенный нами, написалъ о недозволенномъ рукоположеніи Павлиніана и бывшихъ съ нимъ»? Мы не имѣемъ посланія. И какое это посланіе, которое въ началѣ своемъ говоритъ о Павлиніанѣ? Послѣ начала есть нѣчто, о чемъ ты боишься упоминать. Тобою онъ обличенъ былъ относительно возраста, въ какомъ былъ Павлиніанъ. Ты рукополагаешь во пресвитера и посылаешь легата и сообщника: ты настолько добросовѣстенъ, что туда, гдѣ ты солгалъ объ отрочествѣ Павлиніана, туда ты посылаешь пресвитера отрока. Также Θεосеву, діакону Фирійской церкви ты дѣлаешь пресвитеромъ и вооружаешь противъ насъ и злоупотребляешь противъ насъ его краснорѣчіемъ. Тебѣ одному позволительно попирать законы церкви; ты что ни сдѣлаешь—все норма ученія, и не стыдишься вызывать съ собою на судъ Епифанія предъ судилище Христова! Послѣ этого отдѣленія слѣдуетъ вотъ что: онъ представляетъ Епифанія своимъ сотрапезникомъ, стоявшимъ съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ, и говоритъ, что онъ никогда не говорилъ съ нимъ о мнѣніяхъ Оригена и подъ клятвеннымъ завѣщеніемъ утверждаетъ, говоря: «Богъ свидѣтель,—онъ показалъ, что и подозрѣнія относительно насъ онъ не имѣеть въ неправовѣрїи». Не хочу отвѣчать и рѣзко обличать, чтобы не обвинить епископа въ ложной клятвѣ. На лицо очень много посланій Епифанія: одно къ нему, другое къ епископамъ Палестины и недавно къ первосвященнику города Рима; въ нихъ онъ (Епифаній) говоритъ, что, когда онъ предъ многими обличалъ его (Іоанна) въ мнѣніяхъ Оригена, онъ не удостоилъ его отвѣтомъ, и свидѣтель весь монастырь нашей малости.

ОГЛАВЛЕНІЕ

4-й ЧАСТИ

ТВОРЕНІЙ БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

	СТРАН.
Жизнь Павла пустытника.	1
Жизнь св. Иларіона	12
Жизнь плѣннаго монаха Малха.	44
Предисловіе блаженнаго Іеронима къ сдѣланному имъ латинскому переводу правилъ св. Пахомія	53
Разговоръ противъ люциферіанъ	57
О присводѣвствѣ бл. Маріи. Книга противъ Елвидія. .	93
Двѣ книги противъ Іовиніана. Книга первая	122
Книга вторая	221
Книга противъ Вигилянція	293
Книга противъ Іоанна Іерусалимскаго, къ Паммахію .	310

